

801-15
2062

Е 46
436

ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯДЪ

НА МИРЪ И ЧЕЛОВѢКА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ВНУКАМЪ).

КНИГА

ДЛЯ НАРОДА И УЧЕНИКОВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ,
ДОСТИГШИХЪ СОЗНАТЕЛЬНАГО ЧТЕНИЯ.

СОЧИНЕНИЕ

ЯКОВА ТЯГУНОВА.

Приидите чада, послушайте мене, страху Господню
научу васъ (Пс. 33, ст. 12).
Чадца моя, не любимъ словомъ, иже языкомъ, но
дъломъ и истиномъ (Иоан. 3, 18).
Въ Томъ животъ бъ, и животъ бъ съпть человѣ-
комъ. И съпть во тми съптился, и тма его не объяла
(Иоан. 1, 4, 5).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать дозволяется
С.-Петербургъ. 23 Декабря 1875 г.
Цензоръ, протоиерей Василий Гречулевич.

51381-0
2014142730

Въ типографії В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 линія, № 45).

Дѣтушки, милые дѣтушки! Люблю я васъ, очень люблю, а любя, сердечно желаю, чтобы вы были счастливы: нашли сладость въ жизни и благодарили Творца за нее. Но счастія никто изъ людей дать намъ не можетъ. Намъ самимъ необходимо обдуматъ: гдѣ, въ чёмъ счастіе и какъ до него достигнуть. Въ этомъ намъ много помогутъ опыты другихъ людей.

Всѣ люди жаждутъ и ищутъ счастія — и это естественно: мы созданы для блаженства. Но много, въ особенности въ настоящее время, есть людей, которые смотрятъ на жизнь какъ на тяжелое бремя, достижение счастія считаютъ невозможнымъ, ропщутъ на своего Создателя и даже такие не рѣдкость, которые самоубийствомъ прекращаютъ жизнь. Понятно: эти несчастные сбились съ пути жизни — заблудились и идутъ путемъ пагубы. Не у нихъ учиться счастію. Нужно поискать для примера такихъ людей, которые сознаютъ себя счастливыми и благодарятъ Бога за жизнь, и у нихъ поучиться, какъ должно жить.

Слава Богу, такие люди всегда были и есть. Они всѣ свидѣтельствуютъ одно: счастіе въ Богѣ — въ покорности Его святой волѣ. Оно и естественно: кому же и знать, въ чёмъ счастіе человѣка, какъ не Творцу его? Кто же можетъ и надѣлить истинными благами, какъ не Онъ? И можетъ ли быть воля Творца въ отношеніи человѣка иная, какъ не ко благу его?

Потому-то и я повѣрилъ этимъ свидѣтелямъ, по ихъ указанію стать искать счастія, напечь и благодаря постоянно Творца за жизнь, Имъ дарованную.

Истину говорю вамъ и тѣмъ хвалюсь предъ вами какъ самымъ драгоцѣнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ. О, какъ желаю я, чтобы и вы избрали этотъ же путь жизни! Потому-то, испрося у Господа благословенія и помощи, я предпринялъ написать эту книгу, чтобы указать вамъ какъ познать своего Творца, пріобрѣсть духъ благочестія и утвердиться въ волѣ Божіей. Вотъ мои труды предъ вами— прочтите. Начните, оградя себя крестнымъ знаменіемъ, такъ:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Господи благослови!

Достойно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицу единосущную и нераздѣльную.

Святъ, святъ, святъ Господъ Богъ Саваовъ, исполнъ небо и земля славы Твоей.

Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, нынъ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь

ХРИСТИАНСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА МИРЪ И ЧЕЛОВѢКА,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

о томъ, что проповѣдуется намъ вселенная.

I.

Богъ Творецъ наше. Ему мы обязаны своимъ бытіемъ и потому первый, священный долгъ наше — стараться познать Его. Но кто опишетъ Его, кто изобразитъ Его величіе? Слово человѣческое бессильно и тѣнь Его начертать. Но намъ необходимо, для нашего блага, знать своего Господа, и Онъ Самъ изобразилъ Себя въ сотворенной Имъ вселенной. Своимъ перстомъ начерталъ Онъ эту чудную книгу и раскрылъ ее предъ нами такъ, что письмена ея постоянно предъ нашими очами, и было бы только у насъ желаніе читать ихъ, мы имѣемъ полную на то возможность, и работая, и отдыхая. Никто не можетъ сказать, что они для него непонятны, — нѣтъ, они начертаны столь внятно, столь доступно для каждого, что всякий простакъ, ничему неученый, взглянувъ на нихъ внимательно, прочтетъ ихъ и невольно скажетъ: «*великъ еси Господи, чудны дѣла Твоя и разумъ Твоего нѣсть числа!*» (Псал. 146, 5). Вмѣстѣ съ тѣмъ письмена эти такъ глубоки, что человѣкъ самаго обширнаго ума и самой тщательной, долголѣтней учености, углубясь въ нихъ, сознаетъ, что недостаточно жизни человѣка, если бы она продолжалась даже нѣсколько тысячелѣтій, чтобы изучить ихъ, и скажетъ: «*о бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ*

непостижимы судьбы Его, и неисповедимы пути Его! Кто познал умъ Господень? Или кто былъ союзникомъ Его? Или кто далъ Ему напередъ, чтобы Онъ долженъ былъ воздати?» (Рим. 11, 33—35). Такъ мы видимъ, что мужъ, прославившійся своимъ умомъ, ученостю и великими открытиями въ наука, знаменитый Ньютонъ, всю жизнь свою занимавшійся изслѣдованиемъ природы, умирая, говорилъ: «не знаю, что подумаетъ міръ о моихъ трудахъ, но мнѣ кажется, что я, какъ дитя, забавляющеся по берегу моря, находилъ то гладкій камушекъ, то блестящую раковину, тогда какъ неизвѣданный океанъ истины простидался предо мною.» А другой, столь же славный мужъ—Линней, восхищенный своими ботаническими открытиями, восклицалъ: «и я, подобно Моисею, видѣлъ Бога! Я видѣлъ Его и онѣмѣлъ отъ удивленія! Я видѣлъ слѣдъ Его стопы въ дѣлахъ творенія, и въ самыхъ малѣйшихъ, ничтожными кажущихся вещахъ, какое вижу всемогущество, какую мудрость, сколько невыразимаго совершенства!»

Къ сожалѣнію множество людей, предавшись суетѣ, не хотятъ читать этой книги Божіей, и потому не знаютъ своего Творца и предаются нечестію и неправдѣ.

Апостолъ Павелъ пишеть: *открывается иначе Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду человѣкъ, подавляющихъ истину неправдой. Ибо, что можно знать о Богѣ, яко для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчна сила Его и Божество, отъ сотворенія мира чрезъ разсмотриваніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны. Поелику они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осутились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце. Называлъ себя мудрими, обезуммы, и слагу нетмыннаю Бога измынили въ образѣ подобный тмънному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся: потому и предалъ ихъ Богъ, въ похотяхъ сердецъ ихъ, нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла. Они замынили истину Божію, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки, аминь. Потому предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ. И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ; то предалъ ихъ Богъ превратному уму, дѣлать непотребства. Такъ что они исполнены всякой*

неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убийства, распредѣлъ, обмана, злонравія, злорѣчины, клеветники, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, въроломны, немилосердны, непримиримы, немилостивы. Они знаютъ, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти; однако же не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ. Рим. 1, 18—32.

И такъ, чтобы не быть таковыми, постараемся познать Бога и для сего будемъ читать книгу Божію. Вотъ страницы этой книги, всегда передъ нами раскрытыя:

II.

Во первыхъ — небо. Оно всегда предъ нашими очами. Изъ всего нами видимаго есть ли что величественнѣе и красивѣе его? Какой огромный и великолѣпный сводъ, какъ-бы чудный шатеръ, раскинутъ надъ всѣмъ видимымъ нами пространствомъ! Какъ восхитительна эта голубая лазурь его! Какъ мили эти обѣленныя и позлащенные солнцемъ облака, то бѣгущія по его лазури, то вѣздымающіяся на окраинѣ его, какъ дымъ єнимама! И какъ чудно это дѣло Божіей силы и премудрости: все прочее, нами видимое, подлежитъ различнымъ измѣненіямъ и имѣть свое начало и конецъ, одно небо всегда одно и тоже и нѣтъ ему предѣловъ. Вотъ, кажется, за дальней горой оно уже сошло съ землей, — перейдешь гору, тотъ же небесный сводъ надъ тобой и край его какъ-бы уже тамъ за дальнимъ лѣсомъ, — перейдешь лѣсъ, опять тоже небо надъ тобою и слилось уже съ моремъ; перейдешь моремъ, небо какъ бы перенеслось съ тобою и какъ бы покрыло тебя на необъятныхъ пространствахъ моря — ты не видишь болѣе земли и со всѣхъ сторонъ море сошло съ небомъ.

Вездѣ небо надъ нами и все въ одной дали отъ насъ. Оно объемлетъ насъ и какъ-бы манитъ насъ въ свои обители. Грустно намъ, когда туманъ земныхъ испареній закрываетъ его отъ нашихъ глазъ, страшно намъ, когда черная туча разстелется подъ нимъ.

Не менѣе великолѣпія и красоты представляется нашимъ взорамъ, когда востокъ неба зарумянится зарею, и царь

свѣтиль — солнце выйдетъ какъ бы изъ края земли и разсыпетъ повсюду свѣтоносные лучи свои. О, какъ спокойно, ровно, величественно шествуетъ этотъ исполинъ отъ края до края небесъ! Какъ щедро надѣляетъ онъ свѣтомъ и теплотой всѣ концы земли! Никто не укроется и не укроется отъ этого источника жизни. Всѣхъ даромъ надѣляетъ онъ сими, самыми необходимыми для жизни и самыми непостижимыми для нашего ума благами. И, чудно, никогда не оскудѣваетъ и не умалеется въ немъ ни свѣть, ни теплота!

Но вотъ благодѣтельное свѣтило совершило свое шествіе и скрылось за небосклономъ; еще нѣкоторое время румяная заря поддерживаетъ оставленный имъ свѣть, но по мѣрѣ того, какъ свѣть мало по малу блекнетъ и тма разливается надъ землею, на небѣ начинаютъ сверкать звѣзды и потомъ все небо покрывается безчисленнымъ множествомъ этихъ малыхъ, но не менѣе восхитительныхъ свѣтиль; какъ будто миллионы свѣчей затеплились тамъ, какъ будто миллионы чудныхъ алмазовъ на царственной одеждѣ засверкали. Но вотъ взошла луна — царица ночи, и разлила свой серебристый свѣть. Какъ великолѣпно плыветъ она по небу, какъ мило серебрить облака, какъ прелестно лучами своими играетъ въ струяхъ водъ!

А какое величественное зрѣлище представляетъ намъ сѣверное сіяніе, когда на сѣверѣ, изъ царства мрака и хлада, невѣдомо откуда и какъ, среди мглы ночной, возстаютъ, какъ исполины, свѣтоносные, разныхъ цвѣтовъ, столпы; они то сходятся, то раздвигаются, то раздѣляются, то сливаются, и зарями огненными уясняютъ тму ночную.

Все это манить къ себѣ наши взоры, приковываетъ наше вниманіе, восхищаетъ душу своею красотою, стройностію, величиемъ, и говорить намъ: «какъ долженъ быть прекрасенъ, могущъ, премудръ, величественъ Тотъ, Кто все это содѣялъ!» и вмѣстѣ съ тѣмъ задаетъ намъ множество вопросовъ — какъ бы говоритъ: «ну, вотъ разрѣши: велика ли земля? гдѣ ей предѣлы? на чемъ она утверждена? изъ чего сводъ небесный? гдѣ и его предѣлы? что такое солнце? откуда оно выходитъ? куда заходитъ? гдѣ скрывается во время ночи? какими путями проходить съ запада на востокъ? что такое луна, звѣзды?» и такимъ образомъ побуждаетъ нашъ умъ не

оставаться въ бездѣятельности, но болѣе и болѣе развиваться, усовершаться и возноситься горѣ.

И вотъ люди, непогубившіе своего разума въ суетѣ и ложныхъ мудрствованіяхъ, изъ одного только созерцанія неба, постигаютъ славу и великолѣпіе Творца, убѣждаются, что и законъ Его долженъ быть совершенъ и святъ; на опытѣ дознаютъ, что онъ вождѣнъ и сладокъ, и вмѣстѣ съ пророкомъ-царемъ Давидомъ поютъ:

Небеса проповѣдуютъ славу Божію, и о дѣлахъ руку Его вѣщаетъ твердь. День дню передаетъ рѣчъ, и ночь ночи открываетъ знаніе. Нѣтъ языка, и нѣтъ наречія, ідѣ не слышался бы голосъ ихъ. По всей земль проходитъ звукъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ. Онъ поставилъ въ нихъ жилище солнцу. И оно выходитъ, какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего, радуется, какъ исполинъ, пробуждатъ поприще. Отъ края небесъ исходитъ его, и шествіе его до края ихъ, и ничто не укрыто отъ теплоты его. Законъ Господень совершилъ, укрѣпляетъ душу; откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ. Повелѣнія Господа праведны, веселятъ сердце; заповѣдь Господа съвѣтна, просвѣщаетъ очи. Страхъ Господень чистъ, пребываетъ во вѣкѣ. Суды Господни истина, вѣсъ праведны. Они вождѣнны золота и даже множества золота чистаго, слаще меда и капель сата. И рабъ Твой охраняется ими; въ соблюдениіи ихъ великая награда. Кто усмотритъ поурѣзности свои? Отъ тайныхъ моихъ очисти меня, и отъ умышиленныхъ удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непороченъ и чистъ отъ великаго развращенія. Да будутъ слова усть моихъ и помышленіе сердца моего благоугодны предъ Тобою, Господи, твердыя моя и избавитель моя!» (Псал. 18).

III.

А люди, посвятившіе себя изслѣдованію представляющихъ уму каждого мыслящаго человѣка задачъ, вотъ что открыли:

Земля, наше жилище, подобна шару. Господь чудною силою тяготѣнія соединилъ, сплотилъ и скрѣпилъ вещество, изъ котораго она составлена, въ шарообразное тѣло; тою же силою, такъ сказать, привязалъ къ ней все на ней жи-

вущее. Такъ что, что бы мы ни бросили вверхъ, оно, повинуясь той силѣ тяготѣнія, стремится опять на землю же, а не въ пустыя пространства вселенной.

О величинѣ земли можно судить по тому: чтобы обойти ее вокругъ, т. е. если отправиться съ своего мѣста и все идти на востокъ въ одномъ направлѣніи, пока не придешь на тоже мѣсто съ противной стороны — съ запада, надо пройти слишкомъ 37,000 верстъ.

Сотворивъ этотъ земной шаръ для жилища человѣку, Господь, какъ ризою, одѣлъ его атмосферою — воздухомъ, который облекаетъ землю на пространствѣ, по мнѣнію однихъ, на 60, а по мнѣнію другихъ, на 150 верстъ въ высоту. — выше пустота, — или эфиръ, самое тончайшее, никакимъ изслѣдованіемъ не подлежащее тѣло.

Воздухомъ мы дышемъ, и имъ же дышетъ все живущее и прозябающее на землѣ: всѣ звѣри, птицы, гады, насѣко-мыя, деревья, травы, мхи. Безъ него ничто бы это существовать не могло. Но воздухъ, наскъ окружавшій, по своей тонкости и прозрачности почти не замѣтенъ для нашихъ чувствъ: впрочемъ мы его ощущаемъ въ дыханіи, въ вѣяніи вѣтра и въ сопротивлѣніи при сильномъ и скоромъ движеніи, напримѣръ: когда скоро бѣжимъ, или машемъ чѣмъ нибудь плоскимъ. А такъ какъ воздухъ голубаго цвѣта и взоръ нашъ во всѣ стороны простирается на одинакія воздушныя пространства, то онъ представляется намъ круглымъ лазуревымъ сводомъ, великолѣпнымъ шатромъ, распостертымъ надъ землею — небомъ. Вотъ это и есть видимое нами, лазуревое небо.

Воздухъ состоить изъ газовъ, называемыхъ азотомъ, кислородомъ и углеродомъ. Чудно то, что ни въ одномъ изъ этихъ газовъ, отдельно взятомъ, не можетъ жить никакое живое существо, ни рости какое либо растеніе, но между тѣмъ каждый изъ нихъ необходимъ для жизни населяющихъ землю существъ. Вотъ Господь въ составъ воздуха и вливъ столько каждого изъ нихъ, сколько нужно для жизни.

Солнце такъ же шарообразное тѣло, но оно въ 1,400,000 разъ болѣе земли, хотя и кажется намъ небольшимъ кругомъ потому, что отстоитъ отъ земли слишкомъ на 143 миллиона верстъ.

Господь заключилъ въ немъ источникъ свѣта и теплоты и повелѣлъ ему лучами своими освѣщать и согрѣвать нашъ міръ.

Чудною, невѣдомою для наскъ силою онъ утвердилъ солнце въ пространствахъ вселенной, и силою тяготѣнія, тою же, какою скрѣпилъ составъ земли и которую мы испытываемъ въ паденіи брошенаго вверхъ камня на землю, привязаль къ нему нашу землю и повелѣлъ ей обращаться около солнца подобно тому, какъ мячъ, привязанный къ ниткѣ, мы заставляемъ обращаться вокругъ нашего пальца.

Сверхъ того Господь устроилъ такъ, что земля, въ то время, какъ она пробѣгаєтъ небесныя пространства вокругъ солнца, обращается и около себя, подобно тому, какъ колесо вокругъ своей оси, какъ кубарь или волчекъ, спущенный со снурка.

Въ продолженіи сутокъ, т. е. 24 часовъ, земля совершаєтъ оборотъ около себя и въ тѣхъ мѣстахъ земли, которая во время этого оборота около себя, освѣщаются солнцемъ — день, а въ мѣстахъ противоположныхъ, куда не досягаютъ солнечные лучи — ночь.

Когда солнечные лучи начнутъ проникать въ видимыя нами воздушныя пространства и освѣщать ихъ, тогда востокъ начинаетъ бѣлѣть, потомъ болѣе и болѣе краснѣть — румяниться, это — разсвѣтъ и утренняя заря.

Потомъ, когда лучи солнца станутъ достигать той мѣстности, гдѣ мы находимся, и намъ станеть видимо солнце, тогда намъ представляется солнце выходящимъ изъ-за края земли.

Земля продолжаетъ вращаться и солнце намъ представляется все выше и выше восходящимъ, пока та мѣстность, гдѣ мы находимся, не станетъ прямо противъ солнца, — тогда настанетъ полдень; послѣ того при безпрерывно продолжающемся обращеніи земли, солнце уже кажется намъ опускающимся къ западу и наконецъ, заходящимъ за край земли.

Такимъ образомъ взорамъ нашимъ представляется, что могучее, блестящее, всюду разсѣвающее свѣтъ и теплоту свѣтило величественно шествуетъ по небосклону отъ одного до другаго края неба.

Въ продолженіи года земля совершаєтъ свой кругъ около солнца.

Земля несовѣтъ правильный шаръ, а нѣсколько сплю-

щенный и стоитъ къ солнцу въ наклоненномъ положеніи, а именно такъ, что съ какой бы стороны солнца она ни находилась, прямые — отвѣсные лучи солнца упадаютъ всегда на середину земли (экваторъ); а потому и болѣе ее грѣютъ, а на южное и сѣверное ея полушарія упадаютъ только косвенные лучи солнца, и чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ косвеннѣе бываютъ достигающіе туда лучи солнца, и потому менѣе грѣютъ. Отъ этого на землѣ разные климаты: есть страны теплые, есть умѣренныя, есть и холодныя. А отъ разности въ климатахъ происходитъ то, что въ одной странѣ земля производить одно, а въ другой другое; въ одной странѣ живутъ одни животныя; а въ другой другія.

Кромѣ того, отъ наклоненного положенія земли происходитъ то, что когда земля находится на одной сторонѣ отъ солнца, то болѣе освѣщается и согрѣвается одно изъ полушарій земли, напримѣръ южное; а когда земля переходитъ въ противоположную сторону отъ солнца, то болѣе освѣщается и согрѣвается лучами солнца другое полушаріе — сѣверное. Потому-то, когда на южномъ полушаріи лѣто, у насъ на сѣверномъ зима, а когда у насъ лѣто, на южномъ полушаріи зима. На срединѣ же земли зимы не бываетъ; тѣ страны называются тропическими. И все это происходитъ отъ того, что земля именно находится въ такомъ наклонномъ положеніи къ солнцу какъ есть; если бы она находилась въ прямомъ положеніи къ солнцу, тогда въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ постоянно было бы равноденствие, какъ бываетъ у насъ 10 Марта и 10 Сентября, слѣдовательно и теплота атмосферы не восходила бы выше того, какъ бываетъ въ то время, и слѣдовательно ничто не могло бы произрастать, или по крайней мѣрѣ созрѣвать; въ тропическихъ же, срединныхъ странахъ, было бы такъ жарко, что едва ли могло бы что расти и жить тамъ. А если бы земля была въ болѣе наклоненномъ положеніи къ солнцу, то на каждомъ изъ полушарій земли шесть мѣсяцевъ была бы ночь, а другое шесть мѣсяцевъ день; слѣдовательно и было бы невозможно здѣсь жить, подобно тому, какъ теперь на самыхъ полюсахъ, гдѣ тоже происходитъ.

Вотъ какъ премудро устроилъ Господь, чтобы на землѣ были день и ночь, и разнообразіе въ климатахъ.

Луна, такъ же какъ и земля, шарообразное тѣло, только гораздо менѣе земли.

Какъ земля силою тяготѣнія привязана къ солнцу, такъ луна тою же силою привязана къ землѣ и обращается вокругъ нея, почему и называется *спутникомъ* земли.

Она сама по себѣ такое же темное тѣло, какъ и земля, и сама не свѣтить, а отражаетъ только солнечный свѣтъ, на нее падающій, почему и свѣтъ отъ нея не такъ ярокъ, какъ отъ солнца, и не имѣеть теплоты.

Вокругъ нея нѣть атмосферы подобно той, которая окружаетъ землю, а пустота, почему теплота падающихъ на ея поверхность солнечныхъ лучей мгновенно улетучивается въ небесныя пространства и на ней вѣчный холода и ничто живое существовать не можетъ.

Она не вращается около себя, какъ земля, и всегда одной только стороной обращена къ солнцу, а потому одна только ея половина освѣщается солнцемъ.

Вотъ, когда она, при обращеніи своеѣ около земли, станетъ къ намъ своей освѣщенной половиной, мы видимъ полный ея дискъ — кругъ. Когда же она станетъ къ намъ своей темной стороной, она намъ совсѣмъ не видна. А въ прочее время, смотря по тому, какая часть освѣщенной половины луны видна намъ съ земли, она намъ представляется то большими, то меньшими отрѣзкомъ круга.

Такъ какъ полнолуние бываетъ въ годъ 12 разъ, то по этому году раздѣляется на 12 мѣсяцевъ. А такъ какъ луна обращается около земли въ $29\frac{1}{2}$ сутокъ, и въ теченіе сего времени совершаются перемѣны вида луны, то это время дѣлится на четыре четверти луннаго мѣсяца, все равно — на четыре недѣли.

Такимъ образомъ Господь создалъ солнце въ область дня, и луну въ область ночи, для освѣщенія земли, для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменія времени, чтобы человѣкъ могъ исчислять дни и годы.

Что же такое звѣзды? Астрономы, т. е. ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ небесныхъ явленій, открыли и доказали, что нѣкоторыя звѣзды такія же, какъ наша земля, темныя, обращаютсяся около солнца по начертаннымъ для нихъ путямъ тѣла, и какъ луна, свѣтящіяся отражаютимся отъ нихъ солнечнымъ свѣтомъ. Эти звѣзды перемѣняютъ свое

положение на видимомъ небѣ, т. е. не всегда бываютъ видимы на одномъ мѣстѣ, — онъ называются *планетами*.

Другіе звѣзды такія же свѣтила, какъ солнце, еще пре-
восходящія его величиною, свѣтящіяся собственнымъ свѣтомъ.
Эти звѣзды не перемѣняютъ своего положенія на видимомъ небѣ и всегда видимы на опредѣленномъ мѣстѣ, — ихъ называютъ *неподвижными звѣздами*. Чтобы исчислить разстояніе ихъ отъ земли, ученые принимаютъ за мѣрку — за версту —
разстояніе земли отъ солнца, и насчитываютъ такихъ раз-
стояній для каждой звѣзды миллионы, а для нѣкоторыхъ звѣздъ даже тысячи миллионовъ.

Есть еще звѣзды, которыя рѣдко являются на небѣ, —
онъ какъ бы блуждаютъ въ пространствахъ вселенной. При
нихъ видимъ блистящій хвостъ. Эти звѣзды называются *кометами*.

Безчисленно количество видимыхъ нами звѣздъ, но астрономы, въ устроенные ими телескопы — зрительные трубы, открываютъ въ замѣчаемыхъ на небѣ ночью какъ бы туманныхъ пятнахъ еще такое же множество звѣздъ, простыми глазами невидимыхъ. И вотъ все это Богомъ созданные міры!

IV.

Пока мы не знали, что земля есть шаръ, а видимое небо — воздухъ, и представляли себѣ землю необъятною плоскостью, а небо какъ бы безпределнымъ кристальными сводомъ съ утвержденными на немъ, подобно блесткамъ, звѣздами, и не могли постигнуть: на чемъ могла быть утверждена страшная земная масса и какимъ образомъ солнце — это величественное свѣтило — совершаеть свое шествіе, мы безътчетно благоговѣли предъ непостижимою, чудною силою Творца, какъ бы на одной длані держащаго необъятно тяготѣющу землю, а другою проводящаго солнце. Когда же мы дознали, что земля — шарообразное тѣло, а видимое небо — воздухъ, предъ нами какъ бы раздралась завѣса и взорамъ нашимъ предстала дѣйствительно необъятная вселенная съ безчисленнымъ множествомъ ужасающихъ своимъ размѣромъ міровъ и уму нашему открылось еще обширнѣйшее поприще для изслѣдований. И чѣмъ болѣе умъ нашъ углубляется въ нихъ, тѣмъ

болѣе и болѣе дивится онъ тѣмъ чуднымъ силамъ, которыми создались, держатся, движутся и сохраняются эти міры, — тѣмъ мудрымъ законамъ, по которымъ каждому изъ нихъ начертанъ определенный путь и чинъ служенія, — той гармоніи, въ которой каждый изъ нихъ благодѣтельно содѣствуетъ къ сохраненію порядка въ общемъ составѣ вселенной и къ отправленію каждымъ чиномъ своего служенія.

Теперь мы знаемъ, что наша земля, по своей относительно къ прочимъ мірамъ величинѣ, не что иное, какъ пылинка среди ихъ. И вотъ эта пылинка назначена жилищемъ человѣку — существу одаренному умомъ — и помѣщена какъ бы въ средоточіи вселенной, чтобы мы отсюда удобно созерцали величие дѣлъ Божіихъ — читали книгу, перстомъ Божіимъ начертанную, и поучались законамъ вѣчной жизни.

Если земля пылинка предъ вселенной, то что же ты, человѣкъ, предъ своимъ Творцемъ? — Смирись же и преклонись предъ Нимъ и внимай, что возвѣстилъ Онъ намъ.

Смотри: сила тяготѣнія есть главная связующая сила во вселенной — она сплачиваетъ вещества въ огромныя міры, связываетъ ихъ одни съ другими и соблюдаетъ ихъ въ стройномъ чинѣ. Пойми же, что и любовь есть основа міра духовнаго — она средоточіе всѣхъ разумныхъ существъ — сила, связывающая ихъ въ союзы и устанавливающая порядокъ въ ихъ отношеніяхъ между собою.

Вотъ сила тяготѣнія связала и скрѣпила вещества земли въ твердый шаръ и не даетъ веществу разсѣяться въ пространствѣ вселенной, и тою же силою земля привязалась къ солнцу — источнику свѣта и теплоты, и солнце въ своихъ лучахъ льетъ на нее свѣтъ и теплоту, а отъ нихъ жизнь повсюду кипитъ на землѣ.

Такъ и любовь другъ къ другу должна связывать и скрѣплять насть въ семью, общество, государство. Такъ и любовь къ Богу должна соединять насть съ Нимъ и сохранять отъ темной бездны заблужденій. Такъ и любящіе Бога проповѣщаются свѣтомъ истины, согрѣваются теплотою Св. Духа и вкушаютъ утѣхи благодатной жизни.

Вотъ, луна силою тяготѣнія привязана къ землѣ, одна только сторона ея освѣщена, блѣденъ ея свѣтъ, на ней холодъ, нѣтъ около неї воздуха и никакого признака жизни.

Такъ бываетъ и съ людьми, привязавшимися любовью къ

земнымъ благамъ, а не къ Богу. Свѣтъ истины не согрѣваетъ ихъ душъ, а свѣтъ заимствованныхъ ими знаній одностороненъ, слабъ, бесплоденъ; холодны они ко всѣмъ своимъ близкимъ, нигдѣ не ощущаютъ они присутствія славы Божіей, даже не понимаютъ, что такое благодатная жизнь — миръ души, радость духа.

Вотъ, воздухъ, насть окружающій, невидимъ и не осязаемъ, но мы дышемъ имъ, ощущаемъ присутствіе его въ вѣчніи вѣтра и видимъ въ лазуревомъ небесномъ сводѣ. И Богъ есть духъ вездѣсущій, и хотя мы не ощущаемъ Его нашими тѣлесными чувствами, но Онъ источникъ жизни и мы чувствуемъ Его присутствіе, когда благодать Св. Духа повѣтъ на нашу душу и когда мы, углубляясь въ созерцаніе мудраго устройства окружающаго насть міра и красоты созданія, удивляемся могуществу, премудрости и благости Творца.

Всмотритесь въ видимое нами небо; не есть ли это образъ тѣхъ превыспренныхъ невещественныхъ небесъ, гдѣ постоянно Господь являетъ Свое присутствіе, гдѣ обитаютъ Ангелы, Архангелы, Херувимы, Серафимы, Начала, Власти, Силы, и гдѣ души праведныхъ людей сіяютъ какъ свѣтила, и куда мы, по какому-то непонятному для насть внутреннему, врожденному влечению вперляемъ свой молитвенный взоръ и воздѣваемъ руки, когда, обремененные скорбю, ищемъ спасенія отъ треволненій міра, или когда въ избыткѣ чистой радости благодаримъ Создателя? Не для того ли это прекрасное, величественное небо всегда предъ нашими очами и всегда насть объемлетъ, чтобы постоянно напоминать объ уготованномъ намъ вѣчномъ, мирномъ жилищѣ, звать насть и побуждать возноситься туда духомъ, подобно этимъ прелестнымъ облачкамъ, плывущимъ по лазури, обѣленнымъ и позлащеннымъ солнечными лучами.

И не такъ ли наши земныя привязанности, возникающія отъ нихъ страсти и пожеланія и наши горделивыя умствованія не въ свѣтѣ откровенія, а по однѣмъ стихіямъ міра, заслоняютъ отъ насть небесное царство Христа, затемняютъ въ насть вѣру и разрушаютъ надежду на жизнь вѣчную, какъ и эти воздымающіеся отъ земли туманы, наплывающіе на небо черныя тучи и пораждаемые ими вихри и бури закрываютъ отъ нашихъ глазъ видимое небо и уничтожаютъ наше достояніе и жилища?

Вотъ красота вообще не есть ли чувственное изображеніе благости—доброты? Какъ по самой природѣ привлекательна и мила она для насть, и какъ непрѣятно и отвратительно безобразіе! Не учитъ ли это насть любить доброе и стараться быть самимъ добрыми, ненавидѣть все злое и отвращаться отъ него?

Вотъ Господь устроилъ такъ землю, что на ней разные климаты, и потому на одной мѣстности земля производить одно, а на другой другое; одна мѣстность изобилуетъ однѣмъ, другая другимъ. Не видна ли изъ этого цѣль Творца, чтобы людей, разлученныхъ разстояніемъ и раздѣленныхъ по племенамъ и народамъ, соединяли взаимныя ихъ нужды, чтобы не вражду и ненависть они имѣли одинъ къ другому, но помнили бы, что они братя одной плоти и крови и уразумѣли, что миръ между ними и взаимныя услуги служать къ счастію и благосостоянію ихъ?

И такъ, славьте Господа; ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Бога боязовъ; ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Господа господствующихъ; ибо во вѣкъ милость Его; Того, который одинъ творитъ чудеса великия: ибо во вѣкъ милость Его; который сотворилъ небеса премудро; ибо во вѣкъ милость Его; утвердилъ землю на водахъ; ибо во вѣкъ милость Его; сотворилъ свѣтила великия; ибо во вѣкъ милость Его; солнце — для управления днемъ; ибо во вѣкъ милость Его; луну и звезды — для управления ночью; ибо во вѣкъ милость Его. Псал. 135, 1 — 10.

V.

Теперь опустимъ взоръ долу, взглянемъ на землю — наше настоящее жилище. Обратимъ сначала вниманіе на составъ ея, на то, что постоянно предъ нами, или, лучше, подъ нашими ногами. Это: песокъ, глина, извѣсть, черноземъ. Вотъ, въ противоположность небу, гдѣ все красота и великолѣпіе, откуда свѣтъ и теплота, насть на землѣ представляются предметы, не имѣющіе ни вида, ни красоты,—сами собою темные и холодные.

Но изъ нихъ зиждется все произрастающее и живущее на землѣ, — изъ нихъ Господь сотворилъ самаго человека. Онъ установилъ законы, по которымъ слуги Его: свѣтъ,

теплота и вода приготовляютъ изъ этихъ невзрачныхъ, темныхъ и холодныхъ предметовъ пищу растеніямъ, и та пища обращается не только въ плоть всего произрастающаго, но и въ плоды травъ, злаковъ, кустовъ и деревьевъ, следовательно въ пищу и въ плоть населяющихъ землю живыхъ тварей и самаго человѣка. И такъ, изъ земли же Господь продолжаетъ творить все произрастающее и живущее на ней, и тѣло самого владыки земли—человѣка. Въ землю же, по Его закону, обращаются и всѣ они.

Не внятно ли начертано на этой страницѣ Божіей книги: «человѣкъ! тебя Господь надѣлилъ душою разумною—даромъ, по истинѣ божественнымъ, и ты можешьъ возгордиться этимъ даромъ, возмечтать о себѣ болѣе чѣмъ ты есть; тебѣ же необходимо смиреніе, помни же: ты земля и пепель... Для тебя Господь, чтобы ты уразумѣлъ благость Его, наполнилъ землю множествомъ разнообразныхъ благъ, но ты можешьъ пристраститься къ нимъ и изъ за нихъ забыть своего Господа—источникъ истинныхъ благъ и самой жизни; помни же: все это изъ безжизненной, темной и холодной грязи и въ грязь обращается. Смотри: земля сама по себѣ мертва, невзрачна, а съ неба льется жизнь и зиждется красота—туда стремись, оттуда почерпай жизнь, тамъ ищи красоты и радости.

Эта страница книги Божіей раскрыта предъ всѣми и понятна для всякаго, а кто поглубже смотрить на вещи, тотъ не оставитъ безъ вниманія и валяющейся на поляхъ булыжникъ. Эти камни разныхъ величинъ, почти повсюду, какъ бы разбросаны на поверхности земли. Одного рода съ ними каменные груды въ иныхъ мѣстахъ выходятъ изъ земли щѣлыми пригорками и холмами, въ горахъ же возвышаются огромнѣйшія утесы, скалы и вершины горъ. Горы во многихъ мѣстахъ земли занимаютъ огромныя пространства: они то тянутся грядами или хребтами на тысячи верстъ, то группами, возвышаясь однѣ надъ другими, занимаютъ цѣлые области и даже обширныя государства. Многія изъ нихъ возносятъ свои вершины далеко за облака, и нѣкоторыя достигаютъ 5, 6 и даже 8 верстъ вышины. Тщательный изслѣдованія и наблюденія ученыхъ удостовѣряютъ, что составъ всѣхъ этихъ горъ есть тотъ же камень и что эти ужасающія своимъ размѣромъ глыбы камня когда-то страшною силою огня подняты и выдвинуты изъ нѣдръ земли.

Все это и многія другія изслѣдованія ученыхъ убѣждаютъ, что и вся оболочка земнаго шара устроена Господомъ изъ этого камня и что изъ этого же камня Онъ посредствомъ огня и воды произвѣлъ песокъ, глину и извѣсть и покрылъ ими ту каменную оболочку, образовавъ изъ нихъ и плодоносную почву—нашу кормилицу, мать сырь землю, и множество другихъ нужныхъ для человѣка минераловъ: песчаникъ, плитнякъ, гибсъ, мѣль, точильный камень, графитъ, мраморъ и другое, и расположилъ все это пластами по мѣстамъ.

А какъ для растеній необходимъ еще черноземъ, и для человѣка соль, и какъ Онъ всевѣдущій провидѣлъ также, что съ размноженіемъ рода человѣческаго люди мѣстами истребятъ лѣса и будетъ имъ крайняя нужда въ топливѣ и освѣтительныхъ материалахъ, то Онъ всеблагій—премудрый, особымъ своимъ промысломъ заготовилъ огромные запасы чернозему, соли, каменнаго угля и нефти; черноземъ смѣшалъ съ плодоносною почвой, а соль, уголь и нефть размѣстилъ въ разныхъ странахъ въ особыхъ хранилищахъ, большую частью прикрытыхъ для ихъ сохраненія слоемъ земли, а индѣ выходящихъ на ея поверхность, чтобы облегчить человѣку пріисканіе ихъ.

Когда каменные глыбы, образующія горы, выворачивались и подымались изъ нѣдръ земныхъ, они трескались и давали разсѣлины и образовали пропасти—пустоты во внутрь земли. Господь эти пустоты наполнилъ и какъ бы запаялъ рудою разныхъ металловъ: желѣза, олова, свинца, мѣди, платины, серебра, золота и другихъ. И вотъ эти руды, какъ жили, протягиваются въ глубь земли, а между ними Господь разсыпалъ множество разноцѣнныхъ красивыхъ камней, называемыхъ драгоцѣнными: алмазъ, изумрудъ, топазъ, сердоликъ, порфиръ, халкедонъ, яшму, ониксъ и другіе.

Все это на верхнемъ слоѣ земли, но что же тамъ внутри, въ самой серединѣ земнаго шара? Не правда ли: вѣдь хорошо бы узнать? Тамъ, можетъ быть, все серебро да золото, да драгоцѣнныя камни!... Опытомъ этого дознать невозможно, потому что люди, копая землю для извлеченія скрытыхъ въ нѣдрѣ ея сокровищъ, не проникли глубже 500 саженей, толщину же земнаго шара въ поперечникѣ ученые исчисляютъ въ 12 т. верстъ. Но изъ сопоставленія нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ явлений легко убѣдиться, что тамъ—внутри зем-

наго шара такой жаръ, что всѣ руды и минералы находятся въ расплавленномъ—жидкомъ состояніи. Такъ намъ извѣстно во 1-хъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ добывая руду, роютъ землю на большую глубину, извѣдано, что чѣмъ глубже спускаешься, тѣмъ дѣлается теплѣе, а наконецъ становится жарко; въ 2-хъ, что при иныхъ горахъ бываютъ изъ земли ключи воды, какъ кипятокъ, горячай, и въ 3-хъ, что на землѣ много горъ, называемыхъ огнедышащими, на которыхъ есть провалы или пустоты, называемыя кратерами, изъ которыхъ постоянно выходитъ паръ въ видѣ дыма, а иногда послѣ землетрясенія и подземныхъ громовъ, выбрасываются въ ужасающемъ количествѣ пепель и камни и текутъ огненные рѣки расплавленныхъ и раскаленныхъ рудъ. И такъ, подъ нами огненный океанъ, и мы надъ нимъ строимъ свои дома!

Истина сего предположенія подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ: если мы сильно тремъ твердымъ тѣламъ одно обѣ другое, то они разгорячаются; также если бить большимъ молотомъ обѣ наковальню, то они оба также сдѣлаются горячи, а если свалить въ огромную кучу какоенибудь вещество, то въ нижнихъ слояхъ его отъ гнета верхнихъ будетъ теплѣе, и даже если это вещество легко воспламеняется, какъ напримѣръ уголь, хлопчатая бумага, то оно можетъ само собою загорѣться. Теперь, если предположить, что сила тяготѣнія, связывающая вещество въ земной шарѣ, находится въ центрѣ этого шара, то понятно какой долженъ быть страшный гнетъ во внутреннихъ пластиахъ земли отъ верхнихъ пластовъ, а при такомъ сильномъ гнетѣ не можетъ быть безъ тренія одного вещества обѣ другое, слѣдовательно по этому уже надо заключать, что чѣмъ ближе къ центру земли, тѣмъ сильнѣе долженъ быть жаръ.

И такъ, сила тяготѣнія, сплотившая вещество въ земной шарѣ и привязавшая землю къ солнцу, есть также и причина внутренней теплоты земного шара.

Теплота солнечныхъ лучей дѣйствуетъ только на поверхность земли и не можетъ проникать внутрь — много, много если она и теперь, при внутренней теплотѣ, обогрѣеть землю на два аршина въ толщину при самыхъ жаркихъ и продолжительныхъ дняхъ лѣта. Слѣдовательно, если бы земля не имѣла внутренней теплоты, то въ нѣдрахъ ея былъ бы постоянный холодъ — морозъ, и чѣмъ глубже, тѣмъ сильнѣе. И какъ

дѣйствіе холода извнутри было бы всегда постоянно, непрерывно, а дѣйствіе теплоты солнечныхъ лучей извѣнѣ прерывалось бы наступленіемъ ночей и зимъ, и теплота въ эти промежутки улетучивалась бы въ небесный пространства, то естественнымъ слѣдствіемъ этого должно бы быть то, что холодъ поборолъ бы теплоту и земля сдѣлалась бы какъ замерзлый комъ. Тогда не только что на ней ничего не могло бы произрастать, но не могло бы даже образоваться песку, глины и извести, т. е. плодоносной почвы, потому что въ такомъ положеніи земли на ней не могло быть ни огненныхъ, ни водныхъ переворотовъ, обратившихъ оболочку земли — гранить въ песокъ, глину и извѣстъ.

Вотъ и въ нравственномъ — духовномъ мірѣ разумныхъ существъ мы замѣчаемъ подобное же: человѣкъ, проникнутый закономъ любви истинной, сосредоточенъ въ самомъ себѣ: наблюдаетъ за своими чувствами, вникаетъ въ пришедшія извѣнѣ впечатлѣнія и въ возрождающіяся мысли, подвергаетъ все это суду ума — ищетъ истины, и такимъ образомъ занятый явленіями внутренней жизни, не только не нуждается во внѣшнихъ развлеченіяхъ, но убѣгааетъ ихъ; онъ теплѣе душою, пламенно желаетъ одного добра и разжигаемый такимъ желаніемъ, готовъ для добра дѣла на самоотверженіе и самопожертвованіе, а потому жизнь такого человѣка благодѣтельна и приносить обильный плодъ. Напротивъ: человѣкъ, непроникнутый любовью, не находя ничего привлекательнаго въ самомъ себѣ, живетъ внѣшнею жизнью: постоянно ищетъ разсѣянія во внѣшнихъ предметахъ, преданъ земнымъ наслажденіямъ и занятіямъ, и потому самолюбивъ; онъ холоденъ душою, благо близкихъ его не занимаетъ; онъ неспособенъ ни на какое самоотверженіе и самопожертвованіе, а потому и жизнь такого человѣка не только неблагодѣтельна, но исполнена зла.

Изъ всего этого мы видимъ, что Господь по премудрому своему устроенію въ 1-хъ для поддержанія необходимой на землѣ для живыхъ тварей теплоты заключилъ въ нѣдрахъ ея огненный океанъ; въ 2-хъ этотъ огненный океанъ Онъ оградилъ каменною оболочкой, подобно тому, какъ яйцо скорлупой; въ 3-хъ эту оболочку, какъ обручами, скрѣшилъ хребтами горъ; въ 4-хъ трещины, образовавшіяся на ней, наполнилъ разнообразными рудами металловъ, какъ бы запаялъ ими; въ 5-хъ чтобы избытокъ огненной силы, заключенной внутри

земли, не быть опасенъ для ней, и имѣть возможность выходить оттуда, устроилъ ему исходища — огнедышащія горы, подобно тому, какъ человѣкъ устроилъ клапаны въ паровомъ котлѣ; въ 6-хъ изъ каменныхъ глыбъ образовалъ плодоносный слой и покрылъ имъ каменную оболочку земли, подобно тому, какъ плоть наша покрываетъ костяной составъ напѣ; въ 7-хъ изъ составныхъ частей этого слоя: песку, глины и извести образовалъ множество разнообразныхъ минераловъ; въ 8-хъ заготовилъ огромные запасы чернозема, соли, каменного угля и нефти; въ 9-хъ всѣ эти разнообразные предметы, необходимые для разнообразныхъ потребностей человѣка, размѣстилъ такъ, что тѣ изъ нихъ, которые составляютъ насущную потребность его, какъ напримѣръ: песокъ, глина, известь, жемчѣзо, соль находятся въ изобиліи и добыть ихъ легко; напротивъ: тѣ предметы, которые не составляютъ существенной нужды, а служатъ для украшенія жилищъ и одежды, какъ напримѣръ, алмазъ, золото, серебро, составляютъ рѣдкость, съ трудомъ отыскиваются и еще съ большимъ трудомъ добываются; въ 10-хъ въ устройствѣ земли — жилища для разумныхъ нравственныхъ своихъ твореній выразилъ и запечатлѣлъ вѣчный законъ мѣра духовнаго — законъ жизни существъ разумныхъ — любовь, и начерталъ для владыки земли разительный урокъ противъ превозношенія и гордыни, и въ 11-хъ явилъ во всемъ этомъ свое всемогущество, премудрость, всевѣдѣніе и благость.

Размыслия обо всемъ этомъ, будемъ пѣть вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ:

Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царю мой, и благословлять имя Твое во вѣки и вѣки. Всякій день буду благословлять Тебя и восхвалять имя Твое во вѣки и вѣки. Великъ Господь и достохваленъ, и величие Его неизслѣдимо. Родъ рода будетъ восхвалять о могуществѣ Твоемъ. А я буду размышлять о высокой славѣ величія Твоего и о дивныхъ дѣлахъ Твоихъ. Будутъ говорить о могуществѣ страшныхъ дѣлъ Твоихъ, и я буду возвѣщать о величіи Твоемъ. Будутъ провозглашать память великой благости Твоей и воспѣвать правду Твою. Щедръ и милостивъ Господь, добротерпѣливъ и много милостивъ. Благъ Господь ко всімъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его. Да славятъ Тебя, Господи, всѣ дѣла Твои, и да благословляютъ Тебя святые Твои. Да проповѣдуютъ славу царства Твоего, и да повѣствуютъ о могуществѣ

Твоемъ и о славномъ величіи царства Твоего. Царство Твое — царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Твое во всѣ роды. (Вѣнчанъ Господь во всѣхъ словахъ Своихъ и святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ). Господь поддерживаетъ всѣхъ падающихъ, и возставляетъ всѣхъ низверженныхъ. Очи всѣхъ уповаютъ на Тебя, и Ты даешь имъ пищу ихъ въ свое время. Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволенію. Праведенъ Господь во всѣхъ путяхъ Своихъ и близъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ. Близокъ Господь ко всімъ призывающимъ Его, ко всімъ призывающимъ Его въ истину. Желаніе боящихся Его Онъ исполняетъ, волю ихъ слышитъ и спасаетъ ихъ. Хранитъ Господь всѣхъ любящихъ Его, а всѣхъ нечестивыхъ истребитъ. Уста мои изрекутъ хвалу Господню, и да благословляетъ всякая плоть святое имя Его во вѣки и вѣки. Пс. 144.

VI.

И такъ земля освѣщена и согрѣта солнцемъ, одѣта въ духомъ, покрыта слоемъ плодоносной почвы и наполнена сокровищами минераловъ и металловъ. Но могло ли бы на ней не только жить, даже прозѣвать что либо живое, если бы она оставалась безъ воды или имѣла въ ней недостатокъ? И вотъ Господь обильно снабдилъ ее водою.

Смотрите: здѣсь ключи бываютъ изъ нѣдѣль земныхъ, тамъ потоки стремятся съ высокихъ горъ, водопады съ шумомъ свергаются со скалъ; повсюду ручьи бѣгутъ, извиваясь, по долинамъ, сливаются одни съ другими и образуютъ рѣки; рѣки, изгибаясь какъ змѣи, мирно текутъ и, оплодотворяя щѣлья области и государства, вливаютъ свои воды, какъ опредѣленную дань, въ моря и океаны; моря и океаны со всѣхъ сторонъ окружаютъ сушу; озера, какъ огромныя зеркала, блестятъ то среди горъ въ долинахъ, то среди низменностей въ углубленіяхъ. Животнымъ и человѣку легко утолить свою жажду и удовлетворить другія нужды, но какъ добудутъ воду растенія? Они неподвижны и прикреплены къ одному мѣсту. И вотъ Господь устроилъ такъ, что имъ нѣть и надобности искать и добывать самимъ себѣ воды: Онъ на высотахъ воздушныхъ учредилъ особыя хранилища водъ и оттуда изъ облаковъ дождемъ окропляетъ ихъ, смываетъ съ нихъ пыль, освѣжаетъ ихъ листки, напояетъ сухую землю, раство-

рьеть земляные частицы и приготовляетъ имъ пищу, и корни ихъ, впивая ее, питають растенія. Но настаетъ зима: трава поблекла, деревья скинули съ себя зеленую одежду, царство растеній какъ бы заснуло — какъ бы умерло, ему уже нѣть болѣе нужды въ пищѣ; морозъ окаменилъ землю. Но онъ своею страшною силою можетъ повредить корни растеній и высыпавшіяся на землю сѣмена — и вотъ, чтобы сберечь ихъ отъ этой враждебной имъ силы, облака уже не дождяты, а сыплютъ снѣгъ и какъ шубою покрываютъ имъ земную поверхность.

Такъ-то Господь явилъ, что чѣмъ менѣе какое-либо Его твореніе можетъ промыплять само о себѣ, тѣмъ болѣе Онъ Самъ печется о немъ. Но что могло бы быть и не такъ, если бы не было Его благаго промысла о твореніи Его, то мы видимъ, когда вдругъ небольшое облако обращается въ страшную черную тучу и она заволакиваетъ небо, мракъ налагаетъ на землю, изъ тучи начинаютъ блистать сверкающія молніи, и удары грома слѣдуютъ за ними то съ оглушительнымъ трескомъ, какъ бы отъ разрушившагося свода небесъ, то съ продолжительными перекатами, подобными стуку колесъ огромной колесницы, катящейся по небу, и польется дождь ливнемъ, какъ бы изъ опрокинутаго моря. Тогда молніею тутъ сокрушаетъ вѣковое дерево, тамъ зажигаетъ зданіе; здѣсь ливнемъ уничтожаетъ хлѣбъ на поляхъ и губитъ трудъ человѣка, тамъ отъ этого ливня малые ручейки обращаются въ огромныя рѣки, затопляютъ долины, уничтожаютъ сады, разрушаютъ селенія и города, уносятъ цѣлые стада и потопляютъ множество людей. Или такая же туча разрѣшается градомъ: иногда цѣлые лѣдины падаютъ на землю и покрываютъ ее толстымъ слоемъ — тутъ опять пагуба и бѣдствіе.

Но такие ливни и грады бываютъ рѣдко и только кое-гдѣ, въ напоминаніе намъ того, какъ страшно лишиться милости Божіей; но они не бываютъ повсемѣстны. Только однажды ливень былъ Господомъ допущенъ повсемѣстно, чтобы всемирнымъ потопомъ смыть съ лица земли людей, сдѣлавшихъ привязанностію своей къ земнымъ наслажденіямъ — плотью и потерявшихъ способность жить духомъ; но послѣ того спасенному промысломъ Божіимъ отъ потопленія праведному Ною, въ вѣчный завѣтъ милости Божіей къ роду человѣческому, Господь указалъ на радугу. Вглядитесь въ нее и смотрите: верхъ ея касается небесъ, а края ея нисходять до

земли; у ней семь прелестныхъ цвѣтовъ, каждый изъ нихъ постепенно переходитъ въ другой и сливается съ нимъ. Это символъ чудной лѣстницы съ семью ступенями — лѣстницы снисхожденія Божія къ людямъ на землю и восхожденія людей съ земли на небо. Ступени ея: правда, судъ, благость, человѣколюбіе, милость, долготерпѣніе и спасеніе, по которымъ Сынъ Божій сниспѣль на землю и низвелъ на людей семь даровъ Св. Духа: духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія и духъ страха Божія. Ступени ея: смиреніе, сокрушеніе, кротость, правдолюбіе, милосердіе, миролюбіе, чистота и терпѣніе, по которымъ Христосъ восшелъ на небеса и ведеть за собою всѣхъ вѣрующіхъ въ Него, сообщая имъ дары Св. Духа чрезъ установленныя Имъ семь таинствъ: крещеніе, муропомазаніе, покаяніе, причащеніе, священство, бракъ и елеосвященіе.

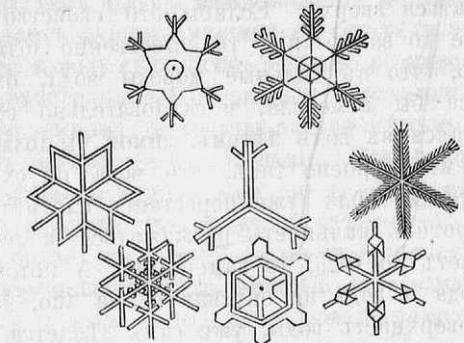
И такъ, источники воды и въ землѣ, и на горахъ, и въ облакахъ, проносимыхъ надъ землею то съ запада, то съ востока, то съ юга, то съ сѣвера. Но кроме того самый окружающій насъ воздухъ всюду и всегда пропитанъ водою, иначе самъ воздухъ былъ бы тяжель и небезвреденъ для нашего дыханія. Что онъ пропитанъ водою это видно изъ того во 1-хъ что иногда въ самое тихое время, на самомъ чистомъ небѣ вдругъ образуется само собою облачко, сперва небольшое, потомъ оно быстро разростается и скоро собою закрываетъ все небо и проливается дождемъ; во 2-хъ часто послѣ самаго ведреннаго теплого дня къ вечеру образуется въ воздухѣ, кажется совершенно сухомъ, сырой туманъ и скопляется въ низменностяхъ и надъ водами; и въ 3-хъ лѣтомъ по утру, послѣ безоблачной ночи мы видимъ на травѣ и всѣхъ растеніяхъ росу, какъ капельки слезинокъ, покрывающую листья и блестящую, какъ алмазъ, радужными цвѣтами; зимой же иногда деревья покрываются инеемъ и кажутся какъ бы облачившимися въ самую блѣдную одежду, скованную изъ серебра и усыпанную брилліантами, и тогда не знаешь чому дать преимущество: лѣтней или зимней одеждѣ растеній. Ничего подобнаго не могло бы быть, если бы въ воздухѣ не заключалось воды.

Какъ-же это такъ устроилъ Господь, что изъ земли вѣчно бываютъ ключи, изъ горъ льются потоки и изъ облаковъ съется дождь, и источники водные тамъ не истощаются; рѣки вѣчно несутъ свои воды въ моря и океанъ и тѣ не переполняются?

Онъ устроилъ на поверхности земного шара ужасающія глубиною и обширностію своею впадины, заключицъ въ нихъ главныя хранилища воды: это моря и океаны, занимающіе двѣ трети земной поверхности; а чтобы заключенная въ нихъ вода, оставаясь здѣсь безъ движенія, не подвергалась порчѣ отъ воздуха и теплоты, какъ мы замѣчаемъ въ стоячихъ водахъ прудовъ и болотъ, Онъ смѣшалъ ее съ солью — разсолилъ, почему тамъ вода горько-соленая. Отсюда теплота солнечныхъ лучей отдѣляетъ прѣсную воду въ видѣ пара. Этотъ паръ, такъ какъ онъ легче воздуха, подымается вверхъ на высоту. Чѣмъ выше, тѣмъ воздухъ рѣже и холоднѣе, почему паръ, поднявшись, на высотѣ отъ холода сгущается и обрашается въ туманъ. Этотъ-то туманъ и есть видимыя нами облака. Вѣтры носятъ облака надъ сушою. Между тѣмъ водяные пузырьки, составляющіе туманъ или облака, соединяясь другъ съ другомъ, сливаются вмѣстѣ, дѣлаются все больше и больше, пока не обратятся въ капли или снѣжинки или градины, и тѣ, сдѣлавшись тяжелѣе воздуха, падаютъ на землю въ видѣ дождя, снѣга, града. Образовавшаяся изъ нихъ прѣсная вода частію поглощается растеніями, частію испаряется и пропитываетъ воздухъ, а остальная идетъ въ особыя устроенные Божіею премудростю хранилища. На земной поверхности она скапливается въ углубленіяхъ и образуетъ болота и озера. На верхахъ горъ, отъ сильного тамъ холода, эта вода обращается въ снѣгъ и ледь, которые тамъ покрываютъ огромныя пространства и представляются какъ-бы обратившимися въ ледяныя моря — они называются ледниками (глѣтчерами). Изъ подъ нихъ струится множество потоковъ, которые то падаютъ съ высоты водопадами, то бѣгутъ между разсѣлинами горъ и соединяясь потомъ вмѣстѣ, составляютъ рѣки. На плоскихъ ровныхъ пространствахъ земли вода эта просачивается внутрь земли и, встрѣтивъ непроницаемые для нея пласти глины или каменистыхъ породъ, скапливается въ подземные источники и по тѣмъ пластамъ вновь выходить на поверхность земли и бѣть ключами, и потомъ извиваясь ручьями по долинамъ, соединяется и здѣсь въ рѣки. Рѣки же, пробѣгая въ разныхъ направленияхъ по лицу земли, впадаютъ въ моря и океаны и возвращаютъ воду въ ея первыя хранилища. Такимъ образомъ то количество воды, которое рѣки занимаютъ у источниковъ земныхъ, и вливаютъ въ моря

и океаны, — моря и океаны возвращаютъ опять земнымъ источникамъ посредствомъ облаковъ, и вотъ въ источникахъ вода не иссякаетъ, а моря и океаны не переполняются.

Посмотрите на эти цвѣтки и узоры — это снимки со снѣжинокъ въ увеличительномъ видѣ. Если рассматривать снѣжинки въ увеличительные стекла, то увидимъ, что каждая изъ снѣжинокъ имѣть видъ подобнаго цвѣтка или узора. Это потому, что по премудрому устроенію Творца, водяные атомы или пузырьки, составляющіе пары, соединяются другъ съ другомъ не какънибудь случайно, но по за-

кону Творцемъ данному и въ нихъ, такъ сказать, вложенному. Такъ что премудрость Творца проявляется въ красотѣ и правильности устройства самой снѣжинки.

Вотъ изъ подобныхъ же цвѣтковъ или снѣжинокъ состоять ледъ. Сначала холодъ — морозъ куетъ изъ воды такие цвѣтки, потомъ спаиваетъ ихъ одну съ другой, и наконецъ сковываетъ ими всю поверхность рѣкъ, озеръ и морскихъ заливовъ въ крѣпкій, несокрушимый мостъ, но эта страшная сила не можетъ перейти установленной Творцемъ границы и обратить всю воду въ глыбу льда, а только до известной глубины можетъ простираТЬ свое могущество.

Извѣстно, что когда вода въ котлѣ начинаетъ нагрѣваться, то начинается въ ней движеніе, и если котелъ совершенно полонъ, то вода, нагрѣвалась болѣе и болѣе, станетъ литься чрезъ край и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ выходить изъ воды паръ; а если поставить надъ паромъ холодный стаканъ, онъ тотчасъ покроется водяными каплями. Это потому, что вода теплая легче и занимаетъ больше мѣста, чѣмъ вода холодная, и какъ на днѣ котла она разогрѣвается прежде, то дѣлается легче, подымается вверхъ, болѣе начинаетъ занимать мѣста, а потому разлагаясь въ пары, дѣлается даже легче воздуха и подымается въ самомъ воздухѣ, а пары, прикасаясь къ холода-

ному стакану, охлаждаются, сгущаются и обращаются опять въ воду. По этому-то лѣтомъ вода въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ на поверхности теплѣе, а чѣмъ глубже, тѣмъ прохладнѣе, а когда настанетъ осенне, холодное время, то вода на поверхности охлаждается и дѣлаясь холоднѣе находящейся на днѣ, сверху начинаетъ осѣдать на дно, а со дна подымаются вверхъ. Еслибы это свойство воды оставалось тѣмъ то, что въ сильные морозы вода, охладясь до замерзанія, вся бы замерзла, и слѣдовательно всякая жизнь, зародившаяся въ водѣ лѣтомъ, зимой бы должна погибать. Но Творцемъ устроено такъ, что вода по охлажденію до $4\frac{1}{2}$ градусовъ тепла, уже перестаетъ плотнѣть и тяжелѣть, но начинаясь разжиматься и легчать, а когда достигаетъ до 0%, то замерзаетъ. А потому слишкомъ охладѣлая вода и ледъ не опускаются на дно, и самы ледъ, покрываая поверхность воды, уже самъ дѣлается охранителемъ водныхъ обитателей отъ страшного врага ихъ — мороза.

Вотъ какъ устроила премудрость Божія!

Водою мы омываемся отъ нечистоты тѣлесной, и вода въ святымъ Таинствѣ крещенія есть символъ и средство какъ очищенія души вѣрующаго отъ скверны грѣховной, такъ и нового рожденія въ жизнь вѣчную въ чистотѣ праведности. — Вода сама собою представляется намъ какъ бы имѣющею жизнь, и когда мы любуемся какою нибудь мѣстностью, то невольно говоримъ: какъ этотъ ручей, рѣка или озеро оживляеть видъ! И дѣйствительно: безъ нея не можетъ ни начинаться, ни продолжаться жизнь: зерно, положенное въ сухую землю, не дастъ ростка, растеніе въ высохшей почвѣ вянеть и блекнетъ, а какъ только будетъ полито, сейчасъ же оживляеться. Животное и человѣкъ, не имѣя возможности утолить жажду, умираетъ. Жизнь человѣка лѣниваго, нерадиваго и порочнаго мы сравниваемъ съ болотомъ зловоннымъ и вредоноснымъ, а жизнь человѣка дѣятельного и добродѣтельнаго рѣкою, катищею чистую воду, оплодотворяющею и обогащающею прибрежныя области. И Господь Иисусъ Христосъ текущей въ жизни вѣчной (Іоан. 4, 14) и возглашалъ: кто

жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто впьуетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой (Іоан. VII, 37 — 38). Какъ для жизни земной, стихійной, необходима вода, такъ для жизни духовной, небесной, необходимъ Духъ истины. И какъ все, имѣющее жизнь стихійную, жаждеть воды, такъ и душа наша жаждеть истины. И Сама Истина предлагаетъ душамъ нашимъ живую воду въ такомъ же изобиліи, какъ и воду стихійную. Рѣки этой живой воды истекли изъ устья вдохновенныхъ Пророковъ и Апостоловъ, протекли по всему лицу земному и составили неизмѣримый и неисчерпаемый океанъ истины — Св. Писаніе. Изъ этого океана Св. Церковь извлекаетъ живую воду и даждитъ ею на всѣхъ вѣрующихъ и утоляетъ жажду душъ ихъ.

Не напрасно Духъ Божій въ началѣ творенія *нашашеся надъ водою* (Быт. 1), какъ повѣствуетъ св. Моисей. Онъ влиъвъ въ нее источники жизни и вотъ доселѣ гласъ Божій гремитъ надъ водами многими, возвѣщаю неприступную славу Жизнодавца и святые законы Его. Этотъ гласъ всегда слышали внимательные къ дѣламъ Божіимъ люди и вотъ въ самой древней изъ книгъ мы видимъ, что Іовъ, когда начиналъ уже изнемогать подъ бременемъ постигшихъ его бѣдствій, былъ разумленъ такимъ глаголомъ Божіимъ:

И отвѣчалъ Іегова Іову изъ бури и сказалъ: *идь быль ты, когда я основалъ землю? Научи если обладаешь вѣдѣніемъ! Кто положилъ мѣту ея, когда знаешь? Или кто протянулъ по ней шнуръ? Во что зодруссны столы ея? Или кто положилъ краеугольный камень ея, при всеобщемъ ликованіи утренніхъ звѣздъ, когда торжествовали всѣ сыны Божіи? Кто заключилъ во вратахъ море, когда оно, историшилось изъ чрева, выступило? Я облака назначилъ одеждю его и милю пеленою его и провелъ вокругъ его черту Мою, и поставилъ запоры и врата, и сказалъ: „доселѣ доходи и не дальше, и здѣсь должна сокрушаться гордость волнъ твоихъ!“ Съ того времени, какъ ты живешь, давалъ ли ты повелѣнія утру и указывалъ ли зорь мѣсто ея, чтобы она обхватила края земли и стряхнула злодѣевъ съ нея? Тогда земля измѣняется, какъ глина подъ печатью, и становится какъ одежда; тогда отсыпается отъ нечистивыхъ солъ ихъ и мышица высокомѣрная сокрушается. Доходилъ ли ты до источниковъ моря и спускался ли на дно бездны? Отвѣрзались ли для*

тебя врата смерти, и врата смертной тьми видѣль ли ты? Гдѣ путь къ жилищу съпта? И гдѣ мѣсто тьмы? Ты конечно дошелъ до границы ея и замѣтилъ стези къ ея дому? Ты это знаешь; ибо тогда уже родился ты и число днѣй твоихъ вѣсма велико! Ходилъ ли ты къ сокровищамъ сныа и видѣль ли сокровищницы града, которыя дорога, по которой дробится съпта, разносимыи восточными вѣтромъ по землю? Кто проводитъ струи водамъ воздушными и путь стрѣльи громовъ, чтобы орошать землю безплодную, пустынную, гдѣ нѣтъ человѣковъ, чтобы насыщать пустую степь и произращать стебли травные? Есть ли у дождя отецъ или кто рождаетъ капли росы? Изъ чьего чрева выходитъ ледъ и инею небесному кто родитель, когда дѣлаетъ? Возноситъ ли къ облаку голосъ свой, и покроетъ ли она тебя обильемъ воды? Пошлилъ ли молнии, и пойдутъ они, и скажутъ ли тебѣ: «вотъ мы?» Кто вложилъ мудрость въ тучи, или кто далъ разумъ воздушнымъ явленіямъ? Кто разчищаетъ премудростю облака и кто опорожняетъ небесную сосуды, такъ что прахъ течетъ, какъ расплавленная медь, и сливаются глыбы? Іова гл. 38.

Господь, поетъ св. Давидъ, посыпаетъ слово Свое на землю; быстро течетъ слово Ею. Даетъ сныа какъ волну; сыпляетъ иней, какъ пепелъ. Бросаетъ градъ Свои кусками; предъ морозомъ Ею кто устоитъ! Пошлилъ слово Свое, и все растаетъ; подуетъ вѣтромъ, и потекутъ воды. Пс. 147.

Будемъ же пѣть и мы вмѣстѣ съ нимъ: Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Ею въ вышинихъ. Хвалите Ею вѣсль Ангелы Ею, хвалите Ею вѣсль воинства Ею. Хвалите Ею солнце и луна, хвалите Ею вѣсль звѣзды съпта. Хвалите Ею небеса небесъ и воды, которыя выше небесъ. Да хвалятъ имя Господа, ибо Онъ сказалъ и они сдѣлались, повелѣль, и сотворились. Поставилъ ихъ на вѣки и вѣки; далъ уставъ, который не прѣдѣтъ. Хвалите Господа отъ земли великия вѣтровъ, исполняющій слово Ею, горы и вѣсль холмы, деревья плодоносныя и вѣсль кедры, звѣри и всякий скотъ, пресмыкающіяся и птицы крылатыя, цари земные и вѣсль народы, князья и вѣсль суды земные, юноши и девицы, старцы и

отроки. Да хвалятъ имя Господа; ибо имя Ею единаю превознесенно, слава Ею на земли и на небесахъ. Онъ возвѣшилъ роig народа Своего, славу вспѣхъ святыхъ Своихъ, сыновъ Израилевыхъ, народа близкаго къ Нему. Пс. 148.

VII.

И такъ, вещество, изъ котораго состоить земля, темно, холодно, недвижно, однимъ словомъ: безжизненно и неспособно само собою порождать или производить что либо изъ себя; только дѣйствiемъ на него свѣта, теплоты и воды получаетъ оно способность произращенія. И потому какъ только одна изъ сторонъ земли станетъ отвращать лице свое отъ солнца и дѣйствiе на нее свѣта и теплоты солнечныхъ лучей умалится, на ней травы начинаютъ блекнуть и засыхать, деревья скидаются съ себя зеленую свою одѣжду, ростъ ихъ прекращается и они цѣпенѣютъ; птицы отлетаютъ отсюда, остаются одни дикие звѣри и, выходя изъ лѣсныхъ трущобъ, рыщутъ, ища себѣ добычи; морозъ — врагъ жизни — эмблема смерти, сковываетъ своими узами всю земную поверхность; снѣгъ, какъ саванъ, покрываетъ ее. Повсюду въ природѣ настаетъ безмолвiе могилы — кажется, погасла уже всякая жизнь, и только вода, эмблема жизни, закрывъ себя ледянымъ щитомъ, остается недоступною для врага, — она же, покрывъ пушистымъ снѣговымъ одѣяломъ сѣмена и корни растенiй, охраняетъ въ нихъ зачатки жизни. По временамъ врагъ усиливается разметать эти охраны, возвѣгая бури и вѣдьмая вьюги и метели, чтобы вконецъ истребить всякий зачатокъ жизни, но тщетно. И вотъ какъ только земля охладѣлой — мертвеннай стороной обратилась опять къ солнцу — солнце начинаетъ болѣе и болѣе согрѣвать и освѣщать, а вѣшній вѣтерокъ ласкатъ ее, и тогда зачало жизни — вода первая обнаружить жизнь: ручьи побѣгутъ и запрядаются съ горъ и холмовъ; явятся стаи птичекъ и какъ трубы Архангеловъ повсюду начнутъ возвѣщать наступающее воскресеніе природы. И вотъ: снѣговой саванъ сдернутъ — поля и луга открылись; узы, которыми была скована поверхность земли и вода, расторгнуты — онъ обратились въ живительную влагу и плодоносная почва спѣшить застаситься ею; рѣки и озера окончательно сокрушаются, какъ уже болѣе не нужные, покры-

вающіе ихъ льдяные щиты и весело струясь, здороваются съ старинными своими соседями: селеніями, холмами и деревьями, а тѣ, радостно ихъ привѣтствуя, толпятся къ нимъ, чтобы посмотретьъся въ ихъ зеркальныя поверхности. Рыбы, почувствъ сѣть солнечный, выплываютъ изъ глубины на верхъ, рѣютъ тамъ, сверкая своими серебристыми и золотистыми чешуями и всплескомъ своимъ рисуя на гладкой водной равнинѣ ряды правильныхъ волнообразно расходящихся круговъ. Вотъ уже поля и луга обратились въ великолѣпные ковры, деревья одѣлись въ нарядную свѣтло-зеленую, лоснящуюся одежду, зацвѣли и заблагоухали: это жертва благодаренія воскресшихъ — вона благоуханія, и воздухъ наполнился благовоніемъ; лѣсъ, сады, поля насытились пташками. Весело порхаютъ онѣ, отыскивая себѣ пищу и собирая материалы для своихъ построекъ; щебетанье и радостная пѣснь ихъ раздаются везде: между тѣмъ лебеди, гуси и журавли тянутся стройными рядами по высотѣ къ сѣверу за своими полководцами и команда тѣхъ далеко раздается въ воздухѣ. Бабочки, одна другой красивѣе, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, пчелки жужжать вокругъ цвѣтующихъ кустовъ, муравьи хлопочутъ въ своихъ муравейникахъ. Вотъ куры съ шумомъ высыпали изъ своего зимняго заключенія: одинъ взапуски другъ предъ другомъ спѣшить поймать муху или какую-нибудь букашку, другія усердно начинаютъ разрывать землю, чтобы отыскать давно желанное лакомство — дождевика, а между тѣмъ пѣтухъ открыть дорогую находку, громко сзываеть своихъ подругъ на угощеніе. Коровы, тѣснясь въ растворенныхъ воротахъ скотнаго двора, порываются скорѣе выбѣжать оттуда и вырвавшись на свободу, мычаніемъ, прыжками и заигрываніемъ одна съ другой изъявляютъ свою радость. Вся тварь веселится: вездѣ жизнь, вездѣ торжество. Вотъ и человѣкъ вышелъ въ поле съ своимъ помощникомъ — лошадкой, на дѣло свое, на воздѣлываніе земли, чтобы она приносила болѣе полезнаго плода для питанія его самого, его близкихъ, и служащихъ ему животныхъ.

Не побѣду ли жизни надъ смертю, не торжество ли этой побѣды живописалъ Господь на этой страницѣ своей книги?

Въ одинъ прекрасный весенний день, подвечеръ я сидѣлъ въ саду на берегу озера; было совершенно тихо. Воздухъ

благоухалъ березой и тополемъ. Невдалекѣ пѣль соловей и ему вторилъ хоръ другихъ птичекъ. На противуположномъ берегу красовалась деревня съ прилегающими къ ней полями и лугами; оттуда доносились бо мнѣ мычаніе телятъ и блеяніе овецъ возвращавшагося съ пастьбы стада и веселые голоса женщинъ и дѣтей, встрѣчающихъ своихъ питомцевъ и кормилицъ. Заходящее солнце послѣдними своими лучами золотило деревню и прибрежные холмы съ купами деревъ, и тѣ, какъ въ зеркаль отражались въ гладкой поверхности озера; рыбы плескались и играли. Надѣть всѣмъ этимъ высился и тоже отражался въ озерѣ чистый лазуревый сводъ неба, только на небосклонѣ за деревнею бѣлое съ позлащенными краями облако вѣздыпалось отъ земли, какъ дымъ курящагося на жертвенникѣ оимама.

Я былъ въ самомъ благодатномъ настроеніи духа: невозмутимый миръ и благоговѣйный восторгъ обнимали душу, чистая радость и святое чувство любви къ Жизнодавцу наполняли ее и порождали сладкія слезы умиленія и благоговѣйныя мысли. Вотъ, думалъ я, недавно Церковь оглашала насъ радостнымъ: Христосъ воскресе! теперь вся природа отвѣчаетъ ей: воистину воскресе! Недавно Церковь напоминала намъ обѣтование Христа, что воскреснутъ мертвые и всѣ земнородные возврадуются, теперь вся природа подтверждаетъ, что *не изнеможется у Бога всяко малое* (Лук. 1, 37). Да, намъ обѣщаны новое небо и новая земля, несравненно лучшія этихъ. Но и эта земля прекрасна, и это настоящій великолѣпный храмъ Твой. Господи! Ты въ немъ поставилъ человѣка священникомъ Себѣ, чтобы онъ возглашалъ Тебѣ хвалу, благодарили и славилъ Тебя. Зачѣмъ онъ временный только здѣсь житель? Зачѣмъ смерть? Здѣсь такъ хорошо! Ты обѣщаешь еще лучшее жилище, но мое воображеніе безсильно представить себѣ что либо лучшее. Мнѣ жаль земли — грустно разставаться съ нею!

Въ это время подходитъ ко мнѣ другъ и родной мой, съ которыми мы давно, почти съ дѣтства, жили, какъ говорится, душа въ душу, дѣлили радость и горе. Видѣ его не весель, даже мраченъ; на лицѣ его досада и неудовольствіе и онъ начинаетъ съ горечью упрекать меня, что я, должно быть, не люблю его, не плачу взаимностью за его любовь и заботы обо мнѣ, невнимателенъ къ нему, не сдѣлалъ для

него даже воть и такой-то бездѣлицы. Его упреки и недовольный видъ волнуютъ меня, оставляютъ горечь въ душѣ, заражаютъ досаду на него, и воть внутренній миръ возмущенъ, блаженство, которое доселѣ ощущала душа отъ чистаго наслажденія благами Творца, разрушено — съ одной стороны мою невнимательностью къ другу, съ другой — излишнею притязательностью друга. Хорошо еще, что мы настолько обладали благоразумiemъ, чтобы задушить начинавшія разростаться страсти, забыть взаимное огорченіе и возстановить прежнее мирное, дружеское отношеніе одного къ другому; но часто между людьми бываетъ не такъ: слово за слово, укоръ за укоръ, и вражда разгорается и воспламеняетъ гнѣвъ, гнѣвъ омрачаетъ разсудокъ и переходитъ въ злобу. И воть, многолѣтнія дружескія, братскія, супружескія, исполненные любви, связи порваны, миръ жизни возмущенъ, установившійся было житейскій порядокъ, доставлявшій столько удовольствій, опрокинутъ, и вместо прежнихъ радостей воцаряется тоска, недовольство самимъ собою и другими; уже ничто не веселитъ, на душѣ какъ бы лежитъ что-то, какъ камень, тяжелое, и тогда самая жизнь представляется тяжкимъ и невыносимымъ бременемъ.

Такъ-то страсти наши возмущаютъ потокъ мирной жизни, разрушаютъ ея блаженство и даже дѣлаютъ насъ неспособными пользоваться тѣми благами, которыми надѣлилъ насъ Творецъ.

Но откуда же эти страсти? Неужели онѣ составляютъ неотъемлемую принадлежность нашей природы? Неужели онѣ прирождены ей отначала? Нѣть! Намъ прирождены отначала: чувство любви и желаніе блаженства и славы. Если чувство любви прежде всего обращено, какъ подобаетъ по истой правдѣ, къ Богу: то мы находимъ уже блаженство въ самомъ чувствѣ любви: за любовь Богъ платить взаимно любовью — ею согрѣваетъ любящаго, свѣтомъ Слова Своего просвѣщаетъ его, дарами Духа Своего Святаго оживотворяетъ его, дѣлаетъ способнымъ къ истинной жизни, и воть въ этомъ основной залогъ блаженства. Всякъ просвѣщенный Словомъ Божіимъ ясно представляетъ себѣ величія Божіи, а представлениe совершенствъ Божіихъ наполняетъ душу благоговѣйнымъ восторгомъ; всякъ, почувствовавшій въ себѣ затѣки любви Божіей — благодатные дары Св. Духа, проникается

сознаніемъ милостиваго вниманія къ нему столь высочайшаго существа, а это умиляетъ душу и побуждаетъ духъ смиренно склоняться подъ Его святую волю, благодарить Его и стараться быть достойнымъ Его благоволенія. Для такихъ людей — получить похвалу отъ Бога — есть самая высшая награда — величайшая слава. Что для нихъ мнѣніе людское, когда они знаютъ, что похвалить ихъ Богъ? Потому-то ни людскія почести, ни мірская слава не прельщаетъ ихъ, и они тѣхъ не ищутъ.

Любящій Бога можетъ ли не любить ближнихъ своихъ — такихъ же созданій Его, какъ и онъ самъ, тѣмъ болѣе, что всячъ долженъ сознавать ту истину, что *не хорошо человѣку быти одному*. А кто любить своихъ ближнихъ, тотъ имѣть новый источникъ благъ: онъ радуется радости ближняго — да и вообще любить кого-либо и быть любимымъ составляетъ прелестъ жизни. Любить же ближняго значить: желать ему всякаго добра и содѣйствовать его счастію; въ духѣ кротости, терпѣнія и мира ограждать его отъ всякихъ непріятностей жизни и въ духѣ милосердія заботиться о предупрежденіи его нуждъ. Какъ сладко бываетъ въ душѣ, когда можешь сказать въ самомъ себѣ: я не тяготилъ собою земли, былъ полезенъ, содѣйствовалъ счастію другихъ!

Тому, кто любить Бога, блага міра дороги не сами по себѣ, но потому, что они суть проявленіе богатства Божіей благости. Потому-то онъ и не обладая ими, а только видя ихъ, возносить благодареніе Всеблагому, и въ твердой увѣренности, что Премилосердій не оставитъ Своего творенія и дастъ ему все нужное для жизни, просить только дать ему хлѣбъ насущный на текущій день. Онъ не только не ищетъ богатства, но и не желаетъ его, даже жаждетъ нищеты, потому что въ одномъ Богъ ищетъ опоры, и боится, чтобы опираясь на что либо другое, не ослабла его сладкая надежда на Крѣпкаго.

Такимъ образомъ подобно тому, какъ на той сторонѣ земли, которая обращена къ солнцу, отъ солнечныхъ лучей и воды произрастаетъ множество красивыхъ травъ и деревьевъ, и въ человѣкѣ, когда онъ чувствомъ любви обращенъ къ Богу, при содѣйствіи божественного свѣта истины и даровъ Св. Духа, проявляется великолѣпный хороводъ прекраснѣшихъ и благодѣтельнѣйшихъ добродѣтелей — наслѣдники неба.

Еслибы все люди слѣдовали этому указанію книги Божіей, они бы были бы безпристрастны, потому что у нихъ не было бы и предлога къ страсти, — они бы были бы блаженны, потому что въ любви, правильно направленной, они бы нашли источникъ блаженства, и не было бы смерти, подобно тому, какъ нѣтъ зими въ тѣхъ странахъ земли, которая постоянно обращены къ солнцу, ибо тогда люди были бы всегда при источнике жизни и пили бы воду живую.

Къ несчастію люди отъ начала своего бытія чувство любви обращаютъ не къ Богу, а къ самимъ себѣ и земнымъ благамъ, и вотъ отъ того возникаютъ страсти, ибо когда человѣкъ врожденное ему чувство любви обращаетъ не къ Богу, а къ самому себѣ или чemu либо земному, то естественно происходитъ то, что онъ любуясь своими мнимыми совершенствами или услаждаясь мыслю о плѣнившемъ его предметѣ, мало думаетъ о своемъ Творцѣ, а прочихъ людей начинаетъ считать какъ бы твореніями низшей отъ него степени, всѣ же блага земные изведенными изъ земли только на его потребу — тутъ начало гордыни. Онъ думаетъ только о себѣ, домогается только того, что можетъ доставить ему, по его мнѣнію, наибольшее удовольствіе — тутъ начало сластолюбія, сладострастія, сребролюбія, честолюбія, властолюбія. Много мечтая о себѣ и земныхъ благахъ, онъ въ однomy себѣ и земныхъ только благахъ думаетъ найти опору жизни и такимъ образомъ погрязаетъ въ житейскихъ заботахъ. Занятый постоянно такими заботами, онъ вовсе забываетъ о Богѣ и близкихъ, потому-то ему не понятны возвышенныя чувства благочестія — восторгъ и умиленіе предъ величиемъ Божіимъ; онъ глухъ и слѣпъ къ стонамъ и слезамъ близкихъ. Что ему за нужда, что близкія его отъ его беззечности о нихъ, или отъ жадности его къ богатству, или отъ расточительности, или отъ несправедливости его терпяще нужду, огорченія, боль — плачутъ, стонутъ, — ему дорого то, что онъ удовлетворилъ своей прихоти. Но вотъ если кто осмѣлится напомнить ему о его долгѣ, назвать его поступки дурными, не исполнить его желанія, или дерзнетъ стать ему на дорогѣ — станетъ препятствовать ему къ достижению желаемаго, тогда досада, гнѣвъ, ненависть, злоба овладѣваютъ имъ и онъ готовъ на всякое зло ближнему.

Такъ-то врожденное намъ чувство любви дѣлается источ-

никомъ гибельныхъ страстей, и подобно тому какъ растенія, закрытыя отъ солнечныхъ лучей и лишенныя воды гибнутъ безплодно и обращаются въ грязь, а сторона земли отвратясь отъ солнца, коченѣетъ отъ мороза и дѣлается достояніемъ бурь, мателей, вьюгъ, и лютыхъ звѣрей, такъ безъ любви къ Богу и безъ содѣйствія Св. Духа хладѣеть наша душа, гибнуть въ ней зачатки добра, жизнь грызится порочными дѣлами, каменѣетъ сердце и дѣлается обиталищемъ страстей.

Мы все болѣе или менѣе страстны. Страсти, какъ раза, перешли къ намъ еще отъ праотцевъ, потому что люди отъ начала своего бытія прилѣпились сердцемъ къ земному, отвратились отъ Бога, не соблюли Божественнаго завѣта — того непремѣнного условія, подъ которымъ единственно возможна истинная, блаженная, вѣчная жизнь, — любви къ Богу, сдѣлались нарушителями самыхъ законовъ естества и тѣмъ самимъ внесли порчу въ самую свою природу и эту порчу передали естественнымъ порядкомъ рожденія своему потомству, и такимъ образомъ люди сдѣлавшись не способными къ жизни вѣчной, подверглись законамъ смерти.

Но вотъ мы видимъ, что какъ скоро земля охладѣлой своей стороной обратится къ солнцу, солнце лѣтъ на нее свои благодѣтельные лучи и тѣ изъ погибшихъ растеній, которая въ землѣ сохранили свои корни и сѣмена, вновь воскресаютъ въ прежней своей, даже лучшей красотѣ.

Не говорить ли это намъ: «обратитесь къ Господу Богу своему, возвлюбите Его всею душею вашею, всѣмъ помышленіемъ своимъ, и Онъ просвѣтитъ васъ свѣтомъ истины, согрѣть любовію Свою и оживотворить Духомъ Святымъ. Сохраните въ себѣ сѣмена Слова Божія и укорените въ себѣ зарождающіяся отъ нихъ благія желанія и намѣренія, и Господь возстановить васъ не только въ прежнее достояніе, но воскресить васъ во славѣ чадъ Божіихъ».

«Блаженъ мужъ, который не ходитъ на сочтѣ нечестивыхъ и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраниі развратителей; но въ зоконѣ Господа воля его, и о законѣ Его размышиляетъ онъ день и ночь! И будетъ онъ какъ дерево, посаженное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и листъ которого не вяннетъ; и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣтъ. Не такъ — нечестивые, не такъ; но они какъ прахъ, возметаемый вѣ-

тромъ съ лица земли. Потому не устоятъ нечестивые на судь, и грешники — въ собрании праведныхъ, ибо знаетъ Господь путь праведныхъ, а путь нечестивыхъ поибнетъ. Псал. 1.

«Пріидите, воспоехъ Господу, восхликнемъ Богу, твердныи спасенія нашего. Предстанемъ лицу Его съ славословіемъ, въ пысняхъ восхликнемъ Ему. Ибо Господь есть Богъ великий и царь великий надъ всими богами. Въ Его руки глубины земли, и вершины горъ — Его же. Его море, и Онъ создалъ его, и сушу образовали руки Его. Пріидите, поклонимся, и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицемъ Господа, Творца нашего. Ибо Онъ есть Богъ нашъ, и мы — народъ наставы Его и овцы руки Его. О, еслибы вы нынѣ послушали гласа Его: «не ожесточите сердца ваше, какъ въ Меривъ, какъ въ день искушения въ пустынѣ. Гдѣ искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видѣли дѣло Мое. Сорокъ лѣтъ Я былъ раздражаемъ родомъ симъ, и скагалъ: это народъ, заблуждающій сердцемъ, они не познали путей Моихъ; и потому Я поклялся въ гнѣвѣ Мостъ, что они не войдутъ въ покой Мой.» Пс. 94.

VIII.

Теперь взглянемъ на царство растеній. Какое здѣсь множество и изобиліе разнообразнѣйшихъ предметовъ!

Вотъ многочисленные разныхъ породъ мхі — они растутъ на бесплодныхъ мѣстахъ: на камняхъ, пескѣ, глине, болотахъ. Изъ ихъ остатковъ, когда они поблекнутъ, заготовляется въ болотахъ торфъ — топливо въ странахъ безлѣсныхъ, а въ прочихъ мѣстахъ черноземъ — пища для травъ, злаковъ и деревьевъ. Этотъ черноземъ или перемѣшиваются съ пескомъ и глиною, на которыхъ растетъ, и обращаетъ бесплодное мѣсто въ плодородное, или смываются водою отъ дождей и снѣговъ въ ложбины и тамъ удобрятъ луга и поля. Однѣ изъ породъ мха служатъ пищею оленямъ, другія — лѣкарствомъ человѣку, а нѣкоторыя употребляются при постройкахъ и иныхъ производствахъ.

Вотъ разные роды грибовъ — они служатъ пищею человѣку, скотамъ и звѣрямъ.

Вотъ безчисленные породы травъ: однѣ сочныя и пита-

тельныя, ими кормятся многія виды животныхъ, другія лѣкарственный служатъ человѣку для возстановленія его здравья, иные красующіяся своими цветами, или благоухающія, или приносящія вкусныя ягоды — онѣ веселятъ взоръ, усаждаются обоняніе и вкусъ человѣка.

Вотъ разнообразныя овощи — онѣ служатъ приправой пищи.

Вотъ хлѣбные злаки; изъ нихъ изготавливается хлѣбъ.

Вотъ разныхъ породъ деревья: однѣ плодовитыя, приносящія вкусные и питательные плоды, другія строевые и дровяныя, необходимыя для постройки нашихъ жилищъ и для отопленія ихъ, третыи подѣлочные, пригодныя для изгото-вленія разныхъ нужныхъ намъ вещей.

Вотъ разнообразные кусты: на однихъ растутъ ягоды, на другихъ — роскошные и благовонные цветы, иные же въ густой своей листѣ даютъ убѣжище пташкамъ и насѣкомымъ, и любятъ рости на берегахъ озеръ и рекъ и купаться вѣтвями своими въ ихъ водахъ, платить за это удовольствіе тѣмъ, что обитателямъ ихъ, рыбамъ и ракамъ, сыплютъ съ своихъ вѣтвей червячковъ, мошечъ, личинокъ, бабочекъ.

Вотъ множество растеній, доставляющихъ масло для приправы въ пищу и для освѣщенія, и волокно для изгото-вленія одежды.

Вотъ виноградная лоза, дающая виноградъ, изъ которого исто-чается различныя вкусныя вина, что даль намъ Господь, чтобы ими человѣкъ въ трудахъ своихъ подкреплялъ свои силы и веселилъ сердце, а не для того, чтобы мы, какъ это дѣлаютъ безумцы, излишнимъ употреблениемъ ихъ губили свои силы, пропивали достояніе своего семейства и превращали данный намъ Творцемъ образъ Божій въ образъ скота без-смысленного.

Всякое изъ этихъ произрастеній имѣетъ опредѣленное назначеніе и удовлетворяетъ извѣстную потребность человѣка или животныхъ. Вотъ опять свидѣтельство, что Господь прежде созданія живыхъ тварей и человѣка, провидѣлъ всѣ ихъ нужды, всѣ ихъ потребности и сообразно этому извелъ изъ земли эти безчисленные роды мховъ, грибовъ, травъ, злаковъ, кустовъ и деревьевъ.

А какъ премудро, изящно и въ полномъ совершенствѣ

устроено каждое изъ растеній и во всей его цѣлости и въ самыхъ мельчайшихъ частяхъ!

Кто, напримѣръ, любуясь цвѣткомъ, не удивлялся нѣжности его лепестковъ, красивой ихъ формѣ, правильности ихъ расположенія и не вспоминалъ словъ Христа-Господа: «и царь Соломонъ, во всей славѣ своей, не одѣвался такъ, какъ каждый изъ нихъ»?

Всмотритесь въ первый попавшійся на ваши глаза листокъ, поглядите: какая правильность въ его формѣ, сколько здѣсь жилочекъ, одна другой мельче и тоныше, перекрещиваются въ разныхъ направленихъ и какая нѣжная ткань связываетъ ихъ между собою!

О, сколько здѣсь чудесъ, непостижимыхъ уму человѣческому! Возьмемъ, напримѣръ, три сѣмечка: маковое, капустное и рѣпное. Всѣ они крохотныя и мало-мало чѣмъ одно отъ другаго отличаются по виду. Посадимъ ихъ на одной грядѣ. Для всѣхъ ихъ земля одинаковая, одинъ и тотъ же воздухъ ихъ окружаетъ, одинаково на нихъ дѣйствуетъ теплота и влага. Но отъ нихъ вырастутъ совершенно разнаго вида растенія и дадутъ совершенно различные плоды: одно маковку, другое качанъ, третье рѣпу.

Отъ чего же это? Отъ силы, скрытой въ этихъ крохотныхъ сѣмечкахъ. Вложила въ нихъ эту силу непостижимая премудрость Божія.

Эта же дивная сила производить то, что мертвое сѣмя, похороненное въ землѣ, при содѣйствіи влаги и теплоты, пускаетъ сначала корешки, потомъ ростокъ. Корешки углубляются въ почву, распускаются тамъ на множество другихъ корешковъ, отыскиваютъ тамъ нужные для растенія соки и всасываютъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ укрѣпляются въ землѣ, чтобы растеніе, какой бы оно ни было величины, могло, опираясь на нихъ, твердо стоять и противиться бурямъ. Ростокъ же идетъ вверхъ, наружу, на свѣтъ Божій, даетъ сначала листки и почку, потомъ изъ почки стебель, стебель выпускаетъ вѣтки съ листьями. Соѣтъ, всосанный корешками, подымается вверхъ и наполняетъ жилки листьевъ и мякоть — ткань ихъ соединяющую; листья, выдыхая изъ себя ненужный для дерева, а необходимый для животныхъ газъ — кислородъ, вдыхаютъ въ себя изъ воздуха необходимый для растенія, но вредный, при излишествѣ, для животныхъ газъ —

углеродъ, чрезъ него, при посредствѣ впиваемыхъ листьями лучей солнечныхъ, перерабатываются наполняющій ихъ сокъ въ вещество, нужное для растенія и его плода и возвращаются въ растеніе, а тамъ оно, размѣщаясь по частямъ растенія, утолщаетъ его и даетъ материалъ для новыхъ побѣговъ.

Эта же дивная сила превращаетъ почку растенія, изъ которой должна бы выдти новая вѣтка съ листьями, въ цвѣтокъ, каждому растенію свойственный и устраиваетъ его такъ, что онъ заражаетъ плодъ съ сѣмечками.

Какъ все это дѣлается? Богъ вѣсть.

И много, много есть вещей въ мірѣ, непостижимыхъ уму человѣческому. Потому-то человѣкъ долженъ сознаться, что есть предѣлъ его вѣданію, что умъ его ограниченъ, бѣденъ, нищъ предъ безпредѣльною мудростю Божіею, смириться предъ Нимъ и помнить изреченіе Господа Иисуса Христа: «блаженны нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное», и взвывать благоговѣйно: «чудны дѣла Твоя, Господи! Вся премудростію сотворилъ еси!

Господи! Ты испыталъ меня, и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь, и когда встаю; Ты разумѣешь помышленія мои издали. Иду ли я, отыхаю ли, Ты окружаетъ меня, и вѣсль путь мои извѣстны Тебѣ. Еще нѣтъ слова на языкъ моемъ. Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты обгемлешъ меня, и полагаешь на мнѣ руку Твую. Дивно для меня вѣдніе Твое, — высоко, не могу постигнуть Его! Куда пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего куда убѣгну? Взойду ли на небо, Ты тамъ, сойду ли въ преисподнюю и тамъ Ты. Возьму ли крылья зари, и переселюсь на край моря; и тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: можетъ быть, тьма скроетъ меня, и съпѣтъ вокругъ меня сдѣлается ночью. Но и тьма не затмитъ отъ Тебя, и ночь съпѣта, какъ день; какъ тьма, такъ и съпѣтъ. Ибо Ты устроилъ внутренности мои, и сокалъ меня во чревѣ матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроенъ. Дивны дѣла Твои, и душа моя вполнѣ сознаетъ это. Не скрыты были отъ Тебя kostи мои, когда я созидаемъ былъ въ тайнѣ, образуемъ былъ во глубинѣ утробы. Зародыши мои видѣли очи Твои; въ Твоей книжѣ записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было. Какъ возвышенны для меня по-

мышленія Твои, Боже, и какъ велико число ихъ! Стану ли исчислять ихъ, но они многочисленные песка; когда я пробуждаюсь, я все еще съ Тобою. О, если бы Ты, Боже, поразилъ нечестиваго! Удалитесь отъ меня кровожадные! Они говорятъ противъ Тебя нечестиво; суетное замышляютъ враги Твои. Мнъ ли не возненавидѣть ненавидящихъ Тебя, Господи, и не возненавидѣть возстающими на Тебя. Полною нѣжавистю ненавижу ихъ; враги они мнъ. Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое: испытай меня и узнай помышленія мои. И зри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вечный. Пс. 138.

IX.

Кинемъ бѣглый взглядъ на царство живыхъ обитателей водъ, воздуха и сушки.

Здѣсь видимъ, что океаны, моря, рѣки наполнены такимъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ животныхъ, рыбъ, гадовъ и насѣкомыхъ, что даже невозможно исчислить всѣ виды ихъ.

Одни изъ нихъ (напримѣръ — киты) такъ огромны, что величиной своей будуть съ крестьянское гумно съ ригой, другіе (инфузоріи) такъ малы, что простыми глазами размотрѣть ихъ нельзя.

Одни изъ нихъ плаваютъ съ быстротою молнии въ водѣ, другіе ползаютъ по тинистому дну, иные скрываются въ вырытыхъ въ берегу норахъ.

Говорить о пользѣ, приносимой ими человѣку, было бы излишне — она всякому извѣстна. Обратимъ внимание на устройство ихъ тѣла.

Всмотришься въ самую обыкновенную рыбку — плотичку: всѣ части ея тѣла устроены такъ, чтобы ей быстро и свободно плавать.

Она плоска и овальна, головка ея нѣсколько къ ея рту заострена, чтобы ей легко было разрѣзать воду, когда плыветъ.

У ней съ боковъ и на спинѣ плавни, сзади хвостъ: это у ней весельцы и рульки, которыми она гребеть и управляетъ своимъ бѣгомъ.

У ней кости тонки и гибки, чтобы ей свободно производить движение.

Внутри ея пузырь, наполненный воздухомъ, чтобы она легко могла подыматься съ низу на верхъ.

Она покрыта слизистою одеждой, чтобы вода треніемъ не представляла ей затрудненія въ ея бѣгѣ.

Какъ красива она въ этой серебристой своей одеждѣ!

Эта одежда сдѣлана изъ самыхъ тонкихъ чешуекъ, одна на другую сложенныхъ, и, какъ броня, плотно все ея тѣло покрывающихъ, почему нисколько не стѣсняетъ ее во всѣхъ ея движеніяхъ.

Какъ красивы каждая изъ этихъ чешуекъ и какъ искусно приложены онѣ одна къ другой. Въ состояніи ли сдѣлать что либо такое въ такомъ совершенствѣ руки самаго искуснаго мастера?

Посмотрите на рака: въ какія латы одѣтъ онъ, чтобы защитить его вкусное мясо отъ хищныхъ рыбъ, и какими клешнями вооруженъ онъ, чтобы защищаться отъ непріятелей и доставать себѣ пищу.

Еслибы эти латы оставались у него постоянно однѣ и тѣ же, онъ не могъ бы рости, и вотъ Господь устроилъ такъ, что каждогодно онъ скидываетъ свою старую одежду, и природа изготавливаетъ ему новую, по его росту.

Ему легко потерять свои клешни, а безъ нихъ онъ не могъ бы доставать себѣ пищи и защищать себя, и вотъ Творецъ устроилъ такъ, что если онъ, по какому либо случаю, лишится клешни, выростаетъ новая.

Такъ мудро промышляетъ Богъ о всякомъ Своемъ твореніи, даже и о самомъ, по нашему понятію, ничтожномъ насѣкомомъ.

X.

А сколько разнообразныхъ породъ птицъ!

Однѣ веселятъ нашъ взоръ красотою своихъ перьевъ, другія услаждаютъ нашъ слухъ своимъ пѣніемъ, иныя удивляютъ насъ своимъ могучимъ полетомъ, а иныя искусствомъ плавать и нырять.

Съ какою важностію выступаетъ павлинъ, развертывая свой огромный, радужными узорами украшенный хвостъ! Онъ какъ бы говоритъ намъ: смотрите, какую чудную красоту создалъ Богъ и славьте Его премудрость!

Вотъ запѣлъ жаворонокъ. Смотрите: онъ все выше и выше подымается къ небу, и все веселѣе и звучнѣе, пріятнѣе его пѣсни. Онъ поетъ хвалу Творцу и намъ говоритъ: чѣмъ болѣе будете возноситься мыслю отъ земнаго къ небесному и славить Творца своего, тѣмъ болѣе найдете радости въ жизни.

А кто не заслушивался соловья? Какъ громко онъ щелкаетъ, какъ сильно и чисто свиститъ, какая выдѣлываетъ трели! Какими искусствами переливами голоса онъ связываетъ свое щелканье, свистъ, трели, то нѣжно ослабѣвая, то какъ бы свирѣлью раздаваясь вдалекъ. А между тѣмъ какая это маленькая и неказистая птичка! Ее не вдругъ отличишь отъ воробья. Отъ чего же у ней такой громкій и отличный голосъ? Отъ того, что такъ искусно Богъ устроилъ его горлышко, носокъ и язычекъ.

Посмотрите — паритъ орель. Сильными мышцами, крѣпкими перьями, острыми когтами, твердымъ крючковатымъ клювомъ, зоркими глазами, смѣлымъ взглядомъ одарилъ его Господь. Какъ широко распустилъ онъ свои могучія крылья! Онъ изрѣдка, тихо, едва замѣтно ими движетъ и какъ бы плыветь въ воздухѣ. Плавно онъ дѣлаетъ круги и все выше и выше вздымается, Зорко и грозно осматривается онъ окрестности и какъ бы говоритъ: «кто выше меня? кто противъ меня?» Всѣ птицы въ страхѣ замолкли, притаились, кто припавъ къ землѣ, кто забившись въ чащѣ листьевъ. А онъ все выше и выше; вотъ уже подъ облаками, едва можно разсмотретьъ его. Кажется, онъ въ своей дерзости хочетъ достичь солнца. Вотъ уже видится одна только черная точка, наконецъ даль совсѣмъ скрываетъ его отъ нашихъ глазъ. Птички вновь зачирикали, стали выпархивать изъ своихъ убѣжищъ. Вдругъ орель, какъ брошенный камень, падаетъ съ высоты на высмотрѣнную имъ добычу, вонзаетъ въ нее свои когти и несется съ нею въ даль, но пуля стрѣлка поражаетъ его и онъ падаетъ мертвымъ.

Не такъ ли иные изъ людей, одаренные отъ Бога великимъ умомъ, быстрымъ соображеніемъ, могучею волею, вместо того, что бы высокія свои способности употребить на пользу роду человѣческому и облагодѣтельствовать народы, обращаютъ ихъ на осуществление своихъ честолюбивыхъ и властолюбивыхъ плановъ, и достигнувъ власти, страхомъ своей

силы владычествуютъ надъ людьми и угнетаютъ слабыхъ. Не мало было и такихъ, которые, сокрушивъ сопротивлявшіяся имъ народы и царства, покоряли почти весь міръ и когда уже считали себя непобѣдимыми и въ гордости сердца своего говорили: «выше облакъ поставлю престолъ мой, буду равенъ Вседержителю», мгновенно, по волѣ Провидѣнія падали съ своей высоты и обращались въ ничтожество.

А вотъ посмотрите на бѣлоснѣжную лебедь — это украшеніе прудовъ въ царскихъ садахъ. Какъ прекрасна она! Что бы ей легко было держаться на водѣ и удобнѣе плавать, Господь одѣлъ ее густымъ, мягкимъ пухомъ и далъ ей широкія плавни. Какъ величаво плыветъ она, загнувъ назадъ свою прекрасную шею. Кротка она въ своемъ величиіи, скромна, ласковъ ея взглядъ. За то, какъ она любима всѣми!

Не такъ ли любимы и тѣ люди, которыхъ хотя Господь возвысилъ надъ другими властію и дарованіями, но они остаются кроткими и обходительными съ низшими ихъ званіемъ и способностями.

А вотъ это обладатель болотъ — журавль. Чтобы ходить ему по болотамъ и ловить въ тинѣ и въ лужахъ лягушекъ и змѣй, ему даны высокія ноги и длинный носъ. Не трогайте его — пусть дѣлаетъ свое дѣло и истребляетъ вредныхъ гадинъ.

Вотъ и милая птички — голуби. Онъ примѣръ чистоты, незлобія и супружеской вѣрности. Какъ мило онъ воркууютъ и кормятъ изъ своего рта своихъ птенцовъ.

Но возможно ли перечесть всѣхъ? помянемъ еще о нашей сожительницѣ курочекѣ-кудахтушкѣ, и о пѣтухѣ — нашемъ будильщикѣ.

Вкусное ихъ мясо любятъ хищные ястребы и орлы, а они почти беззащитны: нѣть у нихъ ни быстраго полета, какъ у голубя, чтобы уйти отъ нихъ, ни искусства вить гнѣзда въ сокрытыхъ отъ взора мѣстахъ, какъ у иволги и другихъ птишекъ. Ихъ назначеніе быть сожителями человѣка и у него искать защиты, и Богъ одарилъ самокъ способностью нести почти круглый годъ вкусныя и питательныя яйца, а самца возвѣщать своимъ голосомъ время ночи. Эти способности дали этой породѣ птицѣ покровителя — человѣка. Онъ далъ ей пріютъ у себя, охраняетъ ее и кормитъ.

Какъ въ устройствѣ тѣла рыбы все приспособлено, чтобы

имъ плавать въ водѣ, такъ все въ устройствѣ тѣла птицъ приспособлено къ тому, чтобы имъ летать въ воздухѣ. У птицы небольшая голова съ острымъ клювомъ на длинной шѣ, которую она при полетѣ вытягиваеть впередъ, а тѣло ихъ какъ овальный шаръ. Все это для того, что бы имъ при полетѣ легче разсѣкать воздухъ и менѣе встрѣчать препятствія въ сопротивлѣніи воздуха.

Кости у нихъ плоски, тонки и по большей части имѣютъ пустоту, такъ же какъ и всякое перо, которымъ они одѣты. Это для того, что бы онѣ были легче и больше вмѣщали въ себѣ воздуха, и что бы этотъ воздухъ, нагрѣтый жизненною теплотою птицы, какъ паръ, стремясь вверхъ, помогъ птицѣ подыматься и держаться въ воздушномъ пространствѣ.

Съ боковъ птицы мудро-премудро приложены крылья и снабжены такими мышцами, что посредствомъ ихъ птица, по своему произволу, можетъ распускать свои крылья, какъ вѣръ, и сильно махать ими, и такимъ образомъ ударяя ими по воздуху, подыматься вверхъ.

Сзади у птицы хвостъ, который она также можетъ распускать. Онъ у ней, какъ руль въ лодкѣ, чтобы направлять свой полетъ туда, куда она хочетъ.

Впрочемъ, чтобы подивиться премудрости Божией, достаточно поднять выпавшее у птицы перо и внимательно всмотрѣться въ него. Оно составлено изъ такого же вещества какъ рогъ, волосъ, шерсть. Но какъ это вещество здѣсь измѣнилось въ своемъ видѣ и какія новыя приняло свойства. Стволъ покрытъ тонкою глянцовитою оболочкою. Въ основаніи эта оболочка пола, а къ верху наполнена бѣлою легкою мякотью; по сторонамъ ея съ боковъ выросла опушка, состоящая изъ множества тончайшихъ пластинокъ; каждая изъ нихъ имѣеть съ обѣихъ сторонъ еще тончайшія, едва замѣтныя для зреѣнія, насѣчки, и въ такомъ правильномъ отношеніи къ насѣчкамъ сосѣднихъ пластинокъ, что насѣчки каждой пластинки входятъ между насѣчками сосѣднихъ пластинокъ, и чрезъ то всѣ пластинки, соединяясь между собою, скрѣпляются и составляютъ легчайшую и плотнѣйшую ткань, не проницаемую ни для воды, ни для воздуха. Замѣчательно свойства этой ткани: если въ какомъ либо мѣстѣ она разорвется, то стоять только соединить разорванныя части и онѣ срастутся, и ткань явится въ прежнемъ цѣлостномъ видѣ.

Что бы сдѣлать такое перо, сколько нужно премудрости и искусства, а такихъ перьевъ для каждой птицы нужно тысячи. И все это изготавливается, выростаетъ само собою по таинственнымъ законамъ, установленнымъ Творцемъ отнѣчала. Не диво ли это?

А кто научилъ этихъ пернатыхъ съ наступленіемъ сильныхъ жаровъ въ тропическихъ странахъ, переселяться оттуда къ намъ въ умѣренныя и холодныя страны, когда у насъ здѣсь начинается весна, а съ наступленіемъ у насъ зимы вновь улетать въ тропическія страны, когда тамъ минуютъ жары и настанетъ прохлада?

Кто же могъ надѣлить ихъ такимъ самознаніемъ, какъ не тотъ же премудрый и всеблагій Устроитель, который и въ сѣмячко вложилъ силу производить извѣстное растеніе и въ свое время давать плодъ?

Посмотрите, какъ искусно ласточка слѣпила свое гнѣзда изъ глины и прикрѣпила къ углу окна, или къ стропилу сараля; овсянка и малиновка свили свои изъ волосковъ и мха между вѣтками густаго кустика, а иволга сплела изъ травинокъ и повѣсила на вѣточкѣ дерева, какъ колыбель! Посмотрите какъ они искусно внутри каждого изъ этихъ домиковъ изъ мелкихъ перышковъ и пуха устроили мягкія и теплія постельки для своихъ птенцовъ!

Кто изъ мыслящихъ людей, увидѣвъ птичье гнѣзда, не остановится предъ нимъ, и не задастъ себѣ вопроса: откуда въ безсловенномъ этомъ животномъ такое умѣніе и искусство? и не скажетъ: чудно, Господи, Ты умудрилъ это Твое твореніе, и въ этомъ маломъ существѣ явилъ Свою, недосыгаемую человѣческимъ умомъ премудрость! И такимъ образомъ, какъ предъ алтаремъ, пожреть жертву хвалы.

Да, это олтари Твои, Господи, Царю и Боже мой! Олтари, которые Ты Самъ воздвигаешь предъ нашими очами, что бы мы возносили Тебѣ жертву хвалы, что бы на всякомъ мѣстѣ славилось пресвятое имя Твое. А между тѣмъ находятся же между людьми такие безсердечные невѣжды, которые безъ нужды, даже для одной глупой забавы дерзаютъ безжалостно разорять эти олтари Твои, Господи. Но не думайте вы, дерзкие невѣжды, что такое злое дѣло ваше пройдетъ безнаказаннымъ. Рука, безжалостно посягнувшая на трудъ и искусство малыхъ пернатыхъ тружениковъ, на олтарь,

Самимъ Богомъ воздвигнутый, можетъ ли ожидать благословенія Божія въ своихъ трудахъ. Злой человѣкъ! Если не трогаетъ твое зачерствѣлое сердце жалобный плачъ летающей около тебя пташки, то знай, что жалобу ея слышитъ Творецъ и за раззоренное нами гнѣздышко пташки, можетъ быть, допускаетъ огни испепелить нашъ домъ, за замученного безъ пользы и нужды звѣрька — терпѣть жестокую болѣзнь, сносить тяжкую несправедливость или жестокую обиду людей.

«Коль возвлоблена селенія Твоя, Господи силъ. Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастася о Богъ живъ. Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица инъздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя, олтары Твоя, Господи силъ, Царю мой и Боже мой. Блажени живущіи въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя. Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его у Тебе, Пс. 83.

Утверждаютъ, что ласточки предъ наступленіемъ зимы скрываются въ будкахъ или въ глубинѣ морей и тамъ окачиваются, а съ наступленіемъ весны оживаются и такимъ образомъ являются намъ образъ воскресенія изъ мертвыхъ. Это прекрасно изобразилъ поэтъ Державинъ въ своемъ стихотвореніи.

Ласточка.

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, косаточка,
Лѣтнія гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешься, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышикѣ бѣшь.
Ты часто по воздуху вѣшься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь,
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь своей.
Ты часто, какъ молния, рѣшься
Мгновенно туды и сюды;

Сама за собой не успѣшь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащену,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленої,
Тамъ нивы въ винцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсь отдаленный,
Тамъ мошки толкуются столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтѣ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелестъ ты видишь природѣ,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучный приходъ.
И прячешься въ бездны подземнѣ,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна;
Но только лишь придется весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ мертваго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы —
И новый лучъ жизни ты пѣшь;
И сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гости ти міра:
Не ты ли перната сія?
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я.

XI.

Теперь взглянемъ на звѣрей и скотовъ.

Здѣсь опять удивительное разнообразіе видовъ, но тѣло каждого животнаго устроено такъ, чтобы имъ жить на сушѣ: ходить, бѣгать, прыгать, отыскивать сродную каждому изъ нихъ пищу, добывать ее и защищаться отъ враговъ. Всѣ они снабжены отъ природы одеждой, сообразною климату, въ которомъ имъ предназначено жить: чѣмъ холоднѣе страны, тѣмъ пушистѣе и теплѣе мѣха живущихъ тамъ звѣрей.

Посмотрите на слона: онъ огромнѣй и дебелѣе всѣхъ земныхъ животныхъ. Чтобы поддерживать такое тяжелое тѣло, даны ему толстыя ноги — сгибать ихъ ему неудобно, го-

лова его высоко отъ земли, и утверждена на короткой толстой шеѣ, — наклоняться ему къ землѣ нельзя. Какъ же онъ будетъ щипать траву и пить воду, чтобы ему ъѣсть и пить? И вотъ ему данъ хоботъ, онъ имъ какъ рукою береть пищу и вкладываетъ въ ротъ, натягиваетъ, какъ насосомъ, воду и выливаетъ ее такъ же въ ротъ.

Посмотрите на зайца: чѣмъ ему защищаться отъ враговъ? У него нѣтъ роговъ, когти его малы и не остры, — самъ онъ безсиленъ. За то даны ему чуткій слухъ, быстрый бѣгъ и способность мѣнять цвѣтъ шерсти: лѣтомъ онъ сѣрый, чтобы скрываться за камнемъ, зимой бѣлый, чтобы нельзя было отличить его отъ снѣга, когда онъ скроется за сугробомъ.

Всѣ животныя были покорные слуги человѣка, пока онъ самъ былъ покоренъ своему Владыкѣ — Богу, но какъ скоро человѣкъ вышелъ изъ повиновенія своему Господу и страсти забушевали въ его душѣ, тогда и большинство этихъ слугъ, сдѣлавшись олицетвореніемъ страстей человѣка, отступились отъ него и стали враждебны ему. Только немногія изъ нихъ, самыя необходимыя для человѣка, по самому устройству своего состава нуждающіяся въ попеченіяхъ и защитѣ человѣка, остались вѣрны и покорны ему.

Это наши сожители: кормилица — коровка, работничекъ — лошадка, одеженька — кроткая овечка, другъ и сторожъ — собака, крысодавъ и наша забава — котъ.

Безропотно отдаетъ намъ коровка и своего теленка и свое вкусное, питательное молоко въ благодарность за то, что мы пріютили ее на зиму въ тепломъ хлѣву, приготовили ей сѣнца и соломы, поимъ ее пойлицемъ. И чѣмъ лучше за нею уходъ, чѣмъ болѣе и лучше кормимъ и поимъ ее, тѣмъ болѣе она даетъ намъ молока. Не хочетъ оставаться въ долгу, и за добро платить добромъ.

Вотъ она будетъ на праведномъ Божиемъ судѣ уликою противъ всѣхъ неблагодарныхъ людей: противъ тѣхъ, которые забыли своихъ благодѣтелей, призрѣвшихъ ихъ въ сиротствѣ, или выручившихъ въ нуждѣ; противъ тѣхъ неблагодарныхъ дѣтей, которые за заботы родителей о ихъ воспитаніи заплатили имъ непочтительностю и непослушаніемъ, огорчили ихъ своимъ дурнымъ поведеніемъ; противъ всѣхъ тѣхъ людей, которые не прославили Бога своею жизнью за всѣ Его благодѣянія къ намъ людямъ.

Но я слышу: кто-то говоритъ: не всякая корова даетъ теленка и молоко, иные остаются яловыми, а другія, какъ ни корми ихъ, молока даютъ мало. Ну, скажи же, что дѣлаютъ съ такими коровами? Вѣдь ихъ убиваютъ, или продаютъ на убой. Помни же это!

Лошадка!. Это Богомъ данный намъ рабъ-работникъ.

Устройство всѣхъ частей лошади приспособлено къ тому, чтобы помогать намъ пахать землю, возить тяжести, ускорять наше передвиженіе съ одного мѣста на другое — облегчать наши путешествія и сообщенія другъ съ другомъ.

Довольно всмотрѣться въ устройство копыта, чтобы уразумѣть, что Богъ, при сотвореніи этого животнаго, провидѣлъ, на что и какъ будетъ употреблять его человѣкъ. Не далъ же Онъ, Всевѣдущій, ему ни ногтей, ни когтей, ни раздвоенаго копыта, а далъ копыто широкое, толстое, крѣпкое, удобное для прикрѣпленія къ нему подковы, чтобы оно, напрягая силы при возкѣ тяжестей, имѣло болѣе твердую опору, чтобы нога не такъ легко ввязала въ мягкой почвѣ и чтобы ни крѣпкій каменистый грунтъ, ни острые на дорогѣ камни не вредили ногъ.

Какъ красиво это животное! Какой кроткій, покорный у него взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой благородный у него видъ! Оно какъ бы сознаетъ, что оно первый лучшій слуга царя земли — человѣка!

Оно смѣло выступаетъ на полѣ браніи и, покорное своему всаднику, не обращая вниманія ни на громъ пушекъ и трескъ ружей, ни на свистъ летающихъ вокругъ его ядеръ, картечъ и пуль, то стоитъ неподвижно, то стремится въ ряды враговъ, защищая грудью своего повелителя.

Громкимъ ржаніемъ оно издалека изъявляетъ свою радость при видѣ добра го своего хозяина, или своихъ вѣрныхъ товарищѣй; но не дано ему способности голосомъ выражать свою боль, свою печаль, и когда бьетъ его хозяинъ, оно молчитъ и только иногда слезы струятся изъ его глазъ.

Вотъ образъ вѣрнаго раба и слуги!

Какъ безсердеченъ, жестокъ долженъ быть тотъ человѣкъ, который не бережетъ такого, даннаго ему Богомъ, помощника: не кормить его вдоволь, обременять его непосильными работами и безжалостно бьетъ его! Какой онъ самъ можетъ

ожидать отъ Бога милости, когда такъ не милосердъ къ такому прекрасному, такому полезному для насъ созданию Его!

Блаженъ и скоты милуяй, говоритъ Писаніе.

Говоря о лошади, нельзя не вспомнить объ ослѣ, верблюдѣ и оленѣ.

Есть страны сплошь покрытыя горами; онѣ, громоздясь одна на другую, вершины свои возносятъ подъ облака, и, даже, за облака. Во многихъ мѣстахъ то отвесныя скалы, то мрачныя пропасти, то бурные потоки преграждаютъ путь страннику. Обитатели такихъ странъ, при своихъ путешес-твіяхъ, должны карабкаться по крутымъ склонамъ горъ, или осторожно пробираться по узкимъ тропинкамъ, по краю пропасти, или по берегу пѣняющейся рѣки. Здѣсь не замѣнимъ оселъ: онъ терпѣливо несетъ свою ношу на крутину и хотя медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ лѣпится по покрытой обломками камней, едва замѣтной тропѣ.

Есть на землѣ такія жаркія страны, гдѣ дождей почти не знаютъ, а солнце палить страшно. Тамъ нѣть ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни колодцевъ; изсушенная земля обратилась въ сыпучій песокъ, который при вѣтре волнуется какъ море; нѣть тамъ ни травки, ни деревца, ни кустика. Изрѣдка, кое-гдѣ попадется колючее, какъ дѣдовничь, растеніе. Эти страны называются пустынями, и онѣ такъ обширны, что нужно нѣсколько дней, даже недѣль, чтобы перейти чрезъ нихъ.

Здѣсь выручаетъ человѣка верблюдъ.

У него голова небольшая, на длинной шеѣ, ноги тонки и длинны, на спинѣ два или одинъ горбъ.

Онъ легокъ на ходу и дѣлаетъ большие шаги. Головой своей, какъ птица, онъ легко разсѣкаетъ предъ собою воздухъ; тонкія и высокія его ноги легко справляются съ песткомъ, а горбы его замѣняютъ человѣку и сѣдло и телѣгу: онъ на нихъ сидитъ и складываетъ свою поклажу.

Сверхъ того верблюдъ Ѳѣсть какъ лакомство тѣ колючія растенія и всякую засохшую траву, какія попадаются изрѣдка въ пустынѣ.

А главное: верблюдъ нѣсколько дней можетъ обойтись безъ питья. Внутри его есть запасный желудокъ, какъ мѣшокъ, въ который онъ набираетъ себѣ воду на нѣсколько дней, такъ, что когда у человѣка выдѣтъ весь запасъ воды и ему

предстоитъ смерть отъ жажды, онъ убиваетъ верблюда и добываетъ изъ его желудка себѣ воду.

На верблюдѣ-то люди, какъ на кораблѣ, переправляются чрезъ пустыни, почему верблюда и называютъ *кораблемъ пустыни*.

Есть на землѣ и такія холодныя страны, гдѣ зима длинная, лѣто короткое, такъ, что тамъ ни травы, ни деревьевъ не растетъ, а только мохъ покрываетъ необозримыя тундры. Жители этихъ странъ хлѣба нашего не знаютъ, а питаются, вмѣсто него, рыбью, которой тамъ въ рѣкахъ, и при берегахъ океана множество. Они ею запасаются въ короткое лѣто на зиму, вялятъ ее и сохраняютъ въ ямахъ, какъ мы хлѣбъ въ амбарахъ. Здѣсь ни корова, ни лошадь жить не могутъ, а замѣняетъ ихъ человѣку олень.

Олени кормятся мхомъ, не нуждаются ни въ хлѣбѣ, ни въ изгороди: живутъ стадами, на свободѣ, и даже зимой добываютъ сами свой кормъ, разрывая копытами сугробы снѣга.

Они, запряженные гусыкомъ въ легкія, длинныя сани, быстро мчать человѣка по снѣжныхъ пустынямъ, — легкія ихъ ноги не вязнутъ въ снѣгу.

Самки ихъ, какъ наши коровы, даютъ обильно вкусное и здоровье молоко.

Мясо ихъ вкусно, какъ дорогая дичина.

Шкуры ихъ даютъ самый теплый мѣхъ, и изъ нихъ сѣверные обыватели не только дѣлаютъ всю свою одежду, но покрываютъ ими свои юрты — ихъ кровъ — жилище.

Надобно замѣтить, что по неимѣнію тамъ лѣсовъ, жители не могутъ строить домовъ или избѣ, а принуждены жить въ шалашахъ. Эти шалапи и называются юртами.

Даже нитки, чтобы спить свою одежду, тамошніе жители выдѣлываютъ изъ жилья оленыхъ.

Вотъ какихъ чудныхъ животныхъ создалъ Господь, предвидя, что въ такихъ мѣстахъ человѣкъ будетъ имѣть въ нихъ нужду.

Овечка! Какое это милое, кроткое животное! Недаромъ она нашла пріютъ и защиту у человѣка. Она даетъ ему за это свое тонкое руно на одежду, свое мясо, а въ иныхъ странахъ и молоко на его харчъ, свою шкурку на тулупъ и обувь. Она примѣръ беззащитной по своей природѣ кро-

тости и незлобия, а между тѣмъ есть ли какое другое племя изъ царства животныхъ столь многочисленное и повсюду распространенное? Не напоминаетъ ли это намъ изреченія Христа: «*блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю*»?

Собака!... Это вѣрный другъ и сторожъ человѣка. За брошенный ему объѣдокъ и устроенную тѣсную кануру, онъ данный ему Творцемъ даръ: чуткій слухъ и тончайшее обоняніе употребляетъ на сохраненіе жизни и достоянія своего хозяина и на указаніе искомой имъ добычи. Почуя врага своему хозяину, онъ громкимъ лаемъ возбуждаетъ его къ осторожности, и для защиты его бросается на врага съ полною готовностію жертвовать за него свою жизнью, и послушный ему, по одному его мановенію, исполняетъ его волю. Какъ радуютъ его ласки хозяина, какъ грустенъ его видъ, когда хозяинъ наказываетъ его.

Котъ! Это еще сожитель и охранитель достоянія человѣка отъ мелкихъ, но многочисленныхъ враговъ его — мышей и крысъ. Какъ бы чувствуя назначеніе свое жить вмѣстѣ съ человѣкомъ, онъ всегда опрятенъ, вѣжливъ. Какъ мило онъ ласкается, какъ забавно играетъ!

Напомню вновь, что отъ всякаго изъ сихъ животныхъ мы требуемъ, чтобы оно поступало по своему назначенію; когда же оно поступаетъ не такъ, мы наказываемъ его, и даже убиваемъ. Слѣдовательно, тѣмъ самыемъ обязываемъ и самихъ себя поступать и жить сообразно своему человѣческому назначенію.

XII.

Въ царствѣ животныхъ мы взглянули на рыбъ, птицъ, звѣрей, скотовъ; остается еще область этого царства самая обильная, разнообразіемъ и количествомъ твореній Божіихъ, — это область *насекомыхъ*.

Какое ихъ множество! Кто перечислить одни только виды ихъ! И всѣ они имѣютъ *душу живу* — пользуются жизнью, имѣютъ свои радости, свои удовольствія. Всѣ сообразно цѣли, назначеннай имъ Творцемъ, имѣютъ своеобразное устройство тѣла. Всякое изъ сихъ малыхъ является разумному наблюдателю мудрость и благость Творца.

Мы взглянемъ только на трехъ существъ изъ этой области: бабочку, муравья и пчелу.

Бабочка! Вѣдь она была прежде червемъ — гусеницей, ползала по растеніямъ, ёла жадно листья, потомъ завернулась, какъ въ саванъ, въ выпущенные изъ себя нити, облила ихъ какимъ-то клейкимъ сокомъ, и сдѣлала изъ своего савана гробикъ, потомъ и умерла. Прошло нѣсколько дней — гробикъ раскрылся и вышла оттуда бабочка, расправила крылышки и вотъ летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, любуется красотою ихъ и выбираетъ изъ нихъ своимъ тонкимъ хоботкомъ, въ свое наслажденіе, сладкій нектаръ.

Внемлите! Она громче всякаго проповѣдника всѣмъ намъ проповѣдуется: не страшитесь смерти и гроба! Господь воскресить и вѣсъ, такъ же какъ и меня, и преобразить ваше земное, бренное тѣло въ небесное — духовное. Но замѣчайте такъ же: мы бабочки разныхъ видовъ, однѣ изъ насъ дневныя: онѣ красиѣе одна другой, разукрашены разными цвѣтами и узорами, любить дневной свѣтъ и весело порхаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, выбирая изъ нихъ тонкимъ хоботкомъ сладкій сокъ. Но есть и бабочки ночные; некрасивы онѣ: темнаго, сѣраго цвѣта, угрюмы — мрачны видомъ, боятся свѣта Божія, прячутся въ тѣни, гдѣ помрачнѣе, и, какъ летучія мыши и совы, летаютъ только ночью. Такъ будетъ и въ воскресеніе мертвыхъ: кто любилъ здѣсь *сіяніе славы Отчей* (Евр. 1, 3) Христа Сына Божія и жилъ во свѣтѣ Его заповѣдей, творилъ дѣла Божія, тотъ преобразится въ подобіе свѣтла Ангела и будетъ въ свѣтѣ лица Божія, радоваться, созерца чудныя дѣла Еgo. А кто не любилъ свѣта Божія и жилъ въ тѣмѣ лжи и лукавства, творилъ дѣла діавола, тотъ преобразится въ подобіе духа тмы и извергнется во тму кромѣшную, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Посмотрите на муравьевъ. Какія они крошки! А между тѣмъ, смотрите, какія они для своего жилища устраиваютъ пирамиды. Бываютъ, почти, въ сажень вышиною. Если сравнить по величинѣ муравья съ человѣкомъ и задать людямъ, для примѣра въ воображеніи, задачу, чтобы они выстроили пирамиду въ столько разъ болѣе роста человѣческаго, во сколько муравейникъ болѣе муравьевъ, то, пожалуй, пришлось бы строить высотою до облакъ.

Въ муравейникѣ подѣланы во всѣхъ направленіяхъ ходы и переходы, комнатки для жилья зимой, разныя кладовыя, куда муравьи собираютъ запасы на зиму. Цѣлое лѣто они

трудятся: воть одни разсыпались въ разныя стороны и ищутъ пригоднаго для ихъ постройки материала, или съѣдной для себя пищи, другіе, по продѣланнѣмъ дорожкамъ, тащатъ ѿ песчинку, кто прутикъ, кто найденную личинку или букашку. Третыи, сложивши свою ношу, торопятся опять идти на промыселъ. Пошевели только кто нибудь ихъ муравейникъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ они сбѣгаются туда, гдѣ грозитъ опасность, на общую защиту.

Вотъ за то, какъ придетъ зима, муха, комаръ, скакечъ погибаютъ, а муравей остается живъ и спокойно отдыхаетъ отъ своихъ трудовъ.

Не говорять ли муравьи намъ: «живите дружнѣе между собою, помогайте другъ другу, соединяйтесь въ общества, трудитесь на пользу общую, и будетъ всѣмъ вамъ хорошо, не будете знать нужды и будете въ безопасности».

Премудрый царь Соломонъ говоритъ: *«иди по мравію, о лѣниве, и по ревнѹй, видловъ пути его, и буди онаго мудрѣйший: онъ бо, не сущу ему земледѣльцу, ниже нудящаю его имущиї, ниже подъ владыкою сый, готовитъ въ жатву пиши, и многое въ лѣто творитъ уотованіе. Или иди ко пчелъ, и уважь, колъ дѣлательница есть, дѣланіе же колъ честное творитъ: ея же трудовъ царствіе и простіи во здравіе употребляютъ, любима же есть всѣми и славна, аще силомъ не моюща сущи, но премудростю почтена произведеся. Доколъ, о лѣниве, лежиши; когда же отъ сна востанеши; мало убо спиши, мало же спдиши, мало же дремлеши, мало же обѣмлешіи перси рукама: потомъ же найдетъ тебѣ яки золъ путникъ убожество: скудость же аки благій течеци. Аще же не лѣнивъ будеши, приидетъ яко источникъ жатва твоя, скудость же аки злыи течеци отъ тебе отбѣжистъ».* Притч. Солом. 6, 6—12.

Соломонъ здѣсь упоминаетъ и о пчелѣ: чудная эта мушка! Боже, Боже мой! Какъ Ты умудрилъ ее извлекать изъ растеній и кормъ для своихъ куколокъ, и воскъ для своихъ сотовъ, и медъ для своей пищи? Какъ Ты научилъ ее искусству дѣлать соты — эти дивныя хранилища этой душистой, сладкой пищи? Сколько здѣсь боченочковъ: каждый изъ нихъ правильный шестигранникъ, сплоченный съ другими такъ, что каждая изъ шести сторонъ одного служить одною стороною другому. Какой тутъ экономической расчетъ въ материалѣ!

Какая тонкая и чистая отѣлка во всемъ! До какихъ хитростей ни дошелъ человѣкъ, а до такой мудрости и искусства ему никогда не дойти. Не съумѣть ему изъ цвѣтка собрать воскъ, извлечь медъ и сдѣлать такой соты. Пусть же смирится онъ въ своей гордынѣ и не превозносится, а сознаетъ все свое ничтожество предъ Премудрымъ своимъ Творцемъ, такъ умудрившимъ такое малое наскѣкомое, и пусть, подражая пчелѣ, посвятить дарованнія ему Творцемъ высокія силы ума и воли на собираніе съ духовныхъ цвѣтовъ проповѣдуемыхъ природою и откровеніемъ истинъ, этой духовной, сладчайшей меда, пищи въ жизнь вѣчную, и на созиданіе изъ себя храма Святому Духу, на что Господь умудрить и каждого изъ настѣ также, какъ умудрилъ и пчелу въ составленіи сотовъ, только бы съ нашей стороны было искреннее желаніе достичь того.

Но все ли это, чему человѣкъ долженъ дивиться и учиться у пчелки? Каждый пчелиный рой составляетъ какъ бы особое царство. Въ немъ царица — матка, въ немъ пчелы — работницы. Каждой изъ нихъ назначено дѣло: однѣ наблюдаютъ чистоту въ ульѣ, другія сторожатъ у летковъ, чтобы не залезали въ улей врагъ-хищникъ, иныя собираютъ воскъ, иныя медъ, иныя строятъ соты.

Какъ только приблизится къ улью человѣкъ или животное и пчелы увидятъ, что настаетъ опасность ихъ жилищу, всѣ слетаются, бросаются на врага и вонзаютъ въ него свои жалы, хотя извѣстно, что послѣ того онъ уже жить не могутъ и должны умереть.

Въ ульѣ есть и трутни, они только шумятъ, да дородствомъ своимъ хвалятся. Но надѣй ними исполняются слова Апостола: *«кто не трудился, тотъ и не пышъ»* (2 Сол. 3, 10). Приходитъ осень, и всѣхъ ихъ рабочія пчелы побиваются, чтобы не бѣти зимой чужаго труда.

Не можетъ рой существовать безъ царицы. Какъ только какимъ либо случаемъ рой лишится своей царицы, весь порядокъ въ немъ разстраивается: соръ и умершія пчелы остаются въ ульѣ — никто ихъ не выноситъ; сторожа не стоятъ на своихъ мѣстахъ и въ улей свободно влетаютъ хищники — чужія пчелы, шмели и мухи, даже заползаютъ жуки и черви, и разхищаютъ медъ; пчелы перестаютъ строить новые соты

и всякая изъ нихъ собираетъ медь только для себя, и леть куда вздумается. Приходитъ зима — и все погибаютъ.

Сколько во всемъ этомъ поучительного для человѣка!

Не отъ начала міра эти, повсюду жужжащія и около насъ летающія мушки проповѣдуютъ: «чтите Царя — Божіяго Помазанника; повинуйтесь властямъ, отъ него поставленнымъ; трудитесь честно, исполняйте каждый свое дѣло совѣстно; собираите не для одного себя, но и на пользу общую; соблюдайте во всемъ порядокъ и чистоту; не щадите жизни для защиты общаго отечества; пѣть бѣдствія для людей столь страшнаго, какъ безначаліе, отъ него рушатся царства и погибаютъ цѣлые народы.

Вотъ какихъ *буйихъ* избралъ Господь, чтобы посрамить считающихъ себя премудрыми, и сдѣлалъ ихъ проповѣдниками своихъ истинъ.

Такъ-то все въ *созданномъ* Богомъ мірѣ возвѣщаетъ премудрость и благость Его и проповѣдуетъ вѣчные его законы правды и любви. Бездѣ, на каждомъ шагу, при каждомъ нашемъ взглядѣ предстоять намъ эти проповѣдники. И это не то, что слова человѣка, которыхъ могутъ слышать и понимать только вѣсколько человѣкъ, а множество другихъ людей не услышать и не поймутъ, — это глаголы Божіи, гремящіе во вселенной: отъ нихъ не можетъ укрыться ни одинъ человѣкъ и вѣмъ они понятны.

Не суть рѣчи, нижесловеса, ихъ же не слышатся гласи ихъ. Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ. (Пс. 18, 4, 5).

XIII.

Но вотъ, слышу, вы говорите: а ядовитые змѣи? а отвратительные жабы? а гнусные пауки?

Вы боитесь змѣи, вамъ онъ внушаетъ невольный страхъ, и какъ только завидите его, или бѣжите отъ него, или, если имѣете въ рукахъ палку, поражаете его по головѣ, и не хотите смотрѣть какъ блещетъ его узорчатая, переливающаяся перламутромъ, кожа, и какъ онъ, будучи безъ ногъ, ухищряется, изгибаясь и извиваясь, довольно быстро ползти и даже дѣлать значительные прыжки, потому что знаете, что при

первой возможности онъ ужалитъ и впустить въ васъ свой смертоносный ядъ.

Еще болѣе бойтесь и берегитесь, когда діаволъ или развращенный человѣкъ внушаетъ вамъ, подъ разными хитростями, изворотами умствованій съ обольстительными приманками для вашей чувственности и страстей, мысли противъ правды и закона Божія: онъ смертоноснѣе и опаснѣе змѣинаго яда; бѣгите отъ нихъ подъ сѣнь церкви, или бейте ихъ словомъ Божіимъ.

Вамъ отвратительна пресмыкающаяся жаба. Пусть же она вамъ напоминаетъ, что такъ же отвратительны тѣ люди, которые какъ лягушки валяются въ типѣ невѣжества, страстей и пороковъ, и жизнь которыхъ проходить въ одномъ насыщенніи чѣмъ либо своего чрева, и которые въ лѣнивомъ бездѣйствіи ума не только не размышляютъ о путяхъ Божіихъ, свѣтѣ жизни и о просвѣщеніи души, но не думаютъ ни объ опрятности, ни объ удобствахъ жизни.

Вы гнушаетесь паукомъ! Помните жъ, что такъ же гнусенъ тотъ человѣкъ, который данный ему Богомъ разумъ употребляеть на уготовленіе сѣтей и кововъ къ погибели ближняго.

А не то тѣ же жаба и паукъ станутъ предъ Господомъ вашими обличителями и скажутъ: «вы гнушались нами, а въ сущности вы были такими же, какъ мы, только мы были такими по волѣ Творца для вашего вразумленія, а вы, не смотря на то, стали такими по своей развращенной волѣ».

И сколько явится такихъ обличителей, и какъ безотвѣтны мы явимся предъ своимъ Творцемъ, когда на страшномъ Его судѣ будемъ говорить: «мы не видѣли въ мірѣ ни премудрости, ни благости Творца, мы не слышали законовъ Его, мы не знали Его воли, или: мы знали, да не могли соблюсти заповѣдей Его.»

XIV.

Воздайтъ же Господу, (сыны Божіи), воздайтъ Господу славу и честь. Воздайтъ Господу славу имени Его; поклонитесь Господу въ благолипномъ сияніилицѣ Его. Гласъ Господенъ надъ водами; Богъ славы воззрѣмъ, Господъ надъ водами многими. Гласъ Господенъ силенъ; гласъ Господа ве-

личественъ. Гласъ Господа сокрушаетъ кедры; Господь сокрушаетъ кедры Ливанскіе и заставляетъ ихъ скакать, подобно тельцу, Ливанъ и Сирионъ, подобно молодому единорогу. Гласъ Господа высѣкаетъ пламень огня. Гласъ Господа потрясаетъ пустынью; потрясаетъ Господь пустынью Кадесъ. Гласъ Господа разрѣшаетъ отъ бремени ланей, и обнажаетъ льса; и во храмъ Его все возвѣщаетъ о Его славѣ. Господь возсподалъ надъ потопомъ, и будетъ возсподать Господа царемъ во вѣкъ. Господь дастъ силу народу Своему; Господь благословитъ народъ Свой миромъ. (Пс. 28).

Благослови душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ. Ты одѣваешься сѣптомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ; устроишь надъ водами горніе чертоги Свои, дѣлаешь облака Свою колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра. Ты творишь ангелами Своими духовъ, служителями Своими огонь пылающій. Ты поставилъ землю на твердыхъ основаніяхъ: не поколеблется она въ вѣки и вѣки. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ ты ее; на горахъ стоятъ воды. Отъ прещенія Твоего блѣнутъ они: отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ. Ты положилъ предѣль, которая не преидутъ, и не возвращаются покрыть землю. Ты послалъ источники въ долины: между горами текутъ (воды). Поятъ вспахъ полевыхъ земель; дикие ослы утоляютъ жажду свою. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ. Ты наполнишь горы съ высотъ Своихъ, плодами дѣла Твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота, и зеленъ на ползу человѣка, чтобы произвести изъ земли пищу. И вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ которого блестаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ. На нихъ гнѣздаются птицы: ели — жилище аисту, высокія горы — сернамъ; каменные утесы — убежище зайцамъ. Онъ сотворилъ луну для указанія временъ, солнце знаетъ свой западъ. Ты простираешь тму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ вѣслья звери; львы рыкаютъ о добычи, и просятъ у Бога пищу себѣ. Восходитъ солнце, (и) они собираются и ложатся въ свои логовища. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое и на работу

свою до вечера. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все сокрушаешь Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которыми нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левіафанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Дашь имъ, принимаютъ: отверзасъ руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, лягутъ; отнимешь духъ ихъ, умираютъ, и въ перстъ свою возвращаются; пошлишь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ! Призираетъ на землю и она трясется, прикасается къ горамъ, и дымятся. Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмъ. Да будетъ благопріятна Ему пѣснь моя; буду веселиться о Господѣ. Да исчезнутъ грешники съ земли, и беззаконныхъ да не будетъ болѣе. Благослови, душа моя, Господа! (Пс. 103).

О Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣтный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единій,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждеть, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ, —
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщены,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ, —
Въ Твоемъ величию исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности протекшій мигъ.

Хаоса бытность довременна
Изъ безднъ Ты вѣчности возвзвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденна,

Въ Себѣ Самомъ ты основаљъ.
Себя Собою составляյъ.
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавъ все единимъ словомъ,
Въ творенъи простираясь новомъ,
Ты быль, Ты есть, Ты будешь вѣвѣкъ!

Ты цѣль существъ въ Себѣ вмѣщаешь
Ее содершишь и живиши;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертю животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя рождаются;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки ииля сверкаютъ.
Вратяся, зыблются, сіяютъ
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтиль вожженныхъ миллионы
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи лютъ....
Но огненны сіи лампады,
Иль льдяныхъ кристалей громады,
Иль волны златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтащи міры —
Предъ Тобой какъ поющъ предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія....
Но что мной зрячая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ.
Стократъ другихъ міровъ, — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною, —
А я передъ Тобой — ничто....

Ничто! Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытимъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты,

Тебя душа моя бытъ чаетъ,
Вникаетъ, мыслить, разсуждаетъ:
Я есмь, — конечно есмь и Ты!

Ты есмь — природы чинъ вѣщаешь,
Гласить мое мнѣ сердце то:
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть, — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началь Ты духовъ небесныхъ,
И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю....
Я — царь, я — рабъ; я — червь, я — богъ....
Но, будучи я столь чудесенъ, —
Отъволъ произошелъ? — безвѣстенъ, —
А самъ собой я бытъ не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ бессмертіе Твое!

Неизъяснимый, Непостижный!...
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!...
Но если словословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитть,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться..
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Р томъ, что намъ говоритъ здравый смыслъ, возвѣщаютъ св. пророки и свидѣтельствуютъ опытъ и исторія древняго міра.

I.

Вотъ мы видѣли, что Богъ, чтобы устроить человѣку жи-
лище, холодное и мертвенное само по себѣ вещество сово-
кушилъ въ земной шарѣ; для согрѣванія этого вещества из-
внутри заключилъ въ пѣдрахъ шара огненный океанъ, а для
освѣщенія и согрѣванія его извѣнѣ поставилъ въ небесныхъ
пространствахъ солнце, и, привязавъ къ нему землю, установилъ
ей такое обращеніе около себя самой и солнца, чтобы чрезъ
то были на ней поперемѣнно ночь и день, лѣто и зима; одѣль
ее воздухомъ, чтобы могли дышать имъ и жить на землѣ жи-
вые существа; обильно надѣлилъ ее водою и посредствомъ
воды, теплоты и свѣта сначала обратилъ вещество въ плодо-
носный слой и въ многочисленные породы металловъ и мине-
раловъ, потомъ украсилъ поверхность земли безчисленнымъ
множествомъ разнообразнѣйшихъ, служащихъ на пользу че-
ловѣка, растеній; наконецъ населивъ ее такимъ же множе-
ствомъ живыхъ твореній, сотворилъ человѣка и надъ всѣмъ
этимъ поставилъ его владыкою и царемъ.

Теперь взглянемъ на этого царя земли и владыку всѣхъ
ея богатствъ.

Вника въ одинъ тѣлесный составъ его, мы видимъ, что
усматриваемая нами въ устройствѣ міровъ премудрость Божія
отразилась здѣсь вся какъ бы въ средоточіи, потому люди,
посвятившіе себя на изученіе этого предмета, называютъ че-
ловѣка *малымъ міромъ* и не знаютъ, чѣму болѣе дивиться:
тому ли какъ въ оставѣ — скелетъ человѣческому кости при-
способлены одна къ другой и къ извѣстному ихъ назначенію;
тому ли какъ скрѣплены онѣ связками и жилами; тому ли
какъ чудно протянуты мускулы, чтобы чрезъ нихъ мы, по

волѣ своей, дѣйствовали членами своего тѣла; тому ли, какъ
мудро развѣтлены по всей нашей плоти артеріи, по кото-
рымъ кровь струится отъ сердца къ оконечностямъ тѣла и
питаетъ нашу плоть и кости; *вены*, по которымъ кровь об-
ратно бѣжитъ въ сердце и оттуда въ легкія, чтобы тамъ освѣ-
житься вдыхаемымъ нами воздухомъ; *нервы* — *чувствующіе*, пере-
дающіе чрезъ мозгъ душѣ получаемыя нами, чрезъ органы
чувствъ, впечатлѣнія: *нервы* — *дѣйствующіе*, передающіе
нашу волю мускуламъ и повелѣвающіе имъ производить же-
лаемыя движения въ нашихъ членахъ; тому ли, какъ устроена
наша кожа, на столько твердая, чтобы охранять все это, и
настолько нѣжная, чтобы она была органомъ осязанія; тому
ли, какъ устроены прочіе органы чувствъ: зрѣнія, слуха, вкуса
и обонянія, или тому, какъ въ тѣсномъ пространствѣ нашей
внутренности размѣщены и устроены: *желудокъ* — этотъ чуд-
ный химическій аппаратъ, превращающій всякую съдомую
пищу въ питательный млечный сокъ; разныя *желѣзы* и *печень*,
снабжающія для сего желудокъ приготовляемыи въ нихъ и
необходимыи для пищеваренія: слюною, желудочнымъ сокомъ
и желчью; *млечные сосуды*, всасывающіе млечный сокъ и до-
ставляющіе его въ сердце; *сердце*, превращающее этотъ сокъ
въ кровь и отправляющее ее сначала въ легкія, а потомъ въ
артеріи; *легкія*, очищающія кровь вдыхаемымъ нами возду-
хомъ и выдыхающія вредный для человѣка газъ, углеродъ;
тому ли, какъ приспособлены составъ ноги для передвиженія
человѣка, и составъ руки и ея кисти съ пальцами ко всякому
дѣлу человѣческому.

Чтобы подивиться премудрости Божіей въ устройствѣ че-
ловѣческаго тѣла, довольно присмотрѣться къ устройству глаза.
Оно, во-первыхъ, въ совершенствѣ приспособлено къ зако-
намъ свѣта: для этого въ самой передней части глаза, какъ
бы вдѣлана, роговая, совершенно прозрачная *выпуклая пла-
стинка*; между нею и радужною (цвѣтною, по которой мы
судимъ о цвѣтѣ глазъ) оболочкою, или перегородкою, заклю-
чена *водяная жидкость*, совершенно тоже прозрачная; въ ра-
дужной оболочкѣ, на ея срединѣ, находится круглое отвер-
стіе — *зрачекъ*; за зрачкомъ находится въ перепончатой про-
зрачной сумочкѣ прозрачное же чечевицеобразное тѣло, на-
зывающее *хрусталикомъ*; позади хрусталика лежитъ студени-
стая и прозрачная масса, называемая *стекловидною влагою*.

Она заключена въ чрезвычайно тонкой перепонкѣ, называемой *стекловидного сумочко*. Затѣмъ эта влага окружена мягкою и бѣловоатою перепонкою, называемою *слѣчатою*, которая есть тончайшее развѣтвленіе или разширеніе зрительного нерва, который изъ задней части глаза проходитъ къ мозгу. Наконецъ дно глаза покрыто еще особою тонкою перепонкою, называемою — *сосудистою*, которая покрыта чернымъ веществомъ и дѣлаетъ дно глаза темнымъ.

Вотъ лучи свѣта, отражаемые отъ видимыхъ нами предметовъ, проходя чрезъ выпуклую роговую пластинку и водяную жидкость, по законамъ свѣта переломляются такъ, что достигаютъ зрачка — входятъ въ него, затѣмъ, проходя чрезъ *хрусталикъ* и *стекловидную влагу*, вновь переломляются и, падая на темное дно глаза, рисуютъ тамъ всѣ видимые нами предметы, какъ въ камерь-обскурѣ у фотографа, а нервы *слѣчатой перепонки*, приемля это впечатлѣніе, передаютъ чрезъ мозгъ нашей душѣ.

Не говоря о множествѣ мышцъ и нервовъ, чудно размѣщенныхъ въ полостяхъ глаза, для того, чтобы мы посредствомъ ихъ могли обращать глаза въ разныя стороны, или посредствомъ которыхъ зрачекъ, при сильномъ свѣтѣ, сжимается, а въ темнотѣ разширяется, скажемъ о тѣхъ частяхъ глаза, которая мудрымъ Творцемъ устроены для сохраненія въ цѣлости этого нѣжнаго и драгоцѣннаго органа. Для сего глазной шаръ помѣщенъ въ глубокую *костяную полость* и отдаленъ отъ костяныхъ стѣнокъ глазными мышцами, и большими количествомъ *жирно-клѣтичной ткани*, окружающей его на подобіе эластического покрова. Спереди глаза защищаются *бровями* и *вѣками*. Брови защищаютъ глаза отъ виѣнныхъ вредныхъ вліяній, препятствуютъ поту стекать со лба на виѣшнюю поверхность этого органа и умѣряютъ дѣйствіе весьма сильнаго свѣта, особенно когда онъ падаетъ съ высоты. Вѣки препятствуютъ дѣйствовать свѣту на глаза во время сна, а во время бодрствованія они сближаются или удаляются одно отъ другого такимъ образомъ, что пропускаютъ только такое количество свѣта, какое необходимо для зрѣнія; преграждаютъ путь къ глазамъ постороннимъ тѣламъ (пыли), плавающимъ въ воздухѣ; закрывая глаза въ одно мгновеніе, онъ защищаютъ глаза отъ ударовъ и толчковъ, и наконецъ, находясь въ безпрестанномъ движеніи, предохраняютъ этотъ

органъ отъ продолжительного дѣйствія на него воздуха. Внутренняя поверхность вѣкъ выстлана *слизистою гладкою перепонкою*, которую мы, мигая, какъ бы самою нѣжною губкою, протираемъ и очищаемъ *роговую прозрачную пластинку*, принимающую лучи свѣта; эта *слизистая перепонка* выдѣляетъ изъ себя влагу, которая увеличиваетъ гладкость ея поверхности, по чѣму отъ безпрестанного тренія, производимаго вѣками по глазу, не происходитъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но какъ этой влаги недостаточно, чтобы безпрестанно увлажнять глазъ и, такъ сказать, промывать его, то подъ сѣдомъ глазной впадины, сверху глазнаго шара, находится *слезная желѣзъ*, которая безпрестанно понемногу источаетъ слезы, которая тотчасъ же расходится по всей поверхности сѣдненной перепонки и увлажняетъ глазъ, отъ чего и зависитъ гладкость и блескъ нашихъ глазъ. Слезы, которая не испаряются и остаются на глазѣ лишними, идутъ въ особые канальцы и вливаются въ носовой каналъ. Вѣки вооружены *рѣзницами*, которая отѣня глазъ, защищаютъ его отъ сильнаго дѣйствія свѣта. Однимъ словомъ, Устроитель глаза все предусмотрѣлъ, сообразилъ и предупредилъ всѣ случаиности.

II.

Безспорно, устройство человѣческаго тѣла несравненно превосходить устройство тѣль всѣхъ земныхъ существъ, и человѣкъ по одному только тѣлесному своему составу есть совершенѣйшее изъ нихъ; но не въ этомъ еще главное достоинство человѣка. Важнѣе всего въ человѣкѣ способность представлять себѣ передаваемые ему чувствами предметы, понимать ихъ связь, заключать о слѣдствіяхъ, поставлять цѣль для извѣстной дѣятельности, придумывать пригодныя къ тому средства, сознавать себѣ, свои права и свои обязанности, такъ же права и обязанности другихъ людей, судить что добро, что прекрасно, что зло, что безобразно, и свободно избирать лучшее изъ представляющихся желаній, чувствовать внутреннее усажденіе отъ доброго, прекраснаго, или отъ исполненія долга, равно внутреннее неудовольствіе отъ злого, безобразнаго, или отъ нарушенія своего долга, любить доброе и выражать свои мысли, чувства и желанія раздѣльными звуками — словами — говорить,

Для поясненія всего этого приведемъ самые простые примѣры. Человѣкъ представляетъ себѣ, напримѣръ, слѣдующее: огонь согрѣваетъ, дерево сгараююю свою поддерживаетъ и усиливаетъ огонь, камень не сгараеть, а нагрѣвается и удерживаетъ въ себѣ теплоту, глина и извѣстъ лиши и могутъ связывать камни. И вотъ человѣкъ поставляетъ себѣ щѣль: согрѣть свое жилище, и для того складываетъ изъ камней и глины печь, разгнѣваетъ въ ней огонь, поддерживаетъ и усиливаетъ его дровами и такимъ образомъ нагрѣваетъ камни и удерживаетъ теплоту въ своей избѣ.

Ваня четыре дня работалъ у сосѣдняго помѣщика на сѣнокосѣ, каждый день отъ восхода до заката солнца трудился и заработалъ рубль. Весело ему: сидя въ углу избы, смотрѣть на деньги, считаетъ и пересчитываетъ и думаетъ: «вотъ въ Петровъ день въ селѣ ярмарка, пойду туда, къ Васѣ, покажу ему свою заработку». Приходитъ. Вася сидитъ у постели своей больной матери, и унимаетъ маленькую плачущую сестру. Мать охаетъ и стонетъ... Они третій день уже ничего неѣли, у нихъ нѣть ни кусочка хлѣба. Ваня быстро уходитъ изъ избы, бѣжитъ къ торговцу, покупаетъ на свой рубль хлѣба и еще кое-какого сѣстнаго и приносить къ голоднымъ. «Вотъ вамъ Отецъ прислалъ», — сказалъ и вышелъ. И не жалко Ванѣ денегъ — ему весело на душѣ, онъ чувствуетъ, что сдѣлалъ доброе дѣло, его какъ бы хвалитъ кто-то — добрый предѣбрый, и ему веселѣе, чѣмъ еслибы онъ былъ на ярмаркѣ и щѣль тамъ пряники и булки. И вслѣдъ, кто услышитъ, что сдѣлалъ Ваня, умилится и скажетъ: «добрый онъ мальчикъ, доброе у него сердце — Богъ его не оставитъ».

Максимъ работникъ хороший: щѣлое лѣто былъ въ заработкахъ, трудился что было силы, на лакомство и хмѣль не потратилъ ни копѣекъ; заработанными деньгами уплатилъ всѣ подати и повинности и прокормилъ семью, на остатнныя купилъ шубу, любуется ею и думаетъ: «вотъ она трудовая копѣйка! Слава Богу, теперь я зими не боюсь, не буду дрогнуть, какъ прошлій годъ». А гуляка Семенъ смотрѣть и думаетъ: «вотъ бы подтибрить; славно бы погулять». И въ ту же минуту разсуждаетъ: «это скверно, вѣдь это его кровный трудъ. Что если со мной кто такъ поступить?

Какъ бы мнѣ горько было! Да вѣдь есть и Богъ!... Пропадай ты проклятая мысль — дьявольское наважденіе.» И стало ему самому легко и сладостно въ душѣ. А сдѣлай онъ этотъ грѣхъ, его стала бы мучить совѣсть, — горе и слезы Максима отразились бы и на душѣ Семена.

Пахому въ первый разъ случилось быть въ городѣ. Подѣѣхалъ онъ къ соборной великолѣпной церкви и остановился: впился въ нее глазами и дивится; соразмѣрность всѣхъ частей зданія, стройность колоннъ въ портикахъ, изящество украшений, величіе возносящихъ къ небу куполовъ, блескъ сияющихъ на нихъ крестовъ поражаютъ его, и онъ невольно произноситъ: «какъ это хорошо! какъ прекрасно! Все бы смотрѣлъ и не насмотрѣлся».

Сидоръ родился въ Питерѣ и съ самаго дѣтства жилъ все у портнаго въ ученьѣ. Кончилъ онъ ученье и пошелъ въ деревню къ роднымъ. Подходитъ къ рѣкѣ: слышитъ необыкновенный шумъ, видѣтъ невдалекѣ какое-то строеніе: при немъ запруда, и вода оттуда стремится съ пѣною. Пошелъ Сидоръ посмотреть поближе, видѣтъ: вода, встрѣчая въ свое бѣгъ колесо, ворочаетъ его; это колесо, внутри строенія, поворачиваетъ другое, а это заставляетъ вѣртѣться шестерни, шестерни же кружить жерновъ, жерновъ мелеть рожь и мука течетъ въ мѣшокъ. «Вотъ что! говоритъ онъ: это мельница. Экъ умно придумано: поймали водицу, взнудили ее какъ коня, да заставили работать — жерновъ вѣртѣть. Нуженъ умъ, да умъ, чтобы все это придумать, да такъ устроить».

Сидѣть у избы на завалинѣ старуха Матрена; у ней на колѣнѣахъ внучка ея Аксюша. Матрена нѣжно смотрѣть на внучку, гладить ее по головкѣ и изрѣдка щѣлуетъ. Аксюша прижалась къ ея груди, взяла своею рученкой другую ея костлявую — покрытую морщинами руку и крѣпко прижимаетъ къ своимъ губкамъ. Старуха говоритъ: «ты моя милая внученька», а внучка: «ты моя голубынька бабенька». И имъ сладко-сладко въ душѣ, — каждая готова за другую жизнь свою отдать.

Ничего подобнаго не измыслить, ни подумаетъ, ни сдѣлать, ни почувствуетъ ни одно изъ животныхъ земныхъ. Одинъ только человѣкъ изъ всѣхъ живыхъ земныхъ существъ одаренъ умомъ, мыслю и свободною волею, отъ которыхъ происходитъ все это. Но ума, мысли, воли не могли дать ни

кости, ни плоть, ни кровь, ни мозгъ. Въ нихъ нѣтъ ни жизни, ни ума, а могло ли мертвое произвести живое, безумное умъ? Эта способность человѣка выше всего земного — вещественаго, и дѣлаетъ человѣка обладателемъ и владыкою всего сущаго на землѣ. Умомъ своимъ онъ сдѣлалъ однихъ животныхъ своими работниками, другихъ данниками; умомъ онъ извлекаетъ сокровища изъ нѣдѣръ земли и обѣдываетъ ихъ на свои потребы, — умомъ заставляетъ землю производить тѣ растенія, какія ему нужны, — умомъ онъ подчиняетъ себѣ самыя силы природы и заставляетъ ихъ работать на себя.

Откуда же этотъ чудный даръ?

На это отвѣчаетъ намъ слово Божие:

«И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію: и да обидастъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрми, и скотами и всю землю, и всіми гады пресмыкающимися по земли. И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ.» (Бытія 26 — 28).

«И созда Богъ человѣка, перстъ (земѣ) отъ земли, и однѹ въ лице его дыханіе жизни: и бысть человѣкъ въ душу живу». (Быт. 2. 7).

И такъ: тѣло отъ земли, душа отъ Бога; тѣломъ мы прикрѣплены къ землѣ, душою вознесены къ Богу; по тѣлу мы вещественны, по душѣ духовны.

Будемъ же пѣть съ Давидомъ:

Господи, Боже нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Слава Твоя простирается превыше небесъ! Изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ халу, ради враговъ Твоихъ, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и листи-теги. Когда взираю я на небеса Твои, дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то что есть человѣкъ, что Ты помнишь его, и сынъ человѣческий, что Ты поспѣшишь его? Не много Ты умалилъ его предъ Ангелами; славою и честію увѣнчалъ его; поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ; все положилъ подъ ноги его. Овейдъ и и рыбъ морскихъ, все проходящее морскими стезями. Гос-земля! (Пс. 8).

Хвалите Бога во святыни Его, хвалите Его на тверди

силы Его. Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величія Его. Хвалите Его со звукомъ трубнымъ, хвалите Его на псалтири и гусляхъ. Хвалите Его съ тимпаномъ и ликами, хвалите Его на струнахъ и органѣ. Хвалите его на звучныхъ кимвалахъ, хвалите Его на ким-валахъ громогласныхъ. Все дышущее да хвалитъ Господа! (Пс. 150).

Что воздамъ Господеви о вспѣхѣ, яже воздаде ми, чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову. (Пс. 115, 3. 4).

Звѣри и прочія животныя твари, одаренные чувственюю только жизнью, а не разумною, имѣютъ способность находить себѣ пищу, рождать себѣ подобныхъ, сохранять свою жизнь, и не знаютъ другаго блага, какъ питать свою плоть и удовлетворять своимъ тѣлеснымъ потребностямъ; почему они, какъ земные, имѣютъ стать свой и голову собственные къ землѣ, и съ прекращеніемъ жизни обращаются въ землю и перестаютъ существовать.

Напротивъ: человѣкъ, сообразно своей высокой духовной природѣ, имѣть стать прямой и голову подъятую вверхъ къ небу. Онъ своимъ взоромъ свободно проникаетъ воздушный пространства, или объемлетъ на дальнее разстояніе лежащія вокругъ него окрестности, созерцая раскинувшіяся надъ нимъ лазуревый шатерь, бѣгущія облака, величественно шествующія отъ края небес до края небес свѣтила, мерцающія звѣзды, разстилающіяся предъ нимъ поля и луга, окаймляющій ихъ лѣсъ, возвносящія вдали къ облакамъ свои вершины горы, извивающіеся ручьи, мирно текущія рѣки, зеркалоподобная озера и безбрежное море, — дарованнымъ ему разумомъ способенъ понимать красоту и премудрое устройство міра, постигать величие Творца въ Его дѣлахъ и благость въ Его промыслѣ, уразумѣть законы жизни и въ размышленіи объ этомъ находить высокое удовольствіе и чувствовать чистую духовную радость, благоговѣніе и любовь — къ Своему Создателю.

Не ясно ли все это показываетъ, что человѣкъ не къ землѣ долженъ прильпать, а стремиться къ небу — къ Богу и въ Немъ искать истинной — вѣчной жизни и блаженства.

Кромъ того кто изъ разумныхъ существъ не сознаеть долга облагодѣтельствованнаго — быть благодаримъ благодѣтелю? Богъ истинный напѣтъ благодѣтель. Онъ, по присущей Ему правдѣ, ожидаетъ отъ настъ исполненія этого долга. Какъ же намъ благодарить Его? Чѣмъ воздать Ему, чѣмъ выразить свою благодарность? — Любить Его. Онъ Самъ — любовь, и требуетъ отъ настъ любви — только любви, и для того сдѣлалъ присущимъ нашему естеству — любить доброе. А Онъ — высочайшее добро. Какъ же намъ не любить Его?

Но, собственно, Богъ не нуждается ни въ нашей любви, ни въ нашей благодарности: требуетъ же этого отъ настъ по присущей Ему правдѣ для нашего же блага, такъ какъ безъ этой любви не можетъ быть и мыслима истинная жизнь — блаженство.

Намъ присуще любить добро. Если эта потребность души обращена не къ Богу, то человѣкъ удовлетворяеть ей привязанностю къ тому, что почитается добромъ. Такимъ образомъ одинъ считаетъ добромъ сладко есть и пить, удовлетворять чувственнымъ пожеланіямъ, другой — копить богатство, третій — властствовать и т. д. А есть и такие люди, которые не находя во всемъ этомъ удовлетворенія алчбы своей души, находятъ удовольствіе, подобно діаволу, дѣлать зло другимъ и сворачивать ихъ съ пути къ истинному благу.

Избравшій своимъ кумиромъ деньги — богатство — употребляетъ всѣ свои силы и труды, чтобы сохранить приобрѣтенное и чтобы добить денегъ и имѣнія болѣе и болѣе. Здѣсь ему приходится на каждомъ шагу сталкиваться съ подобными ему почитателями этого кумира: одни изъ нихъ улучаютъ время какъ бы добраться до его сундуковъ, другіе хотятъ черпать изъ того же источника, откуда и онъ черпаетъ. Душа его ежечасно возмущается опасеніями, подозрѣніями, завистью, досадою, враждою. Онъ на всѣхъ, даже самыхъ близкихъ ему людей, смотрить, какъ на посягателей на его достояніе и всѣ кажутся ему врагами. Мало того: огонь пожираетъ его домъ, буря поглощаетъ его корабль, засуха губить посѣвъ, дождь мѣшаетъ убрать урожай, болѣзнь мѣшаетъ ему начать или кончить прибыльное дѣло, и онъ теряетъ вѣру въ благость и примудрость Творца, видитъ въ Немъ вражду къ себѣ, и устройство міра кажется ему несовершеннымъ, а Творецъ не премудрый. Онъ покланяется Ему и прино-

сить жертвы, только какъ сильному владыкѣ, чтобы отклонить Его гнѣвъ.

Возлюбившіе власти и почести всѣ свои силы и всю свою дѣятельность употребляютъ на то, чтобы властствовать надъ дрѣгими, и получить отъ всѣхъ вѣнчанія почести и отличія. Они знаютъ, что покоряться не по любви, а по принужденію и силѣ для всякаго человѣка крайне тѣжело, что всякий желаетъ освободиться отъ такой власти и многіе только кажутся покорными, а сами ищутъ власти и ждутъ только случая низвергнуть честолюбца съ высоты его величія, чтобы занять самимъ его мѣсто. А потому, естественно, въ душѣ честолюбца рождается и подозрительность, постоянное опасеніе за свою власть, даже за жизнь. Все это побуждаетъ его болѣе и болѣе стѣснить свободу покоренныхъ или подчиненныхъ, преслѣдовать подозрѣваемыхъ, совершать одну несправедливость за другую, лишать свободы и жизни невинныхъ. А все это ведетъ къ тому, что ненависть другихъ къ нему увеличивается, опасность для него усиливается, совѣсть болѣе и болѣе преслѣдуетъ его и мучить его напоминаніемъ жертвъ его несправедливости. Такимъ людамъ всегда сопутствуетъ гордость, самолюбіе, киченіе, презрѣніе къ другимъ людямъ. Они мнуть себя существами выше человѣческой природы, а всѣхъ прочихъ считаютъ низшими тварями. Нѣкоторые доходили до такого безумія, что считали себя богами и принуждали покоренныхъ поклоняться и приносить жертвы своему изображенію — идолу.

Не радостна земная жизнь корыстолюбцевъ и властолюбцевъ: забота, трудъ, опасенія, бесконница, угрозеніе совѣсти не даютъ имъ минуты покоя; въ семье, въ обществѣ они одиноки: они никому не сочувствуютъ, ихъ никто не любить, и они всѣмъ въ тягость. Одно обладаніе богатствомъ или властю тѣшитъ ихъ. Но приходить смерть: богатство раздѣлять другіе; покоренные, освободившись отъ тирана, произнесутъ на него проклятіе. Наги, одиноки явятся они въ день суда. Найдется ли для нихъ въ новыхъ обителяхъ мѣсто или что либо пріятное? Тамъ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни камней драгоценныхъ, чѣмъ привыкъ утѣшаться корыстолюбецъ. Тамъ нѣтъ никого, надѣ кѣмъ бы властствовать, ни тѣхъ отличій и почестей, которые составляли наслажденіе властолюбца. Тамъ они увидятъ превознесенными тѣхъ без-

винныхъ страдальцевъ, которыхъ они презирали, лишали имъ принадлежащаго, которымъ наносили обиды, которыхъ притесняли, лишали свободы и жизни. Трудовой потъ, слезы, кровь всѣхъ сихъ обратились здѣсь въ сияющіе знаки ихъ добродѣтелей; кротости, безропотнаго терпѣнія, прощенія обидъ и пр. Каково имѣть предъ глазами такія улики? Между тѣмъ они не вынесли изъ жизни никакихъ представлений о премудрыхъ и благихъ судьбахъ Творца, никакого сочувствія къ высокимъ подвигамъ любви, которые казались имъ въ жизни глупостію. Для нихъ молитва была самою тяжелою работою. А здѣсь созерцаніе судебъ Божіихъ, заслугъ Христа и Его друговъ и словословіе Творца составляютъ неизмѣнно вѣчныя утѣхи и занятія обитателей. Для нихъ же это страшный трудъ — скучно, невыносимо. Да, если бы оставить ихъ тутъ, сродныя имъ — зависть, злоба, гордость возмутили бы миръ самыхъ небожителей. Не мѣсто имъ здѣсь, а другаго нѣть, кромѣ тьмы кромѣнной.

Тѣ же, для которыхъ чрево — богъ (Фил. 3, 19), т. е. предавшіеся сластолюбію и сладострастію, не любя труда и заботъ, необходимыхъ для приобрѣтенія средствъ къ удовлетворенію ихъ пожеланій, помышляютъ только о томъ, какъ бы на счетъ труда другихъ бражничать, веселиться и развратничать. Всякій, имѣющій собственность, кажется имъ присвоителемъ ихъ достоянія, ихъ грабителемъ, и они считаютъ себя вправѣ обманомъ, хищеніемъ и даже убийствомъ отнимать достояніе ближниго.

Законы и учрежденія государственныя, полагающія имъ къ тому преграды, они считаютъ зломъ — стѣсненіемъ свободы человѣка, и проповѣдуя, будто бы все это установлено сильными и богатыми, чтобы властовать надъ слабыми и бѣдными, стараются смутить умъ легкомысленныхъ, составляютъ заговоры, и производятъ бунты, чтобы разрушить основы государства и привести все къ беззначалію. Религія и всѣ ея установленія, клонящіяся къ насажденію въ людяхъ благочестія и доброй — мирной жизни, къ утвержденію брачныхъ узъ, къ почитанію родителей, къ огражденію правъ собственности и къ повиновенію властямъ — имъ ненавистны, и они силятся увѣрить себя и другихъ, что все это будто бы предразсудки и суевѣrie невѣжества. Проповѣдуя безбожіе, они смотрятъ съ презрѣніемъ и ненавистью на всѣхъ

покланяющихся Божеству, и въ тоже время презираютъ другъ друга и не опускаютъ случая обижать одинъ другого. Обжорство, пьянство и развратъ разстроиваютъ ихъ тѣлесныя и умственныя силы, поражаютъ болѣзни. Наконецъ, когда они лишаются или способностей, или средствъ удовлетворять своимъ обычнымъ пожеланіямъ, ими овладѣваетъ чувство страшной пустоты — тоска, скука; все ихъ окружающее и весь міръ кажется имъ отвратительнымъ, самая жизнь несносною, отъ того-то многіе изъ нихъ кончаютъ ее сумасшествіемъ или самоубійствомъ. Они не вѣрятъ въ бессмертіе души, даже не признаютъ, чтобы было что духовное въ человѣкѣ, и потому смерть считаютъ концемъ бытія — благодѣтельнымъ исходомъ мучительной для нихъ жизни. Несчастны! Дѣйствительно, прекращеніе бытія — совершенное уничтоженіе было бы для васъ благодѣяніемъ. Но развѣ могло то Существо, Которое произвело изъ небытія этотъ необъятный въ своемъ пространствѣ и разнообразіи міръ, привело въ немъ безчисленные разнообразные предметы во взаимную связь, устроило во всемъ порядокъ и направило къ известнымъ цѣлямъ, развѣ могло Оно сотворить человѣка, одно устройство тѣла котораго представляетъ диво премудрости и искусства, — для одной Своей только потѣхи и забавы, на краткій срокъ земной жизни, не имѣя высшей, разумной, сообразной съ Его величиемъ цѣли? Нѣть. Онъ одарилъ человѣка подобнымъ Себѣ духовнымъ существомъ — душою разумною и свободною для вѣчной жизни; и дары Его непреложны, слѣдовательно душа человѣка, съ разрушениемъ тѣла, не можетъ прекратить своего бытія. Онъ и возвѣстилъ, что видимый міръ прейдетъ, а человѣкъ возстанетъ изъ тлѣнія съ духовнымъ тѣломъ для жизни въ новыхъ, уготованныхъ для него обителяхъ. Тамъ чрево, и что для чрева, упразднится, тамъ свѣтомъ будетъ — сияніе образа славы Божіей — Христа Его, пищею — представлѣніе чудныхъ премудрыхъ судебъ Божіихъ и высокихъ добродѣтелей Сына Его Единороднаго и Святыхъ Его, питіемъ — благодать Св. Духа, утѣхою — радостію жизни — любовь всѣхъ обдергжащая. Сластолюбцы! Что вы найдете пригоднаго для себя въ этомъ новомъ мірѣ? Тамъ нѣть ни вкусныхъ яствъ, ни изящныхъ винъ, ни другихъ предметовъ чувственности, въ чемъ вы находили все благо жизни и что единственно признавали достойнымъ любви. Тамъ Христосъ,

котораго вы возненавидѣли. Тамъ други Еgo, надъ которыми вы глумились. Тамъ невыносимый для васть свѣтъ правды Божией. Чтобы скрыться отъ него, одно убѣжище — тьма кромѣшная, — то состояніе стихій, которое было до явленія вызванаго словомъ Божіимъ свѣта, и въ которое вновь обращается видимый міръ. Тамъ придется вамъ ожидать, когда, по вашему ученію, тьма родить свѣтъ, хаось произведеть порядокъ, мертвое изведеть живое, безумное — разумъ.

Говорить ли о людяхъ такъ извратившихъ свою природу, что зло имъ кажется добромъ, добро зломъ, истина ложью, ложь истиной, и находящихъ удовольствіе дѣлать зло и сплетать ложь? Они — воинство дьявола и часть ихъ съ нимъ!

Любящій же Бога имѣеть предметомъ своей любви безпредѣльное величіе, совершенѣйшую красоту и всесильную благость. Нѣтъ у него соперниковъ, которые могли бы отѣснить его отъ любимаго, нѣтъ враговъ, которые могли бы отнять оный. На противъ, всѣ любящіе Бога ему самые искренніе други — братья. Да, и на всѣхъ прочихъ онъ смотрѣтъ какъ на сыновъ одного съ нимъ Отца: счастливы они, онъ радуется и благодаритъ, страдаютъ они, онъ о нихъ печалуется и молитъ за нихъ того же общаго всѣмъ Отца, вѣруя, что Онъ одинъ владыка и распредѣлитель благъ. Предметъ его любви такъ великъ, такъ драгоцѣненъ, что все въ этомъ мірѣ онъ вмѣняетъ въ умѣты соръ, за ничто, и ему они мили только въ соединеніи съ ними представлениемъ премудрости и благости Творца. А потому онъ равно благословляетъ Бога за черствый кусокъ чернаго хлѣба и полевую землянику, какъ и за изящный бѣлый калачъ и дорогой анастасъ. Если несчастіе постигнетъ его отъ стихій ли, отъ разстройства ли здоровья, отъ злобы ли людской, отъ разлуки или смерти близкихъ ему людей, онъ сносить это терпѣливо и благодушно, ибо вѣрить, что никакое бѣдствіе не можетъ постигнуть его безъ воли или попущенія всеблагаго Отца, и что Онъ всеблагій не можетъ допустить испытанія выше силъ испытуемаго, и что все происходящее отъ Всепремудраго направлено къ истинному благу, хотя мы иногда не можемъ въ настоящемъ времени постигнуть всѣхъ путей Его. А потому, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Святаго Провидѣнія, онъ повергается въ прахъ предъ своимъ Господомъ и въ такой смиренной молитвѣ находитъ истинное успокоеніе и

утѣшеніе. Миръ свыше — миръ съ Богомъ, съ самимъ собою и съ ближними сопутствуетъ ему и веселить духъ его. Не страшна ему смерть, — онъ вѣруетъ, что у любвеобильнаго Отца уготованъ для любящихъ Его лучшій міръ и лучшая жизнь, гдѣ владыкою — Единородный Сынъ Его — Царь Христосъ и сожители — други Христовы. Одно уже то, чтобы созерцать ихъ славу и сіяніе ихъ добродѣтелей, внимать ихъ бесѣдамъ и ихъ славословію составляетъ для него исполненіе всѣхъ его желаній.

IV.

И такъ неопровергимый долгъ человѣка быть благодарнымъ своему Творцу и любить Его, и эту благодарность и любовь засвидѣтельствовать совершенною преданностю Его волѣ.

Въ этомъ состоить долгъ, въ этомъ же заключается и единственный путь къ блаженству, потому что человѣкъ только исполненіемъ этого долга можетъ сдѣлаться достойнымъ любви Творца, получить взаимно отъ Него свидѣтельство Его любви — помазаніе Св. Духа — благодать, сдѣлаться истинно благимъ — едино въ любви съ Богомъ, слѣдовательно совершенно блаженнымъ.

Но человѣкъ въ самомъ началѣ пошелъ не по этому пути. Онъ, вмѣсто того, чтобы въ радостяхъ, доставляемыхъ обильно дарами природы, видѣть благость Творца, полюбить Его, и благодарнымъ сердцемъ преклониться предъ Нимъ, въ самыхъ дарахъ природы думать найти блаженство, пристрастился сердцемъ къ нимъ, и когда тѣ оказались неудовлетворяющими потребности души, жаждущей блаженства, онъ началъ искать его въ предметахъ заповѣданныхъ, — въ нарушеніи самыхъ законовъ естества. Вмѣсто того, чтобы чрезъ вниманіе и разумное вниканіе въ окружающіе его предметы понять связь вещей и законы естества, уразумѣть премудрое устройство міра и величіе Устроителя, и вознестись мыслю къ Нему, человѣкъ захотѣлъ прямо знанія для удовлетворенія своего любопытства. Въ той мѣрѣ, какъ человѣкъ отклонился отъ пути истинной жизни и такимъ образомъ удалился отъ своего Творца, слабѣлъ его умъ, увеличивались чувственныя пожеланія и обращались въ похотѣнія. Въ такомъ положеніи

человѣкъ легко поддается внушеніямъ извѣ — помысламъ, приходящимъ въ него отъ діавола или отъ другихъ людей о томъ, что заповѣдь не нужна и стѣсняетъ только нашу свободу, что въ заповѣданномъ наше блаженство, и что въ веществѣ находится Божественная сила, дающая знаніе, счастье и разнообразныя силы. Подъ вліяніемъ такихъ-то внушеній человѣкъ отмечаетъ заповѣди Божіи и предается своимъ страстямъ и похотѣніямъ, впадаетъ въ суетѣріе и идолопоклонство, дѣлается противникомъ Божіимъ, вносить порчу въ свое естество, подчиняется діаволу и теряетъ даже сознаніе о истинной жизни въ любви къ Богу.

Такъ впали въ грѣхъ наши прародители, такъ падаемъ въ него и всѣ мы, и порчу, внесенную грѣхомъ въ естество, передаемъ своимъ дѣтямъ.

Мы знаемъ, что нельзя никому идти противъ законовъ видимой природы, — зная эти законы и соображаясь съ ними, мы дѣлаемъ самыя силы природы своими слугами и работниками. Но горе, если мы посягнемъ не соблюдать этихъ законовъ: огонь испепелить наше достояніе и сожжетъ самихъ нась, вода поглотить въ своей безднѣ, воздухъ обратится въ язву.

Но законы правды и любви Божіей — законы нравственныя непреложнѣе законовъ физическихъ — законовъ видимой природы и нарушение первыхъ пагубнѣе нарушеній послѣднихъ уже потому, что чрезъ то мы дѣлаемся скверною — предъ лицемъ Святости, ложью предъ истиной, злобою предъ любовью, дерзкими бунтовщиками предъ Всесильнымъ, безумными поругателями щедротъ Всеблагаго — однимъ словомъ — сами отвергаемся источника жизни и добра, слѣдовательно обрекаемъ себя смерти. И вотъ смерть — эта страшная казнь, предвозвѣщенная въ началѣ Творцемъ, какъ необходимое слѣдствіе нарушенія Его воли, стала царить надъ людьми.

Кромѣ того міръ созданъ для человѣка по мысли Божіей — для существа нравственаго-совершенного, и съ нимъ согласованы силы и законы природы міра. По чому человѣкъ, нарушая законы нравственныя, нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ законовъ физическихъ и вносить въ міръ разстройство и беспорядокъ. Такъ невоздержность разстраиваетъ организмъ человѣческаго тѣла и оттуда происходятъ разнообразныя болѣзни; зависть, корысть и злоба вносятъ разстройство въ

общество людей и нарушаютъ ихъ миръ и благосостояніе; нравственное неряшество порождаетъ неряшество физическое, а это зарождается въ воздухѣ вредные міазмы, отъ которыхъ свирѣпствуютъ повальная болѣзни и язвы.

Такимъ образомъ грѣхъ удалилъ насть отъ Бога, лишилъ истинно блаженной жизни, внесъ зло въ самихъ насть, въ общество людей и въ самый міръ, и обрекъ насть смерти.

Теперь извѣдавъ опытъ горечь грѣха — зла, человѣкъ долженъ узнать цѣну добра. И дѣйствительно: всегда были люди, которые поняли, что истинное добро есть Богъ, и только въ немъ одномъ истинная жизнь — блаженство, и что источникъ зла и смерти — грѣхъ, усиливались подавить въ себѣ пристрастіе къ земнымъ благамъ и искоренить посѣянное въ нашу душу сѣмя — лукавые помыслы, выдти изъ власти діавола и вознести умомъ къ Богу. Но немногого было такихъ подвижниковъ: огромное большинство людей, пріѣдѣвшись къ землѣ, только въ удовлетвореніи чувственности думали найти блаженство, и на изысканіе къ тому средствъ употребляли свой умъ и всѣ свои силы. Обремененный земными заботами помыслъ ихъ не могъ вознести выше земнаго — къ Богу и они испытываемое на землѣ зло считали присущимъ міру и человѣку. Не умѣя объяснить себѣ силь природы, приносящихъ пользу или вредъ, одни изъ нихъ олицетворяли эти силы своимъ воображеніемъ въ образы высшихъ невидимыхъ существъ, другіе приписывали сотвореніе міра и человѣка двумъ богамъ — добромъ и злому, трети обоготворяли самое вещество міра и живущихъ на немъ тварей. Всѣмъ имъ кажется смѣшны и глупы читатели истиннаго Бога и они не преминуть случая нанести имъ обиду и вредъ. Такъ *человѣкоубийца искони* (Іоан. 8, 44) — діаволь умѣль посредствомъ Божіихъ же даровъ отклонить людей отъ Бога, подчинить себѣ и заставить ихъ, подобно образу своему — змію, ползать чревомъ по землѣ, питаться земнымъ прахомъ и жалить непокорныхъ ему.

Но Богомъ этой враждѣ опредѣленъ конецъ и не напрашено обѣщана побѣда *чрезъ Рожденнаго отъ жены*.

V.

Такъ какъ люди стали искать своихъ путей къ блаженству, то Провидѣніемъ было предоставлено роду человѣче-

скому ходить своими путями и опытомъ убѣдиться, надежны ли эти пути. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ силы физической природы премудро были направлены къ вразумленію людей на путь правды. Такъ неповиновеніе человѣка Богу освободило и прочихъ земныхъ тварей отъ покорности человѣку и онъ сдѣлился враждебны ему, такъ сказать, олицетворили въ себѣ забунтовавшія въ человѣкѣ скотскія страсти; богатство даровъ природы, которое послужило человѣку не къ наученію его величію и благости Творца, а на вредную праздность и самоуслажденіе, отъ него отнято, земля стала бесплодна въ трудахъ его, и правда Божія опредѣлила ему въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой; человѣкъ невинность и чистоту свою помрачилъ нечистыми мыслями и желаніями, и земля произвѣла ему плевелы и тернія, а неумѣренность въ употребленіи даровъ природы произвѣла болѣзни и язвы.

Но все напрасно: родъ человѣческій все болѣе и болѣе погружался въ развратъ и нечестіе, и хотя долголѣтіе, кото-
рымъ сначала пользовались люди, должно бы служить къ тому, чтобы чрезъ долговременный опытъ прийти къ познанію истины, но напротивъ, оно послужило къ тому, что люди, надѣясь на долголѣтіе, вовсе не помышляли о смерти и забывали Бога, а вслѣдствіе того пришли въ такое состояніе, что Богъ сказалъ о нихъ: «они одна плоть, а духа нѣтъ въ нихъ» и потопъ истребилъ ихъ съ лица земли, какъ потерявшихъ свойства къ жизни по духу.

Послѣ того произошло новое поколѣніе людей отъ благочестиваго Ноя. Но когда и оно пошло тѣми же своими путями, то враждебность стихій и болѣзни стали болѣе и болѣе усиливаться и тѣмъ побуждать человѣка прибѣгать къ Творцу о помощи и покровительствѣ; жизнь человѣка сократилась и смерть въ своихъ жертвахъ начала чаще и чаще напоминать о грозномъ приговорѣ Творца за уклоненіе отъ Его воли, а память о потопѣ возвѣщала Его — Всемогущимъ — Праведнымъ судію надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ — Судью, который не щадилъ дѣла руку Своихъ, если оно не исполнитъ своего назначенія. Но тщетно. Любовь страхомъ Своего Всемогущества и Правосудія старалась отвратить Свое любимое созданіе отъ пагубнаго пути и обратить къ Себѣ — источнику жизни и блаженства. Люди, какъ и до потопа, возлюбили только чувственность и страсти, боялись только сти-

хій и обоготворили ихъ, создали имъ кумиры и ихъ стали умолять о ниспосланіи благъ и избавленіи отъ бѣдствій. Къ чему же привело все это? Нашли ли люди блаженство? Исторія представляетъ намъ множество людей, достигшихъ возможныхъ на землѣ могущества и славы, и силы, обладавшихъ несмѣтными сокровищами и имѣвшихъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ чувственнымъ вожделѣніямъ, но ни одинъ изъ нихъ не называлъ себя достигшимъ блаженства и никто не назоветъ ихъ блаженными. До конца жизни они были мучениками страстей и болѣзней. Образъ всѣхъ ихъ Иродъ (Великій). Исторія его есть исторія всѣхъ подобныхъ людей.

Онъ 34 года царствовалъ въ Іудеѣ, пользовался неограниченною властью, — имѣлъ несмѣтныя богатства и удовлетворялъ всѣмъ своимъ похотѣніямъ чувственности, но не имѣлъ никогда спокойствія, и только терзался опасеніями, ревностию, подозрѣніями. Онъ принужденъ былъ то вести войны съ своими соперниками, то ласкателствомъ и подарками заискивать милости и покровительства владыкъ Рима, то безчеловѣчными казнями укращать заговоры и бунты, то изъ подозрительности и ревности совершать страшныя злодѣйства. Такъ онъ велѣлъ избить младенцевъ въ Виолеемъ и его окрестностяхъ, умертвилъ сына тещи своей — Аристовула, — мужа сестры своей — Іосифа, двухъ своихъ женъ — Маріамну и Александру. Во время его старости раздоры, коварства и клеветы, поселившіяся въ его семействѣ и его собственная склонность къ подозрѣнію довели его до того, что онъ ни къ кому не имѣлъ довѣрѣнности и предалъ смерти двухъ своихъ сыновей: Александра и Аристовула. Наконецъ, во время послѣдней своей болѣзни, въ которой онъ мучился непрестаннымъ голодомъ и самъ былъ пожираемъ червями, сожегъ нѣсколько человѣкъ за сокрушеніе золотаго орла, поставленного имъ на вратахъ Іерусалимскаго храма; покушался въ отчаяніи на собственную жизнь; казнилъ любимаго своего сына Антипатра, и собравъ къ себѣ въ Іерихонъ знатнѣйшихъ Іудеевъ, далъ своей сестрѣ и зятю повелѣніе умертвить ихъ въ минуту своей смерти, чтобы она не была безъ плача.

Что же сказать о простомъ народѣ, который эти исполнены губили миллионами, какъ мухъ, изнуряли работами и рабствомъ, уродовали, лишая носовъ, или ушей, или глазъ,

или рука, или нога, и разоряли грабежем и поборами, и въ которомъ погасло всякое нравственное чувство долга и добра, и когда умъ человѣка изощрился только надъ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ предметовъ роскоши, надъ составленіемъ козней своему ближнему, или заговоровъ противъ честолюбцевъ и тирановъ? когда, казалось, умъ человѣка потерялъ способность понимать красоту и стройность природы и унизился до того, что идола—дѣло рукъ своихъ, считалъ Богомъ и народъ, вызывая къ нему: «ты родилъ меня» приносилъ въ жертву дѣтей своихъ.

Долго, болѣе 3200 лѣтъ послѣ потопа, длилось это темное время. Наконецъ въ одномъ углѣ земли, въ Греціи, стали появляться мужи, которые умъ свой вознесли горѣ изъ мрака, ихъ окружавшаго, увидѣли красоту природы, стройность и цѣлесообразность ея силъ и явленій, и отсюда пришли къ убѣждѣнію, что виновникомъ всего существующаго долженъ быть одинъ высочайшій Умъ, полный благости; что только одно доброе можетъ быть угодно Ему; что на этомъ основаніи должно быть установлено отношеніе людей къ Нему и между собою, и что многобожіе и идолопоклонство есть заблужденіе.

Такъ зажегся свѣточъ во мракѣ язычества и свѣтъ его, хотя очень слабый, не могъ не обратить на себя вниманія многихъ людей, погрязшихъ во мракѣ. При свѣтѣ его они стали болѣе и болѣе всматриваться въ природу и человѣка и усмотрѣли много предметовъ, казалось, несогласныхъ одинъ съ другимъ, какъ напримѣръ: съ одной стороны всемогущество, премудрость и благость Творца, съ другой пагубныя дѣйствія стихій и страстей, бренность, тѣжкая участъ и смерть человѣка. Какъ все это согласить?

Преданія Патріарховъ, которыхъ могли бы разъяснить все это между язычниками, одни совершенно утратились, другие замѣнены были пелѣпными баснями. Начали разсуждать, — искать умомъ своимъ истины. Одинъ объяснялъ такъ, другой иначе. Начались споры и состязанія. При этомъ многіе явили удивительную силу ума. По чьему людей, занимавшихся изысканіемъ истины, называли мудрецами—любителями мудрости—*философами*, а науку о такихъ предметахъ — *философию*. Но, при всемъ напряженіи ума человѣческаго, истина осталась недостигнутою. Это привело, наконецъ, однихъ мысли-

телей къ безбожію и сомнѣнію, чтобы когда-нибудь могла быть узнана людьми истина, а другихъ къ увѣренности, что истина должна быть открыта человѣку Самимъ всеблагимъ Творцемъ. Отсюда родилось у нихъ чаяніе Божественнаго откровенія человѣку.

Междуду тѣмъ и преданіе обѣ обѣщанномъ Побѣдителѣ зла, хотя тоже уже затмненное языческими баснями, еще жило въ народѣ, и чѣмъ болѣе возрастали бѣдствія рода человѣческаго, тѣмъ болѣе и болѣе возраждалось и въ народѣ чаяніе избавленія отъ тѣхъ бѣдствій.

VI.

Во все это время, люди, хранившіе въ чистотѣ преданіе отцевъ, и старавшіеся идти путемъ Господнимъ, были свыше просвѣщаемы Божественнымъ откровеніемъ и соблюдаемы Прорицаніемъ. Это свидѣтельствуетъ исторія Патріарховъ и Іова. Такъ друзья Іова, бѣдствія претерпѣваемыи людьми, приписывали наказанію Божію за грѣхи, а Іовъ засвидѣтельствовалъ своимъ терпѣніемъ полную преданность неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, и исповѣдывалъ: «но я знаю, *Искунитель мой живъ, и въ послѣдній день возстанетъ надъ прахомъ. И послѣ кончи моей, когда разрушится сія (тѣло), я изъ плоти моей узрю Бога*». Аврааму и Іакову-Ізраилю Господь, сообразно простотѣ ихъ души и понятій, являлся неоднократно въ человѣческомъ образѣ, укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, испытывалъ твердость ихъ въ ней, вразумлялъ о судьбахъ Своихъ, охранялъ ихъ отъ бѣдствій и благословлялъ ихъ земными благами.

Да и было бы несогласно съ правдою Божіею оставлять ихъ на произволъ случайностей и тѣсноты временъ, допущенной для непокорныхъ.

Мы даже знаемъ, что два мужа, постоянно ходившіе въ любви Божіей—Енохъ и Илія, не испытали смерти.

VII.

Наконецъ, когда съ размноженіемъ рода человѣческаго, стали возникать государства, Господь Своимъ промысломъ

образовалъ особый народъ еврейскій въ хранилище и въ свидѣтеля истиннаго преданія о Богѣ, началѣ міра, судьбахъ человѣка и обѣтованномъ Спасителѣ.

Здѣсь Онъ, въ противуположность заблужденіямъ язычества, обогатворявшаго стихіи и силы природы, даль разительнѣйшія доказательства, что Онъ Творецъ природы и Господь силь, давшій законы стихіямъ.

Такъ, по всесильному повелѣнію Божію, съ маніемъ жезла Моисеева вѣтры раздвинули волны Чернаго моря, поставили ихъ стѣнами и осушили дно моря, чтобы проложить путь избранному народу; съ ударомъ того же жезла камень источилъ воду, чтобы утолить его жажду; манна и стада крастелей покрывали безплодную пустыню, чтобы напитать его; такъ, едва неспіе кивотъ завѣта левиты омочили ноги въ водахъ Іордана, теченіе воды сверху рѣки остановилось, нижняя вода стекла и израильяне перешли по обсохшему дну рѣки; такъ, отъ звука трубъ израильскаго воинства, разрушились стѣны Іерихона, и по слову Іисуса Навина солнце остановило теченіе свое, пока не совершилась побѣда; такъ, по молитвѣ пророка Иліи, спадшій съ неба огонь пожралъ жертву и наполнившую окружавшіе ее рвы воду; такъ по волѣ Вседержителя, огонь оставилъ невредимыми вверженныя въ пещь Вавилонскую благочестивыхъ отроковъ, а челюсти голодныхъ львовъ не коснулись отданнаго имъ на същеніе пророка Даніила.

И много другихъ подобныхъ чудесъ и знаменій совершилъ Господь, и свидѣтелемъ всего этого поставилъ цѣлый народъ Израильскій, который, по сему, вслухъ всего міра пѣлъ:

Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа, стоящи во храмѣ Господни, во дворахъ дому Бога нашаго. Хвалите Господа яко благъ Господъ: поите имени Его, яко добро. Яко Іакова избра себѣ Господъ, Ісаія въ достояніе себѣ. Яко азъ познахъ, яко велий Господъ, и Господъ нашъ надъ всіми боги: Вся елка восходитъ Господъ, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всіхъ безднахъ. Возводя облаки отъ посмѣнныхъ земли, молни и дождь сотвори: изводя вѣтры отъ сокровищъ своихъ. Иже порази первенцы Египетскія, отъ человѣка до скота: Посла знаменія и чудеса посредъ тебѣ Египте, на Фараона и на вся рабы его. Иже порази языки мнои, и изби цари крѣпкіи: Сиона царя Амморейска

и Ога царя Васанска, и вся царствія Ханаанска: И даде землю ихъ достояніе, достояніе Ісаію людемъ своимъ. Господи, имя твое въ вѣкѣ, и память твоя въ родѣ и родѣ: Яко судити имать Господъ людемъ своимъ, и о рабахъ своихъ умолкнія. Идоли языковъ сребро и злато, дѣла рука человѣческихъ: уста имутъ, и не возлагаютъ: очи имутъ, и не ческихъ: уши имутъ, и не услышатъ: низе бо есть духъ во устѣхъ ихъ. Подобни имъ да будутъ творящіи я, и вси надпьющія на я. Доме Ісаіевъ, благословите Господа: дому Ааронъ, благословите Господа: дому Левінъ, благословите Господа; боящися Господа, благословите Господа. Благословенъ Господъ отъ Сиона, живый во Іерусалимъ.» (Псал. 134).

«Исповѣдатесь Господеви... поразившему Египта съ первенцы его, яко въ вѣкѣ милость его. Извѣши ему Ісаія отъ среды ихъ, яко въ вѣкѣ милость его: рукою крѣпкою и мышцію высокого, яко въ вѣкѣ милость его: раздѣльшему Чермное море въ раздѣленія, яко въ вѣкѣ милость его. И проведшему Ісаія посреди его, яко въ вѣкѣ милость его. И истрясшему Фараона и силу его въ море Черное, яко въ вѣкѣ милость его. И убившему цари крѣпкія, яко въ вѣкѣ милость его. И давшему землю ихъ достояніе, яко въ вѣкѣ милость его. Достояніе Ісаію рабу своему, яко въ вѣкѣ милость его. Яко во смиреніи нашемъ помяну ны Господъ, яко въ вѣкѣ милость его. И избавилъ ны есть отъ враговъ нашихъ, яко въ вѣкѣ милость его. Даяй пишу всякой плоти, яко въ вѣкѣ милость его. Исповѣдатесь Богу небесному, яко въ вѣкѣ милость его.» (Пс. 135, 1, 10 — 27).

VIII.

Люди, поникнувъ взоромъ доду, углубясь въ исканіе благъ земныхъ и окаменѣвъ сердцемъ, не могли уже ни созерцать величія Божія, явленнаго въ дѣлахъ творенія, ни внимать глаголу Божію о путяхъ жизни, гремѣвшему повсюду въ природѣ, ни уразумѣть закона любви, начертаннаго въ сердцѣ каждого, и вотъ Господь являетъ Свое величіе непосредственно предъ взорами народа Своего при горѣ Синаѣ, изрекаетъ человѣческою, всѣмъ понятною, рѣчью законъ любви и на-

чертываетъ его человѣческими письменами на каменныхъ скрижалихъ. Когда Израильтяне были у горы Синайской, Онъ повелѣлъ чрезъ Мовсея очиститься имъ и стать предъ горою. При наступлѣніи утра загрохотали громы, засверкали молніи надъ горою, послышался весьма сильный трубный гласъ, вся гора задымилась и сильно заколебалась, Господь сопель на нее въ огнѣ, гора горѣла пламенемъ до самыхъ небесъ, звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе, и Господь среди огня вѣщалъ:

«Азъ есмъ Господь Богъ твой, изведеній тя отъ земли египетской, отъ дома работы. Да не будутъ тебѣ бози ини разъ мене.

Не сотвори себѣ кумира, и всякоаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ, подъ землею: да не поклонишися имъ, да не послужисши имъ: азъ бо есмъ Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдалъ грѣхи отецъ на чада до третія и четвертаго рода ненавидящимъ мене, и творяй милость въ тысящахъ любящимъ мя и хранящимъ повелѣнія Моя.

Не возмѣши имене Господа Бога твоего всуе: не очитѣтъ бо Господь пріемлющаго имя его всуе.

Помни день субботній, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвори въ нихъ дѣла твоя: въ день же седьмый, суббота Господу Богу твоему: зане въ шести днехъ сотвори Господь небо и землю, море, и вся яже въ нихъ, и пои въ день седьмый: сего ради благослови Господь день седьмой, и освяти его.

Чти Отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и да дополнѣніе будешъ на земли блазъ, юже Господь Богъ даетъ тебѣ.

Не убий.

Не прелюбъ сотвори.

Не укради.

Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

Не пожелай жены искренною твоего, не пожелай дому ближняю твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякоаго скота его, ни всего елика сутъ ближняю твоего.»

Потомъ Господь эти заповѣди, начертанныя на двухъ каменныхъ скрижалихъ, вручилъ Мовсею, и Мовсей, по Боже-

ственному вдохновенію, для вразумленія людей къ исполненію сихъ заповѣдей, написалъ самыя подробныя правила жизни—съ семействомъ и общественномъ быту, по отношенію къ соблюденію чистоты душевной и тѣлесной, къ правамъ и обязанностямъ ближнихъ, къ пользованію дарами природы и даже — къ обхожденію съ животными. Все это проникнуто было любовью и истиной и вело къ любви и истинѣ. Такъ онъ наставлялъ:

«Если будетъ ницій кто либо изъ братьевъ твоихъ, на земль твоей, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоиа предъ ницімъ братомъ твоимъ. Но открои ему руку твою и дай ему взаймы, смотря по его нуждѣ, въ чемъ онъ нуждается (Вт. отоз XV, 7, 8).

«Не извергай закона, не смотри на лицо и че бери даровъ, ибо дары ослѣпляютъ глаза мудрыхъ и превращаютъ дѣло правыхъ. Правды, правды ищи, дабы ты бы въ живъ и владѣлъ землею, которую Господь Богъ даетъ тебѣ.» (XVI, 19, 20).

«Когда увидишь вола брата твоего, или осла его, заблуждшихся, не оставляй ихъ, но возврати брату твоему. Такъ поступай и съ осломъ его, такъ поступай съ одеждой брата его, такъ поступай со всякою потерянною вещю брата твоего, которую ты найдешь. Когда увидишь осла брата твоего или вола его упавшихъ на пути, не оставляй ихъ, но подними ихъ съ нимъ вмѣстъ.» (XXII, 1, 3, 4).

«Не должно быть блудницы изъ дочерей Израилевыхъ, и не должно быть блудника изъ сыновъ Израилевыхъ.» (XXIII, 17).

«Что вышло изъ устъ твоихъ, соблюдай и исполняй, какъ ты говорилъ Господу Богу.» (XXIII, 23).

«Если должникъ твой будетъ человѣкъ бѣдный, то ты не ложись спать, имѣя у себя залогъ его; возврати ему залогъ при захожденіи солнца, чтобы онъ лежъ спать въ одежде своей, и благословиъ тебя: и тебѣ поставится сіе въ праведность предъ Господомъ Богомъ твоимъ.» (XXIV, 12, 13).

«Не обижай наемника, бѣднаго и ницію, изъ братьевъ твоихъ или изъ пришельцевъ твоихъ, которые на земль твоей, въ жилищахъ твоихъ. Въ тотъ же день отдавай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо онъ бѣденъ, и ждетъ ея душа его; чтобы онъ не возопилъ на тебя ко Господу, и не было на тебѣ грѣха.» (XXIV, 14, 15).

«Когда будешь жить на поле твоемъ, и забудешь снопъ на поле; то не возвращайся взять его; пусть онъ останется пришельцу нищему, сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всхъ дѣлахъ рука твоихъ.» (XXIV, 19).

«Въ кислѣ твоей не должны быть двоякія гири, большія и меньшія. Въ домѣ твоемъ не должна быть двоякая ефа (мѣтра), большая и меньшая. Гири у тебя должна быть точная и правильная, и ефа у тебя должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на земль, кото- рую Господь Богъ твой даетъ тебѣ въ удѣлѣ. Ибо мерзокъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, всякий дѣлающій неправду.» (XXV, 25, 13 — 16).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Моисей опредѣлилъ порядокъ богослу- женія, въ обрядахъ, которые прообразовали великое дѣло Божіе о спасеніи рода человѣческаго; сочинилъ пѣсни и установилъ праздники въ воспоминаніе великихъ дѣлъ, явлен- ныхъ Богомъ для народа; установилъ еще разнообразные об- ряды въ житейскомъ быту, которые всегда напоминали каж- дому о законѣ Божіемъ и, такъ сказать, нудили соблюдать законъ; до конца жизни своей поучаль и убѣждалъ Изра- ильянъ быть вѣрными слугами Божіими, и въ самыхъ силь- ныхъ словахъ возвѣщалъ проклятіе и страшныя наказанія за нарушеніе Завѣта, благословеніе и величайшія блага за вѣр- постъ ему. — Наконецъ онъ возгласилъ: «Слушай, Израиль, Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть. И мюби Господа, Бога твоего, всмъ сердцемъ твоимъ, и всю душою твою и всмъ силами твоими. И да будутъ слова сіи, которыя я заповѣдаю тебѣ сего днѧ, — въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей. И внуши ихъ дѣтямъ твоимъ и говори обѣ нихъ, сидя въ домѣ своемъ и идя дорогою, и ложась и вставая. И навяжи ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими, и напиши ихъ на косынкахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ.» (Вт. VI, 4, 9).

Въ заключеніе Моисей объявилъ: «И сказалъ мнъ Гос- подь: Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ, та- кого какъ ты, и вложу слова Мои въ уста Его, и Онъ будетъ говорить имъ все, что Я повелю Ему; а кто не послушаетъ словъ Моихъ, которыя пророкъ тотъ будетъ говорить Моимъ именемъ, съ тою Я взышу.» (Вт. XVIII, 10 — 13).

«Если ты (Израиль) будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, тщательно исполнять всѣ заповѣди Его, кото- рые заповѣдаю тебѣ сего днѧ: то Господь, Богъ твой, поста- витъ тебѣ выше всхъ народовъ земли. И приидутъ на тебя всѣ благословенія сіи и исполнятся на тебѣ, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего. Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, которыя я заповѣдаю тебѣ сего днѧ; то приидутъ на тебя всѣ про- клятія сіи и постигнутъ тебѣ Господь, Богъ твой, по всмъ народамъ, отъ края земли, до края земли. Но и между этими народами не успокоишися, и не будетъ мѣста покоя для ночи твоей, и Господь дастъ тебѣ тамъ трепещущее сердце, истаеваніе очей и изнываніе души. Жизнь твоя будетъ висѣть предъ тобою и будешь трепет- тать ночью и днемъ, и не будешь успренъ въ жизни твоей. Отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь обѣять, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами своими, утромъ ты скажешь: о, если бы пришелъ вечеръ! а вечеромъ скажешь: о, если бы наступило утро!» (Втор. XXVIII, 12, 15, 64—67).

IX.

А чтобы этотъ, возвѣщенный Моисеемъ Великій Послан- никъ Божій не остался неизвестнымъ, Господь, чрезъ вдохно- венныхъ Имъ пророковъ предсказалъ: когда, гдѣ, и отъ кого Онъ родится, каковъ Онъ будетъ и что совершилъ. Такъ, пророки предсказали:

Іаковъ-Ізраиль: — что Примиритель, который покорить всѣ народы, явится, когда прекратятся правители отъ Іуды. (Быт. XLIX, 10).

Даніилъ: — что отъ исхода слова о дозвolenіи Іудеямъ до возвратиться изъ плѣна Вавилонскаго въ свою землю, до Христа Старѣшины, и до утвержденія завѣта, и прекра- щенія жертвы и приношенія 70 сѣдмийн., т. е. 490 лѣтъ. (Дан. IX, 24 — 27).

Михей: — что Вождь, который упасеть Израиля, изыдетъ изъ Виолеема, исходъ же Его отъ начала дней вѣка (М. 5, 2).

Исаія:—что Дѣва родить Сына и имя ему: *Еммануилъ* (съ нами Богъ), *великаго сынта Ангелъ*, чуденъ *Совѣтникъ*, *Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князъ міра, Отецъ будущаго* (Ис. IX, 6); что Онъ произойдетъ отъ корня Іессеева жій, *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ споднія и благочестія, и исполнитъ Его Духъ страха піетъ, и никто не услышитъ гласа Его на распутіяхъ; упастъ, доколѣ правда Его не одержитъ побѣды и на имя идеть и спасеть насть; что тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и яснѣ будетъ языки косноязычныхъ (XXXV, 5, 6); что Онъ о Немъ и тщетно будетъ простирать руки къ людямъ непопутемъ истиннымъ, но во слѣдѣ грѣховъ своихъ (LXV, 12); что ужаснется о Немъ многие, такъ обезславится отъ человѣка видъ Его и слава Его отъ сыновъ человѣческихъ: Онъ сопты, но будетъ видъ Его умаленъ и безчестенъ, паче оскъхъ сыновъ человѣческихъ,—какъ человѣка въ язвахъ сущаю и вѣду. Онъ будетъ терпѣть болѣзнь; вѣсъ отвратятъ лицо свое отъ Него; наши понесуть и о насть будетъ болѣзновать, а люди будутъ думать, что Онъ наказанъ отъ Бога язвою и трудомъ; что Онъ будетъ мучимъ за грѣхи наши и за беззаконія наши исцѣльтъ; что вѣсъ люди, какъ овцы, заблудились, соврали съ пути своего, и ради нашихъ грѣховъ предалъ Его Господь, а Онъ, посреди оскорблений, не отверзаетъ усть Своихъ; какъ овца поведется на заколеніе безгласенъ, какъ агнецъ предъ стригущими; что въ уничтоженіи Его совершился судъ, родъ же Его кто изъяснить? (ЛІІ, 13 — 15. LІІІ, 1—9); что Онъ вмѣненъ будетъ съ беззаконными, плечи Свои дастъ на раны, и ланиты на защеніе, лица же Свои не отвратитъ отъ стыда заплаканій (І, 6, 7); но что о Немъ такъ говорить Господь: *се Я дамъ Тебя въ завѣтъ**

рода, въ свѣтѣ языкамъ, дабы Ты былъ имъ во спасеніе даже до посѣльнихъ земли. (XLIX, 6, 7).

Богоотецъ Давидъ въ своеемъ Божественномъ потомкѣ провидѣлъ Господа прежде денницы рожденія Богомъ, вмѣсто жертвы и даровъ приносившаго тѣло, чтобы исполнить волю Божію (Пс. 11. XXXIX. LIX) и въ то же время, какъ бы въ своей собственной плоти чувствовалъ всѣ крестные Его страданія (Пс. LXVIII).

Онъ же провидѣлъ, что Господь не оставитъ души Его во адѣ, *нижѣ дастъ Праведнику Своему видѣть истиннѣе*, и что Онъ откроетъ имя Божіе братіи Своей, и въ церкви великой исповѣдаетъ Его, и обратятся ко Господу всѣ концы земли, и поклонятся предъ Нимъ вспѣ отечества языки (Пс. XV, 10. XXI, 26, 28), и потому взывалъ: «воскресни Боже, суди земли, яко Ты наслыдиши во всѣхъ языцихъ.» (Пс. 81, 8) и: *вознесися на небеса Боже, и по всей земли слава Твоя.* (Пс. 56, 6).

Кромѣ того разными прообразованіями изображены величие и благодѣтельность дѣлъ Его. Такъ, въ прообразованіе спасительной смерти Христа-Спасителя—нашей пасхи, кровь заколанаго пасхальнаго агнца спасла евреевъ отъ меча Ангела смерти предъ выходомъ ихъ изъ Египта; въ прообразованіе услаждающаго всѣ наши земные кресты Креста Христова, усладило горькія воды Мерры вложенное въ нихъ Мовсеемъ дерево; въ прообразованіе силы крестной молитвы распятаго Христа, доставившій намъ побѣду надъ діаволомъ, молитва Мовсея съ распростертymi и поддерживаемыми руками подала побѣду Израильянамъ надъ Амаликитами; — въ прообразованіе принятаго на Себя Сыномъ Божіимъ во образъ грѣха человѣческаго естества, вознесеннаго на крестъ, для исцѣленія нашихъ грѣховныхъ язвъ, исцѣляло въ пустынѣ уязвленныхъ зміями воззрѣніе на мѣдное изображеніе змія, повѣшеннаго на шестѣ; въ прообразованіе очищающей отъ грѣховъ силы воды крещенія, воды Йордана исцѣлили Сиріянина Неемана отъ проказы; въ прообразованіе воскресенія Христа, по молитвѣ Пророковъ Иліи и Елисея, воскресали мертвѣцы и ожилъ мертвѣцъ, прикоснувшійся къ праху Пророка Елисея; а пророкъ Іона, послѣ трехдневнаго пребыванія въ чревѣ китовомъ, изшелъ оттуда невредимъ для проповѣди Неневитянамъ.

X.

Не взирал на все это, въ самомъ Израильскомъ народѣ только малая часть людей уразумѣла Творца и путь, Имъ начертанный; всѣ же прочие, подобно кивоту завѣта, были только хранилищами буквъ слова, Богомъ людямъ изглаголанного чрезъ Своихъ посланниковъ—пророковъ. Самая осененная къ этому народу милость Божія возродила въ нихъ не чувство смиренія, благодарности и преданности къ Нему, но гордость, по которой они возмнили имѣть неотъемлемое право на такую милость по одному только происхожденію своему отъ Авраама, а Бога обязаннымъ спасти только ихъ однихъ. Свои же обязанности къ Богу они заключили только въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ богослуженія и жизни, и самое ожидаемое спасеніе ограничили только земными благами, думая, что Мессія—Христосъ явится царемъ завоевателемъ, который возвеличитъ ихъ народъ покореніемъ всѣхъ другихъ народовъ, и чрезъ то доставить имъ средства властвовать и обладать неизсякаемыми богатствами. Внутренно же, въ душѣ, они оставились, какъ и язычники, полными коварства, лжи, хищенія, лихоимства, блуда, злобы и всякихъ неправдъ.

Такимъ образомъ, подъ конецъ опредѣленныхъ временъ, всѣ блуждали, всѣ бѣствовали и всѣ ожидали спасенія. Опытъ тысячелѣтій доказалъ, что пути и измышенія человѣческія къ блаженству не приводятъ и умъ человѣческій самъ совершенной истины не отыщетъ. Между тѣмъ пробужденіе отъ усыщенія ума, возродившееся отъ того сознаніе окружавшей лжи и жажды истины и спасенія показывали, что родъ человѣческій довольно уже созрѣлъ, чтобы принять истину и Спасителя.

Промыслъ же Божій устроилъ такъ, что евреи, вслѣдствіе войнъ спачала съ ассирийцами, потомъ съ вавилонянами и наконецъ съ греками, разсѣяны были по всему лицу земли, повсюду понесли свои Священные книги Моисея и пророковъ и сдѣлались исповѣдниками вѣры во Единаго Бога и обѣщанного Мессію. Между тѣмъ греки, вслѣдствіе славныхъ побѣдъ и завоеваній царя ихъ Александра Македонскаго, прославились, повсемѣстно распространили свою образованность

и свой языкъ, перевели на него всѣ Священные книги евреевъ и тѣмъ сдѣлали ихъ доступными всѣмъ народамъ. Наконецъ побѣдоносные римляне покорили всѣ царства, и самый народъ іудейскій принуждѣнъ былъ такъ же покориться имъ. Почему къ концу временъ образовалась всемирная Римская Имперія и всѣ люди соединились подъ одною властію, чтобы благовѣстіе о великому дѣлѣ любви Божіей для спасенія рода человѣческаго не могло встрѣтить ни границъ, ни заставъ.

Такимъ образомъ премудрымъ Промысломъ Божіимъ приготовленъ міръ къ принятію обѣщанного Мессія и настало время, опредѣленное пророчествами Іакова и Даниила: прекратились у Іудеевъ правители изъ ихъ племени и истекали уже 70 сѣдмінъ, опредѣленныя Данииломъ.

И вотъ, согласно пророчествамъ Михея и Исаіи, въ Виолеемъ рождается отъ пречистой Дѣвы Маріи — вѣтъви отъ корени Іессеева, оброченной, тоже потомку царя Давида — Іосифу, — отроча — Сынъ, и нарекли они Ему имя Іисусъ — Спаситель.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О томъ, чему учитъ Христосъ.

І.

Въ бѣдности и нуждѣ родился Господь Иисусъ Христосъ. Праведный Іосифъ, св. обручникъ благодатной Матери Его, былъ бѣденъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, ремесломъ плотникъ, и старческими руками зарабатывалъ насущный хлѣбъ, а благословенная Марія рукодѣліями своими помогала ему содержать семейство. Когда приближалось время родить Ей, по требованію начальства, для народной переписи, они должны были идти изъ города Назарета, въ которомъ проживали, въ отечественный свой городъ — Виолеемъ. Они тамъ по скучности и по множеству стекшагося туда народа, не имѣли возможности найти себѣ помѣщенія, и остановились въ одной пещерѣ близъ города, куда пастухи въ ненастное время заняли свое стадо. Здѣсь Марія родила младенца, спеленала и положила въ ясли.

Такъ Божественный нашъ Учитель, съ первымъ явленіемъ Своимъ на землю, далъ намъ вразумленіе, что для достижения блаженства, по указанному Богомъ пути, потребно не богатство, не знаменитость, не измыслимые людьми удобства и роскошь жизни, но смиренная покорность Промыслу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Премудрый Промыслитель не преминулъ явить, что Онъ знаетъ впередь Своихъ истинныхъ читателей, въ какой бы они ни были убогой долѣ, — не оставить ихъ безъ прославленія на небѣ и на землѣ, и дастъ имъ все необходимое для жизни, и что Онъ готовъ открыть истину всякому, ищущему ее, будь онъ простъ, какъ пастухъ, будь онъ ученъ, какъ волхвъ — каждому доступнымъ для него образомъ. Онъ чрезъ ангела Своего указалъ Виолеемскимъ пастухамъ въ повитомъ пеленами, лежащемъ въ ясляхъ младенцѣ — Спаса — Пастыря всѣхъ овецъ Божіихъ, и далъ имъ слышать хвалебныя пѣсни небожителей за ниспосыпаемые свыше ради

Его миръ и благоволеніе человѣкамъ (Лук. II, 8—12); Онъ чудною звѣздою привелъ волхвовъ съ далекаго востока поклониться безвѣтному младенцу — Солнцу правды, какъ Царю всѣхъ, и почтить Его богатыми и знаменательными дарами, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ тѣ дары избавилъ отъ нужды Іосифа и Марію, и далъ имъ средства укрыть младенца въ Египтѣ отъ злобы Ирода. (Ме. 2, 1—14). Онъ праведнымъ и благочестивымъ Сумеону и Аниѣ, чающимъ утѣхи Израилевы, Духомъ Своимъ открылъ Христа Господня и привелъ ихъ встрѣтить Владыку всѣхъ во храмѣ, когда Онъ вступалъ туда несомый честнѣйшою Херувимъ и славнѣйшою Серафимъ, и возвѣстить *всѣмъ чающимъ избавленія*, что настало наконецъ спасеніе, уготованное Владыкою всѣмъ народамъ, всіюль свѣтъ къ просвѣщенію языковъ и открылась слава народа Его — Израиля; но что вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ младенецъ *лежитъ на паденіе и на восстаніе многихъ въ Израиль и въ предметѣ пререканій*, и что Самой Матери Его оружіе пройдетъ душу, да откроются помышленія многихъ сердецъ (Лук. II, 22 — 38).

ІІ.

Остановимъ теперь вниманіе на благодатной Маріи и праведномъ Іосифѣ. Пресв. Дѣва Марія своими родителями посвящена была Богу въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, оставлена при храмѣ и тамъ воспитывалась до 14-лѣтнаго возраста. Въ продолженіи этого времени родители ея умерли и она осталась сиротою. Какъ по достижениіи совершеннолѣтія дольше нельзя было оставлять ее при храмѣ, и по мѣстнымъ Іудейскимъ обычаямъ надлежало выдать ее въ замужество, то начальствующіе при храмѣ стали ей искать мужа. Но она всею душою своею возвлюбила Бога, Ему съ самаго дѣтства предала себя и взаимно отъ Бога ущедренная благодатными дарами — сладостю молитвы и умиленія, дала необычайный въ то время обѣтъ дѣвства. Когда она открыла это своимъ воспитателямъ, они, призвавъ престарѣлаго уже родственника ея — человѣка праведной жизни — вдовца Іосифа, и объявивъ ему о данномъ Марію обѣтѣ, убѣдили его взять ее въ свое семейство подъ видомъ жены, для чего и обручили ихъ. Въ

домъ Іосифа получила она благовѣстіе Архангела Гавріила, что она заснеть и родить Сына, обѣтованнаго Мессію, и приняла это благовѣстіе не со слѣпью, а съ разумною вѣрою, когда убѣдилась изъ отвѣтій Архангела на свои вопросы, что для Всемогущаго Бога нѣтъ невозможнаго—во чревѣ незнающей мужа, чрезъ наитіе Св. Духа и осѣненіе силою Всевышняго, зародить и возрастить плодъ, — приняла и съ полной преданностію въ волю Божію, не разсуждая о томъ, что подумаетъ о ней Іосифъ, и какъ поступить съ нею, когда узнаетъ о ея беременности. Но какъ Архангель при благовѣстіи упомянулъ и о зачатіи сына родственнице ея — престарѣло Елизаветою, которая уже считалась неплодною, то Марія поспѣшила къ ней въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ, чтобы въ дружеской родственной бесѣдѣ раздѣлить съ нею, волновавшія ее отъ чуднаго явленія и благовѣстія, чувства и мысли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, ея смиреніе и скромность представляли ей всю затруднительность того, какъ ей сказать Елизаветѣ о такомъ высокомъ своемъ назначеніи быть матерью ожидаемаго Мессія, и какъ та примѣтъ ея разсказъ: она жаждетъ раздѣлить съ нею радость свою и излить предъ нею наполнявшія ее благоговѣйныя чувства. Но, вѣдь, та можетъ не повѣрить ей и сочтѣть все разсказанное за выдуманную баснь, чтобы скрыть стыдъ пропступка. Эти мысли, а отъ нихъ недоумѣніе и опасенія, должны были возрастать съ каждымъ шагомъ къ дому Елизаветы. Вотъ она уже видитъ Елизавету и робко ее привѣтствуетъ, но та въ ту же минуту исполняется Духа Святаго и отвѣчаетъ ей громогласнымъ благословеніемъ, называя ее благословленною между женами, матерью Господа, блаженною за свою вѣру, и увѣряя, что совершился сказанное ей отъ Господа. Какою радостію должно было взыграть сердце Маріи, слыша все это! И вотъ изъ устъ ея излилась величественная, благодарственная, хвалебная пѣснь Богу—украшеніе нашего богослуженія:

„Величітъ душа моя Господа, и възрадовася духъ мой о Божіи Спась моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы своєя: се бо отъ нынѣ ублажатъ мя вси роди: яко сотвори мнъ величіе Сильный и свято имѧ єго; и милость єго въ роды родовъ боящимся єго. Створи державу мышцею своею: расточи гордыя мыслію сердца ихъ. Низложи сильныя со престолъ, и

вознесе смиренныя. Алчушия исполни благъ, и богатиція отпусти тици. Воспріятъ Израїля отрока своего, помянути милости, яко же иллюма ко отцемъ нашимъ, Абрааму и спомени єго до вѣка“. (Лук. I, 46—55).

Три мѣсяца Марія гостила у Елизаветы, потомъ возвратилась въ домъ Іосифа. Но каково было состояніе духа этого праведнаго человѣка, когда онъ узналъ, что давшая обѣтъ дѣвства и врученная ему для храненія этого обѣта, непраздна. Когда онъ недоумѣвалъ, и по добротѣ сердца своего, не рѣшался поступить съ нею жестоко, обдумывалъ, какъ бы тайно отпустить ее, во снѣ явился ему Ангель Господень и открылъ, что имѣющій родиться отъ нея сынъ есть отъ Духа Свята, и что все это произошло во исполненіе возвѣщенаго Господомъ чрезъ пророка слова: „се, дѣла во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имѧ ему Еммануилъ“, что значитъ: съ нами Богъ“. Такъ Господь утишилъ волны мыслей и сомнѣній, обуревавшія душу праведнаго.

Вотъ примѣръ, какъ Господь хранить уповающихъ на Него, и Ангеловъ Своихъ посыпаетъ сохранять ихъ во всѣхъ путяхъ ихъ, и какъ вѣрно слово пророка: „возверзи на Господа печаль твою и Той тя пропитаетъ. Не дастъ въ вѣкъ молвы праведнику“.

Живущій подъ кровомъ Всевышнаго подъ спиною Всемогущаго покоятся. Говоритъ Господу: прибѣжище мое и защита моя, Богъ мой, на котою я уповаю! Онъ избавитъ тебя отъ сильнаго ловца, отъ гибельной язвы. Перьями своими оспитъ тебя, и подъ крыльями Его будешь безопасенъ: щитъ и огражденіе — истина Его. Не убоишься ужасовъ въ ночи, стрѣлы, летящей днемъ. Язвы, ходящіе въ мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень. Падутъ подъ тебя тысяча и десять тысячъ одесную тебя; но къ тебѣ не приблизится. Только смотрѣть будешь очами твоими и видѣть возмездіе нечестивымъ: ибо ты сказалъ: Господь упованіе мое; Всевышнаго избралъ ты прибѣжищемъ своимъ; не приключится тебѣ зло, и язва не приблизится къ жилищу твоему. Ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдуетъ о тебѣ — охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твою. На аспида и василиска наступитъ, попирать будешь льва и дракона. „За то, что онъ возлюбилъ Меня, избавлю его; защищу его, потому что

онъ позналъ имя *Мое*. Возвозетъ ко *Ми*, и услышу его; съ нимъ Я въ скорби; избавлю его, и прославлю его; долготою дній насыщу его, и явлю ему спасеніе *Мое*». (Пс. 90).

III.

Кромѣ того немногія, сохранинныя Евангелистами и преданіемъ черты изъ жизни Богоматери и ея обручника представляютъ намъ вполнѣ высоту нравственнаго ихъ достоинства и прекрасный примѣръ для нашего поученія.

Какъ много людей, которыхъ великие дары Божіей благодати привели въ духовной гордости и душевной пагубѣ: они, возмнвши себя святыми и паче всѣхъ прочихъ людей заслужившими Божіе благоволеніе, потеряли духъ смиренномудрія, сами себя вознесли на степень учителей и осудителей, — отпали отъ церкви и другихъ за собою увлекли, сдѣлались раскольниками и еретиками. Но не то представляютъ намъ благодатная Марія и праведный Іосифъ. Никто изъ людей не удостоился того обилія благодатныхъ даровъ и не возвеличенъ такъ, какъ преблагословенная Марія, удостоившаяся быть матерію Бога-Слова; но это послужило ей только къ большему и большему смиренію и къ возвышенію любви, благодарности и благоговѣйной преданности Творцу своему. Во всю ея земную жизнь не слышится отъ Ней ни похвалъ, ни учительного голоса, ни посагательства на какое нибудь начальство или почесть, но только: «се раба Господня; буди мнѣ по глаголу твоему»... «Величить душа моя Господа».... «Сыне и Боже мой, пріими духъ мой».

Великое дѣло вѣрено было Самимъ Богомъ Іосифу: хранить благословенную въ женахъ и ея Божественнаго Сына, но ни предъ кѣмъ не похвалился онъ этимъ и не ждалъ за это никакихъ земныхъ преимуществъ, но оставался въ скромной долѣ простаго плотника и трудами рукъ своихъ питалъ свое семейство, въ томъ числѣ и Подателя всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ — Богомладенца.

О, какъ прекрасно воспѣлъ Тебя, Преблагословенная, праотецъ твой Давидъ, въ 44 псалмѣ: „стала царица одѣсную Тебя въ Офирскомъ золотѣ. Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народъ твой и домъ отца

твоего. И возжелаетъ Царь красоты твоей; ибо Онъ Господъ твой, и ты поклонись Ему. И дочь Тира съ дарами, и богатѣйше изъ народа будутъ умолять лице твое. Вся слава дщери Царя внутри; одежда ея шита золотомъ. Въ испещренной одежды ведется она къ Царю: за нею ведутся къ Тебѣ дѣвы, подруги ея. Приводятся съ веселіемъ и ликованіемъ, входятъ въ чертогъ Царя“.

IV.

Сынъ Божій — истинный Богъ явился на землѣ совершеннымъ человѣкомъ.

Вся земная жизнь втораго Адама — Богочеловѣка Іисуса Христа была совершенная любовь и полная преданности волѣ Божіей.

Отъ имени Его говоритъ Давидъ: „Ты еси упованіе мое отъ сосиу матерѣ моей. Къ Тебѣ приверженъ есмъ отъ ложеснѣ, отъ чрева матерѣ моей, Богъ мой еси Ты.“ (Пс. 21, 10, 11).

Исполненіе воли Божіей — это Его пища, Его единственныи помыслъ. Его единственная радость, Его жизнь.

Все это Онъ проявилъ въ полнотѣ смиренія и кротости: Онъ остается, до явленія въ мірѣ Мессіею, бѣднымъ плотникомъ, трудами Своими достаетъ пропитаніе Себѣ и Своей Матери; обладая во всемъ совершенствѣ, премудростю и знаніемъ, проявлять ихъ, до явленія Своего Мессіею, только въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ указаніе истины (Лук. 2, 40—47), но не ищетъ ни похвалъ, ни почестей, ни богатства, ни власти, подчиняется безпрекословно всѣмъ установленіямъ предлежащей власти, исполняетъ всѣ требованія закона и всѣ добрыя и полезныя для души установленія.

Безпредѣльно любя Бога Отца, могъ ли въоплощенный Сынъ Божій не возлюбить вѣнецъ Его творенія — человѣка? И Онъ возлюбилъ сущихъ въ мірѣ братій Своихъ по плоти, явивъ на дѣлѣ, что возлюбилъ ихъ до конца. (Іоанн. 13, 1).

Царь Давидъ въ псалмѣ 52 ст. 3 и 4 говоритъ: „Богъ съ небесе приниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть разумѣвай или въ скалѣ Бога; вси уклонишася, вкупъ непотребни быша: и есть творяй блаое, и есть до единаго.

И дѣйствительно приниче Богъ на сыны человѣческія:

(Пс. 13, 2; 101, 14, 20, 21; 52, 3) Самъ Сынъ Божій снисшелъ съ высоты величія Своего и содѣлался человѣкомъ, *и съ человѣкіи пожиже*. Близко, очень близко Онъ увидѣлъ и уже, какъ человѣкъ, на Себѣ самомъ испыталъ всѣ немощи ихъ, кромѣ грѣха. Оказалось, что *весь миръ лежитъ во злы* (Іоан. 5, 19), что всѣ люди такъ упали нравственно, что сдѣлались неспособными къ предназначеннй имъ жизни и такъ стали скверны, мерзки своими грѣхами, что уже недостойны милости предъ Божественною правдою. Но Онъ такъ же увидѣлъ, что люди по легкомыслию вдались въ суету и чрезъ суету сбились съ истиннаго пути, зашли во тьму и служдаются какъ овцы безъ пастыря.

Подлинно, совершенная суета — всякий человѣкъ живущій. Подлинно, человѣкъ ходить подобно призраку; напрасно онъ суетится, собирается и не знаетъ, кому достанется то. Если Ты, Боже, обличеніями будешь наказывать человѣка за преступленія, то разсыплется, какъ отъ моли, краса его. Такъ суетенъ всякий человѣкъ (Пс. 38).

И вотъ Онъ, какъ человѣкъ, пожалѣлъ о своихъ по плоти братіяхъ. Любовь объемлетъ сердце Его жалостію къ погибающимъ братіямъ, та любовь, которая соединяетъ въ одно любящаго съ любимыми, дѣлаетъ ихъ какъ бы членами своего тѣла, смотрить на ихъ бѣдствія, какъ на свои собственныя и жаждеть раздѣлить участъ ихъ; въ чистѣйшей душѣ Его, какъ огонь горить желаніе спасти ихъ, и Онъ обрекаетъ Себя на самую тяжкую участъ среди грѣшнаго рода человѣческаго, — на болѣзни и самую смерть, береть на Себя всѣ грѣхи людей и приносить Себя въ жертву умилостивленія предъ Божественною правдою за людей, по законамъ той же правды лишившихся за грѣхи свои любви, благости и милости Божіей. Изъ пречистыхъ Его устъ несется горѣ, къ Отцу небесному за беззаконія, людскія, какбы за Его собственныя, молитва: „*Услыши, Господи, молитву Мою и внемли волю Моему; не будь безмолвенъ къ слезамъ Моимъ. Ибо странникъ Я у Тебя и пришелецъ, какъ и весь отцы Мои.*“ Отъ всѣхъ беззаконій Моихъ избавь Меня, не предавай Меня на поруганіе безумному. Отступи отъ Меня, чтобы Я могъ подкрѣпиться, прежде нежели отойду, и не будетъ Меня. (Пс. 38.)“

И вотъ Онъ безгрѣшный на зовъ Крестителя: „*покай-*

тесь“ идетъ къ нему, какъ идутъ тѣ, которые имѣютъ нужду въ покаяніи, и вмѣстѣ съ грѣшниками принимаетъ крещенія — для очищенія грѣховъ всего міра.

Но такое величіе самоотверженія любви поколебало самое небо, — оно отверзлось, для того чтобы небожители могли насладиться зрѣніемъ человѣка, смиренno, подобно грѣшникамъ, преклонившаго свою главу подъ руку Крестителя, но превышавшаго самаго небеса добродѣтелю; открылось для того, что Богъ по присущей Ему правдѣ не могъ не открыть людямъ истины и этого крещаемаго провозгласить Своимъ возлюбленнымъ Сыномъ, въ которомъ всѣ Его благоволеніе, — для того, чтобы всѣ небесные дары Св. Духа: Духа премудрости и разума, Духа совѣта и крѣпости, Духа вѣдѣнія и благочестія, Духа страха Божія изліять на Его человѣчество для совершенія великаго подвига спасенія рода человѣческаго и для надѣленія ими спасаемыхъ по Его устремленію.

V.

Но Господь Иисусъ Христосъ и послѣ того, какъ надѣлѣ Нимъ отверзлись небеса, небесный Отецъ провозгласилъ Его Возлюбленнымъ Своимъ Сыномъ, и Духъ Святый излилъ на Него всѣ дары Свои, остается тѣмъ же смиреннымъ сыномъ человѣческимъ, и идетъ въ пустынѣ приготовить тамъ Себя постомъ на возложенное на Него Отчею волею служеніе.

Здѣсь Онъ постился сорокъ дней и сорокъ ночей, чтобы показать примѣромъ Своимъ необходимость воздержанія для всѣхъ ищущихъ спасенія.

Потомъ, чтобы научить настъ, какъ мы должны бороться съ искушеніями и побѣждать діавола и всѣ приходящіе къ намъ извѣснѣ соблазны, Онъ допускаетъ къ Себѣ искусителя и побѣдоносно отражаетъ внушаемыя имъ мысли. Такъ томимый послѣ долгаго поста голодомъ, отвергаетъ мысль употребить присущую Ему чудодѣйственную силу для удовлетворенія потребности природы — претворить камень въ хлѣбъ, отвергаетъ какъ мысль нечистую, внушенную демономъ сластолюбія, изъявляя, что исполненіе слова — воли Божіей для жизни необходимѣ хлѣба; отвергаетъ также мысль явить

Себя предъ людьми немедленно Мессиею посредствомъ такого чуда, которое въ глазахъ людей было бы знаменіемъ Его высокаго званія и привлекло бы къ Нему толпу — броситься съ крыши храма, осуждая эту мысль, какъ внушеніе демона тщеславія, такъ какъ ожиданіе подобныхъ чудес отъ Бога было бы нарушеніемъ заповѣди: — *не искушай Господа;* отвергаетъ также мысль сдѣлаться обладателемъ всего міра и всѣхъ его сокровищъ, какъ внушеніе демона властолюбія и такой же соблазнъ сатаны, какимъ увлеклись люди, искавши блаженства не въ Богѣ, а въ наслажденіи земными благами, и такимъ образомъ, вмѣсто поклоненія Богу, поклонившіеся власти діавола; по чому на эту мысль съ гнѣвомъ сказаль: *отойди отъ Меня сатана, ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Единому служи.“*

Все это можно представить себѣ такъ: послѣ поста Иисусъ Христосъ напослѣдокъ взалкалъ, — страшныя муки голоды стали томить Его человѣческое вещество. Воспользовавшись этимъ искуситель — духъ сластолюбія внушаетъ Ему — мысль: „постъ конченъ, для чего же еще томить себя голодомъ? если ты Сынъ Божій, стоять сказать камню и онъ будетъ хлѣбомъ, и ты удовлетворишь настоятельному требованію натуры.“ Но Господь Иисусъ отвергаетъ эту мысль, какъ недостойную, потому что Онъ Самъ обрѣкъ Себя одной участіи съ грѣшниками, и послѣ сего пользоваться для Себя даромъ чудотворенія было бы нарушеніемъ воли Божіей; при томъ Онъ зналъ, что истинная жизнь человѣка не въ удовлетвореніи требованій тѣлесной природы, но въ исполненіи воли Божіей, которая изложена въ законѣ. По чому на это искушеніе отвѣчалъ: *„писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божиихъ.“*

Потомъ, когда, можетъ быть, Иисусъ Христосъ размышлялъ, какъ ему начать Свой подвигъ призывомъ людей къ покаянію и проповѣдью о истинѣ и путяхъ жизни, искуситель — демонъ тщеславія внушаетъ Ему такую или подобную мысль: „люди обыкновенно бываютъ глухи къ словамъ проповѣдниковъ; особенно какъ они послушаютъ Тебя, когда Ты явишся предъ ними въ Своемъ смиренномъ видѣ: вотъ другое дѣло, когда они увидятъ, что Ты дѣйствительно Сынъ Божій — Мессія обѣтovanный! А этого всего легче достигнуть

такъ: во время праздника, когда къ храму стечется много людей, взойти на крышу храма и надѣ пропастью, которая разверзается оттуда, броситься внизъ; по словамъ псалма Давида, Тебя должны понести Ангелы и Ты не преткнешь о камень ногою Свою. Тогда всѣ люди увѣруютъ, что Ты точно Сынъ Божій — ихъ Мессія.“ Не жалѣть жизни, когда требуетъ того исполненіе Закона Божія, было обычно Иисусу, Христу, но бросаться на явную опасность съ мыслю, что Богъ долженъ меня сохранить и такимъ образомъ — требовать отъ Бога чуда — искушать Его, было не свойственно смиренію Его, и Онъ на это искушеніе отвѣчалъ діаволу: *„паки писано есть: не искусти Господа Бога твоего.“*

За тѣмъ, когда Иисусъ Христосъ на пути изъ пустыни взошелъ на высокую гору, (можетъ быть ту самую, съ которой Моисей предъ своею смертію обозрѣвалъ обѣтovanную землю) и стала оттуда любоваться обширнымъ, открывшимся видомъ: Йорданъ какъ голубая лента извивался по цѣлѣтущей и населенной долинѣ, къ сѣверу Генисаретское озеро, къ югу Мертвое море — какъ большія зеркала блистали отъ лучей солнечныхъ; по обѣимъ сторонамъ Йорданской долины возвышались горы и разрѣзывали ея своими хребтами въ разныхъ направлѣніяхъ; на ихъ склонахъ и между ними въ долинахъ виднѣлось множество селеній и городовъ; вдали на западѣ сливалось съ небосклономъ Средиземное море, — соблазнитель — демонъ властолюбія воспользовался этимъ слущаю и въ мгновеніе ока представилъ Его мысли всю землю во всей видимой красотѣ, со всѣми ея обитателями, ихъ царствами, роскошными городами и столицами, со всѣми богатствами и роскошью, со всею прелестію власти и наслажденія земными благами, и стала внушать Ему мысль: «стоить только пожелать Тебѣ, и всѣ это будетъ Твоимъ». Но Иисусъ Христосъ любилъ Бога и въ этой любви нашелъ неизыскаемый источникъ блаженства и жизни; Онъ зналъ, что желаніе земныхъ благъ привело родъ человѣческій къ суетѣ, къ отпаденію отъ любви Божіей, къ преклоненію долу и власти діавола, — что пристраститься къ земному все равно что поклониться діаволу, и потому на эту мысль искусителя съ гнѣвомъ отвѣчалъ: *„отойди отъ Меня, сатана, ибо написано: Господу, Богу твоему поклонися, и Ему единому служи.“*

Тогда оставилъ Его діаволь, и Ангелы приступили и стали служить Ему.

VI.

Господь Іисусъ — обѣтovanій Мессія, или Христосъ (Помазанникъ) вышелъ на дѣло Свое, будучи 30 лѣтъ, простымъ смиреннымъ странникомъ, не имѣвшимъ гдѣ главы приклонить, — путникомъ, по слову Пророка, піоющимъ воду изъ потока при пути.

Но премудрымъ промысломъ было устроено такъ, чтобы современники имѣли полную возможность приготовиться къ принятію Его и узнать Его.

Пророки возвѣстили: *Малахія*, — что Богъ пошлетъ Ангела Своего предъ лицемъ Христа, который приготовить путь Его (Мо. 3, 1), а *Ісаія*, — что будетъ гласъ воющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу. (Іс. 40, 3).

И предъ явленіемъ міру Христа, — явился Іоаннъ. Онъ не творилъ чудесъ, но самая жизнь Его была чудомъ: съ ранняго возраста Онъ жилъ въ пустынѣ, предаваясь всецѣло молитвѣ и Богомыслію; пищею его были акриды и дикий мѣдъ *); одежда его была изъ верблюжьаго волоса и кожаный ремень на чреслахъ.

По глаголу Божію къ нему, онъ вышелъ изъ пустыни и, проходя по всей странѣ Іорданской, проповѣдавъ крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ, взывалъ: *покайтесь, близко царство небесное!* И когда народъ стекался къ нему, онъ съ силою и ревностію Иліи, не взирая на лица, обличалъ беззаконія людей, предостерегалъ, чтобы не полагались на происхожденіе свое отъ Авраама; требовалъ, чтобы все творили плоды, достойные покаянія: помогали неимущимъ отъ своихъ избытокъ, не притѣсняли никого, не обижали, не клеветали и довольствовались своимъ состояніемъ; въ противномъ случаѣ грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, говоря: *уже спикура при коренѣ дерева лежитъ: всякое дерево, неприносящее добра плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.*

Когда проповѣдь его подвигла всю страну Іудейскую и

*) Акриды — это небольшое крылатое насѣкомое — саранча, обыкновенная пища бѣдныхъ на востокѣ. Дикий медъ — это медъ дикихъ пчелъ, находившійся въ изобилии въ селахъ и дуплахъ деревъ пустыни.

Іерусалимъ, и всѣ приходили къ нему и крестились отъ него въ рѣкѣ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои, тогда Іоаннъ сталъ возвѣщать: *идетъ за мною сильнѣйшій менѣ, у котораго я недостоинъ, наклонившиесь, развязать ремень обуви Его, и который будетъ крестить Духомъ Святымъ*. (Мар. 1, 8).

Когда Іисусъ Христосъ Самъ принялъ крещеніе отъ Іоанна Предтечи, Іоаннъ сталъ свидѣтельствовать о Немъ: *се агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра. Сей есть, о которомъ я сказалъ: за мною идетъ мужъ, который сталъ спереди менѣ; потому что Онъ былъ прежде менѣ. Я не зналъ Его; но для того пришелъ крестить въ водѣ, чтобы Онъ явленъ былъ Израілю. Я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ. Я не зналъ Его; но пославшій меня крестить въ водѣ сказалъ мнѣ: на кого увидишъ Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ. И я видѣлъ, и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій.* (Іоанн. 1, 29—34).

Внявъ этому свидѣтельству, нѣкоторые изъ учениковъ Крестителя, оставивъ его, пошли за Іисусомъ, и потомъ привели къ Нему своихъ сродниковъ и знакомыхъ. (Іоан. 1, 35—51). Это были первые ученики и послѣдователи Христа.

Іисусъ, обходя съ ними города и веся, началъ призывать всѣхъ въ царство Божіе и учить, *какъ не глаголалъ еще ни одинъ человѣкъ*, (Іоан. 7, 46) съ явленіемъ Божественной чудотворной силы въ исцѣленіи всякихъ болѣзней и немощей въ людяхъ.

Служъ о Немъ вскорѣ распространился по всей Сиріи и народъ отвсюду сталъ стекаться (Мо. 8, 25; Лук. 8, 15—16) къ Нему и приводить своихъ немощныхъ.

Тогда Онъ изъ числа болѣе-усердныхъ слушателей избралъ сначала 12 Апостоловъ, которые послѣ сего и были постоянно при Немъ, всюду за Нимъ слѣдовали, слушали Его проповѣдь и спрашивали разрѣшенія о непонятомъ, — потомъ избралъ еще 70 Апостоловъ, и посыпалъ ихъ предъ лицемъ Своимъ въ тѣ города и мѣста, куда Самъ намѣренъ былъ идти, — возвѣщать, что царство небесное близко, и во имя Его исцѣлять недужныхъ.

VII.

Призывая всѣхъ въ царство небесное — къ жизни истин-

ной — блаженной, Иисусъ Христосъ, подобно Предтечѣ и Крестителю Своему Иоанну, какъ на первую ступень, или начальную стезю въ это царство, указалъ на необходимость покаянія, и възванія: «покайтесь», въ притчахъ Своихъ уподоблялъ грѣшника заблуждшей овцѣ и потерянной драхмѣ, и свидѣтельствовалъ, что какъ радуется человѣкъ, нашедшій заблудившуюся овцу, и женщина, отыскавшая потерянную драхму, такъ ликуютъ небеса и Ангелы Божіи радуются объ одномъ грѣшнике покаявшемся.

Онъ сказалъ имъ слѣдующую притчу: кто изъ васъ, имѣя ста овецъ, и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяноста девяти въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшую, пока не найдетъ ея? А нашедши, возьметъ ее на плеча свои съ радостію; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу. Сказываю вамъ, что такъ на небесахъ болѣе радости будетъ обѣ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяноста девяти праведникахъ, неимѣющихъ нужды въ покаяніи. Или какая женщина, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну драхму, не зажжетъ свечи и не станетъ мести комнату, и искать тщательно, пока не найдетъ? А нашедши созоветъ подругъ и сосѣдокъ, и скажетъ: порадуйтесь со мною; я нашла потерянную драхму. Такъ говорю вамъ, бываетъ радость у Ангеловъ Божіихъ и обѣ одномъ грѣшникѣ кающемся.»

Душа моя, душа моя, что ты спиши! слышишь ли какъ ты многоцѣнна предъ очами Божіими! Слышишь ли, какъ блаженные небожители ожидаютъ тебя, и какую радость отъ тебя зависить доставить имъ! Пробудись же! Воспряни! Спѣши на призываѣній глашъ Христа!

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему, храмъ носяй тѣлесный весь оскверненъ, но яко щедръ очисти благоутробною Твою милостію!» (Пѣснь Церкви въ недѣлю Мѣтая и Фарисея и во всю Святую четыредесятницу).

VIII.

Истинное покаяніе, само собою разумѣется, должно сопровождаться сознаніемъ нашего ничтожества предъ величиемъ

Божіимъ, нашей нечистоты предъ Его святостію, и сокрушеніемъ о нашихъ грѣхахъ, а потому Господь училъ: «Блажени нищіи духомъ; яко тѣхъ есть царство небесное, Блажени плачущіи: яко тѣи утѣшаются». (Мо. 5, 3, 4). И чтобы яснѣе дать понятіе объ истинномъ покаяніи, представиль намъ образъ покаявшагося грѣшника въ блудномъ сынѣ, который, расточивъ полученное отъ отца наслѣдство и впавъ въ крайнюю бѣдность и уничиженіе, приходитъ наконецъ въ сознаніе своего непотребства, рѣшается возвратиться къ отцу, исповѣдать предъ нимъ, что онъ недостоинъ уже называться его сыномъ, и — просить его принять въ число своихъ работниковъ. И въ той же притчѣ, въ утѣшеніе сокрушающихся о своемъ паденіи грѣшниковъ, Господь изобразилъ милосердаго Бога въ лицѣ любвеобильнаго отца, который, завидѣвъ издалека возвращающагося сына, сжалілся надъ нимъ, побѣжалъ на встрѣчу, паль ему на шею, цѣловалъ его, велѣлъ одѣть его въ лучшую одежду, дать ему перстень на руку и обувь на ноги, заколоть откормленнаго теленка и учредить пиръ, чтобы веселиться; такъ какъ этотъ сынъ былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ, и нашелся.»

Еще сказалъ: у нѣкотораго человѣка было два сына; и сказалъ младшій изъ нихъ отцу: отче! дай мнѣ слѣдующую мінью часть имѣнія. И отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе. Но прошествіемъ немногихъ дней, младшій сынъ, собравъ все, пошелъ въ дальнюю сторону, и тамъ расточилъ имѣніе свое, живя распутно. Когда же онъ прожилъ все, насталъ великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться. И пошелъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той; а тотъ послалъ его на поля свои пасти свиней. И онъ радъ былъ наполнить чрево свое рожками, которые тѣли свини, но никто не давалъ ему. Пришедши же въ себя, сказалъ: сколько наемниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голоду! Встану, пойду къ отцу моему, и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою. И уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ; прими меня въ число наемниковъ твоихъ. Всталъ, и пошелъ къ отцу своему. И когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжалілся; и побѣжалъ, паль ему на шею, и цѣловалъ его. Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ.

А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и оденьте его, и дайте перстень на руку его, и обувь на ноги. И приведите откормленного теленка, и заколите; станемъ пить и веселиться. Ибо сей сынъ мой былъ мертвъ, и ожилъ; пропадалъ, и нашелся. И начали веселиться. Старший же сынъ его былъ на поля; и, возвращаясь, когда приблизился къ дому, услышалъ пение и ликованіе. И, призвавъ одного изъ слугъ, спросилъ: что это такое? онъ сказалъ ему: братъ твой пришелъ; и отецъ твой закололъ откормленного теленка, потому что принялъ его здоровымъ. Онъ осердился и не хотѣлъ войти. Отецъ же его, вышедши, звалъ его. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ отцу: вотъ, я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказанія твоего; но ты никогда не далъ мнѣ и козленка, чтобы мнѣ повеселиться съ друзьями своими. А когда этотъ сынъ твой, расточивший имъніе твое съ блудницами, пришелъ; ты закололъ для него откормленного теленка. Онъ же сказалъ ему: сынъ мой! ты всегда со мною, и все мое твое. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мертвъ и ожилъ; пропадалъ, и нашелся. (Лук. 15, 11—32).

IX.

За тѣмъ безуміе тѣхъ, которые откладываютъ покаяніе со дня на день, и тѣхъ, которые надѣются на свое богатство и полагаютъ высшимъ благомъ наслажденіе земными благами, не думая о смерти и не вѣруя въ будущую жизнь, Господь представилъ въ двухъ слѣдующихъ притчахъ:

У одною богатаго человѣка былъ хороший урожай въ полѣ; и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ-что скажу: сломаю житницу мою, и построю большія, и сберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! моего добра лежитъ у тебя на многие годы; покойся, пышь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сию ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты залоговилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатыетъ". (Лук. 12, 16—21).

„Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонѣ, и каждый день пришествовалъ блестательно. Былъ такъ же нѣкоторый нищий, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ; и желалъ насытиться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищий, и отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ и похоронили его. И въ адъ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его. И возопивъ, сказалъ: Отче Аврааме! умилосердись надо мною, и поими Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ, и прохладилъ языкъ мой; ибо я мучусь въ пламени семъ. Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе свое въ жизни своей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего этого между вами и нами утверждена великай пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, такъ же и оттуда къ намъ не переходятъ. Тогда сказалъ онъ: такъ прошу тебя, отче, поими его въ домъ отца моего; ибо у меня пять братьевъ: пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобъ и они не пришли въ сіе мѣсто мученія. Авраамъ сказалъ ему: у нихъ есть Морсей и пророки; пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: пѣть, отче Аврааме! но если кто изъ мертвыхъ приидетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Морсей и пророкъ не послушаютъ: то еслибы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ". (Лук. 16, 19—31).

X.

Въ поощреніе запоздавшихъ принести покаяніе и стать на путь спасенія Иисусъ Христосъ въ особой притчѣ представилъ Бога хозяиномъ дома, который принималъ работниковъ въ свой виноградникъ рано утромъ, въ третій, шестій, девятій и даже въ одинадцатый часъ, (то есть, когда прошло уже три часа съ начала дня, прошло половина и три четверти дня, и наконецъ, когда остался уже одинъ часъ до вечера) и всѣмъ имъ давалъ одинаковую плату.

„Царство небесное подобно хозяину дома, который вышелъ рано поутру нанять работниковъ въ виноградникъ свой.

И договорившись съ работниками по динарию на день, послал ихъ въ виноградникъ свой. Вышедши около третьего часа, онъ увидълъ другихъ, стоящихъ на торжищѣ праздно. И имъ сказалъ: идите и вы въ виноградникъ мой, и что слѣдоватъ будетъ, дамъ вамъ. Они пошли. Опять вышедши около шестаго и девятаго часа, сдѣлали тоже. Наконецъ вышедши около одиннадцатаго часа, онъ нашелъ другихъ, стоящихъ праздно, и говорилъ имъ: что вы стоите здѣсь цѣлый день праздно? Они говорятъ ему: никто насъ не нанялъ. Онъ говоритъ имъ: идите и вы въ виноградникъ мой, и что слѣдоватъ будетъ, получите. Когда же наступилъ вечеръ, говорилъ господинъ виноградника управителю своему: позвони работникамъ, и отдай имъ плату, начавъ съ постъдніихъ до первыхъ. И пришедши около одиннадцатаго часа получили по динарию. Пришедши же первыми думали, что они получатъ больше; но получили и они по динарию. И получивъ, стали роптать на хозяина дома, и говорили: сіи постъдніе работали одинъ часъ, и ты сравнялъ ихъ съ нами, перенесшими тягость дня и зной. Онъ же въ отвѣтъ сказалъ одному изъ нихъ: другъ! я не обижая тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое, и пойди; я же хочу дать этому постъднemu тоже, что и тебѣ. Развѣ я не властенъ въ своемъ дѣлать, что хочу? Или глазъ твой завистливъ отъ того, что я добръ? Такъ будутъ постъдніе первыми, и первые постъдніми; ибо много званныхъ, а мало избранныхъ". (Мате. 20, 1 — 16).

XI.

Такъ возбуждая къ покаянію, вмѣстѣ съ тѣмъ Господь говорилъ, что помилованы будутъ только тѣ, которые сами были милостивы (Мо. 5, 7), и чтобы болѣе обязать настъ къ милосердію и снисхожденію къ нашимъ ближнимъ, въ даннompъ намъ образцѣ молитвы, прошеніе о прощеніи грѣховъ связалъ съ обязательствомъ съ нашей стороны прощать другимъ, такъ что и просить у Бога милости мы можемъ только тогда, когда сами милостивы къ другимъ (Мо. 6, 12, 14, 15). А чтобы яснѣе представить, что этого требуетъ правда Божія, сказалъ слѣдующую притчу:

„Царство небесное подобно царю, который захотѣлъ со-считаться съ рабами своими. Когда началъ считаться; приведенъ былъ къ нему никто, который долженъ былъ ему де-сять тысячъ талантовъ. А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ запла-тить; то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить. Тогда рабъ тотъ палъ, и, кланяясь ему, говорилъ: Государь! потерпи на мнъ, и все тебѣ заплачу! Государь, умилосердившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его, и дамъ простилъ ему. Рабъ же тотъ, вышедши, нашелъ одного изъ товарищѣй своихъ, который долженъ былъ ему сто динариевъ, и схвативъ его, душилъ, говоря: отдаи мнъ, что долженъ. Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умоляя его, и говорилъ: потерпи на мнъ, и все отдамъ тебѣ. Но тотъ не захотѣлъ, а погналъ и по-садилъ его въ тюрьму, пока не отдастъ дома. Товарищи его, видѣвъ происшедшее, очень огорчились, и, пришедши, разсказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призываетъ его, и говоритъ: злой рабъ! весь долгъ твой я про-стилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня. Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища своего, какъ и я помиловилъ тебя? И разгневавшись, государь его отдалъ его истя-зателямъ, пока не отдастъ ему всего долга. Такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрешеній его." (Мате. 18, 23 — 35).

XII.

Далѣе Господь училъ, что блаженную жизнь въ царствіи Божіемъ могутъ имѣть только кроткіе, миролюбивые, чистые сердцемъ и правдолюбцы (Мо. 5, 5 — 9); что кротость и миролюбіе должны простираться до того, что никакое обид-ное для ближняго слово не должно выходить изъ устъ на-шихъ (Мо. 5, 22), и мы даже не должны противиться оби-дамъ со стороны ближнихъ, а сносить оныя безропотно, (Мо. 5, 38) — что чистота сердца не должна быть нарушаема ни-какимъ нечистымъ помысломъ, (Мо. 5, 25) и что искать правды и царствія Божія мы должны преимущественно предъ всѣми житейскими потребностями, и ни въ какомъ случаѣ

заботами о сихъ послѣднихъ не отвлекаться отъ этой обзанности, уповая на Отца Небеснаго, питающаго птицъ и одѣвающаго траву полевую; потому что Отецъ небесный знаетъ, что намъ необходимо, и тому, кто будетъ искать царствія Божія и правды его, все это подастъ.

„По сему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ пить, и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды? Взглядите на птицъ небесныхъ: они не съютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И обѣ одежды что заботитесь? Посмотрите на полевыя лилии, какъ они растутъ? Не трудятся, ни прядутъ. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сего дня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, маловѣры! Итакъ не заботьтесь и не говорите: что намъ пить? или, что пить? или, во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде царства Божія и правды его, и это все приложится вамъ. Итакъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Довольно для каждого дня своей заботы.“ (Мо. 6, 25 — 34).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь училъ, что мы должны любить правду настолько, что не однихъ земныхъ благъ ожидать за то, но и быть готовыми за правду и пострадать.

„Блажени, Онъ говорилъ, изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ малолъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мѣда ваша многа на небесныхъ. Тако бо изгнанша пророки, иже (бѣша) прежде васъ.“ (Мо. 5, 10 — 12).

XIII.

О царствіи Божіемъ Господь училъ: чтобы принадлежать царству Божію, нужно вдворить его внутрь себя, подчиниться ему; (Лук. 17, 20, 21). Оно приходитъ незамѣтнымъ

для насъ образомъ, но когда вселится внутрь насъ, тогда мы рождаемся вновь отъ Духа Святаго — дѣлаемся новыми людьми, и тогда человѣкъ, испытавъ сладость его, уже не щадить ничего для приобрѣтенія его, подобно человѣку, который, найдя сокровище, скрытое въ полѣ, не говорить объ этомъ никому, и радуясь о своей находкѣ, идетъ и продаѣтъ всѣ, что имѣеть, и покупаетъ поле то; — подобно купцу, ищущему хорошей жемчужины, который нашедши одну драгоцѣнную жемчужину, продаѣтъ всѣ, что имѣеть, и покупаетъ єё. (Мо. 13, 44 — 46.) По чѣму Господь царство Божіе уподобляетъ закваскѣ, которая хотя берется въ маломъ количествѣ, измѣняетъ и какъ бы оживляетъ тѣсто; — зерну горчичному, которое хотя мелко, но изъ него вырастаетъ высокое и вѣтвистое растеніе, дающее тѣнь и убѣжище птицамъ. (Мо. 13, 31 — 33.) Царствомъ же Божіимъ на землѣ Господь называлъ и общество вѣрующихъ — принявшихъ слово Его, и въ этомъ смыслѣ въ одной притчѣ уподобилъ міръ полю, а Себя хозяину поля, засѣявшему поле хорошею пшеницею; діавола — врагу хозяина поля, который, когда люди спали, пришелъ и посѣялъ между пшеницею пlevелы; Ангеловъ — рабамъ хозяина поля, которые, увидѣвши между пшеницею пlevелы, хотѣли было выкопать пlevелы, но хозяинъ сказалъ имъ: оставьте рости вмѣстѣ то и другое до жатвы, (т. е. кончины вѣка) а во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде пlevелы, и связжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ, а пшеницу уберите въ житницу.“ (Мо. 13, 24 — 42.) Въ другой притчѣ уподобилъ царствіе Божіе неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на берегъ, и сѣвши, хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ. Тако будетъ, сказалъ Господь ученикамъ, въ скончаніе вѣка: изыдуть Ангели, и отлучатъ злыхъ отъ среды праведныхъ; и свернутъ ихъ въ пещь огненную; ту будетъ плач и скрежетъ зубомъ.“ (Мо. 13, 47 — 50).

„Не бойся малое стадо, еще сказалъ Господь ученикамъ: яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство. Продадите имѣнія ваши, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища навѣщающія, сокровище неоскучдаемо на небесныхъ, идѣ же тать не приближается, ни моль растѣльваетъ. Идѣ же бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. Да будутъ

чресла ваша препоясана, и състымины горящи и вы подобни человѣкомъ, чагоющимъ Господа своею, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и толкнущу, аbie отверзутъ ему. — Блажени рabi тiи, ихъ же пришедъ Господъ обрящетъ бдящихъ: аминъ илагомо вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ, и минувъ послужитъ имъ. И аще приидетъ во вторую стражу, и въ третю стражу приидетъ, и обрящетъ ихъ тако, блажени суть рabi тiи. Се же вѣдите, яко аще бы вѣдалъ господинъ храминъ, въ кiй часъ тать приидетъ, бдѣлъ убо бы, и не бы даљ подкопати дому своего. И вы убо будите готовы: яко, въ онъ же часъ не лните, Сынъ человѣческий приидетъ. (Лук. 12, 32 — 40).

XV.

Господъ училъ, что Богъ есть любовь и что любовь есть основаніе и исполненіе всего закона.

„И въпроси единъ законоучитель, искушай Его и илаголя: Учителю, какъ заповѣдь больши есть въ законѣ; Иисусъ же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего въсѧмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твою, и всею мыслию твою. Сiя есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренно яко самъ себе. Въ сiю облю заповѣдю въсѧ законъ и пророцы висятъ.“ (Мате. 22, 35 — 40).

Объяснивъ при этомъ притчею о Самарянинѣ, оказавшемъ любовь человѣку, израненному разбойниками, что ближнимъ мы должны почитать всякаго человѣча, не взирая ни на родъ, ни на племя его (Лук. 10, 30 — 37), Господъ училъ, что мы должны любить не однихъ дѣлающихъ намъ добро, но и самыхъ враговъ своихъ.

„Азъ же илагомо вамъ: любите враги ваши, благословите клянущиа вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ васъ напасть, и изгоняющиа вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ, яко солнце свое сияетъ ни злыя и блага, и дождитъ на праведныхъ и не-праведныхъ. Аще бо любите любящихъ васъ, куjo мзду имате; не и мытари ли тожде творятъ; и аще цѣлуете други ваши токмо, что лишие творите; не и язычницы ли такожде творятъ; будите убо вы совершенни, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.“ (Мате. 5, 44 — 48).

XVI.

Господъ училъ: „градетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклоннини поклоняются Отцу духомъ и истинною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющиихся Ему. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ* и истинною достоитъ кланятися.“ (Иоан. 4, 23 — 24).

Согласно сему Онъ примѣръ и словомъ побуждалъ подклониться всецѣло святой волѣ Божией и тѣмъ святить имя Его, и дѣлаться причастниками Его царства; почему не придавалъ никакой цѣны тѣлесному поклоненію безъ внутренняго благочестія, сильно порицая лицемѣріе и училъ совершать посты, милостыню и молитву не изъ тщеславія, для того, чтобы люди за это нась хвалили, но единственно изъ любви и преданности своему Отцу небесному, и просить у Него только необходимаго для жизни тѣлесной и духовной.

„Внемлите милостыни ваше не творити предъ человѣки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате отъ Отца вашего иже есть на небесахъ. Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемѣръ творятъ въ сонмищахъ и въ стоянкахъ, яко да прославяется отъ человѣкъ: аминъ илагомо вамъ, восприемлютъ мзду свою. Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣстъ шуйца твоя, что творитъ десница твоя. Яко да будетъ милостыня твоя въ тайни: и Отецъ твой видлъ въ тайни, твой воздастъ тебъ явлъ. И егда молишися, не буди яко же лицемѣри, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стоянкахъ путь стояще молитися, яко да явятся человѣкомъ: аминъ илагомо вамъ, яко восприемлютъ мзду свою. Ты же, егда молишися, види въ кльть твою, и затвори въ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайни: и Отецъ твой, видлъ въ тайни, воздастъ тебъ явлъ. Молящеся же не лишися илагомите, яко же язычницы: мнятъ бо, яко во многолаголаніи своемъ услышани будутъ, не подобитеся убо имъ: вѣсть бо Отецъ вашъ, ихъ же требуете, прежде прошенія вашего. Сице убо молитесь вы: Отче нашъ иже еси на небесахъ, да святится имя твое: да приидетъ царствіе твое: да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли. Хлѣбъ нашъ насыщный даждь намъ днесъ: и остави

намъ доли наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ: и не введи насъ (во искушение) въ напасть, но избави насъ отъ лукаваго. Яко твое есть царствіе и сила и слава во вѣки. Аминь. Аще бо отпущаєте человѣкомъ согрѣшениа ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: Аще ли не отпущаєте человѣкомъ согрѣшениа ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшений вашихъ. Егда же поститесь, не будите яко же лицемѣри сътупающе: помрачаетъ бо лица своя, яко да явятся человѣкомъ постящаеся: аминь глаголю вамъ, яко восприемлютъ мзду свою. Ты же постяся помажи главу твою, и мицѣ твое умныи: яко да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, иже вѣтайны, и Отецъ твой, видяй въ тайны, воздастъ тебѣ левъ. Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлить, и идѣже тати подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь ни тля тлить, и идѣже тати не подкопываютъ, ни крадутъ. Идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше.“ (Мате. 6, 1 — 21).

XVI.

Господь училъ въ молитвѣ быть постоянными и не унывать, если долго не получимъ просимаго, вѣруя, что все про- симое Отецъ небесный даруетъ намъ въ свое время, если дѣйствительно оно для насъ необходимо и полезно. (Мате. 7, 7 — 11).

Училъ, чтобы для молитвы и поученія въ законѣ Божиемъ собирались вмѣстѣ во имя Его, говоря: идѣже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есть посредъ ихъ. (Мате. 18, 20), И сказалъ «къ тѣмъ, которые увѣрены были о себѣ, что они праведны, и уничижали другихъ», слѣдующую притчу:

«Человѣка два внидоста въ церковь помолитися: единъ фарисей, а другій мытарь. Фарисей же ставъ, сицѣ молящеся: Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко письмъ, яко же прочиѣ человѣцы, хищницы, неправедницы, премнѣдѣль, или яко же сей мытарь. Пощуся два-краты въ субботу, десятину даю всѣго, елико притяжку. Мытарь же издалеча стоя, не хотѧше ни очио возвести на небо: но біяше перенъ своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнъ грѣшнику. Глаголю вамъ, яко снide сей

оправданъ въ домъ свой паче онао, яко всяка возносяйся, сми- рится: смиряй же себе, вознесется.» (Лук. 18, 9 — 14).

Училъ, чтобы мы наблюдали тщательно сами за собою, а не осуждали другихъ (Мате. 7, 1 — 5) и даль общее правило какъ жить въ обществѣ людей:

„Вся убо, елика аще хощете, да творяте вамъ человѣ- чны, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророци. (Мате. 7, 12).

XVII.

Въ притчѣ о сѣятелѣ Господь даль наставленіе, что слово Божіе мы должны слушать со вниманіемъ; постояннымъ памятованіемъ его и желаніемъ послѣдовать ему вкоренять его въ своеумъ и сердцѣ; не заглушать его заботами вѣка сего, обольщеніемъ богатства, славы и мірскими развлечениами, и нелѣністнымъ дѣланіемъ добрыхъ дѣлъ воздѣлывать въ себѣ глубокую и тучную почву, чтобы слово Божіе, посѣянное въ насъ, приносило обильный плодъ для собственного нашего и ближнихъ нашихъ блага. (Мар. 4, 3 — 20).

Онъ еще вѣщаъ: «не всяка глаголи ми: Господи, Гос- поди, видетъ въ царствіе небесное; но творяй волю Отца моего, иже есть на небесахъ. Мнози рекутъ мнъ въ онъ днѣ: Господи, Господи не въ твое ли имъ пророчествова- хомъ, и Твоимъ именемъ бѣзы изюнихомъ, и Твоимъ именемъ силы мнои сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко нико- лиже зналъ васъ: отгидите отъ мене дѣлающіе беззаконіе. Всяка убо, иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на ка- мени: и снide дождь, и придоша рѣки, и возвѣшиша вѣ- три, и нападоша на храмину ту, и не падеся, основана бо бѣ на камени. И всяка слышай словеса моя сія, и не творя ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песчи: и снide дождь и придоша рѣки, и воз- вѣшиша вѣтри, и опрошася храминъ той, и падеся: и бѣ разрушеніе ся веліе.» (Мате. 7, 21 — 27).

«Еще же ему глаголющу къ народомъ, се матери его и братія его стояху вѣнь, ищуще глаголати Ему. Рече же ико- кий ему: се матери твоя, и братія твоя вѣнь стоять, хотяще глаголати Тебѣ. Онъ же отпращавъ рече ко глаголющему Ему:

кто есть матери Моя; и кто суть братія Моя; и простеръ руку свою на ученики свои, рече: се матери моя и братія моя. Иже бо аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесахъ, той братъ Мой, и сестра и матери (Ми) есть.» (Мате. 12, 46 — 50).

«И бысть егда сконча Иисусъ слова сія, дивляхуся народи о учении ею: бѣ бо уча ихъ яко властъ имѧ, и не яко книжници и (Фарисеи). (Мате. 7, 28, 29).

XVIII.

Такъ уча, Господь Иисусъ обходилъ всю страну Іудейскую и когда видѣлъ людей способныхъ принять слово спасенія, исполнялся радостю и поощрялъ ихъ; когда же видѣлъ холдность и противленіе, скорбѣлъ о нихъ; когда видѣлъ страждущихъ, жалѣлъ ихъ, и силу чудотворенія употреблялъ для избавленія людей отъ гнетущихъ ихъ золь. Такъ Онъ повсюду исцѣлялъ одержимыхъ различными болѣзнями, слѣпымъ возвращалъ зрѣніе, глухимъ слухъ, хромыхъ возвигалъ, прокаженныхъ очищалъ, бѣсовъ изгонялъ, и, когда совершалъ это по чувству человѣколюбія, избѣгалъ всякаго прославленія и запрещалъ исцѣленнымъ разглашать обѣ этомъ.

Народъ стекался къ Нему отвсюду, и Онъ, занятый постоянно поученіемъ народа и исцѣленіемъ страждущихъ, почти не имѣлъ времени для вкушения пищи и для отдыха; но едва представлялась свободная минута, уединялся для молитвы къ Своему Отцу.

Но Іудеи высшаго сословія — священники, старѣйшины, книжники и фарисеи презирали Господа Иисуса Христа: предразсудокъ, — будто бы Христосъ долженъ непремѣнно явиться въ славѣ царя, не допускалъ ихъ признать Христомъ простаго плотника; смиренный видъ Иисуса Христа безъ земной славы и великолѣпія соблазнялъ ихъ. Чѣмъ болѣе ученіе и дѣла Христа Иисуса привлекали къ Нему народъ, и возбуждали уваженіе и любовь къ Нему, тѣмъ болѣе они приходили въ зависть и досаду. Они были увѣрены, что когда явится Христосъ, то къ нимъ первымъ обратится Онъ и сдѣлаетъ ихъ Своими приближенными и любимцами, но вотъ они видѣть, что Иисусъ Христосъ приближаетъ къ себѣ и

назначаетъ учениками и апостолами рыбарей и мытарей, ихъ же обличаетъ въ лицемѣріи, въ излишнемъ чествованіи субботы и крайней преданности виѣшнимъ обрядамъ и вымыщленнымъ людьми преданіямъ, обвиняетъ въ отмѣтаніи, для сохраненія человѣческихъ преданій, самыхъ заповѣдей Божіихъ и называетъ ихъ слѣпными вождями слѣпыхъ. Это возбуждаетъ въ нихъ злобу и ненависть къ Нему, а великія дѣла Его приводятъ ихъ въ ярость. А потому они всячески стараются вредить Ему въ мнѣніи народа и распространяютъ о Немъ хулы и клеветы, называя Его ядцею, винопіїцею, другомъ грѣшниковъ, разорителемъ субботы.

Господь Иисусъ Христосъ, оставляя все это безъ вниманія, продолжаетъ исцѣлять въ субботы и не стыдится вечерять съ грѣшниками и мытарями, когда въ этомъ видитъ удобный случай призвать ко спасенію, и на осужденіе за это отвѣчаетъ: «Я пришелъ не праведныхъ, а грешниковъ призвать къ покаянію».

Но когда враги Его дошли до такой дерзости, что дѣйствующую въ Немъ силу чудотвореній въ исцѣленіи немощныхъ и изгнаніи бѣсовъ, стали приписывать силу веельзевула — князя бѣсовскаго, тогда Онъ строго обличилъ ихъ, какъ упорныхъ противниковъ всякаго добра, какъ дерзкихъ хулителей самого Духа Святаго — источника всѣхъ благъ, и сказалъ: «посему говорю вамъ: всяки чрѣзъ и хула простятся человѣкамъ, а хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго; простится ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ; ибо дерево познается по плоду. Порождения ехиднини! какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добра сокровища выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ зла сокровища выноситъ злое. Говорю же вамъ, что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься». (Мате. 12, 31 — 37).

Такъ Господь показалъ намъ Своимъ примѣромъ, что мы должны исполнять свой долгъ, не смотря ни на людское

мнѣніе, признающее то или другое неприличнымъ и постыднымъ, ни на хулы и клеветы, распространяемыя о насть нашими недругами, ни на кривотолки, которыми недоброжелатели стараются представить наши добрыя дѣла худыми, ни на престѣданіе за нихъ отъ враговъ нашихъ.

XIX.

Но дѣло спасенія рода человѣческаго требовало, чтобы люди свободно и разумно увѣровали, что Иисусъ Христосъ не только исполненный благодати человѣкъ — пророкъ, но и Единородный Сынъ Божій. Для этого Онъ явилъ всенародно дѣла, поразительно свидѣтельствовавшія Его Божественность.

Былъ бракъ въ Канѣ Галилейской. Тамъ были Самъ Иисусъ Христосъ, Пречистая Матерь и ученики Его. Когда, во время пиршества оказался недостатокъ въ винѣ, то Господь Иисусъ, по просьбѣ Богоматери, велѣлъ наполнить водою шесть каменныхъ сосудовъ, тамъ стоявшихъ, и когда наполнили ихъ водою, сказалъ: *теперь почерпните и несите къ распорядителю пира.* Когда же распорядитель отвѣдалъ, то оказалось, что это вино, и не зная откуда оно, призвалъ жениха и замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ не подалъ этого вина сначала, а сберегъ на конецъ пира.

Приносять къ Нему однажды въ Капернаумъ человѣка разслабленного жилами, когда Онъ училъ окружавшій Его народъ. Взглядывутъ на больнаго, Онъ сказалъ: «чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои». Бывшіе тутъ же книжники и фарисеи подумали про себя: «Онъ богохульствуетъ. Одинъ только Богъ можетъ отпущать грѣхи». Иисусъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: «для чего вы мыслите худое въ сердцахъ вашихъ? Ибо что легче сказать: прощаются тебѣ грѣхи, или сказать: встань и ходи? (Ме. 9, 4, 5) а чтобы вы знали, что Сынъ человѣческій имѣеть власть отпущать грѣхи (говорить разслабленному), тебѣ говорю: встань, возьми постелью свою и поди». Тотъ всталъ здоровымъ, и вышелъ со своею постелью. (Мар. 2, 1 — 12).

Увидѣвъ въ Іерусалимѣ человѣка слѣпаго отъ рожденія, Иисусъ плюнулъ на землю, смѣшалъ слону съ пылью и помазавъ этимъ бренiemъ глаза слѣпому, сказалъ: «поди въ ку-

пель Силоамскую и умойся». Тотъ сдѣлалъ такъ и прозрѣлъ. Сосѣди и знавшіе его прежде, удивляясь разсказу его о своемъ чудесномъ прозрѣніи, привели его къ правителямъ своимъ, и, когда онъ и предъ ними неоднократно подтвердилъ, что его исцѣлилъ Иисусъ, они призвали родителей его и спрашивали у нихъ, дѣйствительно ли этотъ самый сынъ ихъ и точно ли онъ былъ слѣпъ отъ рожденія. Тѣ подтвердили все это. (Іоан. 9).

Когда Иисусъ подходилъ къ городу Наину, выносили изъ воротъ города умершаго юношу, единственного сына у матери вдовы, и много народа шло съ нею изъ города. Увидѣвъ еѣ, Онъ сжался надъ нею и сказалъ ей: «не плачь», и подошедъ, прикоснулся къ едру; неспѣ остановились; а Онъ сказалъ: «юноша! тебѣ говорю, встань». Мертвый, поднявшись, сѣлъ и началъ говорить. Иисусъ отдалъ его матери его. (Лук. 7, 11—16).

Однажды Онъ, бывши въ Капернаумѣ, вошелъ въ субботу въ синагогу и училъ. Тамъ былъ человѣкъ, одержимый духомъ нечистымъ и вскричалъ: «оставь, что тебѣ до насъ, Иисусъ Назарянинъ? Ты пришелъ погубить насъ. Знаю Тебя, кто ты, Святый Божій.» Иисусъ запретилъ ему, говоря: «замолчи, и выйди изъ него.» Тогда духъ нечистый, сотрясши его, и вскричавъ громкимъ голосомъ, вышелъ изъ него. (Мар. 1, 21—26).

Потомъ, когда Иисусъ другой разъ былъ въ синагогѣ въ субботу и училъ, тамъ находился человѣкъ, у которого правая рука была сухая. Книжники же и фарисеи наблюдали за Иисусомъ, не исцѣлить ли въ субботу, чтобы найти обвиненіе противъ Него. Но Онъ, зная помышленія ихъ, сказалъ человѣку, имѣющему сухую руку: *встань, и выступи на средину, и онъ всталъ и выступилъ.* Тогда сказалъ имъ Иисусъ: *спрошу я васъ: что должно дѣлать въ субботу? добро, или зло? спасти душу, или погубить?* Они молчали. И посмотрѣвъ на всѣхъ ихъ, сказалъ тому человѣку: *протяни руку твою;* онъ такъ и сдѣлалъ, и стала рука его здорова, какъ и другая. (Лук. 6, 6—10).

Такъ же въ одной изъ синагогъ, гдѣ училъ Иисусъ Христосъ въ субботу, была женщина, осьмнадцать лѣтъ имѣвшая духа немощи: она была скорчена, и не могла выпрямиться. Иисусъ, увидѣвъ ее, подозрѣлъ, и сказалъ ей: *женщина! ты*

освобождаешься отъ недуга своего. И возложилъ на нее руки, и она тотчасъ выпрямилась, и стала славить Бога. При этомъ начальнико синагоги, негодяя, что Иисусъ исцѣлилъ въ субботу, сказалъ народу: *есть шесть дней, въ которые должно дѣлать; въ тѣ и приходите исцѣляться, а не въ день субботы.* Господь сказалъ ему въ отвѣтъ: *личемър! не отвѣзываешь ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу, и не ведѣшь ли поиѣ? Сію же дочь Авраамову, которую связалъ сатана, вонъ, уже 18 лѣтъ, не надлежало ли освободить отъ узъ сихъ въ день субботы?* (Лук. 13, 10—16).

Когда Иисусъ Христосъ былъ у озера Генисаретскаго и собралось къ Нему множество народа, приходитъ одинъ изъ начальниковъ синагоги, по имени Іаиръ, и просить Его исцѣлить, бывшую уже при смерти дочь его, дѣвицу 12 лѣтъ. Господь Иисусъ пошелъ съ нимъ. За Иисусомъ Христомъ слѣдовало множество народа, и тѣснили Его. Одна женщина, страдавшая кровотечениемъ 12 лѣтъ, и не получившая исцѣленія ни отъ какихъ врачеваній, подошла къ Нему сзади въ народѣ, и прикоснулась къ одеждѣ Его, думая про себя: если хотя къ одеждѣ Его прикоснусь, то выздоровѣю. И тотчасъ изъякъ у ней источникъ крови, и она ощущила въ тѣлѣ, что исцѣлена отъ болѣзни. Въ то же время Иисусъ обратился въ народѣ и сказалъ: *Кто прикоснулся къ моей одеждѣ?* Ученики говорятъ Ему: *Ты видишь, что народъ тѣснитъ Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко мнѣ?* Но Онъ продолжалъ смотрѣть вокругъ, чтобы видѣть ту, которая это сдѣлала. Женщина, въ страхѣ и трепетѣ отъ того, что съ нею произошло, подошла, пала предъ Нимъ, и сказала Ему всю истину. Онъ сказалъ ей: *дѣць! вѣра твоя спасла тебя; иди въ миръ, и будь здорова отъ болѣзни твоей.* Когда Онъ еще говорилъ это, приходя къ Іаиру и говорятъ: *дочь твоя умерла, не утруждай Учителя.* Но Иисусъ сказалъ ему: *не бойся, только вѣри.* Приходитъ въ домъ его: тамъ смятеніе и плач. Выславъ всѣхъ, Онъ съ отцемъ и матерью дѣвицы и съ тремя учениками входитъ туда, гдѣ лежала умершая дѣвица, и взявъ её за руку, говоритъ ей: *дѣвушка, тебѣ говорю, встань.* Она тотчасъ встала и начала ходить. (Мар. 5, 21—42).

У одного сотника въ Капернаумѣ былъ боленъ при смерти

любимый слуга его. Онъ послалъ къ Иисусу Христу старшинъ Іудейскихъ просить Его, чтобы исцѣлилъ больного слугу. По убѣдительной просьбѣ тѣхъ Иисусъ пошолъ съ ними. Когда Онъ былъ недалеко отъ дома, сотникъ выслалъ къ Нему своихъ друзей, сказать Ему: *не трудись Господи! Ибо я недостоинъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой. По тому и себя самого не почелъ достойнымъ прійти къ Тебѣ; но скажи слово, и выздоровѣть слуга мой.* Услышавъ это, Иисусъ Христосъ обратился къ народу, шедшему за Нимъ и сказалъ: *сказываю вамъ, что и въ Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры. Посланные, возвратясь въ домъ, нашли больного слугу выздоровѣвшимъ.* (Лук. 7, 1—10).

Когда Иисусъ на пути въ Іерусалимъ проходилъ между Самаріею и Галилею и входилъ въ одно селеніе, встрѣтили Его десять прокаженныхъ. Они, остановившись вдали, кричали: *Иисусъ Наставникъ! помилуй насъ.* Онъ сказалъ имъ: *пойдите, покажитесь священникамъ.* И когда они шли, очистились отъ проказы. Одинъ изъ нихъ, видя, что исцѣленъ, громко сталъ прославлять Бога и, подойдя къ Иисусу, пальницъ къ ногамъ Его, благодаря Его. Это былъ Самарянинъ. Иисусъ Христосъ сказалъ: *не десять ли очистились? идь же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромъ этого иноплеменника?* и сказалъ ему: *встань, иди; вѣра твоя спасла тебя.* (Лук. 17, 11—19).

Когда Господь съ учениками Своими переправлялся на лодкѣ на другую сторону озера Генисаретскаго, и многие изъ народа на лодкахъ же слѣдовали за Нимъ, поднялась сильная буря; волны били въ лодку, такъ что она уже наполнялась водою, а Онъ спалъ на кормѣ на возглавіи. Его будятъ, и говорятъ: *Учителя! мы погибаемъ.* И вставъ, Онъ запретилъ вѣтру, и сказалъ морю: *умолкни, перестань.* И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина. (Мар. 4, 35—41).

Господь, чтобы дать Своимъ ученикамъ возможность успокоиться и отдохнуть, иногда удалялся съ ними въ пустынныя мѣста, но и тамъ народъ находилъ Его, окружалъ тысячами и оставался при немъ безъ пищи нѣсколько дней. Господь, жалѣя объ нихъ, одинъ разъ пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ пять тысячъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, и послѣ этой трапезы ученики еще набрали остав-

шихся кусковъ 12 полныхъ коробовъ. Другой разъ семью хлѣбами и малымъ количествомъ рыбы Онъ напиталъ четыре тысячи человѣкъ, кроме женщинъ и дѣтей, и ученики набрали оставшихся кусковъ семь полныхъ корзинъ. (Мѣ. 15, 32—38).

Однажды Господь приказалъ ученикамъ отправиться на лодкѣ на другую сторону озера, а Самъ, отпустивъ народъ, взошелъ на гору помолиться наединѣ, и вечеромъ оставался тамъ одинъ. А лодка была уже на срединѣ озера, и ей было волнами, такъ какъ вѣтеръ былъ противный. Въ четвертую стражу ночи ученики увидѣли Его идущаго къ нимъ по водѣ. Они встревожились, и говорили: *это призракъ*; и отъ страха вскричали. Но Иисусъ тотчасъ же заговорилъ съ ними и сказалъ: *ободритеся; это Я, не бойтесь*. Петръ сказалъ Ему: *Господи! если это Ты; повели мнѣ прійти къ Тебѣ по водѣ*. Онъ на это сказалъ: *иди*. И вышедши изъ лодки, Петръ пошелъ по водѣ. Но видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ утопать, закричалъ: *Господи, спаси меня!* Иисусъ простиրъ руку, поддержалъ его, и говоритъ ему: *маловѣрный! зачѣмъ ты усунулся?* И когда вошли они въ лодку, вѣтеръ утихъ. (Мѣ. 14, 23—32).

XX.

Но, не смотря на все это, книжники и фарисеи продолжали упорствовать въ невѣріи и злобѣ и искушавъ Иисуса Христа, требовали отъ Него знаменій. На это Господь, указывалъ одинъ разъ на Самаго Себя, сказалъ имъ: *разрушите храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его*. (Иоан. 2, 13). А въ другой разъ Онъ отвѣчалъ: *вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно; а поутру: сегодня ненастѣ, потому что небо баюрово. Лицемѣры! различать лице неба вы умѣете, а знаменія временъ не можете? Родѣ лукавый и премободрѣйший знаменія ищетъ; и знаменіе не дастся ему, кроме знаменія Йоны пророка* (Мѣ. 16, 1—4). Ибо какъ Йона былъ во чревѣ кита три дня и три ночи; такъ и Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи. *Ниневитянѣ возстанутъ на судъ съ родомъ симъ, и осудятъ его; ибо они покаялись отъ проповѣди Йониной;* и

вотъ, здѣсь больше Йоны. Царница южская возстанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудятъ его; ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ, здѣсь больше Соломона. (Мѣ. 12, 40—42).

Между тѣмъ избранные Господомъ изъ учениковъ двѣнадцать Апостоловъ исповѣдали Его Христомъ, Сыномъ Бога живаго, и тогда Господь сказалъ: *на семъ камени созижду Церковь мою, и врата адова не одоллютъ ей* (Мѣ. 16, 18).

Послѣ сего Онъ училъ:

«Не убойтесь отъ убивающихъ, души же не могущихъ убить: убоятесь же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенны. Не дѣлъ ли птицы цѣнятъ единимъ асаріемъ; и ни единица отъ нихъ падетъ на земли, безъ Отца вашего: *Вамъ же и власи главніи вси изочтени суть. Не убойтесь убо: мнозѣхъ птицѣ лучши есте вы. Всакъ убо иже исповѣсть мя предъ человѣкѣ, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесъхъ. А иже отвергнется Мене предъ человѣкѣ, отвергнется его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесъхъ*» (Мѣ. 10, 28—33).

«Иже любитъ отца, или матеръ паче Мене, ильсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына, или дщерь паче Мене, ильсть Мене достоинъ. И иже не прииметъ креста своего и въ сльзѣ Мене грядетъ, ильсть Мене достоинъ. Обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. (Мѣ. 10, 37—39).

Называя Себя *настыремъ добрымъ*, который душу свою полагаетъ за овцы, (Иоан. 10, 11). Онъ возглашалъ: «Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ: и никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открыти. Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себѣ, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашиимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое леко есть». (Мѣ. 11, 27—30).

«Сего ради Мя Отецъ любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки прииму ю. Никто же возмѣтъ ю отъ Мене: но Азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положити ю, и область имамъ паки пріяти ю. Сию заповѣдь пріяхъ отъ Отца Моего». (Иоан. 10, 17—18).

«Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и

по Мне ирядутъ. И Азъ животъ въчный далъ имъ, и не погибнутъ во сѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моей. Отецъ Мой, иже даде Мне, болѣй вспахъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца Моего. Азъ и Отецъ единъ есма». (Иоан. 10, 27—30).

Аще не творю дѣла Отца моего, не имите ми вѣры: Аще ли творю, аще и мнъ не вѣрите,* дѣломъ моимъ вѣрите: да разумѣете и вѣрите, яко во мнъ Отецъ, и Азъ въ немъ. (Иоан. 10, 37—38).

Называя Себя хлѣбомъ жизни, сшедшими съ небесъ, Господь свидѣтельствовалъ:

«Аминь аминь глаголю вамъ: вѣруя въ Мя, имать животъ въчный. Азъ есмь хлѣбъ животный. Отецы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша. Сей есть хлѣбъ сходящий съ небесъ, да, аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедши съ небесъ: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во сѣки: и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плотъ моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра». (Иоан. 6, 47—51).

«Аминь аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пите кровь его, живота не иматъ въ себѣ. Ядый Мою плоть, и пий Мою кровь, имать животъ въчный, и Азъ воскрешу его въ поспѣшній день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть, и пий Мою кровь, во Мне пребываетъ, и Азъ въ немъ. Иже посла Мя животный Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради». (Иоан. 6, 53—57).

Наконецъ Господь, называя Себя свѣтомъ міру, возвѣщалъ: «Азъ есмь свѣтъ міру: ходя по Мне, не имать ходити во тьму, но имать свѣтъ животный». (Иоан. 8, 12).

«Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруя въ онъ, не погибнетъ, но имать животъ въчный. Не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ. Вѣруя въ онъ, не будетъ осуждень: а не вѣруя, ужъ осуждень есть, яко не вѣрова во имя единороднаго Сына Божія. Сей же есть судъ, яко свѣтъ прииде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тьму, неизъ свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлалъ зла, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ

къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть: Тварій же истину, ирядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣланы». (Иоан. 3, 16—21).

XXI.

Междудъ тѣмъ Иисусъ Христосъ чрезъ ученіе и дѣла Свои болѣе и болѣе возвышался въ мнѣніи народа, такъ что нѣкоторые изъ Его почитателей, въ жару своей мечтательности о Мессіи — царѣ, даже покушались нечаянно взять Его и объявить царемъ Іудеи, (Иоан. 6, 15) въ томъ, безъ сомнѣнія, чаяніи, что Онъ Самъ не откажется принять это усердіе; а прочіе послѣдователи не замедлятъ присоединиться къ нимъ, и престолъ Давидовъ будетъ возстановленъ, къ утѣшенію и славѣ народа Израильскаго. Но Иисусъ Христосъ, проникнувъ такое намѣреніе мечтателей, совершиенно противное Его высокой цѣли нравственного возстановленія рода человѣческаго Его Божественнымъ ученіемъ и примѣрами Его святѣшайшей жизни, и спасенія людей крестными Его страданіями, уклонился отъ всякихъ покушеній сдѣлать Его земнымъ царемъ.

Въ тоже время, со дна на день, увеличивалась злоба Его враговъ. Они не разъ покушались лишить Его жизни: то подушали толпу свергнуть Его съ горы или побить каменьями, какъ богохульника, то посыпали слугъ своихъ схвачить Его. Но, какъ назначенный въ предвѣчномъ Совѣтѣ великой часъ всемірнаго искупленія еще не пришелъ; то всѣ козни враговъ Иисусовыхъ распадались сами собою, какъ паутина: Онъ то безвредно проходилъ между раздраженною до изстушенія толпою, то слуги враговъ, возвратясь одни, говорили, что не посмѣли возложить на него руки своихъ, потому что Онъ говорилъ такъ, какъ не говорилъ никакой человѣкъ. (Иоан. 7, 30, 40, 46).

Наконецъ враги Иисуса въ своеемъ верховномъ судилищѣ — Синедріонѣ, постановили, что всякъ, кто признаетъ Иисуса за Христа, будетъ отлученъ отъ синагоги, т. е. будетъ почитаться какъ бы исключеннымъ изъ потомства Авраамова, — обреченнымъ, подобно язычнику, на вѣчную погибель за грѣхомъ.

А Господь, съ того времени, какъ Апостолы исповѣдали

Его Христомъ, началь открывать имъ, что Ему должно идти въ Иерусалимъ, и много пострадать отъ старийшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третий день воскреснуть. (Ме. 16, 21).

Когда Апостоль Петръ, считал это несообразнымъ съ достоинствомъ Христа, сталъ Ему противорѣчить, Господь строго сказалъ ему: «отойди отъ Меня, сатана; ты Мнъ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое». И, обратясь къ ученикамъ Своимъ, сказалъ: «Аще кто хощетъ по Мнъ ити, да отвергнется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнъ ирадетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще полу-битъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. Каи бо поиза человѣкъ, аще весь міръ пріобрѣщетъ, душу же свою отще-титъ; или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою; (Ме. 16, 25—26). Иже бо аще постыдится Мене и моихъ словесъ въ родѣ семъ премнѣдѣльныхъ и чрѣнѣльныхъ, и Сынъ человѣческий постыдится его (Мр. 8, 38) еїда прїидетъ во славѣ Отца своего, со Апостолы своими: и тогда воз-дастъ кому жадо по дѣяніемъ его.» (Ме. 16, 27).

Послѣ сего Господь, взявъ съ Собою трехъ Апостоловъ—Петра, Иоанна и Іакова, взошелъ съ ними на высокую гору Фаворъ помолиться. И когда Онъ молился, преобразился видъ Его: лицо Его просіяло какъ солнце, одежда Его сдѣлалась бѣлою, блѣстающею, какъ свѣтъ. Явились два мужа во славѣ и стали бесѣдоватъ съ Нимъ—объ исходѣ Его, который Ему надлежало совершить въ Иерусалимъ. Это были Мовсей и Илія. Когда они отошли, свѣтлое облако осѣнило Господа и Апостоловъ, и изъ него возгремѣль гласъ Бога Отца: «сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте.»

Устрашенные Апостолы пали на лица свои. Господь, приступивъ, коснулся ихъ и сказалъ: «встаньте и не бой-тесь.» Открывъ глаза, они увидѣли одного только Іисуса, и Онъ запретилъ имъ разказывать объ этомъ видѣніи до Его воскресенія. (Лук. 9, 28—36. Ме. 17, 1—6).

XXII.

Такъ Господь тридцатилѣтнею жизнію въ званіи смирен-наго плотника показалъ намъ примѣръ жизни человѣка каковыимъ

онъ долженъ быть по мысли Творца, а во время трехъ лѣтъ Своей проповѣди премудро, для всякоаго по простотѣ ея до-ступно, и въ высшей степени убѣдительно указалъ путь къ исти-ниной жизни, и изложилъ ученіе о божественныхъ исти-нахъ, которыя были уже повѣданы Богомъ человѣку въ пре-мудрѣмъ устройствѣ міра, и въ Божественномъ Откровеніи, и которыхъ человѣкъ не могъ уже понять падшимъ своимъ умомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ, явленіемъ Своей Божествен-ной силы, представилъ разительныя доказательства, что Онъ истино Единородный Сынъ Божій.

Пока всего этого не было еще совершено, Божественный Промыслъ охранялъ Его и не допускалъ никакихъ препят-ствій Его дѣяніямъ; но какъ только дѣло проповѣди и явле-нія Божественныхъ силъ совершилось, Промыслъ Божій пре-доставляетъ злобѣ людской свободно дѣйствовать противъ Него и доходить до своей цѣли обыкновенными человѣче-скими путями. Іисусъ Христосъ, какъ совершенный правед-никъ, по правдѣ Божіей, не могъ подлежать ни болѣзни-ности, ни смерти, но Онъ, по безпредѣльной любви Своей къ роду человѣческому, во всю земную жизнь Свою былъ всецѣло готовъ на всякую жертву для спасенія людей, бывъ послушливъ, Отцу небесному даже до смерти, смерти же крестной (Фил. 2, 8). Правдѣ же Божіей недостаточно было одной только, хотя самой искренней готовности на жертву, но Она въ премудрости своей требовала, чтобы эта любовь и это послушаніе волѣ Божіей открылись міру на самомъ дѣлѣ.

Настало тому время, и Іисусъ Христосъ идетъ въ Иеру-салимъ на праздникъ Пасхи, чтобы замѣнить Собою ангца пасхального.

Когда предъ тѣмъ Онъ былъ въ долинѣ Іорданской, про-должая учить народъ и исцѣлять болящихъ, другъ Его Лазарь, жившій въ Вианіи близъ Иерусалима, сдѣлался боленъ. Сестры Лазаря—Мареа и Марія, кои также пользовались благоволеніемъ Господа, прислали сказать Ему: «Господи, тотъ, котораго Ты любишь, боленъ.»

На это сказалъ посланнымъ: «эта болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится чрезъ нее Сынъ Божій.»

Послѣ этого Онъ пробылъ на томъ же мѣстѣ еще два дня, потомъ сказалъ ученикамъ: „идемъ во Гудею“.

Ученики, сознавая опасность такого путешествія, говорятъ Ему: „Равви! давно ли Гудеи искали побить Тебя камнями; и Ты опять идешь туда?“

На это Господь сказалъ имъ: „не довольно ли часовъ во днѣ? Кто ходитъ днемъ; тотъ не спотыкается, потому что видитъ суть мѣра сего. А кто ходитъ ночью, спотыкается, потому что нѣтъ съна съ нимъ“.

Потомъ говорить имъ: „Лазарь, другъ нашъ уснулъ; но я иду, чтобы разбудить его“.

Ученики, думая, что Онъ говоритъ о снѣ обыкновенномъ, сказали: „если уснулъ, то выздоровѣтъ“.

Тогда Иисусъ Христосъ сказалъ имъ прямо: „Лазарь умеръ. И радуюсь за васъ, что Меня не было тамъ, дабы вы у说服али. Пойдемъ къ нему“.

Попали въ Гудею: Иисусъ Христосъ шелъ впереди, а ученики Его въ страхѣ следовали за Нимъ, ужасаясь отъ ожиданія имѣющихъ быть событій.

Пойдемъ и мы вслѣдъ за ними.

Дорога покрыта странниками, со всѣхъ сторонъ стекавшимися въ Иерусалимъ на приближающійся праздникъ.

Господь Иисусъ Христосъ при всякомъ представлявшемся случаѣ поучаетъ народъ, и исцѣляетъ болѣющихъ. (Мѣ. 9, 2. Мр. 10, 32.)

Вотъ фарисеи, приступивъ къ Нему и искушая Его, спрашиваютъ: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женой своею? Онъ отвѣчаетъ: не читали ли вы, что сотворившій въ начальѣ, мужчину и женщину со-творилъ ихъ, и сказалъ: по сему оставитъ человѣка отца и матеръ, и прилѣпитъ къ женѣ своей, и будутъ двое одною плотію? Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ что Богъ сочтетъ, того человѣкъ да не разлучаетъ.

На это они говорятъ: какъ же Могсей заповѣдалъ давать разводное письмо, и разводиться съ ней?

Онъ отвѣчаетъ: „Могсей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими; а съ начала не было такъ. Но Я говорю вамъ: кто разведется съ женой своею не за прелюбодѣліе, и женится на другой: тотъ

прелюбодѣлствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣлствуетъ.

Вотъ, приводятъ къ Нему дѣтей, чтобы Онъ возложилъ на нихъ руки, и помолился; но ученики не допускаютъ ихъ къ Нему. Онъ приказываетъ допустить ихъ и не препятствовать приходить къ Нему, и говорить, что царство есть царство небесное, и что кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него. И обнявъ ихъ, возлагаетъ руки на нихъ и благословляетъ ихъ. (Лук. 18, 15—17).

«И призвавъ дитя, поставилъ его посреди учениковъ, и говорить: И такъ кто умалится, какъ это дитя; тотъ и болѣе въ царствѣ небесномъ. И кто приметъ одно такое дитя во имя Мое: тотъ Меня принимаетъ. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской. Горе миру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ: но горе тому человѣкѣ, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ. Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго.» (Мѣ. 18, 1—11).

Вотъ, одинъ юноша, богато одѣтый, подходитъ къ Нему и спрашиваетъ: что сдѣлать ему доброго, чтобы имѣть жизнь вѣчную? Иисусъ Христосъ говорить: соблюди заповѣди. Тотъ говоритъ: все это сохранилъ я отъ юности моей; чѣго еще не достаетъ мнѣ? Господь Иисусъ, взглянувъ на него съ любовью, отвѣчаетъ ему: одною тебѣ не достаетъ: если хочешь быть совершеннымъ, пойди, все, что имѣшь, продай и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, послѣдуй за Мною, взявъ крестъ.

Услышавъ это, смутился юноша, печалію помрачилось лицо его, и съ грустью отходитъ онъ.

А Господь говоритъ ученикамъ: какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе!

Ученики ужасаются отъ словъ Его. Но Онъ опять говоритъ имъ: дѣти! какъ трудно надѣюющимся на богатство войти въ царствіе Божіе!

¶ Они еще болѣе изумились, и говорятъ между собою: кто же можетъ спастись?

Иисусъ, взглянувъ на нихъ, говоритъ: *человѣкамъ это не возможно, но не Богу; ибо все возможно Богу.*

Петръ говоритъ Ему: *вотъ мы оставили все, и постыдовались за Тобою; что же будетъ намъ?*

На это Господь Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ: *«истинно говорю вамъ, что вы, постыдовавши за Мною въ пакибытии, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. И всякий, кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и наслѣдуетъ жизнь вѣчную.»* (Марк. 10, 2—31. Мѣ. 19). Отъ этихъ словъ просвѣтлѣли лица Апостоловъ, но, видно, у нихъ опять ожили мысли о скромъ открытии или наступлѣніи земнаго царства Христа, и потому Господь Иисусъ Христосъ вскорѣ говоритъ имъ: *«вотъ, мы восходимъ въ Иерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ; и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и будутъ бить Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его; и въ третій день воскреснетъ.»* Ученики смотрятъ съ недоумѣніемъ на своего Божественнаго Учителя, — не понимая этихъ словъ, такъ какъ они кажутся имъ противорѣчущими и не совмѣстимыи съ преждесказанными; оттого послѣднія слова Христовы, ученики Его считаютъ сокровенными, или иносказательными; одна мысль — о скромъ воцареніи Иисуса Христа занимаетъ ихъ, и занимаетъ до такой степени, что тогда же подходитъ къ Нему мать Апостоловъ Иоанна и Іакова Зеведеевыхъ съ сыновьями своими, и кланяясь, показываетъ видъ, что чего то хочетъ просить у Него.

Господь спрашиваетъ ее: *чего ты хочешь?* Она говоритъ Ему: *скажи, чтобы сіи два сына мои сѣли у Тебя одинъ по правую сторону, а другой по лѣвую въ царствіи Твоемъ.*

Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ сынамъ Зеведея и Саломіи: *не знаете, чѣго просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или — креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь?*

Они говорятъ Ему: *можемъ.*

Иисусъ Христосъ говоритъ имъ: *чашу Мою пить будете и крещеніемъ Я крещусь, креститься будете; но*

дать сѣсть у Меня по правую сторону и по лѣвую, не отъ Меня зависитъ, но кому угодовано Отцемъ Моимъ.

Услышавъ это прочіе ученики, начинаютъ негодовать на двухъ братьевъ.

Иисусъ же Христосъ, подозвавъ ихъ, говоритъ: *«вы знаете что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вѣльможи властуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вами слугою. И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вами рабомъ. Такъ какъ Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу Свою для искупленія многихъ.»* (Мѣ. 19, 20. Мар. 10. Лук. 18).

Идуть далѣе и приходятъ къ одному самарянскому селенію. Здѣсь Иисусъ Христосъ хотѣлъ остановиться для отдыха, но жители того селенія, не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Иерусалимъ.

Видя то, ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, говорятъ: *Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы отоны сошелъ съ неба, и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ?* Но Онъ, обратившись къ нимъ, запрещаетъ имъ и говорить: *не знаете како вы духа. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ не поублагать души человѣческія, а спасать.* И идутъ они въ другое селеніе. Вотъ Господь Иисусъ входитъ въ Іерихонъ, народъ окружаетъ Его; нѣкто, именемъ Закхей, начальникъ мытарей и человѣкъ богатый, ищетъ видѣть Иисуса, но не можетъ, за народомъ, потому что малъ былъ ростомъ. И забѣжавъ впередъ, взлѣзаетъ на смоковницу, мимо которой лежаль путь Иисусу Христу. Господь Иисусъ, пришедши на это мѣсто, взглянуль на Закхея и говоритъ ему: *Закхей! сойди скорѣ; ибо сего дня надобно Мнъ быть у тебя въ домѣ.* Онъ поспѣшно сходитъ и съ радостію ведетъ Учителя къ себѣ и принимаетъ въ свое мѣсто. Всѣ Гудеи, видя то, начинаютъ роптать и говорить: *что это Онъ зашелъ къ грѣшному человѣку.* Закхей же, ставъ, говоритъ Господу: *Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо.*

Это видимо радуетъ Божественнаго Учителя, какъ самое лучшее и пріятное угощеніе, и Онъ говоритъ ему: *нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авра-*

ама. *Ибо Сынъ человеческий пришелъ взыскать и спасти погибшее.* (Лук. 19, 1—10).

Оставивъ домъ Захея, Иисусъ Христосъ съ учениками выходитъ изъ Иерихона, множество народа слѣдуетъ за Нимъ. Вотъ, двое слѣпыхъ сидятъ у дороги. Услышавъ, что Господь Иисусъ идетъ мимо; они начинаютъ кричать: *помилуй насъ, Господи, сынъ Давидовъ!* Народъ же унимаетъ ихъ, чтобы не кричали; но они еще громче кричатъ: *помилуй насъ, Господи, сынъ Давидовъ!* Иисусъ Христосъ останавливается, подзываетъ ихъ, и спрашиваетъ: *чего вы хотите отъ Меня?* Они говорятъ Ему: *Господи! чтобы открылись глаза наши.* Иисусъ Христосъ, прикасаясь къ глазамъ каждого изъ нихъ, говоритъ: *прозри, вѣра твоя спасла тебя,* и тотчасъ про-зрѣли глаза ихъ, и они пошли за Нимъ. (Мо. 20, 29—34. Лук. 18, 35—43).

XXIII.

Бывъ свидѣтелями такихъ дѣлъ Иисуса Христа, ученики и спутники Его вновь возвратились къ прежнему предразсудку о земномъ царствѣ Христа, и пришли къ увѣренности, что съ наступлениемъ праздника, Господь Иисусъ, по случаю великаго стечения народа Іудейскаго, торжественно объявить Себя Мессиею — Царемъ.

Такъ какъ въ мнѣніи Іудеевъ о земномъ царствѣ Мессии было не все ложное и не сбыточное, а была и истина; то нельзя было въ настоящемъ случаѣ сказать ученикамъ вообще: «ваші ожиданія напрасны!» Они не были напрасны, если бы ученики и всѣ Іудеи умѣли отличить пришествіе Мессии первое и уничтоженное отъ пришествія втораго, славнаго и величественнаго, и не смѣшивали духовнаго, — всемирнаго владычества Его съ земнымъ господствомъ надъ Іудеемъ. Вотъ, Господь, чтобы вразумить, какъ должны смотрѣть Его ученики и послѣдователи на имѣющія наступить событія, которыя дѣйствительно содергали въ себѣ много превышающаго ихъ тогдашнія понятія, сказываетъ имъ слѣдующую притчу:

«Одинъ человѣкъ высокаго происхожденія, отправился въ далекую страну, для принятия царскаго достоинства: въ полученіи вѣнца царскаго онъ увѣренъ былъ столько, что

предъ отшествіемъ своимъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы, во время отсутствія, обыкновенные доходы его никако не потерялись. Изъ десяти избранныхъ рабовъ его каждому дано было по минѣ *), съ тѣмъ, чтобы они употребили сіи деньги въ дѣло. Послѣ сего онъ отправился. Но изъ гражданъ многіе, хотя безъ всякой съ его стороны причины, не были расположены къ нему. Чтобы удалить его отъ престола, они отправили посольство къ тому царю, который долженъ быть утвержденъ право его на царство. Всякаго другаго, говорили посланные, мы скорѣе согласимся иметь царемъ, только не его. Но представленія ихъ не имѣли никакого дѣйствія: нелюбимый наслѣдникъ возвратился царемъ. Начался отчѣтъ въ деньгахъ, ввѣренныхъ рабамъ. Государь, сказалъ съ радостю первый, посмотри: мина твоя принесла десять минъ! Прекрасно поступило, отвѣчалъ царь, ты добрый слуга: я ввѣрилъ тебѣ мало, но ты сдѣлалъ много: возьми въ управлѣніе десять городовъ! И я сдѣлалъ пять минъ изъ одной, сказалъ другой. Получи и ты награду за труды, отвѣчалъ царь: пять городовъ будутъ въ твоемъ управлѣніи. А я, началъ говорить третій, ничего не дѣлалъ и не сдѣлалъ изъ твоей мины. Зная, что ты скучъ и жестокъ, — жнешь, гдѣ не сѣялъ, берѣшь, гдѣ не кладъ, — я заботился только о томъ, чтобы сохранить её въ цѣлости, и для сего держалъ её въ потаенномъ мѣстѣ, завернувши въ платъ. Вотъ она! ни болѣе, ни менѣе, какъ была взята! Твоими же словами сказалъ царь, я осужу тебя, злой рабъ! Ты зналъ, что я человѣкъ жестокий, который болѣе требуетъ, нежели даѣтъ, жнешь, гдѣ не сѣялъ, собираешь, гдѣ не расточаешь; для чего же ты не отдалъ сребра моего въ оборотъ, чтобы я, возвратясь, получилъ его съ лихвой? Возьмите у него, сказалъ онъ прочимъ слугамъ, сію мину и отдайте тому, у кого десять минъ. — Такая награда одного человѣка показалась имъ слишкомъ великою, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, у кого все отнималось. Государь, замѣтили они, у него и такъ уже десять минъ. — Что за нужда? отвѣчалъ царь. *Имѣющему (и хорошо употребляющему) дано будетъ, а у неимѣющаго (употребляющаго неправильно, или вовсе неупотребляющаго) и то, что онъ имѣетъ, отнимется!* Окончивъ разсчетъ

*) Мина заключала 100 драхмъ, а драхма равнялась нашему имперіалу.

съ слугами, государь потребовалъ предъ себя враговъ своихъ, и они всѣ преданы были казни. (Лук. 19, 11—27).

Очевидно, что Господь этою притчею вразумилъ, что Ему надлежитъ отойти въ дальнюю страну — къ Отцу, — на небо, для принятія царства; что сограждане Его — Гудеи, и по Его отшествіи, не убѣдятся въ дѣйствительности Его правъ на царство, а будутъ отвращать всѣхъ отъ признанія Его Мессію; что избранные слуги Его — Апостолы и другие послѣдователи Его получать каждый извѣстное число минъ — дарованій духовныхъ, кои они должны употребить на пользу царя и царства; что Онъ не прежде, какъ по возвращеніи Своемъ, явится въ должномъ величиіи, благотворномъ для вѣрныхъ подданныхъ и трудолюбивыхъ рабовъ, грозномъ и нестерпимомъ для подданныхъ мятежныхъ и рабовъ лукавыхъ *).

XXIV.

Когда Иисусъ Христосъ пришелъ въ Вианію, Лазарь уже четыре дня былъ во гробѣ, и многіе изъ Гудеевъ, пришедши утѣшать сестеръ его: Марею и Марію, были въ ихъ домѣ.

Марея, услышавъ, что идетъ Господь Иисусъ, пошла на встрѣчу Ему; Марія сидѣла дома.

Марея, встрѣтивъ Иисуса Христа при входѣ Его въ селеніе, сказала Ему: *Господи! если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой; но и теперь знаю, что чео Ты попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ.*

Иисусъ Христосъ говорить ей: *воскреснетъ братъ твой.*

Марея сказала Ему: *знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день.*

Иисусъ Христосъ сказалъ ей: *Я есть воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И вслій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣки. Вѣрѹши ми сему?*

Она говоритъ Ему: *такъ, Господи! я вѣрю, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, чрѣдущій въ мірѣ.*

Сказавши это, она пошла, и позвала тайно Марію, говоря: *Учителъ здѣсь и зоветъ тебя.* Та поспѣшила встала, и пошла къ Нему.

*) Послѣдніе дни жизни И. Христа. Иннокентія. Ч. 1, стр. 51—53.

Гудеи, которые были съ нею въ домѣ, и утѣшали её, пошли тоже за нею, полагая, что она идетъ на гробъ плачать тамъ.

Марія, увидѣвъ Иисуса Христа, пала къ ногамъ Его, и сказала: *Господи! если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой.*

Господь Иисусъ, видя её плачущую и пришедшихъ Гудеевъ тоже плачущихъ, возкорбѣль духомъ, и возмутился, и сказалъ: *идѣ вы положили его?*

Говорить Ему: *Господи! пойди и посмотри.* Христосъ Иисусъ прослезился.

«*Смотри, какъ Онъ любилъ его*», говорили между собою Гудеи, — но, — шептали другіе, — *Тотъ кто отверзъ очи слѣпому, не можетъ ли сдѣлать, чтобы другъ Его не умеръ?*

Господь, скорбя внутренно, приходитъ ко гробу. То была изсѣченная въ скалѣ пещера, устье которой завалено было камнемъ. Таковы были гробы, по обычаю, всѣхъ богатыхъ людей въ Гудеѣ.

Иисусъ Христосъ говорить: *отнимите камень.*

Марея на это сказала: *Господи! уже смердитъ; четыре дня какъ онъ во гробѣ.* Иисусъ Христосъ говорить ей: *не сказалъ ли Я тебѣ, что если будешь вѣровать, увидишь славу Божію?*

И такъ отняли камень отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій.

Тогда Господь Иисусъ возвель очи къ небу и сказалъ: *Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда послушаешь меня; но сказалъ это для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня.*

Сказавъ сіе, Онъ возвзвалъ громкимъ голосомъ: *Лазарь! иди вонъ.*

И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платкомъ.

Иисусъ говорить: *развяжите его, пустъ идѣтъ.* (Іоан. 11, 17 — 45).

Такъ Господь новымъ рѣшительнымъ чудомъ оживилъ въ умѣ народа память о прежнихъ Своихъ знаменіяхъ, и даровалъ ученикамъ и послѣдователямъ Своимъ твердую опору вѣры и залогъ надежды, въ то самое время, когда для нихъ предстояло теперь самое великое искушеніе — въ Его страданіяхъ и смерти, отъ коего могла пасть неукрѣпленная вѣра.

XXV.

Никогда чудо не могло произвестъ большаго впечатлѣнія, какъ теперь, будучи совершено близъ Иерусалима, въ присутствіи многихъ его обитателей — предъ праздникомъ Пасхи, когда святый градъ наполненъ былъ Гудеями со всего свѣта, и слѣдовательно всѣ, въ немъ случившееся, могло вскорѣ содѣлаться извѣстнымъ всюду, гдѣ только были Гудеи.

И дѣйствительно, внезапное воскресеніе четверодневнаго мертвца, уже смердящаго во гробѣ, произвело потрясающее дѣйствіе: многіе изъ Гудеевъ увѣровали въ Иисуса Христа; слава о Великомъ Чудотворцѣ разнеслась между наполнявшимъ Иерусалимъ народомъ, всѣ стали искать удобнаго случая видѣть Его, и съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Онъ войдетъ въ Иерусалимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсть объ этомъ чудѣ привела въ трепетъ враговъ Иисуса Христа, и побудила ихъ рѣшительнымъ противъ Него мѣрамъ. Они представили себѣ, что столь необыкновенное чудо, не могло быть совершено безъ цѣли, что цѣль эта — привлечь народъ, что теперь легко можетъ быть, что весь народъ перейдетъ на сторону Чудотворца, власть вся будетъ находиться въ рукахъ презираемаго ими Галилеинина, и они — главы народа Божія должны будутъ ожидать милости и призрѣнія отъ рыбарей Генисаретскихъ.

Въ такомъ страхѣ отъ воображаемой ими себѣ опасности Первосвященникъ Каїфа собираетъ Синедріонъ, и въ присутствіи его лицемѣрно представляеть лицемѣрамъ, будто бы настоитъ отечеству крайняя опасность, какъ въ случаѣ признания Иисуса Христа за Мессію, Онъ, сообразуясь съ желаніями народа, долженъ будетъ объявить войну Римлянамъ, и такая война ничего другаго не можетъ обѣщать, какъ однихъ пораженій, послѣ чего раздраженные побѣдители свѣта отнимутъ у нихъ и послѣднія права, — обратить въ развалины всѣ, что теперь есть лучшаго — храмъ и городъ; отягчать иго, и имя Гудеи можетъ навсегда изгладиться изъ списка народовъ. Въ заключеніе Первосвященникъ сказалъ: «лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ.»

Такъ Каїфа — первый врагъ и убійца Иисуса Христа, бу-

дучи въ санѣ Первосвященника, подобно колоколу, въ который въ тотъ день надлежало благовѣстить, возвѣстиль, что Иисусу Христу дѣйствительно, по предопределѣнію свыше, «надлежало умереть не только за народъ (Иудейскій), но и чтобы разспяниныхъ чадъ Божіихъ (язычниковъ, уже предназначенныхъ къ чадству Божію) собрать во едино.» (Іоан. 11, 45 — 53) *).

Съ этого дня Синедріонъ положено убить Иисуса Христа, и дано приказаніе, что если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявиль бы, дабы взять Его. (Іоан. 11, 53 — 57).

Узнавъ объ этомъ, Иисусъ удалился въ городъ Ефраимъ, вблизи отъ Иерусалима, между Виеаніемъ и Иерихономъ при дикой пустынѣ Карантанской, и тамъ пробылъ съ учениками въ уединеніи и молитвенномъ собесѣдованіи со Отцемъ до тѣхъ поръ, пока благо учениковъ Его и послѣдователей, благо вѣры, Имъ проповѣдуемой, благо всего рода человѣческаго требовало уклоняться отъ преслѣдованій, чтобы драгоцѣнное и божественное сѣмя — земная жизнь Его, пало на землю въ самое приличное, самое удобное время. (Іоан. 11, 54).

XXVI.

За шесть дней предъ Пасхою Иисусъ явился опять въ Виеанію. Приходъ Его обрадовалъ Его почитателей и друзей, и одинъ изъ нихъ Симонъ, исцѣленный Иисусомъ отъ проказы, и потому прозванный прокаженнымъ, учредилъ богатую вечерю для его угощенія. Тамъ были ученики Иисуса и облагодѣтельствованные Имъ друзья Его, въ томъ числѣ и воскрешенный Лазарь. Марія распоряжалась угощеніемъ и служила при трапезѣ Иисусу. Марія же, взявъ фунтъ народнаго, чистаго, драгоцѣннаго мура, возлила его на Иисуса и помазала ноги Его, и отерла ихъ волосами своими. Весь домъ наполнился благоуханіемъ.

Тогда одинъ изъ учениковъ Иисуса, Иуда Симоновъ Искаріотъ сказалъ: «кѣ чemu таکая траты? не лучше ли было продать это мяро за триста динаріевъ, и деньги сiи раздать нищимъ.»

Это замѣчаніе подѣйствовало и на другихъ учениковъ, и некоторые изъ нихъ стали разсуждать между собою, что дѣй-

*) Ипок. посл. дни ч. 1, стр. 69 — 76.

ствительно не лучше ли бы поступить съ муромъ такъ, какъ говорить Гуда? Гуда же говорилъ это не потому, что забо- тился о нищихъ, а потому, что былъ преданъ страсти любо- стяжанія и корыстолюбія, и имъя при себѣ ящикъ, въ кото- рый опускали усердствующіе, кто что могъ, многое оттуда бралъ себѣ. Слова учениковъ смущали Марию. Но Господь сказалъ: *оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, и когда захотите, можете имъ благодѣтельствовать; а Меня не всегда имѣете. Она сдѣлала, что могла: предварила по- мазать тѣло Мое къ похороненію. Истинно говорю вамъ: идь- ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ, ска- зано будетъ, въ память ея, и о томъ, что она сдѣлала.* (Мр. 14, 6 — 9. Иоан. 12, 1 — 9).

XXVII.

Вѣсть о возвращеніи Иисуса Христа въ Виѳанію, привлек- ла туда многихъ Гудеевъ изъ Иерусалима, а на другой день, рано по утру Виѳанія уже наполнилась всякаго рода людь- ми, пришедшими, кто изъявить уваженіе великому Чудотворцу, а кто наблюдать за Его поступками, чтобы донести о нихъ Синедріону. Когда же Онъ вышелъ изъ Виѳаніи, чтобы идти въ Иерусалимъ, тогда весь собравшійся тамъ народъ сталъ сопровождать Его.

Когда на пути достигнули мѣста, противъ котораго на- ходилось небольшое селеніе Виѳлагія, видимое изъ Иерусалима, на сѣверной оконечности горы Елеонской, Господь остано- вился, и подозвавъ къ Себѣ двухъ учениковъ сказалъ имъ: *пойдите въ селеніе, которое прямо предъ вами; входя въ него тотчасъ найдете ослицу привязанную и молодаго осла съ нею, на котораго никто изъ людей не садился; отвязавъ, приведите его ко Мнѣ. — И если кто скажетъ вамъ: что вы дѣлаете? отвѣчайте что они надобны Господу и тот- часъ пошлѣтъ ихъ слуга.* (Мр. 11, 2 — 3. Мѳ. 21, 3 — 5. Лук. 19, 29 — 31).

Посланые тотчасъ пошли въ Виѳлагію, нашли ослицу съ осленкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ говорилъ Господь; предстоящіе дѣйствительно спросили ихъ, зачѣмъ

они берутъ ословъ: и когда они отвѣчали, какъ имъ было вѣльно, то безпрепятственно отпустили ихъ.

Иисусъ Христосъ между тѣмъ оставался на томъ же мѣ- стѣ, откуда пошли ученики. Число народа, Его окружавшаго, часъ отъ часу возрастало: жители Иерусалима и богомольцы, пришедши на праздникъ, узнавъ, что Господь Иисусъ идетъ въ Иерусалимъ, шли Ему навстрѣчу многочисленными толпами.

Посланые возвратились. По усердію, и чтобы удобнѣе было сѣсть на жребія ослицы, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Божественный Учителъ возсѣлъ, прерванное шествіе снова продолжалось съ медленностію, кото- рая свойственна сему роду Ѵзы. Теперь великий Пророкъ не скрывался уже во многолюдствѣ народа, былъ виднѣе для всякаго; и шествіе, при всей простотѣ своей, являло въ себѣ уже иѣчто торжественное и священное. По сему одинъ взглядъ на Иисуса Христа вдругъ напоминалъ теперь внимательному слова Пророка Захарія, который, описывая царство Мессии, говорить: *рѣзте дщери Сіонової: се царь твой ирадѣтъ тебѣ кромокъ, сидя на жребія осли.* Зах. 9, 9. Такое по види- мому, согласие Господа съ расположenіемъ народа, хотѣвшаго видѣть Его какъ можно скорѣе царемъ, еще болѣе одушевило толпы, Его окружавшія, и возродило въ нихъ смѣлость выра- зить предъ Нимъ всю полноту своего усердія, самымъ торже- ственнымъ образомъ. Въ жару увеличивающагося восторга, одни начали рѣзать пальмовыя вѣтви, и, потрясая ими въ воздухѣ, бросать ихъ по пути предъ Иисусомъ Христомъ; другіе дѣлали еще болѣе — снимали съ себя платье и стлали его по дорогѣ. Всякій старался превзойти въ усердіи другаго, и вотъ, со всѣхъ сторонъ начало раздаваться псаломное: *«осанна Сыну Давидову! Благословенъ ирадый во имя Гос- подне! Осанна въ вишняхъ!»* (Пс. СХVII, 25, 26).

Всеобщій восторгъ еще болѣе усилился, когда достигли послѣдней возвышенности, съ коей надлежало спускаться внизъ до самаго Иерусалима. (Лук. XIX, 37). Это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ окрестности: Иерусалимъ представлялся от- сюда, какъ на картинаѣ: тамъ, въ правой сторонѣ, надъ ужа- сною бездною возвышался храмъ Иерусалимскій, и по много- численнымъ, блестательной бѣлизны, мраморнымъ столпамъ своимъ казался искусственною громадою льдовъ, съ золотымъ куполомъ, отъ коего лучи полдневнаго солнца отражались

безчисленными молниями. Наружное великолѣпіе его еще сильно напоминало счастливыя времена Давида и Соломона: но онъ былъ уже окружонъ мерзостю запустѣнія, которая вскорѣ имѣла стать на мѣстѣ святѣ. Украшенная орлами Римскими, крѣпость Антонія, съ ея огромною башнею, господствуя надъ высотою храма, казалось, выражала униженіе, въ коемъ находился народъ Божій. Тутъ же являлась взору преторія Пилатова: но дворцы первосвященниковъ казались удаленными и были отѣлѣны отъ храма пропастями, какъ бы въ знакъ внутренняго удаленія ихъ обитателей отъ Бога отцевъ своихъ. Остатки домовъ Давида и Соломона уже едва были примѣтны во множествѣ новыхъ зданій. Среди сихъ видовъ, изъ коихъ каждый приводилъ на память и древнюю славу, и настоящее униженіе отечества, — взоры всѣхъ невольно обращались на Иисуса, который видимо несъ съ Собою Іерусалиму его прежнее святое величіе. (Лук. 19, 38. Мар. 11, 10). Надежда славнаго царства Мессіи, казалось, готова была теперь исполниться на самомъ дѣлѣ... И полнота патріотическихъ чувствъ снова выражалась въ восклицаніяхъ: еще болѣе со всѣхъ сторонъ сыпалось вѣтвей, цветовъ и одеждъ; еще чаще и громче раздавалось: осанна!

Господь не препятствовалъ сему искреннему и радостному изліянію чувствъ, и видѣлъ въ семъ случаѣ слѣдствіе не одного обыкновенаго стеченія обстоятельствъ, а тайныхъ, давно предсказанныхъ пророками, распоряженій Самого Промысла, который симъ самыи теперь обращалъ на пришедшаго Мессію вниманіе Іерусалима и всего народа. Взирая такимъ образомъ, Онъ не могъ не принять глубокаго и сердечнаго участія въ томъ, что происходило вокругъ Него.

Но для фарисеевъ, которые были при этомъ, такое зрѣлище было нестерпимо; обнаружить же свою непріязнь къ Иисусу, при такомъ настроеніи мыслей народа, они не посмѣли. По сему лицемѣры, принявъ дружелюбный видъ, замѣчаятъ Ему, что не мѣшало бы остановить и унять учениковъ, напомѣкая, что подобная восклицанія народа могутъ быть опасны какъ для Него, такъ и для народа со стороны Римлянъ.

«*Аще си умолчатъ, отвѣчалъ Онъ, каменіе возопіють!*» (Лук. 19, 39—46).

Но настоящія чувствованія Его были теперь совершенно отличны отъ радостныхъ чувствъ, коими воодушевленъ былъ

народъ. Онъ ясно видѣлъ, что настояще торжественное: осанна! скоро будетъ замѣнено неистовыемъ воплемъ: «*распни, распни Его!*» Одного сего предвѣдѣнія достаточно было, чтобы удалить отъ сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь. Онъ помышлялъ о несчастной судьбѣ Своего отечества. Каѳь мрачна и ужасна она была въ будущемъ! Іудейскій народъ отвергнетъ Его, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишится благоволенія небеснаго; настоящій день, который долженъ быть служить началомъ благоденствія для Его соотечественниковъ, содѣлается по тому самому началомъ ужасныхъ бѣдствій для всего Израиля. Сколько причинъ скорби для Того, Кто пришелъ на землю составить одно благословенное стадо изъ всего рода человѣческаго; но всегда сознавалъ, что на Немъ лежитъ вмѣстѣ съ симъ и особенная обязанность пещись о благѣ погибающихъ овецъ дома Израилева!

На послѣдній спускъ съ горы, гдѣ дорога касается Гео-сіміаніи, Господь Иисусъ остановился. (Лук. 19, 41 — 44). На Божественномъ лицѣ Его, дотолѣ ясномъ, обнаружилась глубокая скорбь. (Окружающіе могли замѣтить это и, въ ожиданіи чего либо съ Его стороны, прекратить свои восклицанія). Господь въ молчаніи взиралъ на Іерусалимъ, наконецъ обильная струи слезъ полились изъ Его очей и Онъ воскликнулъ: «*аще бы разумѣлъ и ты, въ день сей твой, еже къ смиренію твоему: нынъ же скрыся отъ очю твою: яко приидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои остроги о тебѣ, и обидутъ тя, и обымутъ тя отвсюду, и разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ; понеже не разумѣлъ еси времене поспѣщенія твоею.*» (Лук. 19, 42 — 44).

Шествіе продолжалось. При вступленіи въ городъ, Иисусъ Христосъ окруженъ былъ еще большими толпами народа, такъ, что когда Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, то, по выражению Св. Матея, *потрясся весь градъ*. (Матея. 21, 19). На вопросы: кто это идетъ съ такою торжественностью? Сопровождавшій Господа народъ кричалъ въ отвѣтъ: *это Иисусъ, великий пророкъ изъ Назарета!*

Шествіе направлено было прямо къ храму. Вошедъ въ храмъ, Господь осмотрѣлъ все въ немъ находившееся. И для обыкновенаго ревнителя благочестія, тѣмъ болѣе для Сына Божія, храмъ Іерусалимскій представлялъ теперь не мало

безпорядковъ, требующихъ исправленія: но оно отложено до слѣдующаго дня, какъ бы для того, чтобы не нарушить торжественности настоящаго. Къ новому Посытителю и Владыкѣ храма немедленно собрались, какъ меньшіе братья Его,— хромые, слѣпые и прочіе недужные, кои и всегда, тѣмъ паче теперь, во множествѣ находились при храмѣ; всѣмъ преподано исцѣленіе. Такое обилие чудесъ еще болѣе увеличило всеобщую радость; торжественное: осанна! начало раздаваться въ самомъ храмѣ. Подражая старшимъ и малые дѣти стали вторить имъ: осанна Сыну Давидову! Священники и книжники слыша это, съ негодованіемъ сказали Іисусу: «слышишь ли, что они говорятъ?— А вы, отвѣчалъ Господь, развѣ никогда не читали въ писаніи: яко изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу? (Мо. 21, 16).

Съ наступленіемъ вечера Господь оставилъ храмъ, и съ учениками своими удалился опять въ Виеанію *).

XXVIII.

На другой день Господь вмѣстѣ съ учениками пошелъ въ Иерусалимъ тѣмъ же, что и вчера, путемъ, но уже безъ всякой торжественности. Почувствовавъ голодъ, Онъ подошелъ къ стоявшему при пути смоковничному дереву. Но смоковница оказалась бесплодною, хотя вся была покрыта зеленѣющею листвою. «Да николи же отъ тебе плода будетъ со-*вѣки*». Сказалъ Господь, и послѣ сихъ словъ Его, смоковница тотчасъ же стала засыхать. (Мо. XXI, 18—22, Мар. XI).

Господь въ прежнихъ бесѣдахъ Своихъ представлялъ неплодную смоковницу образомъ человѣка грѣшнаго, и въ одной притчѣ такую смоковницу представилъ пощаженною, по прозвѣѣ садовника, въ надеждѣ будущаго плодоношенія, для чего и вѣльно было ее окопать и осѣпать пометомъ, что выражало Божіе долготерпѣніе къ грѣшникамъ. Теперь смоковница проклята за неплодіе, и тѣмъ дано знаменіе Правосудія, которое рано или поздно слѣдуетъ за долготерпѣніемъ и казнитъ нераскаянныхъ. Такимъ образомъ прежняя притча служила для учениковъ изъясненіемъ настоящаго поступка ихъ Учи-

*) Замѣтв. у Иннок. посл. дни ж. I. Хр. ч. I, стр. 89—100.

теля; а сей поступокъ дополнялъ уроцъ, заключающійся въ притчѣ.

Сынъ Божій, — разсуждаетъ при семъ случаѣ Св. Златоустъ, — сообразно Своему предназначенію — взыскать и спасти погибшее, непрестанно миловалъ, исцѣлялъ, воскрешалъ: между тѣмъ Онъ долженъ былъ хотя единожды явить, что, будучи Спасителемъ міра, Онъ есть вмѣстѣ и будущій Судія человѣковъ; и что благость Божія, и при его Его всесильномъ ходатайствѣ, никогда не можетъ обратиться въ повторство неправдѣ и лукавству. И вотъ, для сего святаго опыта суда и отмщенія, избирается не человѣкъ какой нибудь, даже не существо одушевленное, а бездушная смоковница,— дерево, которое въ Палестинѣ, по многочисленности его, не имѣло никакой цѣны, стоя при пути, не составляло ничьей собственности, и, судя по его неплодности, само по себѣ уже было близко къ тому, чтобы засохнуть; такъ что проклятіе его состояло, можно сказать, болѣе въ чудесномъ обнаруженіи поврежденія, въ немъ уже скрывавшагося, нежели собственно въ лишеніи его плодотворности.

Кромѣ того, бесплодная смоковница здѣсь представляла безплодный Иерусалимъ: не было тамъ нигдѣ истинной вѣры и любви, а между тѣмъ все покрыто листьями: вездѣ видна вѣшняя набожность; всѣ разсуждаютъ о законѣ, вошлютъ противъ порока. И Господь проклятиемъ смоковницы далъ предостереженіе Иерусалиму и всѣмъ лицемѣрамъ *).

XXIX.

Вступивъ въ городъ, Господь пошелъ прямо въ храмъ. Тамъ виѣшніе притворы, ведущіе въ храмъ, вмѣсто молящихся наполнены были торжниками, изъ коихъ одни продавали вещи, принадлежащіе къ богослужѣнію, другіе занимались промѣномъ иностранной монеты на Еврейскую. Великое число продающихъ, еще больше — продаваемыхъ вещей, столы съ деньгами, лавки, для продавцевъ, всякаго рода жертвенныя животныя, торги, споры, обманъ, раздоры, — производи-

*) Ин. п. д. ж. I. Х. ч. 2, стр. 113—117.

дили то, что во всемъ Иерусалимъ не было мѣста, столъ беспорядочнаго и шумнаго, какъ притворъ Соломоновъ, предназначенный издавна для входа и молитвы язычниковъ. Слѣдствіемъ этого безпорядка было то, что Грекъ или Римлянинъ, пришедшій по влечению сердца въ Иерусалимъ и храмъ Соломоновъ, долженъ былъ, вмѣсто назиданія, терпѣть здѣсь шумъ, и всѣ неудобства, какимъ подвергаются на торжищахъ, и потому, вмѣсто благоговѣнія къ Богу Израилеву, невольно получалъ худыя мысли о Его служеніи и служителяхъ, а чрезъ то Пресвятое Имя Божіе хулимо было ради самаго Израиля въ языцѣхъ! Не недостатокъ мѣста, гдѣ бы можно было расположиться торжникамъ, но корысть была душою беспорядка: со стороны торжниковъ — чтобы здѣсь болѣе и дороже продать, а со стороны начальствующихъ во храмѣ, — чтобы за дозволеніе здѣсь торга получить мзду. По чѣму самый беспорядокъ, находясь подъ покровительствомъ начальниковъ, усилился до высочайшей степени.

Святая ревность объяла сердце Иисусово! Съ видомъ Посланника Божія и тѣмъ голосомъ, предъ коимъ всегда трепетали грѣшники и лицемѣры, Онъ требуетъ, чтобы притворъ былъ немедленно очищенъ. Ученики, зрители, жители Иерусалима, иностранцы — одобряютъ требование; самые торжники невольно чувствуютъ, что зашли не въ свое мѣсто, и безмолвно повинуются. Нѣкоторые медлятъ, хотятъ упорствовать: но симъ только раздражаютъ народъ, который повелѣніе Сына Давида принимаетъ за велѣніе Самаго Бога. Въ нѣсколько минутъ животныя вытѣнаны, столы и сѣдалища опровергнуты, мѣшки съ деньгами выброшены; все приняло новый, лучшій видъ; и мѣсто прежняго мятежа заступила тишина и устройство. Благочиніе простерто до того, что никому не позволялось теперь пронести чрезъ притворъ какую либо постороннюю вещь. (Мар. 11, 17). При этомъ Господь, для разумленія непонимающихъ, сказалъ: нѣсть ли писано: *храмъ Мой, храмъ молитвы наречется всімъ языкамъ; вы же со-твористе его вертепъ разбойникомъ!* (Исаі. 61, 7; Іер. 7, 11).

При наступлѣніи вечера Господь опять удалился въ Вифанию.

На другой день, когда Иисусъ Христосъ съ учениками Своими опять возвращался въ Иерусалимъ, проклятая смоковница оказалась уже совершенно засохшою. Это поразило

учениковъ, и Петръ воскликнулъ: *Равви, посмотри! смоковница, которую Ты проклялъ, уже засохла!* На это Господь далъ уразумѣть, что для людей, предназначенныхъ дѣйствовать отъ лица Самаго Бога для блага всего человѣчества, (каковы были Апостолы) подобный явленія, такъ сильно поражающія воображеніе людей чувственныхъ, не должны заключать въ себѣ особенной важности, а должны быть какъ бы естественны и обыкновенны, Онъ сказалъ: *Имѣйте вѣру Божію (совершенную и всесѣльную!) Аминъ бо ялаго вамъ, яко аще имате вѣру и не усомнитеся, нетокмо смоковничное (что сдѣлано съ смоковницею) сотворите: но аще речете и идѣтъ сей (предъ глазами учениковъ былъ Елеонъ) движнеся и верзися въ море, будетъ; — Мате. 21, 20—21) и вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріимете, и будетъ вамъ.*» (Ин. п. д. стр. 107—123).

XXX.

Торжественный входъ въ Иерусалимъ и изгнаніе торжниковъ изъ храма усилили негодованіе враговъ Иисуса, и раздражили ихъ самолюбіе. Они тщательнѣе изыскивали средства къ погубленію Его; но приверженность народа, Его окружавшаго, разрушила ихъ замыслы. По сему, въ ожиданіи благоприятнаго случая употребить силу, рѣшились испытать еще одно средство — отправить къ дивному Чудотворцу посольство, отъ лица Синедріона, для произведенія въ присутствіи всего народа формального допроса касательно Его поступковъ и намѣреній. Средство это имѣло всю благовидность законности и безпредвзятности, а между тѣмъ враги Иисуса Христа могли надѣяться, что такое изслѣдованіе, если не погубить Иисуса, то сильно повредить Его намѣреніямъ. Ожидали, безъ сомнѣнія, что, въ оправданіе Своихъ поступковъ, Онъ укажетъ на права Мессіи: а объявление себя Мессіею могло послужить достаточнымъ предлогомъ къ обвиненію Его предъ Римскимъ Правительствомъ въ уголовномъ преступленіи. (Ме. 27, 63, 27, 11).

Чтобы придать посольству болѣе важности, посланные избраны были изъ всѣхъ сословій, входившихъ въ составъ Синедріона, т. е. отражено по нѣсколько изъ почетнѣйшихъ

священниковъ, старѣйшинъ народа и книжниковъ. (Мар. 11, 27. Лук. 20, 1).

Едва только Господь вошелъ въ храмъ и началъ учить народъ, посланные отъ Синедрона подошли къ Нему съ допросомъ, и говорятъ Ему: *какою властію Ты это дѣлаешь: принимаешьъ отъ народа названіе сыномъ Давидовыимъ, входишь съ торжествомъ въ Іерусалимъ, изгоняешь изъ храма торжниковъ? И кто Тебѣ далъ властію сю?*

Господь выслушалъ предложеніе; но не отвѣчалъ на него прямо. *Спроси и Я вѣсъ обѣ однозъ: если о томъ скажете Мне; то и Я вамъ скажу, какою властію это дѣлаю.*» (Мѳ. 21, 23).

Книжники молчали, показывая согласіе; потому что отвѣчать на вопросъ вопросомъ, какъ поступилъ теперь Господь, не только было дѣломъ, весьма обыкновеннымъ у тогдашихъ книжниковъ Іудейскихъ, но еще служило къ чести того, кто отвѣчалъ такимъ образомъ.

Скажите Мне, продолжалъ Господь, *крещеніе Іоанново съ небесъ* (отъ Бога) *было, или отъ человѣковъ* (человѣческое изобрѣтеніе)?

Въ этомъ вопросѣ о достоинствѣ крещенія Іоаннова не-примѣтно, но всецѣло заключался отвѣтъ о достоинствѣ собственного лица и служенія Иисуса Христа; и Онъ, предлагая вопросъ этотъ на рѣшеніе книжникамъ, симъ самыимъ отдавалъ Свое дѣло, такъ сказать, на ихъ судъ.

Книжники видѣли, какъ важенъ вопросъ, — чувствовали, что справедливость требуетъ отвѣтить на него, но не могли сказать ни слова: опасность, въ которую они хотѣли поставить Иисуса Христа, была всецѣло теперь обращена на нихъ самихъ. Не трудность вопроса связывала языки, привыкшій обращаться по произволу страстей; еслибы они были на единѣ съ Иисусомъ Христомъ, то немедленно отвѣчали бы, что служеніе Іоанново не заключаетъ въ себѣ ничего Божественного, что онъ имѣлъ какіе-либо нечистые, по крайней мѣрѣ безплодные виды: таково было мнѣніе большей части фарисеевъ о Іоаннѣ и его крещеніи; почему они и отвергали его. Но въ присутствіи народа, который весьма много уважалъ Іоанна при жизни, а еще болѣе послѣ его мученической кончины, произнести свое (невыгодное) мнѣніе о его крещеніи, значило подвергнуться очевидной опасности. «Если мы, разсуждали

они сами съ собою, — рѣшившися вопреки своего мнѣнія, объявить, что Іоаннъ былъ Пророкъ; то Иисусъ скажетъ намъ, по чому вы не приняли его крещенія, зачѣмъ не повѣрили его свидѣтельству обо мнѣніи. Если же откровенно сказать, что въ Іоаннѣ, по нашему мнѣнію, не было ничего необыкновенного, и въ его крещеніи — Божественнаго; то народъ въ гнѣвѣ можетъ побить насъ кампами, въ отмщеніе за святаго мужа, каковымъ признавалъ Іоанна.» (Лук. 20, 6).

Сообразивъ это, книжники, вопреки своей привычкѣ — представляясь народу всевѣдущими, почли за лучшее — молчать.

«Не знаемъ, отвѣтили они, откуда Іоанново крещеніе (поглику-де Синедронъ не рѣшилъ еще сего вопроса).»

«И Я вамъ не скажу, отвѣчалъ Господь, *какою властію это дѣлаю.* Но, можетъ быть, вѣмъ легче будетъ дать мнѣніе вотъ по какому дѣлу: у одного человѣка было два сына. Однажды онъ подошелъ къ первому и сказалъ: сынъ, поди поработай сегодня въ виноградниѣ моемъ. Но сынъ былъ столь грубъ, что рѣшительно отвѣчалъ: не хочу! Но послѣ одумался и пошелъ. Отецъ обратился къ другому сыну и сказалъ ему тоже, что первому. Этотъ со всѣмъ уваженіемъ отвѣчалъ: иду, отецъ мой, однако же не пошелъ. Который изъ двухъ, присовокупилъ Господь, посмотрѣвъ на книжниковъ, исполнилъ волю отца.»

Разумѣется, первый, — гордо отвѣчали книжники, не видя еще, куда клонится притча, и рѣшительнымъ отвѣтомъ желая показать, что они ни въ какомъ случаѣ не относятъ ее къ себѣ.

Не тоже ли самое, возразилъ Господь, происходитъ съ вами? Іоаннъ пришелъ къ вамъ путемъ правды, жилъ и училъ, какъ Пророкъ: но вы не повѣрили ему, не прінесли покаянія, имѣ заповѣдуемаго, вы, кои, подобно тому второму сыну, непрестанно твердите, что согласны исполнять волю отца. Напротивъ люди, вами презираемы, мытари и грѣшники, оказывавшіе дотолѣ непокорность волѣ Божіей, повѣрили Іоанну, покаялись и прінесли плоды, достойные покаянія. Покрайней мѣрѣ этотъ примѣръ долженъ быть тронуть васъ и пробудить. Но все остается упорными и нераскаленными. *«Еї, глаголю вамъ,* — присовокупилъ Господь, возвысивъ голосъ, — *мытари и грѣшники вѣдутъ,* и скоро,

въ царствіе небесное; а вы, кои думаете имѣть полное право на него, будете изгнаны изъ него.» (Ме. 21, 28—32).

Выслушайте другую притчу, продолжалъ Господь. Одинъ богатый человѣкъ насадилъ у себя виноградъ и прилагалъ о немъ особенное попеченіе: оградилъ его оградою, ископалъ въ немъ точилъ и поставилъ башню для стражи. Такъ какъ дѣла требовали присутствія его въ другомъ мѣстѣ: то онъ, при своемъ отправлѣніи туда, отдалъ виноградникъ виноградарямъ, съ условіемъ, чтобы они каждый годъ доставляли ему извѣстное количество вина и плодовъ. Когда наступило время собирать плоды, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ за условною частію. Но виноградари приняли ихъ вражески, иныхъ прибили, другимъ камнями проломили голову; иныхъ убили до смерти. Хозяинъ винограда, не смотря на такую несправедливость и злобу, послалъ къ виноградарямъ другихъ слугъ: но они и съ ними поступили не лучше прежняго, иныхъ убили, другихъ отогнали съ безчестіемъ... Долготерпѣливый хозяинъ послалъ еще въ третій разъ слугъ: но опять безъ успѣха. Казалось время уже было суда и мести: но Домовладыка былъ чрезвычайно добръ. Что мнѣ дѣлать, размышиля онъ? Пошли къ немъ еще сына моего возлюбленнаго; не можетъ быть, чтобы злоба ихъ простиралась до того, чтобы презрѣть моего собственнаго сына. Сынъ пошелъ: но виноградари едва только завидѣли его, рѣшились единодушно погубить его. Это единственный наслѣдникъ, говорили между собою изверги: если мы убьемъ его, то виноградникъ будетъ нашъ: — и схвативши юношу, убили и выбросили вонъ изъ виноградника. Но хозяинъ виноградника, продолжалъ Иисусъ, не всегда будетъ оставаться на дальней сторонѣ; онъ возвратится, и какъ, думаете вы, поступитъ онъ съ виноградарями?»

Не понять этой притчи было нельзя: покровъ иносказанія слишкомъ былъ прозраченъ, и каждый видѣлъ, что подъ господиномъ виноградника разумѣется Богъ, подъ виноградникомъ народъ Гдѣйскій, подъ слугами Пророки, подъ единороднымъ сыномъ — Мессія Иисусъ; слѣдовательно подъ негодными виноградарями — настоящіе правители и вожди народа Гдѣйскаго. И какъ книжникамъ подобная притча была уже извѣстна съ полнымъ изъясненіемъ изъ книги пророка Исаи, (Ис. 5, 1—7) то для нихъ не могло быть никакого недо-

разумѣнія: но они, желая показать видъ, будто не узнаютъ себя въ собственномъ изображеніи, съ явнымъ безстыдствомъ отвѣчали: «такихъ нетерпимыхъ злодѣевъ онъ предасть тяжкой казни, и виноградъ отдастъ другимъ дѣлательямъ, которые будутъ доставлять ему плоды со всею исправностю и въ назначенное время.» (Ме. 21, 38—41).

Такъ, подтвердилъ Господь, — хозяинъ виноградника предасть казни негодныхъ виноградарей, и виноградникъ будетъ отданъ другимъ лучшимъ. (Марк. 12, 9. Лук. 20, 16).

Тоны голоса и взоръ показывали, что грозныя слова сіи относятся прямо къ членамъ Синедріона.

«Избави Богъ!» воскликнулъ одинъ изъ нихъ, какъ бы пораженный угрозою. (Лук. 20, 16).

«Вы почитаете это невозможнымъ, продолжалъ Господь; но развѣ вы никогда не читали, что тотъ самый камень, который отвергнутъ строителями зданія, будетъ положенъ во главу угла, и что Самъ Богъ сдѣлаетъ сіе на удивленіе всѣмъ? (Ісал. 118, 22). Не напрасно написано: *кто упадетъ на камень сей, разбѣтъ, и на кого онъ упадетъ, того раздавитъ*. Знайте, присовокупилъ Господь, какъ бы въ заключеніе угрозъ, что царствіе Божіе, коего вы, повидимому, такъ пламенно ожидаете, отнимется отъ васъ, и дастся народу, творящему плоды его!»

Послѣ сихъ словъ посланникамъ не возможно было притворяться непонимающими; личина лицемѣрія спала сама собою! Въ замѣшательствѣ стыда и досады, они хотѣли употребить силу и захватить обличителя въ свои руки; но движение народа, благопріятствующаго Иисусу Христу, остановило безразсудныхъ; (Марк. 12, 12) они удалились съ такимъ видомъ, какой только можно было принять на себя людямъ, всенародно посрамившимся, и однако же менѣе всего желающими быть предметомъ общественного презрѣнія.

Злоба враговъ могла обвинять Иисуса Христа въ уклоненіи отъ изслѣдованія Его дѣла, но въ существѣ образъ дѣйствованія Господа въ настоящемъ случаѣ былъ исполненъ глубокой мудрости, и даже любви къ врагамъ своимъ. Если бы Онъ теперь рѣшительно и прямо объявилъ Себя Мессіею, то народъ, принявъ изъ устъ Его рѣшительное объявление о Его достоинствѣ, немедленно раздѣлился бы на двѣ стороны, изъ коихъ самая большая была бы противъ Синедріона,

и легко дошло бы до возмущения, которое могло стоить жизни самимъ первосвященникамъ. Господь предвидѣлъ всѣ сіи опасные слѣдствія прямаго объявленія о Своемъ достоинствѣ; и, желая отклонить всякий поводъ къ общественнымъ беспорядкамъ, отлагалъ его, какъ увидимъ, до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни. Синедріонъ услышитъ отъ Него рѣшительный слова: «Я Сынъ Божій», — но услышитъ въ ту пору, когда онъ не будутъ имѣть никакого слѣдствія, вреднаго для спокойствія народнаго, когда объявление Себя Мессіею, не встревоживъ никого, ускоритъ только Его собственный крестъ.

Съ другой стороны, Синедріонъ чрезъ посольство свое узналъ все, что для него полезно было знать. Изъ притчей Иисусовыхъ само собою слѣдовало, что Онъ есть Мессія; слѣдовало еще болѣе, — что Ему извѣстны всѣ начала, по коимъ дѣйствуютъ враги Его, и всѣ тайныя причины, побуждающія ихъ отвергать Сына Давида, что Онъ совершенно знаетъ объ участіи, для Него уготовляемой, и рѣшился подвергнуться всему по волѣ Своего Отца и изъ любви къ роду человѣческому. Послѣ сихъ, столь ясныхъ, хотя не прямыхъ вразумленій, членамъ Синедріона надлежало бы обратиться къ своей совѣсти, и спросить, за кого они почитаютъ Иисуса? Безъ сомнѣнія, всякому имѣющему уши слышать, она сказала бы, что человѣкъ, который такъ учитъ, живеть и дѣйствуетъ, есть истинный Христосъ, Сынъ Бога живаго... *) По удаленіи книжниковъ, Господь продолжалъ свои бесѣды съ народомъ. И какъ по причинѣ непризнания Его начальниками и книжниками за Мессію, народъ оставался въ недоумѣніи, то Господь сказалъ слѣдующую притчу:

«Царство небесное подобно человѣчку царю, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего. И послалъ рабовъ своихъ звать званныхъ на брачный пиръ: и не хотѣли прійти. Опять послалъ другихъ рабовъ, сказавъ: скажите званнымъ: вотъ, я приготовилъ обѣдъ мой, тельцы мои и что откорѣнено, заколото, и все готово: приходите на брачный пиръ. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочие же, схвативъ рабовъ его, оскорбили и убили ихъ. Услышавъ о семъ, царь разгневался, и,

*) Иннок. п. л. ч. 2 стр. 124—139.

пославъ войска свои, истребилъ убийцъ оныхъ, и сжегъ городъ ихъ. Тогда говорить онъ рабамъ своимъ: брачный пиръ готовъ; а званные не были достойны. И такъ пойдете на распутія, и вспыхъ, кою найдете, зовите на брачный пиръ. И рабы тѣ, вышедши на дороги, собрали вспыхъ, кою только натили, и злыхъ и добрыхъ; и брачный пиръ наполнился возлежащими. Царь, вошедши посмотреть возлежащихъ, увидѣлъ тамъ человѣчка, одѣтаго не въ брачную одѣждь; и говорить ему: другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одѣжди? Онъ же молчалъ. Тогда сказалъ царь служащимъ: связавъ ему руки и ноги, возьмите его, и бросите въ тму вѣнчаную; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Ибо много званныхъ, а мало избранныхъ. (Ме. 22, 1—14).

Для народа въ сей притчѣ содержалось на сей разъ разрѣшеніе всѣхъ его недоумѣній касательно настоящихъ обстоятельствъ и вмѣстѣ преподавалось правило поведенія, самое вѣрное и надежное. «Значить нѣть причины удивляться, что первосвященники не вѣрятъ Иисусу, отвергаютъ царство, Имъ проповѣдуемое. Званныхъ много, а избранныхъ мало! — Нѣть причины спрашивать, кто же наслѣдуетъ царство, если Іудеи не войдутъ въ него; Царь найдеть себѣ гостей!... слѣдовательно, должно, оставивъ всякое слѣпое подражаніе кому бы то ни-было, слушать своей совѣсти, идти на вечерю, но идти въ брачной одѣждѣ. — Въ этомъ приличномъ одѣяніи, въ благочестивой жизни — главное дѣло. У Бога нѣть лицепріятія. Если соблюду вѣру и буду добръ, то непремѣнно буду съ Мессіею въ царствіи Его — получу спасеніе.

Для христіанъ притча о вечери содержитъ грозный урокъ — содѣлывать свое спасеніе со страхомъ. «Я, говорить одинъ учитель церкви, всегда содрогаюсь, когда вспомню слова: Друже, како вишелъ еси, не имѣй одѣянія брачна.

Чертою Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одѣжды не имамъ, да виду въ онъ, проспѣти одѣяніе души моей, Свѣтодавче, и спаси мя *).

XXXI.

Между тѣмъ раздраженная гордость книжниковъ придумала къ погубленію Иисуса Христа новый планъ. Лицемѣры

*) Пѣснь въ Великій понедѣльникъ и въ прочіе дни свѣтиленъ.

ухитились подослать къ Нему нѣсколько своихъ соумышленниковъ, — для уловленія Его въ какомъ-либо словѣ. Большая часть народа была въ то время тѣхъ мыслей, что подати, платимыя Римлянамъ, противны духу Мовсеевої религіи. Для Израильтянина, думали, обязаннаго признавать царемъ своимъ одного Іегову, должна существовать и одна законная подать, собираемая для храма Іеговы. О семъ то предметѣ соглашено вопросить Іисуса Христа.

Фарисеи, конечно, надѣялись услышать отъ Іисуса Христа отвѣтъ, неблагопріятствующій Римлянамъ, т. е., что Онъ скажеть, что платить Римлянамъ податей не слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ враги Его могли обвинить Его предъ Римскимъ Правителемъ, какъ возмутителя противъ власти и нарушилеля общественнаго покоя. Въ случаѣ же, если бы Іисусъ Христосъ отвѣчалъ на вопросъ о податяхъ въ пользу Римлянъ, то и этому Фарисеи были бы рады, такъ какъ чрезъ это Онъ Самъ отвратилъ бы отъ Себя народъ, который никакъ не могъ представить, чтобы Мессія повелѣль ему когданибудь платить подать язычникамъ.

Для большаго успѣха своей хитрости Фарисеи пригласили съ собою въ участіе Иродіанъ. Это была секта во многомъ несогласная съ Фарисеями, и въ отношеніи къ податямъ Иродіане именно утверждали противное всеобщему мнѣнію, почитая ихъ законными. Потому-то они и были теперь полезны для Фарисеевъ — въ томъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ, какъ надѣялись, не одобрилъ податей. Самимъ Фарисеямъ обвинять Его въ томъ, что они сами внушали народу, было неудобно, и такое обвиненіе могло навлечь на нихъ ненависть народа. Иродіане же могли это сдѣлать безъ всякихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій, да и обвиненіе со стороны ихъ, какъ царедворцевъ, приверженныхъ къ Иродовой фамиліи и Римлянамъ, могло оказать гораздо больше дѣйствія на Римскаго Правителя.

Искусителями выбраны и подосланы ученики Фарисейскіе, какъ менѣе подозрительные. Они вмѣшились въ толпу, окружавшую Іисуса Христа, притворились благочестивыми и внимательными Его слушателями, потомъ, обративъ бесѣду съ Христомъ къ своему предмету, сказали: «Учитель, намъ хотѣлось бы особенно узнать Твое мнѣніе объ одномъ предметѣ. Почти никто не говоритъ о немъ откровенно; но мы

знаемъ, что для Тебя правда выше всего; Ты никогда не смотрѣлъ на лица и не страшился опасностей, училъ истины, какъ должно Учителю Израилеву. Скажи намъ, какъ Тебѣ кажется подати, собираемыя для Кесаря? Давай ихъ, не дѣлаемся ли мы изъ народа Божія рабами язычниковъ, — не оскорбляемъ ли своей совѣсти? Давать ли намъ ихъ, или не давать?

Но сердцевѣдецъ немедленно проникъ цѣль искусствителей: «Долго ли вамъ, отвѣчалъ Онъ съ негодованіемъ, — искушать Меня, лицемѣры? Покажите монету, которою платить подать.»

Фарисеи подали Ему Римскую монету, съ изображеніемъ Кесаря, называемую динаріемъ.

Господь взялъ монету, посмотрѣлъ на изображеніе и надпись, и отдавая назадъ, спросилъ: чѣмъ это изображеніе и какая надпись?

«Кесаревы», отвѣчали Фарисеи, не зная, что выдѣть изъ сего отвѣта.

«Такъ что же, отвѣчалъ Господь, — воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови.» (Первое, то есть, не противорѣчить послѣднему: ибо Кесарь требуетъ своего и не запрещаетъ Божіе).

Этотъ отвѣтъ удивилъ всѣхъ: онъ сотворенъ былъ, такъ сказать, изъ ничего. Самые книжники должны были сознаться, что это сказано весьма обдуманно и благоразумно. (Мате. 22, 16 — 22).

Послѣ сего подошли къ Іисусу Христу Саддукеи. Послѣдователи этой секты не вѣрили въ воскресеніе мертвыхъ и утверждали, что въ законѣ Мовсеевомъ нѣть ученія о бессмертіи душъ. Они предложили Ему слѣдующій вопросъ:

«Учитель! Мовсей сказалъ: ежели кто умретъ, не имѣя дѣтей, то братъ его долженъ взять за себя жену его и возвестановить племя брата своего. Въ слѣдствіе сего закона случилось вотъ что: было семь братьевъ: первый, женясь, умеръ, и, неимѣя дѣтей, оставилъ жену брату своему; другой взявшіи еѣ, такъ же умеръ бездѣтнымъ; подобнымъ образомъ умеръ третій и четвертый, — даже до седьмаго. Наконецъ, послѣ всѣхъ, умерла и жена. Спрашивается: котораго изъ семи мужей будетъ она женою въ то время, когда всѣ воскреснутъ? Всѣ семеро имѣли еї?»

Господь Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не

знал писаний, ни силы Божией. Ибо въ воскресеніи ни жеются, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ. А о воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы реченнаго вами Богомъ: Я Богъ Авраама, и Богъ Исаака и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ.

Народъ дивился учению Его, и даже нѣкоторые изъ книжниковъ сказали: Учитель! Ты хорошо сказалъ. (Мате. 22, 23 — 33.

XXXII.

Послѣ сихъ опытовъ Божественной Премудрости Иисусо-вой, уже никто не смѣлъ предлагать Ему вопросовъ. Но когда всѣ умолкли, Господь Самъ обратясь къ книжникамъ, спросилъ: «что вы думаете о Христѣ? Чей Онъ сынъ?»

Говорятъ Ему: «Давидовъ».

«Какъ же, возвразилъ Господь, Давидъ, по вдохновенію, называетъ Его Господомъ, когда говорить: сказалъ Господь Господу Моему: сѣди одесную Мене, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ? И такъ, если Давидъ называетъ Его Господомъ; какъ же Онъ сынъ ему?»

И никто не могъ отвѣтить Ему ни слова. (Мате. 22, 23 — 46. Лук. 20, 27 — 44).

Тогда Иисусъ Христосъ началъ говорить народу и ученикамъ Своимъ, и сказалъ: «на Морсеевомъ сподалищѣ сѣли книжники и фарисеи. И такъ все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте, и дѣляйте; по дѣламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ, и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя, и возлагаютъ на плечи людямъ; а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ. Всъ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; разширяютъ хранилища свои, и увеличиваютъ воскрылія одеждъ своихъ. Такъ же любятъ предвозвлѣженія на тишинахъ и предсѣданія въ синагогахъ, и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель — Христосъ; всъ же вы братья. И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ: Ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками: ибо

одинъ у васъ Наставникъ — Христосъ. Большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга. Ибо кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ: а кто унижаетъ себя, возвысится. Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите, и хотяющихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что попадаете дома вдовѣ, и лицемѣрно доло молитесь: за это пріимете тѣмъ большее осужденіе. Горе вамъ книжники, фарисеи, лицемѣры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ иеинны, вдвое худшимъ васъ. Горе вамъ, вожди сѣльные, которые говорите: если кто поклянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется золотомъ храма, то повиненъ. Безумные и сѣльные! что болѣе, золото, или храмъ, освящающій золото? Такъ же: если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Безумные и сѣльные! что болѣе, даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ? И такъ, клянущійся жертвенникомъ клянется имъ и вспѣмъ, что на немъ; и клянущійся храмомъ клянется имъ и живущимъ въ немъ; и клянущійся небомъ клянется престоломъ Божіимъ и сидящимъ на немъ. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и отпу: сіе надлежало дѣлать, и тою не оставлять. Вожди сѣльные, оциживавшіе комара, а верблюдовъ поглощающіе! Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете вѣнчаность чаши и блюда; между тѣмъ какъ внутри они полны хищнія и неправды. Фарисей сѣльной! очисти прежде вѣнчаность чаши и блюда, чтобы чиста была и вѣнчаность ихъ. Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что утоболяетесь окрашенными гробами, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророкамъ, и украшаете памятники праведниковъ, и говорите: если бы мы были во дни отцевъ нашихъ; то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Такимъ образомъ вы сами противъ себя свидѣтельствуете, что вы сыновья тѣхъ, ко-

торые избили пророковъ. Дополняйте же мѣру отцесъ вѣшихъ. Зміи, порожденія ехиднинъ! какъ убѣжите вы отъ осужденія въ іеенну? По сему, вотъ, Я послю вамъ пророковъ, и мудрыхъ, и книжниковъ; и вы иныхъ убьете, и распнете, а иныхъ будете бить въ синалогахъ вѣшихъ, и гнать изъ города въ городъ: да прийдетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на земль, отъ крови Авея праведнаго до крови Захаріи, сына Варахіана, которою вы убили между храмомъ и жертвеникомъ. Истинно говорю вамъ, что все сіе прийдетъ на родъ сей. Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и каменемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се, оставляется вамъ, домъ вашъ пустъ. Ибо сказываю вамъ: не увидите Меня отнынъ, доколь не восхликните: благословенъ грядый во имя Господне! (Мо. 23).

XXXIII.

Съ сими словами Господь вышелъ изъ внутреннихъ притворовъ храма во вѣшніе и остановился у дверей вѣшнаго притвора женщинъ, и, сѣвши для отдохновенія противъ ящика, въ который богомольцы клали деньги, смотрѣлъ на проходящій народъ. Клали многіе весьма много, иные изъ усердія, а иные и по тщеславію. Господь безмолвствовалъ. Между тѣмъ подошла къ ящику одна бѣдная вдова и положила двѣ лепты (полушки). По всему видно было, что она отдавала послѣднєе. Для людей съ фарисейскимъ чувствомъ такой даръ показался бы нестоющимъ вниманія. Но Господь взиралъ не на деньги, а на сердце дающихъ: поступокъ вдовы былъ для Него многоцѣннѣй. Подозравъ къ Себѣ учениковъ, какъ бы желая раздѣлить съ ними дорогую находку, «смотрите,» сказалъ Онъ имъ, «эта бѣдная вдова болѣе всѣхъ положила въ сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказаннаго. «Прочіе, продолжалъ Господь, клали отъ избытка, а она отъ скучности: тѣ жертвовали храму тѣмъ, безъ чего могутъ обойтись; а она пожертвовала все, что имѣла, — можетъ быть послѣдній кусокъ хлѣба.» (Лук. 21, 1 — 7).

XXXIV.

Въ числѣ пришедшихъ со всѣхъ странъ свѣта на праздникъ богомольцевъ, было не мало и Еллиновъ — Грековъ, которые, наскучивъ тщетою идолослуженія языческаго и принявъ вѣрованіе во единаго Творца природы и Правителя міра, потому самому почитали себя обязанными явиться, по временамъ, въ Іерусалимъ, для принесенія жертвы Іеговѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, вожелавъ видѣть великаго Пророка и Чудотворца и быть Ему представленными, подошли къ Апостолу Филиппу и сказали ему объ этомъ. Филиппъ сказалъ о томъ Апостолу Андрею и потомъ оба они сказываютъ о семъ Іисусу Христу. (Іоан. 12, 22).

За нѣсколько только минутъ Онъ изрекъ, что виноградъ, худо блодомыій вождями народа Іудейскаго, преданъ будетъ другимъ дѣлателямъ, и что царство небесное отнимется у недостойныхъ потомковъ Авраама и дастся языку, творящему плоды его; и вотъ Еллины, какъ первенцы, собираемой отъ языка церкви, являются теперь какъ бы для того, чтобы въ сей же часъ изъ собственныхъ устъ Его принять завѣтъ новаго и предназначать вступленіе въ наслѣдіе завѣщаемаго царства.

И такъ, пришелъ часъ, великий, страшный, но неотвратимый часъ положить конецъ дѣлу, продолжавшемуся уже болѣе трехъ лѣтъ! Надобно, оставивъ безплодныя усиія надъ обращеніемъ дщери Сіоновой, обратиться къ язычникамъ, жаждущимъ вступить въ права чадъ Божіихъ, столь долго имъ невѣдомыя. Время, оставивъ путь проповѣди, вступить на путь креста, вознестишись отъ земли, дабы привлечь всѣхъ, способныхъ подняться горѣ, и открыть для всѣхъ послѣдователей своихъ путь новый и живый, путь смиренія, самоотверженія и вольнаго распятія духа и плоти.

Въ отвѣтъ Филиппу и Андрею Господь сказалъ: «пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому. Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода. Любящій душу свою, потеряетъ ее; а ненавидящій душу свою въ міре семи, сохранитъ ее въ жизнь вѣчную. Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ; и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ; того

почитатъ Отечъ Мой! Душа Моя теперь возмущилась; и что Мнъ сказать? Отче! избавъ Меня отъ часа сего! Но на сей часъ Я и пришелъ, Отче! прославъ имя Твое!»

«И прославилъ, и еще прославлю,» загремѣло въ отвѣтъ съ неба. — Стоявшіе въ отдаленіи подумали, что это внезапный громъ, а стоявшіе вблизи, слыша членораздѣльный голосъ, почли слышимое за вѣщаніе Ангела. Въ недоумѣніи и страхѣ, естественно всѣ смотрѣли на Иисуса Христа, ожидая, что будетъ.»

«Не для Меня, сказалъ Господь, былъ гласъ сей, но для народа. Нынѣ судъ міру сему; нынѣ князъ міра сего изгнанъ будетъ вонъ. И когда Я вознесенъ буду отъ земли, вспыхъ привлеку къ Себѣ.»

Послѣднія слова изрѣкъ Господь, по замѣчанію Евангелиста, назнаменуя, какою смертію Онъ умретъ. Въ такомъ точно смыслѣ и принялъ ихъ народъ. По чѣму нѣкоторые сказали: какъ же мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ въ вѣкѣ? А Ты говоришь, что должно быть вознесену Сыну человѣческому? Кто этотъ сынъ человѣческій?

Иисусъ Христосъ сказалъ имъ: «еще на малое время сопѣтъ есть съ вами; ходите, пока есть сопѣтъ, чтобы не обѣяла васъ тма; а ходящій во тмѣ, не знаетъ куда идетъ. Пока сопѣтъ съ вами, вѣруйте въ сопѣтъ, да будете сынами сопѣта.»

(То есть, спѣшите пользоваться въ простотѣ сердца тѣмъ, что вы видите и слышите отъ Меня и чрезъ Меня, не увлекаясь сомнѣніями, не предаваясь вопросамъ, не тратя времени, коего остается весьма мало).

Сказавъ это, Господь отошелъ и скрылся отъ нихъ. (Иоан. 12, 23—36).

Такъ заключилось болѣе, нежели трехлѣтнєе поприще всенароднаго служенія Иисусова въ качествѣ обѣщаннаго Мессіи и Учителя истины. Какое величественное соотвѣтствіе между началомъ и концемъ служебнаго поприща Иисусова! Тамъ гласъ съ неба на Йорданѣ, и здѣсь гласъ съ неба при храмѣ: тамъ и здѣсь и для торжественности и народа ради, — дабы среди настоящихъ и еще болѣе наступающихъ, крайне трудныхъ и смутныхъ обстоятельствъ, дать ему твердую опору для вѣры и поведенія, чтобы онъ сей гласъ съ неба могъ противоположить противному гласу отъ земли, гласу своего недостойнаго Синедріона.

Съ сей точки зреїнїя настоящїя минуты были минутами самыми величественными, минутами рѣшенія участіи всѣхъ и каждого изъ Іудеевъ. Въ гласѣ съ неба изрекался судъ и осужденіе всѣмъ и каждому, кто, видя предъ собою въ такомъ избыткѣ свѣтъ небесный, смижалъ очи, чтобы не видѣть. Мессія долженъ былъ сдѣлать съ Своей стороны все, чтобы быть узнаннымъ отъ народа Іудейскаго, Его ожидавшаго, и сдѣлалъ! Не говоря о трехлѣтнемъ служеніи, о непрестанной проповѣди, о многочисленныхъ всякаго рода чудесахъ, довольно было послѣдніхъ событий, чтобы узнать въ Немъ всѣмъ и каждому Обѣтованнаго Избавителя міра: для сего именно воскресеніемъ Лазаря возбуждено было всеобщее вниманіе какъ нельзя болѣе; торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ и принятіемъ отъ дѣтей осанна Сыну Давидову сдѣлано было всенародное объявленіе о своемъ великомъ достоинствѣ, какъ нельзя яснѣ; наконецъ настоящимъ гласомъ съ неба, (како-вымъ знаменіемъ особенно дорожили Іудеи) положена на все служеніе Иисусово такая Божественная печать, вѣриѣ коей нельзя и вообразить: послѣ сего для непрѣмлющихъ Его не было никакого извиненія, оставалось одно осужденіе, по мѣрѣ виновности каждого *).

XXXV.

Когда Господь, уклонившись отъ народа, шелъ съ учениками отъ храма, ученики, обращаясь, смотрѣли на храмъ, осужденный Учителемъ за нѣсколько предъ симъ минутъ на запустѣніе, и указывая на него, говорили Господу: посмотри, какіе камни, какія зданія, сколько здѣсь дорогихъ украшеній, богатыхъ вкладовъ и даровъ! (Ме. 24, 1. Лук. 21, 5).

Господь остановился, посмотрѣлъ на храмъ и сказалъ: «истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ; все будетъ разрушено.» (Ме. 24, 2. Лук. 21, 6).

Послѣ сего вышли изъ города, и поднялись на одну изъ вершинъ горы Елеонской прямо противъ храма, и Господь сѣлъ тамъ для отдохновенія.

*) Иннок. посл. дни. Ч. II, стр. 159—169.

Тогда приступили къ нему ученики и спросили: «скажи намъ, когда это будетъ, и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка?... (Ме. 24, 3. Лук. 21, 7).

Въ бѣдѣ Своей по сему случаю Господь прежде всего предостерегалъ ихъ, чтобы береглись они обольстителей, которые будутъ выдавать себя за Христа; не страшились войнъ, междуусобій и другихъ бѣдствій, которые вскорѣ настанутъ, не унывали, когда ихъ будутъ преслѣдовать, заключать въ темницы, подвергать безчестію, мученіямъ и смерти: (Ме. 24, 4—10), не заботились о томъ, что и какъ имъ говорить, когда имъ придется давать отвѣтъ въ Синагогахъ и чужеземныхъ судилищахъ или свидѣтельствовать о имени Его предъ царями и правителями, такъ какъ среди всѣхъ бѣдствій надъ ними будетъ промыслъ и любовь Отца небеснаго и безъ Его всемогущей воли не упадеть съ ихъ головы ни одного волоса, и не они будутъ говорить, а Духъ Святый, котораго они примутъ, и имъ даны будутъ такія уста и такая премудрость, противъ которой не устоитъ ни одинъ изъ ихъ противниковъ (Марк. 17, 11. Лук. 21, 14—18). Еще Господь предостерегалъ, что опаснѣе всего будетъ то, что по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ изсякнетъ любовь даже между своими, откроются раздѣленія и вражды, явятся измѣнники, и предатели даже между присными — по вѣрѣ; розстанутъ лжепророки и лжеучители изъ среды ихъ же общества, самая вѣра подвергнется затмѣнію. Въ эти тяжкія времена они должны искушать души терпѣніемъ. Кто претерпитъ до конца, тотъ спасенъ будетъ! (Ме. 24, 10—13. Марк. 13, 12—13).

Далѣе Господь открылъ, что не смотря на все это, дѣло Божіе не можетъ быть остановлено или замедлено. Гонимое Евангеліе царствія успѣть быть проповѣдано всѣмъ народамъ (Ме. 24, 14) прежде нежели рѣшится судьба Іерусалима и народа Іудейскаго..

Потомъ Господь говорилъ: когда увидите Іерусалимъ, окруженный войсками, и мерзость запустѣнія, стоящую на святомъ мѣстѣ: тогда знайте, что приблизилось запустѣніе его и для всѣхъ будетъ одно спасеніе — бѣгство скорѣйшее: находящимся въ Іудѣѣ всего лучше бѣжать тогда на горы безъ малѣйшаго замедленія, ибо тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ и не будетъ. Много

падеть отъ меча, еще болѣе отведется въ плѣнъ во всѣ народы. Іерусалимъ будетъ лишенъ покрова небеснаго и отданъ въ попраніе язычникамъ дотолѣ, пока не исполнятся времена языковъ... Если бы не сократились сіи злосчастные дни, то не спаслась бы никакая плоть, но ради избранныхъ сократятся сіи дни... (Ме. 241, 15—22. Мар. 13, 14—20. Лук. 211, 20—24).

Такъ какъ тяжесть такихъ бѣдствій усилить ожиданіе обѣтованнаго Избавителя до того, что расположить вѣрить всякому извѣстію о Немъ, и это дасть случай сынамъ погибели злоупотреблять именемъ Мессіи, то Господь вновь предостерегалъ, чтобы не вѣрили никому, кто будетъ говорить: «вотъ здѣсь Христосъ, или вонъ тамъ», чтобы не обольщались самыми чудесами лжепророковъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ для обольщенія избранныхъ совершать многія странныя и необыкновенныя дѣла. (Ме. 24, 23—26. Марк. 13, 21—23).

«Вотъ, продолжалъ Господь, Я напередъ сказалъ вамъ. И такъ, если скажутъ вамъ: вотъ, Онъ (Христосъ) въ пустынѣ, не выходите; вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте. Ибо какъ молнія восходитъ отъ востока, и видна бываетъ даже до запада; такъ будетъ пришествіе Сына человѣческаго. А гдѣ будетъ трупъ (Мессія), тамъ (сами собою ведомые невѣдомою силою) соберутся и орлы (истинные послѣдователи Мессіи).»

За тѣмъ Господь говорить, что послѣ скорби дней тѣхъ (попранія Іерусалима язычниками) послѣдуютъ ужасныя явленія на землѣ и на небѣ. Солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта, звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя подвигнутся: все выдѣтъ изъ своего чина и порядка. На землѣ будетъ какъ предъ бурею: вездѣ уныніе, недоумѣніе, боязнь и трепетъ. Море возшумить и возмутится. Ожиданіе бѣдствій сдѣлается ужаснѣе самыхъ бѣдствій. Вся природа будетъ въ болѣзняхъ рожденія. Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго. Увидя Его, восплачутся всѣ племена земныя о своихъ грѣхахъ и нечестіи. Но для истинныхъ послѣдователей Христа, время это должно быть временемъ надеждъ и утѣшенія. Они спокойно могутъ восклонить тогда и поднять главу. Наконецъ явится Самъ Сынъ человѣческій, явится предъ лицемъ всѣхъ людей на облакахъ небесныхъ со всѣмъ величиемъ и славою,

окруженный воинствомъ небеснымъ. По мановенію Его сонмы Ангеловъ полетятъ отъ одного конца вселенныя до другаго, съ трубнымъ гласомъ, и соберутъ избранныхъ его отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ. И тогда кончина міра и начало славнаго царствія Божія на землѣ. (Ме. 24, 23—31. Марк. 13, 24—27. Лук. 21, 25—28).

XXXVI.

«Посмотрите, продолжалъ Господь, на смоковницу и на всѣ прочія деревья и возьмите съ нихъ примѣръ для себя. Когда вѣтви ихъ становятся мягки и начинаютъ пускать листья; то, видя это, вы сами говорите, что скоро будетъ лѣто. Такъ, когда увидите все сіе (что Я прежде сказалъ): то знайте, что наказаніе близко; судъ при дверяхъ. Истинно говорю вамъ, не прейдетъ еще настоящее поколѣніе людей, какъ все сіе (въ Іерусалимѣ не останется камень на камнѣ) сбудется. Ме. 24, 32—35. Марк. 15, 28—31. Лук. 21, 29—33). Небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ!...

«О днѣ же томъ и часѣ (послѣдніхъ всею міра) никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, а только Отецъ Мой единъ. Но какъ было во дни Ноя; такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго. Ибо какъ во дни предъ потопомъ пили, пили, женились и выходили замужъ, до того днѧ, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока пришелъ потопъ, и не истребилъ всѣхъ: такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго. И такъ бодрствуите, потому что не знаете, въ который часъ Господь вашъ приидетъ. Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались обѣденіемъ и пьянствомъ, и заботами житейскими, и чтобы день тотъ не постигъ васъ внезапно. Ибо онъ, какъ спать, найдетъ на всѣхъ живущихъ по всему лицу земному. Всѣмъ должно поступать такъ, какъ поступали бы хозяинъ дома, если бы зналъ, что къ нему въ неизвѣстное время придетъ татъ. Онъ вовсе не спалъ бы, чтобы не дать подкопать дома своего. Тѣмъ больше тогда не должно спать, ибо въ который день не думаютъ, Сынъ человѣческій приидетъ.» (Ме. 24, 36—44. Марк. 17, 32—37. Лук. 21, 34—36).

«Ожиданіе пришествія Его можно сравнить еще съ ожи-

даніемъ слугъ ихъ домовладыки. Представьте, что кто либо, отправляясь въ путь, оставилъ домъ свой въ управлѣніе слугамъ своимъ, назначилъ каждому свое дѣло. Какъ хорошо тому рабу, котораго господинъ, пришедши, найдетъ поступающимъ какъ приказано? Ей, онъ надѣлъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставить его! Напротивъ тотъ самый негодный рабъ, который, по злобѣ своей, началъ бы думать самъ съ собою: мой господинъ придетъ нескоро, можетъ быть — никогда, — и сталъ бы злоупотреблять властію, ему данною, бить и мучить товарищѣвъ, расточать имущество господина, есть и пить съ пьяницами. Что наконецъ будетъ съ симъ рабомъ, когда въ день, въ который онъ не ждалъ, придетъ господинъ его? Онъ подвергнется его великимъ мукамъ, предастъ на заключеніе въ одно мѣсто съ злодѣями, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Бдите убо и молитесь на всякое время; потому что не знаете, когда придетъ хозяинъ дома, — вечеромъ, или въ полночь, въ пѣнѣ пѣтуха, или поутру, чтобы пришедши внезапно, не засталъ васъ спящими. А что вамъ говорю, то говорю всѣмъ послѣдователямъ Моимъ: бдите!» (Ме. 24, 45—51. Марк. 13, 33—37).

XXXVII.

Тогда подобно будетъ царство небесное, продолжалъ Господь, десяти дѣвамъ, которыхъ, взявъ сопѣтильники свои, вышли навстрѣчу жениху. Изъ нихъ пять были мудрыхъ, и пять неразумныхъ. Неразумныя, взявъ сопѣтильники свои, не взяли съ собою масла. Мудрыя же, вмѣсть со сопѣтильниками своими, взяли масла въ сосудахъ своихъ. И какъ женихъ замедлилъ; то задремали всѣ и уснули. Но въ полночи раздался крикъ: вотъ, женихъ идетъ, выходите на встрѣчу ему. Тогда встали всѣ дѣвы тѣ, и поправили сопѣтильники свои. Неразумныя же сказали мудрымъ: дайте намъ вашего масла; потому что сопѣтильники наши гаснутъ. А мудрыя отвѣчали: чтобы не случилось недостатка и у васъ и у насъ, пойдите лучше къ продающимъ, и купите себѣ. Когда же пошли они покупать: пришелъ женихъ, и готовыя вошли съ нимъ на брачный пиръ, и двери затворились. Послѣ приходятъ и прочія дѣвы, и говорятъ: Господи! Господи! отвори

намъ. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтѣ: истинно говорю вамъ, не знаю васъ. И такъ бодрствуяте; потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который приидетъ Сынъ человѣческій. Ибо онъ поступитъ, какъ человѣкъ, который, отправляясь въ чужую страну, призывалъ рабовъ своихъ, и поручилъ имъ имѣніе свое. И одному далъ онъ пять талантовъ, другому два, иному одинъ, каждому по его силѣ; и тотчасъ отправился. Получившій пять талантовъ пошелъ, употребилъ ихъ въ дѣло, и пріобрѣлъ другіе пять талантовъ. Точно такъ же и получившій два таланта пріобрѣлъ другіе два. Получившій же одинъ талантъ пошелъ, и закопалъ его въ землю, и скрылъ серебро господина свое. По домогѣ времени, приходитъ господинъ рабовъ тѣхъ, и требуетъ у нихъ отвѣта. И подошдѣ, получившій пять талантовъ, принесъ другіе пять талантовъ, и говоритъ: Господинъ! пять талантовъ ты далъ мнѣ; вотъ другіе пять талантовъ я пріобрѣлъ на нихъ. Господинъ его сказалъ ему: хорошо, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебѣ поставлю; войди въ радость господина твоего. Подошелъ такъ же и получившій два таланта, и сказалъ: господинъ! два таланта ты далъ мнѣ; вотъ, другіе два таланта я пріобрѣлъ на нихъ. Господинъ его сказалъ ему: хорошо, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебѣ поставлю; войди въ радость господина твоего. Подошелъ и получившій одинъ талантъ, и сказалъ: господинъ! я зналъ тебя, что ты человѣкъ жестокій, жнешь, ідѣ не спѣла, и собираешь, ідѣ не разсыпалъ; и, убоявшись, пошелъ и скрылъ талантъ твой въ землю: вотъ, тебѣ твое. Господинъ же его сказалъ ему въ отвѣтѣ: лукавый рабъ и лѣнивый! ты зналъ, что я жну, ідѣ не спѣла, и собираю, ідѣ не разсыпалъ. По сему надлежало тебѣ отдать серебро мое ториющимъ; и я, пришедшъ, получилъ бы мое съ прибылью. И такъ возьмите у него талантъ, и дайте имѣніющему десять талантовъ. Ибо всякому имѣніющему дастся и пріумножится; а у неимѣніющаго отнимется и то, что имѣетъ. А негодного раба выбросьте во тму вѣшнюю; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. (Мѳ. 25, 4—30).

XXXVIII.

Когда же приидетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей, и все Святые Ангелы съ Нимъ, сказалъ Господь въ заключеніе своей бесѣды, тогда сядетъ на престолъ славы своей; и соберутся предъ нимъ все народы; и отдѣльтъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ, и поставитъ овецъ на правую свою сторону, а козловъ на лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: приидите благословленные Отцемъ Моимъ и наслѣдуяте царство, уготованное вамъ отъ создания мѣра. Ибо алкалъ Я, и вы дали мнѣ пѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ наѣзъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы поспѣли Меня; — въ темницѣ, — и вы пришли ко Мнѣ. Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтѣ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли? или наѣзъ, и одѣли? Когда мы видѣли Тебя больнымъ, или въ темницѣ, и пришли къ Тебѣ? И Царь скажетъ имъ въ отвѣтѣ: истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ пѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ наѣзъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, — и не поспѣли Меня. Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтѣ: Господи! Когда мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или наѣзъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ? Тогда скажетъ имъ въ отвѣтѣ: истинно говорю вамъ: поелику вы не сдѣлали сего одному изъ сихъ меньшихъ; то не сдѣлали Мнѣ. И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнъ вѣчную. (Мѳ. 25).

Кончивъ слова сіи, Господь сказалъ ученикамъ: „вы знаете, что чрезъ два дня будетъ Пасха; и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на проплатѣ.“ *) (Мѳ. (26, 1—2).

*) Иннок. посл. дни. Ч. II, стр. 173—187.

XXXIX.

Въ то время, какъ Господь бесѣдовалъ съ учениками на Елеонской горѣ, первосвященники, и книжники, и старѣшины народа собрались во дворъ первосвященника Каиафы и положили въ совѣтъ своеи взять Иисуса хитростю, и убить, но только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущеніе въ народѣ. (Мѣ. 26, 3—5).

Но въ совѣтѣ Всевышнаго положено, что Агнцу Божию, *всемлющему грехи мира*, должно принестись въ жертву въ одно время съ агнцемъ пасхальнымъ, который столько вѣковъ служилъ Его прообразованіемъ, и вотъ Промыслъ Божій расположилъ теченіе обстоятельствъ такъ, что тѣ же люди, кои, сами не зналъ, пошли было вопреки судебѣ Его, сами же не зналъ, обратились внезапно къ исполненію ихъ, — решившись дѣйствовать къ погубленію Иисуса Христа немедленно, захватить и умертвить Его при первомъ удобномъ случаѣ. Причиною такой неожиданной перемѣны мыслей Синедріона было то, что, одинъ изъ 12 апостоловъ Христа, — Иуда Искаріотскій, явясь къ первосвященникамъ, объявилъ, что онъ можетъ прискать удобный случай и предать своего Учителя тайно отъ народа, если вознаградить его за такую услугу. (Лук. 22, 3—6).

Такое предложеніе очень обрадовало враговъ Господа: они мгновенно сообразили, что дѣйствительно при помощи такого человѣка можно будетъ захватить Иисуса Христа безъ всякаго шума, даже вѣдѣнія народа, и что затѣмъ немедленнымъ осужденіемъ Его на смерть и преданіемъ въ руки Римскаго правительства, они удалить отъ себя всякую опасность, въ случаѣ, если бы народъ покусился предпринять что-либо въ защиту Его; а потому немедленно назначивъ 30 сребрениковъ или сиклей — цѣну за преданіе, обѣщали предателю, по первому требованію его, дать ему для совершенія своего дѣла достаточное число слугъ и стражи церковной.

Съ этого времени Иуда сталъ искать удобнаго случая предать Господа.

XL.

Представляя себѣ Иуду, невольно съ церковю скажешь: *«кій тя образъ, Иудо, предателя Спасу содѣла? Еда отъ*

лика тя Апостольска размучи? Еда дарованія исипленій лиши? Еда со онъми вечерявъ, тебе отъ трапезы отрину? о, коликихъ благъ непамятливъ былъ еси!»

Евангелисты единогласно изъясняютъ предательство Иуды внушеніемъ сатаны, при этомъ Св. Іоаннъ указываетъ, такъ сказать, на то отверстіе, сквозь которое этотъ древній змій впопль въ душу несчастнаго Апостола: это страсть сребролюбія. (Лук. 22, 9).

Иуда былъ порочной жизни, но чудеса и ученіе Иисуса Христа обратили его къ покаянію, сдѣлали ревностнымъ Его послѣдователемъ и внимательнымъ слушателемъ, по чѣму Господь избралъ его въ число своихъ 12 Апостоловъ. Но въ душѣ Иуды еще тлѣлась искра страсти сребролюбія, и она-то подсказала ему вызваться носить ящикъ, въ который читатели Иисуса опускали свои пожертвованія, и распоряжаться составлявшимо такимъ образомъ суммою по закупкѣ необходимыхъ для Учителя и учениковъ, въ ихъ странствованіяхъ, принадлежностей, и по раздачѣ денегъ нищимъ. Постоянное обращеніе съ деньгами раздуло тлѣющуюся въ немъ искру сребролюбія, и сначала она обратилась въ заботу о приращеніи общественной казны, а эта забота отвлекла его вниманіе отъ проповѣди Христа. Древній змій умѣлъ воспользоваться этимъ и успѣлъ внушить ему, что заботы и труды его для ихъ общества немаловажны и должны быть вознаграждены, и вотъ искра сребролюбія обратилась въ пламя, корысть обхватила его душу и онъ дѣлается казнокрадомъ и предается мечтамъ: какъ ему будетъ хорошо, когда Учитель ихъ, совсѣмъ не обращающій вниманія на земныя блага, сдѣлавшись Царемъ, посадить ихъ, Апостоловъ, на 12 престолахъ судить Израиля; въ такихъ мечтахъ онъ сначала не обращаетъ вниманія на предсказанія о поруганіи и смерти, которымъ долженъ подвергнуться Христосъ; но вотъ эти предсказанія повторяются чаще и чаще; время самое благопріятное для объявленія Себя Христомъ и Царемъ упущено, и наконецъ онъ слышитъ, — Учитель рѣшительно говоритъ: «чрезъ два дня будетъ Пасха, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропитіе.» Мечты Иуды исчезаютъ. Сатана дѣлаетъ свое дѣло: вместо тѣхъ великолѣпныхъ картинъ, представляются Иудѣ другія, самыя мрачныя: Учитель на крестѣ, — чего лучшаго ожидать Его Апостоламъ? Иуда какъ бы уже чувствуетъ въ

себѣ муки крестныя.... страшная дрожь пробѣгаєть по его членамъ. Гдѣ жъ спасеніе? «Вотъ оно! подсказываетъ сатана. Иди къ первосвященникамъ и предай Учителя. Все равно Онъ не избѣжитъ своей участіи, которую Самъ предсказалъ, по крайней мѣрѣ ты самого себя спасешь, и мало того, что спасешь, получиши награду и войдешь въ милость и благоволеніе Синедріона.» Іуда хватается за эту мысль какъ утопающей за веревку, и рѣшается исполнить ее. Прошла мучительная ночь и онъ подъ видомъ какихъ либо закупокъ спѣшить въ городъ, и является къ первосвященникамъ.

Такъ-то страсти наши служать сатанѣ средствомъ овладѣвать нами, побуждать насъ совершать гнуснѣйшія дѣла и вести окончательно къ погибели.

Въ заключеніе скажемъ вмѣстѣ съ Св. Златоустомъ: «*мѹтъ, мѹтъ звѣрь сребролюбіе; отсюду гробокопатели, отсюду мужеубийцы, отсюду рати и браны, и еже аще речеши всяко зло, отсюду есть.*»

XLI.

Въ наступившій за симъ день, когда заколали пасхальнаго агнца, ученики спрашиваютъ Господа: гдѣ хочешь быть пасху? Мы пойдемъ и приготовимъ.

Господь, обратясь къ Петру и Иоанну, велѣлъ имъ идти въ городъ и сказалъ: «при самомъ входѣ вы встрѣтите человѣка, несущаго въ кувшинѣ воду, слѣдуйте за нимъ, войдите въ тотъ домъ, куда онъ войдетъ, и скажите хозяину дома: Учитель велѣлъ сказать тебѣ: время Мое близко, у тебя совершу пасху съ учениками Моими. И такъ, гдѣ горница, въ которой бы можно было мнѣ вкушать Пасху? Послѣ этого онъ покажетъ вамъ горницу большую, готовую и убранную. Тамъ приготовьте намъ Пасху.»

Петръ и Иоаннъ пошли въ городъ и тамъ нашли все такъ, какъ сказалъ Господь и приготовили Пасху. По наступлѣніи вечера пришелъ туда Господь съ учениками.

Такъ устроилъ Господь, чтобы ни Іуда со своимъ предательствомъ, ни враги Его съ своимъ коварствомъ не могли нарушить послѣдней Его вечери съ Апостолами.

Послѣ путешествія, за такую вечерю, какова пасхальная,

надлежало сѣсть, по восточному обычая, съ омовенными ногами. Все, нужное для такого омовенія, было приготовлено — заранѣе въ горницѣ: не доставало только прислужника, который бы омылъ всѣмъ ноги. Для взаимной любви это былъ прекрасный случай оказать взаимную услугу. Но ученики начали смотрѣть на этотъ случай совершенно иначе: вмѣсто духа смиренія и братскаго единодушія открылся духъ превозношенія; посыпались даже вопросы, кто болѣе и лучше, и кто менѣе и хуже. Ни одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, тѣмъ паче — всѣхъ. Тогда Господь, сложивъ съ Себя верхнія одежды и ополаскавшись полотенцемъ, взялъ одинъ изъ сосудовъ, стоявшихъ для омовеній, налилъ воды въ умывальницу и началъ омывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ *). Подходитъ къ Петру, и тотъ говоритъ, Ему: «Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги?» Что я дѣлаю, теперь ты не знаешь, сказалъ Господь Иисусъ, а уразумѣешь послѣ. Петръ говорить Ему: «не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ». Если не умою тебя, не имѣшь части со Мною, отвѣчалъ Господь. «Господи! не только ноги, но и руки и главу», говорить Петръ. Омытому только нужно ноги умыть, потому что чистъ весь; и вы чисты, но не всѣ, сказала Господь. Ибо зналъ Онъ предателя Своего, а потому и сказалъ: не всѣ вы чисты.

Окончивъ омовеніе, Иисусъ Христосъ надѣлъ одежду Свою, и возлегши опять за трапезу, сказалъ ученикамъ: знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ; и правильно говорите; ибо Я точно то. И такъ если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ; то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ. Истинно, истинно говорю вамъ: рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше пославшаго его. Если это знаете, бла-жены вы, когда исполняете. Не о всѣхъ васъ говорю: Я знаю, которыхъ избралъ. Но да сбудется писаніе: ядущій со Мною хлѣбъ, поднялъ на Меня пяту свою. Теперь сказываю вамъ, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы повѣрили, что это Я. (Іоан. 13. 1 — 19).

«Вы пребыли со мною въ напастяхъ Моихъ, продолжаль-

*) Инн. посл. дни. Ч. 3, стр. 231.

Господь, и Я завѣщаю вамъ, какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, царство. Да ядите и пите за трапезою Мою въ царствѣ Моемъ, и сядете на престолахъ, судить 12 колѣнъ Израилевыхъ. (Лук. 22, 28—30). Истинно, истинно говорю вамъ: принимающій того, кого Я пошлю, Меня принимаетъ; а принимающій Меня, принимаетъ пославшаго Меня. (Иоан. 13, 20).

Но ни умовеніе Учителемъ ногъ ученикамъ, ни явные намеки Его, что Ему извѣстенъ предатель, ни подтверждение прежде обѣщанныхъ наградъ, не размягчили зачестствѣлого сердца Іуды, но еще болѣе и болѣе ожесточалось оно. Ни одно изъ сѣяній небеснаго Сѣятеля не запало въ его душу, заросшую терніемъ заботъ и печалей вѣка сего; — дѣяволь теперь особенно стерегъ всѣ входы и исходы ея и тотъ часть похищалъ изъ нея всякое сѣмя благо, при самомъ его сіяніи, и представлялъ ему, напротивъ, утаеніе отъ него мѣста вечери, и порученіе другимъ, а не ему приготовить Пасху, личной обидой и несправедливостью, намеки о предательствѣ новымъ оскорблениемъ, а обѣщаніе наградъ — злу насыщеною. Трудность продолжать при этомъ лицемѣріе увеличивала тяжесть его положенія и возбуждала въ немъ злобу.

Между тѣмъ видѣ холдной измѣны и лицемѣрной дружбы возмутіе святѣйшую душу Учителя и Онъ съ скорбю сказалъ: «истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня. (Иоан. 21, 21). Эти слова крайне опечалили учениковъ, и они стали взирать другъ на друга, недоумѣвая, о комъ Онъ говоритъ. (Иоан. 13, 22). (Мо. 21, 22).

Нѣкоторые полагали, что не можетъ быть предателя въ ихъ маломъ дружескомъ обществѣ, а развѣ изъ числа прочихъ 70 учениковъ.

Но Господь еще опредѣленіе сказалъ: «одинъ изъ двѣнадцати, обмакивающій со Мною въ блюдо, тотъ предастъ Меня. (Мр. 18, 20 — 21). (Мо. 26, 23). Впрочемъ Сынъ человѣческій идетъ, какъ написано о Немъ: но горе тому человѣку, которымъ Сынъ человѣческій предается; лучше было бы этому человѣку не родиться».

При мысли, что предатель такъ близко и что его ожидаетъ такая странная участъ, каждый началь не довѣрять себѣ, «Не я ли, Равви? не я ли?» слышалось отъ всѣхъ и каждого.

Чтобы не остаться среди всѣхъ спрашивающихъ одному

безъ вопроса, и такимъ образомъ не обнаружить себя, и Іуда со всѣмъ безстыдствомъ спросилъ: — «Равви? не я ли?» (Мо. 26, 25).

«Ты сказалъ, отвѣчалъ Господь, глубоко оскорбленный такимъ безстыднымъ лицемѣріемъ, но такъ тихо и кротко, что этого отвѣта, повидимому, никто не понялъ, кромѣ Іуды.

Въ это время Петръ, обратясь къ одному ученику (Іоанну), котораго особенно любилъ и отличалъ Господь и который возвлажалъ теперь у самыхъ персей Его, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ спросилъ, кто это такой о комъ говорилъ Господь?

Вопроса никто не слыхалъ и не замѣтилъ, кромѣ Петра и, вѣроятно, самого Іуды, который, какъ виновный, всѣхъ подозрѣвалъ и за всѣми присматривалъ.

«Тотъ, отвѣчалъ Господь (тихо), кому обмакнувъ кусокъ, подамъ, и обмакнувъ въ блюдо кусокъ, подалъ Іудѣ Искаріотскому. (Иоан. 13, 23—36).

Собственно въ этомъ дѣйствіи не было ничего оскорбительного для Іуды: въ конецъ вечери было даже обыкновеніе брать и съѣдать по куску изъ остатковъ Пасхи, и получить такой кусокъ изъ рукъ самого начальника вечери, значило быть отличнымъ отъ другихъ. По сему дружественное подаяніе пищи было для погибающаго Апостола послѣднимъ звомъ къ покаянію.

Но вмѣсто того, чтобы пасть къ ногамъ Учителя, съ искренностію сознаться въ своемъ преступномъ замыслѣ и слезами раскаянія омыть свой грѣхъ и стыдъ, Іуда продолжалъ лицемѣрить, — беретъ поданный ему кусокъ и принуждаетъ себя его съѣсть. Тогда сатана не приминулъ представить его мысли всю униженность его, какъ обличеннаго предателя, предъ другими Апостолами, и въ немъ воскликнѣла злоба: личина кротости и дружества растаяла, видѣ его сдѣлался мраченъ и ужасенъ. Іоанъ, наблюдавшій въ это время Іуду, замѣчаетъ, что въ слѣдъ за хлѣбомъ, тотчасъ *вшелъ въ него сатана*. (Иоан. 13, 27). Святое общество Иисусово было уже нестерпимо для человѣка — съ діаволомъ въ сердцѣ: тайная сила влекла его вонъ....

Сердцевѣдѣцъ видѣлъ все, что происходило въ душѣ сына погибельного — какъ изсякла послѣдняя капля добра, какъ діаволь овладѣлъ самымъ основаніемъ жизни духовной; — и Иисусъ не захотѣлъ болѣе принуждать Себя къ безплодному

перенесенію присутствія предателя. «Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе», сказаъ Онъ ему, готовому уже и безъ того идти вонъ. Симъ давался ему благовидный предлогъ оставить уже оконченную вечерю, не обращая на себя чрезъ то подозрѣнія учениковъ.

Иуда вышелъ — была уже ночь. Никто изъ прочихъ Апостоловъ не могъ и помыслить, что онъ съ пасхальной вѣчери — послѣ умовенія ногъ учителемъ — пошелъ прямо къ Каїафѣ за сребренниками и стражею, но скорѣе готовы были повѣрить всякой догадкѣ и думать, что онъ или посланъ купитъ что нибудь на праздникъ, или раздать для праздника милостыню нищимъ. *) (Іоан. 13, 28 — 30).

XLII.

Наступилъ часъ прейти Сыну Божію отъ міра сего къ Отцу и явить дѣломъ, что возлюбивъ своихъ сущихъ въ мірѣ, Онъ возлюбилъ ихъ до конца. (Іоан. 13, 1).

И вотъ онъ, все Божественное о нась смотрѣніе исполнивъ, готовый изыти на вольную и приснопамятную и животворящую Свою смерть, въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, или лучше Самъ Себя предалъ за животъ міра, — взялъ хлѣбъ въ Святыя Свои и пречистыя и непорочныя руки, показалъ Богу и Отцу, возблагодарилъ Его и благословивъ, освятивъ, преломивъ хлѣбъ сей, далъ святымъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ, рекъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставлѣніе грѣховъ.* Подобнымъ образомъ и чашу отъ плода лознаго, взявшъ, растворивъ, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, далъ святымъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ, рекъ: *пийте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія измываемая, во оставлѣніе грѣховъ.* (Литургія І. Зл. и В. Вел.)

Ученики въ безмолвіи вкусили преподанного подъ видомъ хлѣба тѣла Учителя, и Господа, и потомъ, принявъ чашу, причастились крови Его.

Сіе творите, сказаъ Господь въ заключеніе священномѣдѣствія, въ мое воспоминаніе.

*) Иннок. посл. дни. Ч. 3. 221—242.

XLIII.

Послѣ сего Господь въ послѣдней Своей бесѣдѣ съ учениками говорилъ: „Дѣти! недолго уже быть Мне съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ вѣрь, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между Собою.“ (Іоан. 13, 33—35).

„Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте. Въ домъ Отца Моего обителей много. А если бы не такъ; Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ. И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто: прійду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были гдѣ Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.“

Когда на это одинъ изъ Апостоловъ сказалъ, что они не знаютъ, куда Онъ идетъ, и пути, о которомъ Онъ говорить, тогда Господь сказалъ: „Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Вѣрьте Мне, что Я въ Отцу и Отецъ во Мне; а если не такъ, то отрече Мне по самыи дѣламъ. Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрющій въ Меня, дѣла, которыя Я творю, и Онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ; потому что Я къ Отцу Моему иду. И если о чёмъ попросите отъ Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынъ. Если о чёмъ попросите во имя Мое, то Я сдѣлаю. Если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди. И Я умру Отца, и дастъ вамъ другаго Учителя, да будетъ съ вами во вѣкъ, Духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его, а вы знаете Его, ибо съ вами пребываетъ и съ вами будетъ. Не оставлю васъ сиротами; прійду къ вамъ. Еще немногі; и міръ уже не увидитъ Меня; а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы жить будете. Въ тотъ день узнаете вы, что Я въ Отцу Моемъ, и вы во Мне, и Я въ васъ. Кто имѣтъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; и кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Я возлюблю его и явлюся ему Самъ.»

За тѣмъ Господь, на пути въ Гевсіманскій садъ, продолжая Свою бесѣду, говорилъ: «Я есмь истинная виноград-

ная лоза, а Отецъ Мой виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь, неприносящую плода, Онъ отсѣкаетъ, и всякую, приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе приносила плода. Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдывалъ вамъ. Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви: кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и горятъ. Если пребудете во Мнѣ и слова Мои въ васъ пребудутъ; то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ. Тѣмъ прославится Отецъ Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками. Какъ возлюбилъ Меня Отецъ; и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви Моеї. Если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моеї, какъ и Я соблюзъ заповѣди Отца Моего, и пребываю въ Его любви. Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ болѣе той любви, какъ если кто положитъ душу свою да друзей своихъ. Вы друзья Мои, если исполните то, что Я заповѣду вамъ. (Иоан. 14, 15).

После сего Господь, возвѣстивъ Апостоламъ, что и они будутъ ненавидимы и юнами міромъ и что даже наступитъ время, когда всякий, убивающій ихъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу, — возвѣзъ очи Свои на небо и сказалъ: «Отче! пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя: такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотью, да всему, что Ты далъ Ему, да съ Онъ жизнь вѣчную. Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа. Я прославилъ Тебя на земли, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить. И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самаго словою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра. Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра; они были Твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ, и они сохранили слово Твое. Нынѣ уразумѣли они, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть.

Ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я передалъ имъ; и они приняли, и уразумѣли истинно, что Я изшелъ отъ Тебя, и уверовали, что Ты послалъ Меня. Я о нихъ молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился въ нихъ. Я уже не въ мірѣ, но они въ мірѣ, а Я къ Тебѣ иду, Отче Святый! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и Мы. Когда Я былъ съ ними въ мірѣ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое: тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кроме сына погибшаго, да сбудется писаніе. Нынѣ же къ Тебѣ иду, и сіе говорю въ мірѣ, чтобы они имѣли въ себѣ радость Мою совершенную. Я предалъ имъ слово Твое; и міръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра. Не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла. Они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра. Освяти ихъ истинною Твою, слово Твое есть истина. Какъ Ты послалъ Меня въ мірѣ; такъ и Я послалъ ихъ въ мірѣ. И за нихъ Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истинною. Не о нихъ же только молю, но и о струющихъ въ Меня по слову ихъ: да будутъ вѣсъ одно: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино; да упрутъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино. Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершенны во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня. Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, где Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде основанія міра. Отче праведный! и міръ Тебя не позналъ: а Я позналъ, и сіи познали, что Ты послалъ Меня. И Я открылъ имъ имя Твое, и открою, да любовь, которой Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ.» (Иоан. 17).

XLVI.

В продолженіе своей прощальной бесѣды Господь сказалъ ученикамъ: всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь; ибо написано: поражу пастыря и разсѣются овцы.

Петръ же сказалъ Ему: «если и всѣ соблазнятся, но не я». (Марка 1,4, 26—29).

Господь же сказалъ на это: «Симонъ! Симонъ! вотъ сатана просилъ, чтобы сѣять вѣсъ, какъ пшеницу. Но Я молился о Тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ».

Онъ отвѣчалъ Ему: «Господи! съ Тобою и готовъ въ темницу и на смерть идти».

Но Господь сказалъ: «говорю тебѣ, Петръ, не пропоетъ пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». (Лук. 22, 31—33).

«Хотя бы мнѣ и умереть съ Тобою, не отрекусь Тебя», продолжалъ Петръ.

То же повторили и всѣ прочіе ученики. (Мо. 26, 35). Среди сихъ увѣреній въ вѣрности на смерть, пришли въ Геѳсиманію. Тутъ былъ садъ, принадлежавшій одному изъ послѣдователей Иисусовыхъ. Господь и прежде часто ходилъ въ него съ учениками Своими, и теперь избралъ мѣстомъ Своего послѣдняго приготовленія на подвигъ крестный; — дабы тамъ же—(въ саду) одержана была первая побѣда, гдѣ было нанесено (всему человѣчеству) первое пораженіе *).

XLV.

Послѣ трудовъ цѣлаго дня, послѣ продолжительной бѣсѣды съ учениками и нѣкраткаго путешествія изъ пасхальной горницы въ Геѳсиманію, предъ наступленіемъ ужасныхъ страданій, нѣкоторое успокоеніе было совершено необходимо для Иисуса. Вертоградъ Геѳсиманскій представлялъ къ тому все удобство, и для того, по видимому, былъ избранъ. Но не успокоеніе, а страданіе, жесточайшее страданіе ожидало здѣсь Сына человѣческаго.

Чтобы помочь искушаемымъ, Искупителю человѣчковъ надлежало претерпѣть все, и быть искушну по всяческимъ. (Евр. 4, 15). Но, искушения, коимъ подлежитъ родъ человѣческій, естественно всѣ приводятся къ двумъ видамъ: искушению удовольствіемъ и искушению страданіями. Первое иску-

* Ин. ч. 3, стр. 261.

шеніе, во всѣхъ трехъ главныхъ его видахъ, Сынъ человѣческій прошелъ при самомъ началѣ Своего служенія. Второе, тягчайшее искушеніе, посредствомъ страданій, предстояло теперь. И вотъ оно началось здѣсь внутреннимъ крестомъ,— сокровеннѣйшимъ, но можетъ быть, болѣе мучительнымъ креста вѣнѣнія.

Ангелъ Божій, вземлюющій на Себя грѣхи міра (Іоан. 1, 29) долженъ былъ, понеся ихъ, испытать всю ихъ тяжесть, чтобы доказать предъ правдою Божіею, предъ небомъ и землею, что Онъ взялъ ихъ на Себя не словомъ только, но и дѣломъ. И вотъ со вступленіемъ въ Геѳсиманскій садъ Онъ начинаетъ испытывать на Себѣ ту тяжесть,—всѣ слѣдствія, оброки грѣха: внутренній сладчайшій миръ внезапно изчезаетъ; свѣтлые и утѣшительные виды Царствія Божія затмѣваются; Сынъ человѣческій разоблачается совершенно отъ всѣхъ сверхъ-естественныхъ Божественныхъ силъ, и остается съ одною волею человѣческою; Самъ Богъ Отецъ, такъ сказать, отступаетъ отъ Него—оставляетъ одного, въ положеніи самаго послѣдняго изъ людей искушаемыхъ; *князь міра сего* становится при Немъ, ищетъ мѣста въ Немъ, куда бы поразить, и не находя, осыпаетъ Его своими разжечеными стрѣлами лукавства; въ мысляхъ Его рисуется образъ предстоящихъ Ему страшныхъ страданій и смерти; врожденный естеству человѣчка страхъ мученій и смерти объемлетъ пречистую Его плоть, и тѣмъ болѣе, что она, какъ непричастная грѣху и разстройствамъ, отъ него происходящимъ, и какъ соединенная притомъ естествомъ съ Самимъ Словомъ Предѣчнымъ, и отсюда почерпавшая всю полноту совершенствъ тѣлеснаго бытія, потому самому естественно, наиболѣе отвращалась всякаго насилия и терзанія, и была стократъ чувствительнѣе къ мученіямъ.

Господь Иисусъ Христосъ началъ скорбѣть и тосковать. Когда воображеніе рисовало ужасы страданій и смерти, мысль естественно въ тоже время должна была остановиться на родѣ человѣческомъ, за который все это надлежало претерпѣть, и искушатель непреминулъ представить теперь людей во всей ихъ грѣховной нечистотѣ и злобномъ лукавствѣ, и какъ невнимательны они были доселъ къ путямъ истинной жизни и ко всѣмъ вразумленіямъ всеблагаго Творца, и какъ напротивъ они всегда легко принимали за истину всякую

ложь и неправду. Да и будут ли они лучшими? многіе ли остановятъ свое вниманіе на этомъ великомъ дѣлѣ Божіемъ и примутъ послѣднее слово спасенія? Не наибольшая ли часть людей останутся такъ же невнимательны, такъ же будутъ отвергать и преслѣдоватъ истину, и вѣрить нелѣпымъ сказкамъ или своимъ умствованіямъ по стихіямъ міра?

Мысли сіи возмущали духъ Иисуса и возбуждали борьбу внутреннюю. Скорбь и смущеніе усиливались болѣе и болѣе.

Не находя къ успокоенію Своего духа средствъ въ Самомъ Себѣ, Иисусъ обратился съ молитвою ко Отцу.

Сказавъ ученикамъ, чтобы они остались на извѣстномъ мѣстѣ, и подождали Его, пока Онъ помолится, Онъ пошелъ далѣе въ глубину вертограда, и пригласивъ слѣдоватъ за Собою Петра, Іакова и Іоанна, сказалъ имъ: «душа Моя прискорбна до смерти! побудьте здѣсь, бдите со Мною и молитесь!...» и отойдя отъ нихъ на небольшое разстояніе, повергся на землю и возопилъ: «*Отче Мой, аще возможно (Тебѣ вся возможна суть), да мимо идетъ чаша сія; обаче не яко же Ты; да будетъ воля Твоя!*»

Отвѣта не было! Отецъ какъ бы не внималъ Сыну! Душевное томленіе не прекращалось. Напротивъ, съ пречистою душою начала страдать и чистѣйшая плоть: потъ Его былъ какъ капли крови, падающей на землю. Великий Потомокъ Давида вошелъ въ то состояніе, когда Его Праотецъ вопіялъ: «*и болѣни адovы обыдоша Мя.*» (Псал. 114, 3).

Въ душевной скорби, какъ бы не внимаемый небомъ, Иисусъ прекращаетъ молитву, и идетъ къ ученикамъ, дабы утѣшить Себя ихъ присутствіемъ и молитвою;—но находить ихъ спящими!

«Симонъ, и ты спиши,—сказалъ Господь,—такъ-ли вы не могли побѣдѣть со Мною и одного часа?—Бдите и молитесь, да не внидете въ напасть. Духъ бодръ, но плоть немощна».

Удалившись отъ учениковъ, Онъ опять повергается на землю, и погружается духомъ въ молитву. «*Отче, молился Онъ, аще не можетъ чаша сія мимо ити отъ Меня, аще не пію ея: буди воля Твоя.*»

Теперь преданность въ волю Божію выразилась живѣе и полнѣе, а собственное желаніе примѣтно ослабло и начи-

нало разрѣшаться совершенно въ безусловную покорность опредѣленіямъ небеснымъ.

Но и сія молитва осталась безъ отвѣта! Для Единороднаго отъ Отца въ немъ не было нужды... Сынъ человѣческій долженъ быть Самъ изречь Себѣ отвѣтъ, вознесшись—чрезъ самоотверженіе—до той высоты духа,—того единенія со Отцемъ, при коемъ исчезаетъ всякое сомнѣніе, и даже прошеніе,—остается единая святая воля Божія.

Изнемогающій подъ бременемъ внутренняго креста, Иисусъ опять идеть къ ученикамъ, все еще уповая, по чрезвычайному смиренію Своему, найти Себѣ нѣкое подкрѣпленіе и отраду въ ихъ молитвѣ;—и опять находитъ ихъ спящими!... Надлежало, чтобы таинственная борьба Нового Израїла съ Богомъ совершена была безъ свидѣтелей. Тѣмъ менѣе было въ ней мѣста помощникамъ. «*Единъ испопталъ точило гнѣва Божія; отъ языка не бѣ мужса со Мною.*» Такъ воспѣвалъ еще Исаія, провида страданія Мессіи.

Ученики пробудились; но одного взгляда на нихъ достаточно было, чтобы почестъ ихъ совершило неспособными къ молитвѣ. Состояніе соннаго разслабленія обладало ими,—глаза у нихъ отяжелѣли, и они не знали, что отвѣтить.

Оставивъ учениковъ, Господь Иисусъ въ третій разъ обратился отъ земли къ небу и, будучи въ бореніи, молился еще *прилежаніе*. Слова произнесены были тѣ же, что и во второй разъ: но чувство, безъ сомнѣнія, было еще отличнѣе. «*Буди воля Твоя,*» произнесенное въ третій разъ, уже было выраженіемъ рѣшительной побѣды.

Но когда духъ возмогъ и укрѣпился, плоть еще болѣе ослабѣвала. Тѣлесныя силы Богочеловѣка пришли чрезъ такую борьбу въ такое изнеможеніе, что томленіе, Имъ претерпѣваемое, равнялось мученію человѣка, борющагося со смертію.

Такое усиленіе природы могло сдѣлать Сына человѣческаго неспособнымъ къ перенесенію наступающихъ страданій съ величиемъ Ему подобающимъ. Теперь надлежало надъ Единороднымъ Сыномъ исполнить обѣщанное прочимъ чадамъ и показать, что любовь Отца Небеснаго не попускаетъ никому искушаться болѣе, нежели сколько можетъ перенести. И вотъ, вмѣсто видимаго отвѣта на молитву, представъ Ангель для укрѣпленія Иисуса.

Утѣшѣніе Ангела совершалось, конечно, первѣе всего въ духѣ Иисуса, потомъ безъ сомнѣнія касалось и тѣлесныхъ силъ Его,—и состояло въ ихъ умирѣніи, оживленіи и возвышеніи.

Испушеніе кончилось—совершенною увѣренностию въ благотворной необходимости креста, со всѣми его ужасами, и притомъ въ сіе, а не другое время. Послѣ сего Богочеловѣкъ снова воспріялъ ту твердость духа, которая отличала Его во всю жизнь, среди всякаго рода опасностей и лишеній и постоянно будетъ отличать Его во время страданій. Такъ обыкновенно бываетъ съ искушаемыми: чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ болѣе укрѣпляется ею духъ *).

Вотъ какой примѣръ борьбы съ искушеними далъ намъ нашъ Божественный Учителъ на самомъ дѣлѣ, показуя, что въ такой борьбѣ мы должны искать подкрѣпленія въ молитвѣ, а побѣды—въ совершенной преданности волѣ Божіей!

XLVI.

Между тѣмъ предатель Іуда, зная то мѣсто, где находился теперь Иисусъ, пошелъ къ первосвященникамъ и получивъ отъ нихъ стражу и служителей, повелъ ихъ въ Геѳсиманію. Толпа эта вооружена была мечами и кольями и освѣщала въ ночномъ мракѣ путь свой фонарями и свѣтильниками. Іуда шелъ впередъ и далъ имъ знакъ, сказавъ: кого я поцѣлую, тотъ и есть; возьмите его, и ведите осторожно. (Мор. 14, 43—44).

Лицемѣру, очевидно, хотѣлось,—отдѣлившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю, какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенію, поцѣловавъ Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, а стражѣ предоставить спустя немнога, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянію видъ неумышленного поступка **).

Когда предатель подходилъ, къ саду, Иисусъ приходилъ къ ученикамъ и говорить имъ: «вы все еще спите и почиваете; вотъ приблизился часъ, и Сынъ человѣческій пред-

*) Ин. Посл. дни. Ч. III, стр. 267—281.

**) Ин. Посл. дни, стр. 286.

дастся въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдемъ: вотъ, приблизился предающій Меня». (Мо. 26, 45, 46).

Вслѣдъ за симъ Онъ вышелъ на встрѣчу толпы, и когда Іуда поспѣшилъ подойти къ Нему, кротко спросилъ: «другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?» «Равви, Равви, здравствуй!» сказаль тотъ, и тотчасъ облобызаль Его. (Мато. 26, 48—50).

При такомъ знакѣ искренняго братства, употребленномъ теперь на измѣнѣ самую низкую, сердце Иисуса невольно возмутилось негодованіемъ и Онъ сказаль: «Іуда! лобзаніемъ ли предаешь Сына человѣческаго?...» Потомъ обратясь къ толпѣ, громко спросилъ: «кого ищете?...» «Іисуса Назарянина», сказали тѣ. (Лук. 22, 48).

Это Я, отвѣчалъ Господь.

При этомъ словѣ въ толпѣ првзіошло смущеніе: нѣкоторые невольно быстро подались назадъ, а другіе пали на землю. (Іоан. 17, 5, 6).

Между тѣмъ ученики, одинъ по одному выходя изъ вертограда, присоединились къ Нему. Когда слуги встали и успокоились отъ первого страха, Иисусъ вновь спросилъ: «кого ищете?»

Тѣ вновь отвѣчаятъ: «Іисуса Назарянина!» и нѣкоторые изъ нихъ, болѣе дерзкіе, начинаютъ брать мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

«Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? И такъ, если Меня ищете, то оставьте ихъ: пусть идутъ.»

Стража повиновалась и оставила учениковъ.

Робость стражи, необыкновенное присутствіе духа въ Учителѣ, Его особенная заботливость объ ученикахъ, пробуждали въ послѣднихъ мысль о защищѣніи Учителя. (Лук. 22, 29). «Не ударить ли намъ мечемъ?» спрашивали нѣкоторые; Петръ же мгновенно извлекши ножъ, поразилъ одного изъ слугъ—перваго, который осмѣлился поднять руку на Иисуса въ правое ухо. «Остановитесь,» сказаль Господь ученикамъ, готовымъ слѣдоватъ примѣру Петра, «вложи мечъ твой въ ножны,» продолжалъ Господь, обратясь къ Петру, «всѣ, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она, впрочемъ, ни была) мечемъ погибнутъ,» или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ Ангеловъ? Какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть? неужели

Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ?» Мате. 26, 53, 54. Иоан. 18, 11).

Въ тоже время Господь Иисусъ, прикоснувшись къ уху пораженного Петромъ слуги, исцѣлилъ его, и сказалъ фарисеямъ и старѣшинамъ Іудейскимъ, пришедшими съ толпою: «какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколемъ, чтобы взять Меня. Не всякий ли день Я былъ съ вами въ храмѣ, сидѣлъ тамъ и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година, и область темная!... Да сбудется Писаніе!...» (Ме. 26, 55).

Изъ этого упрека, члены Синедріона должны были выразить, что они сами причиною непріятнаго поступка, сдѣланнаго однимъ изъ учениковъ, — дозволивъ себѣ употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такія средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Тогда всѣ ученики, оставивъ Иисуса, бѣжали; (Ме. 26, 56), а стражи, связавъ Его повели въ Іерусалимъ. Только двое изъ учениковъ, Петръ и Иоаннъ, возвратясь изъ бѣгства, въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали за толпою, ведшею Иисуса. Иоан. 18, 15.

XLVII.

Его сперва привели къ бывшему — прежде первосвященникомъ — Аннѣ, который былъ тестъ Каїафѣ — настоящему первосвященнику.

Анна началь допрашивать Иисуса объ ученикахъ и ученикѣ Его.

Иисусъ отвѣчалъ: «Я говорилъ явно миру; Я всегда училъ въ синагогѣ и въ храмѣ, гдѣ всегда Іудеи сходятся и тайно не говорилъ ничего. Что спрашивашь Меня? Спроси съшавшихъ, что Я говорилъ имъ; вотъ, они знаютъ, что Я говорилъ.»

Когда Онъ сказалъ это, одинъ изъ слугъ, стоявшихъ вблизи, ударилъ его по ланитѣ, и вскричалъ: «такъ-то Ты отвѣчашь первосвященнику!»

«Если Я сказалъ худо, отвѣчалъ Иисусъ, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бѣешь Меня?»

Анна приказалъ отвести Его къ Каїафѣ, который извѣстясь о взятіи Иисуса, спѣшилъ собрать къ себѣ членовъ Синедріона. (Иоан. 13, 19 — 24).

XLVIII.

Между тѣмъ въ то время какъ ввели Иисуса во дворъ Анны, вошелъ туда и Апостолъ Иоаннъ, такъ какъ онъ былъ знакомъ въ домѣ первосвященника, а Петръ оставался за воротами. Потомъ Иоаннъ вышелъ и сказалъ привратницѣ, чтобы она впустила Петра.

Когда Петръ вошелъ, привратница говорить ему: и ты не изъ учениковъ ли этого человѣка? Петръ сказалъ: нѣтъ.

Было холодно. Петръ подошелъ къ огню, около котораго стояли и грѣлись слуги. Когда онъ стоялъ у огня и грѣлся, слуги стали тоже говорить ему: не изъ учениковъ ли Его и ты? онъ опять отрекся, и сказалъ: нѣтъ.

Чрезъ нѣсколько времени опять одинъ изъ слугъ сталъ уличать Петра: «вѣрно ты былъ съ Нимъ; такъ какъ ты Галилеянинъ; это видно изъ твоего нарѣчія.» А другой слуга, родственникъ тому, которому Петръ отсѣкъ ухо, подойдя, сказалъ: «не я ли видѣлъ тебя съ Нимъ въ саду.»

Петръ въ страхѣ началъ клясться и божиться, что никогда не былъ ученикомъ Иисуса и даже не знаетъ этого человѣка.

Въ это время запѣлъ пѣтухъ и Господь, бывшій въ это время на дворѣ среди стражи, обратился въ ту сторону, гдѣ находился Петръ и посмотрѣлъ на него.

Петръ вспомнилъ тогда предсказаніе: «прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, ты отвергнешься Меня трижды». Стыдъ и раскаяніе застутили мѣсто малодушія, и онъ, терзаемый скорбью, поспѣшилъ выдти и горько заплакалъ. (Иоан. 18, 13 — 27. Лук. 22, 59 — 69).

XLIX.

Привели Иисуса связаннаго къ Каїафѣ. Туда уже собрались книжники и старѣшины — члены Синедріона и успѣли пріискать многихъ лжесвидѣтелей, но только свидѣтельства

ихъ частю не заключали въ себѣ никакого уголовнаго обвиненія, частю были несогласны между собою.

Такъ одинъ лжесвидѣтель утверждалъ, будто Господь сказалъ однажды: «Я могу разорить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его;» а другой объявлялъ, будто слышалъ, что Господь говорилъ: «Я разрушу храмъ сей рукотворенный, и въ три дня воздвигну другой нерукотворенный.» (Ме. 20, 61. Мар. 14, 57).

Иисусъ молча слушалъ, что говорили свидѣтели и ничего не отвѣчалъ на слова ихъ.

Тогда Каїафа, вставъ съ своего мѣста, — выступилъ на средину, гдѣ стоялъ Иисусъ, и съ гнѣвомъ сказалъ: «какъ Ты не отвѣчашь ничего? развѣ не слышишь, что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ?»

Но Господь продолжалъ молчать и не отвѣчалъ ни слова.

«Заклинаю Тебя, произнесъ наконецъ Каїафа» заклинаю Тебя Богомъ живымъ; скажи намъ, Ты ли Христосъ Сынъ Божій?»

«Я, отвѣчалъ Господь; даже скажу вамъ болѣе: отнынѣ узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы Божией, и грядущаго на облакахъ небесныхъ.»

Какъ бы услышавъ ужасное, нестерпимое богохульство, Каїафа представился вышедшемъ изъ себя, разодралъ свои одѣжды и вскричалъ къ прочимъ судьямъ: «Слышали ли вы, что Онъ сказалъ?.. Это явное богохульство, и мы еще требуемъ свидѣтелей?.. Что вы думаете, чего Онъ достоинъ?»

«Смерти, смерти», повторили одинъ за другимъ старѣшины. (Ме. 26, 59—63. Марк. 14, 55—64).

Симъ кончился первый допросъ. Судіи и совѣтники разошлись, чтобы успокоясь нѣсколько сномъ, вновь собраться, при первомъ разсвѣтѣ и во второмъ собраніи подтвердить приговоръ, теперь сдѣланный.

L.

Господь, въ ожиданіи новаго собранія, выведенъ былъ изъ жилища первосвященника, гдѣ происходилъ совѣтъ, — на дворъ. До утра оставалось немногого времени (два—три часа); но для него этотъ промежутокъ времени былъ весьма тяжелъ, потому что Онъ находился въ рукахъ буйной толпы, состояв-

шей изъ стражей храма и служителей первосвященническихъ. Тѣ и другіе почитали за долгъ выказать свое раздраженіе и презрѣніе къ человѣку, который, по ихъ мнѣнію, имѣлъ дерзость быть врагомъ ихъ начальниковъ: «Пророкъ Галилейскій! Мессія самозванецъ!» Такими насмѣшками началось поруганіе. Но скоро отъ словъ перешли къ ударамъ. Одни зашатали Господа; другіе ударяли его по лицамъ; иные плавали въ лице. Иные же закрывали лицо Его одѣждою и при каждомъ ударѣ спрашивали: «угадай, Христосъ, кто Тебя ударилъ.»

Господь всѣ сіи оскорблѣнія переносилъ молча, безъ всякаго ропота. (Ме. 26, 67, 68. Марк. 14, 65. Лук. 22, 63—65) *).

LI.

Съ разсвѣтомъ чертоги Каїафы снова наполнились старѣшинами, фарисеями и книжниками. Уже не думали повторять розысканій, выискивать свидѣтелей (все это и прежде дѣжалось для одного вида): желали только — сообразно обычью — не осуждать преступника въ одно засѣданіе, снова въ полномъ присутствіи Синедріона выслушать признаніе Господа, что Онъ есть Мессія, и въ слѣдствіе сего снова подтвердить приговоръ смертный.

Господь былъ введенъ въ собраніе. «Ты ли Христосъ, скажи намъ», спросилъ Каїафа.

«Если скажу вамъ, что Я Христосъ, отвѣчалъ Господь, вы не повѣрите; если же и спрошу васъ (о томъ, что могло бы вывести васъ изъ ослѣпленія), не будете отвѣчать мнѣ, и (хотя бы Я доказалъ, что вы должны вѣрить словамъ Моимъ) не отпустите Меня. (Послѣ сего остается одно) отнынѣ Сынъ человѣческій возсядетъ одесную силы Божией (не будетъ болѣе являться предъ ними въ видѣ уничтоженнаго узника, а пріиметь видъ всемогущаго Царя и Судіи).»

«И такъ Ты Сынъ Божій?» спросили судьи.

«Азъ есмъ», отвѣчалъ Господь.

«Какое еще нужно намъ свидѣтельство, сказали судьи. Мы сами слышали изъ устъ Его.» И послѣ совѣщанія, по-

*) Ин. посл. дни, стр. 309, 310.

ложили: предать Его на казнь смертную Римскому правителью. (Лук. 22, 66 — 71, Ме. 27, 1) *).

Немедленно поднялось все ихъ множество, и связавъ, повели Господа къ Понтію Пилату правителью. (Ме. 27, 2 Лук. 27, 1).

ЛIII.

Межу тѣмъ съ предателемъ Іудою произошло то, что испытываетъ всякий человѣкъ, допустившій діавола овладѣть собою посредствомъ какой либо страсти, и совершающей по его наущенію преступленіе. До совершенія дѣла, оно представляется ему самимъ вождѣннымъ или крайне для него необходимымъ, и если не вовсе преступнымъ, то покрайней мѣрѣ извинительнымъ и вовсе не ужаснымъ. Но какъ скоро преступленіе совершено, чары діавола, какъ туманъ, застилавшіе умъ, исчезаютъ и совершенное дѣло представляется во всей своей наготѣ, и мученіе совѣсти начинаетъ терзать преступника. Такъ и Іуда, вслѣдъ за преданіемъ Господа, увидѣлъ всю гнусность своего поступка и совѣсть начала свои терзанія. Сначала онъ еще утѣшался надеждою, что Господь освободится отъ Своихъ враговъ, такъ же, какъ было неоднократно прежде. Но вотъ видѣть Его на дворѣ Каїафы поруганнымъ и истязаемымъ, а потомъ осужденнымъ и ведомымъ, какъ агнецъ, на закланіе. Тогда терзанія совѣсти дѣлаютъ ему самую жизнь невыносимою, и въ то время какъ Петръ слезами омываетъ свой грѣхъ, Іуда впадаетъ въ уныніе отчаянія, идетъ къ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, и возвращая полученные отъ нихъ сребряники, говоритъ: «согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную.» Когда же тѣ на это безсердечно отвѣчали: «что намъ до того? смотри самъ», онъ бросивъ сребряники въ храмѣ, вышелъ, пошелъ и удавился, и когда низринулъся, чрево его разсѣлось и выпали всѣ внутренности его. (Ме. 27, 1, 2—5. Дѣян. 1, 18).

ЛIII.

Первосвященники и книжники пришедши къ преторіи Пилатовой, т. е. къ зданію, где находился Пилатъ, не вошли

*) Иннок. посл. дни, стр. 316.

туда, чтобы не оскверниться предъ окушеніемъ пасхи, а послали просить Игемона выдти на Лиоостротонъ — особую возвышенную площадку съ судейскимъ мѣстомъ, откуда въ то время обыкновенно Игемонъ производилъ судь.

Такъ всегда бываетъ у лицемѣровъ и изувѣровъ: губить невиннаго — ничего, а войти въ присутственное мѣсто — оскверненіе. *Пожирая верблодовъ*, они не забываютъ *отицѣдить комара*.

Пилатъ немедленно явился на Лиоостротонъ.

Первосвященники въ краткихъ словахъ объявили, что привели преступника, осужденного на смерть Синедріономъ и были въ увѣренности, что Пилатъ не будетъ за тѣмъ разбивать дѣла.

Но Пилатъ, по свойству Римскаго суда, не осуждать виновнаго безъ разсмотрѣнія дѣла, спрашиваетъ: «въ чёмъ же вы обвиняете этого человѣка?»

«Если бы Онъ не былъ злодѣй, то ужели бы мы (всѣ члены Синедріона) предали Его тебѣ для казни?» отвѣчаютъ старѣйшины.

«Когда такъ, возразилъ Игемонъ, возьмите Его вы сами и по закону вашему судите — и наказывайте Его, какъ вамъ угодно.»

«Но Онъ выдаетъ Себя за Мессію, царя Израильскаго, и потому подлежитъ смертной казни, а намъ не позволено предавать смерти никого,» отвѣчали обвинители. (Іоан. 18, 23—31).

Послѣ сего Игемонъ, обратясь ко Господу, спросилъ: «Царь ли Ты Іудейскій?»

Господь отвѣчалъ рѣшительно: «Я царь.» (Лук. 23, 3).

Такой отвѣтъ удивилъ Пилата: предъ нимъ стоялъ такой человѣкъ, о которомъ нельзя было и подумать, чтобы Онъ имѣлъ виды на престолъ Іудейскій и осмѣлился спорить о правахъ на Іудею съ Кесаремъ. Чтобы разъяснить, въ какомъ смыслѣ Іисусъ называетъ Себя царемъ, и дать Ему болѣе свободы въ объясненіи своего лица и дѣйствій, Пилатъ вошелъ въ преторію и далъ знакъ Іисусу, чтобы Онъ слѣдовалъ за нимъ туда же.

«И такъ Ты царь Іудейскій?» вновь спросилъ Пилатъ.

«Отъ себя ли ты говоришь это, или другое тебѣ сказали такъ обо мнѣ? взаимно спрашивалъ его Господь.

«Развѣ я іудей? отвѣчалъ Пилатъ. Твои сограждане и Первосвященники предали Тебя. И такъ, что Ты сдѣлалъ?» Царство Мое, отвѣчалъ Господь, не отъ мѣра сего: если бы отъ мѣра сего было царство Мое; то служители Мои по-двизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ: но царство Мое не отсюда.»

«И такъ Ты Царь? спросилъ еще Пилатъ, давая, безъ сомнѣнія, выражумѣть, какъ неумѣстно слово это въ устахъ обвиняемаго.

«Ты глаголеши, яко Царь Азъ есмъ,» отвѣчалъ Господь, давая со своей стороны знать Игемону, что названія сего, какъ оно ни кажется ему опаснымъ,—нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обличителями и, въ чистомъ своемъ смыслѣ, совершенно сообразно съ истиной. «Азъ на сie родихся», продолжалъ Онъ, какъ бы въ оправданіе Своей твердости въ употребленіи опаснаго, но истиннаго названія,— «и на сie придохъ въ мірѣ, да свидѣтельствую истину (съ какою бы опасностю это свидѣтельство ни было сопряжено), и всякъ, иже есть отъ истины (для кого она дорога и у кого есть въ душѣ чувство истины), послушаетъ гласа Моего.»

Въ Римѣ въ то время почти въ народное присловіе обратилось изрѣченіе одного тамошняго писателя Гораций: «ты правитель (гех), если право поступаешь.» Такъ же Римскімъ вѣльможамъ было извѣстно ученіе философовъ, называемыхъ стоиками, что «истинный мудрецъ и человѣкъ добродѣтельный есть царь.» А потому Пилатъ былъ способенъ понять отвѣтъ Господа, если не въ христіанскомъ, то въ философскомъ смыслѣ. Но такъ какъ Господь слишкомъ много, по его мнѣнію, усвоилъ истинѣ; то Пилатъ сказавъ: «что есть истина?» «вышелъ вонъ изъ преторіи къ первосвященникамъ, т. е. какъ бы такъ сказалъ Господу: Ты рѣшаешься жертвовать истинѣ всѣмъ, но что такое истина? Доселъ ни одинъ философъ не только не нашелъ, даже не опредѣлилъ ея: думай не о истинѣ, а о жизни.»

Какъ бы то ни было, но по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ рѣшительно объявилъ Иудеямъ, что онъ вслѣдствіе допроса, находить Иисуса Христа совершенно невиннымъ (Іоан. 18, 33—38) *).

*) Иинок. п. д. 339 — 340.

Тогда первосвященники и книжники еще съ большимъ ожесточеніемъ начали клеветать на Иисуса Христа, обвиняя Его, будто бы Онъ запрещаетъ давать подать Кесарю; развращаетъ и возмущаетъ народъ, уча по всей Гудѣ, начиная отъ Галилеи. (Мар. 15, 3. Лук. 18, 2. 5).

Господь на все это не сказалъ ни слова. «Что же Ты не отвѣчашь?» спросилъ Пилатъ, «видиши, какъ много противъ тебя обвиненій!»

Но Господь продолжалъ безмолвствовать.

Это привело въ удивленіе Пилата (Мар. 15, 4. 5).

Но что бы могъ говорить Господь?... Что обвиненіяничѣмъ не доказаны?.. Но это было ясно самому Пилату. Обвинять самихъ обвинителей въ клеветѣ по злобѣ къ Нему? въ опроверженіе клеветѣ выставить Свои добрыя дѣла и Свое ученіе и краснорѣчіемъ стараться расположить къ Себѣ Пилата? Но все это недостойно было Господа.

Между тѣмъ Пилатъ очень хорошо понималъ, что выказываемая въ настоящемъ случаѣ первосвященниками ревность о пользахъ и безопасности Римскаго правительства, есть одна только личина. Съ другой стороны краткое спокойствіе Господа, Его возвышенный и свѣтлый образъ мыслей о царствѣ истины, неизѣяснимое величіе въ Его лицѣ и взорахъ не позволяли и думать, чтобы въ душѣ Его могли быть какіе либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата въ пользу подсудимаго. Но какъ защитить Его отъ преслѣдованія враговъ, столь упорныхъ, могущественныхъ и хитрыхъ? Тонкій расчетъ Игемона нашелъ въ самыхъ обвиненіяхъ средство, если не спасти невиннаго узника отъ казни, то отклонить отъ себя жестокій удѣль осудить Его на казнь.

«Вы говорите, сказалъ Пилатъ, обратясь къ Иудеямъ, что Онъ началъ возмущать народъ въ Галилѣи; развѣ Онъ Галилеянинъ?»

«Галилеянинъ», отвѣчали тѣ.

И вотъ, подъ предлогомъ нежеланія вмѣщиваться въ дѣла, принадлежащиа чужему правленію, Пилатъ рѣшился отослать Иисуса Христа на судъ Ирода Антипы, царствовавшаго тогда, по милости Римлянъ, въ Галилѣѣ. Въ другое время исполненіе сего намѣренія потребовало бы нѣсколько недѣль; потому что мѣстопребываніемъ Ирода былъ городъ Тиверіада, отстоящій отъ Іерусалима не на малое разстояніе: но теперь это

могло быть сдѣлано въ продолженіи одного часа; потому что Иродъ Антипа, исповѣдуя Гудейскую религию, находился теперь въ Іерусалимѣ для совершенія Пасхи. Отклоняя столь благовиднымъ образомъ отъ себя судопроизводство надъ Иисусомъ Христомъ, Пилатъ могъ еще при этомъ надѣяться, что такая неожиданная учтивость послужить къ примиренію съ нимъ потомка Ирода Великаго, съ которымъ тогда Пилатъ былъ во враждѣ.

Вслѣдствіе сего Божественный Узникъ немедленно былъ отосланъ къ Ироду, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ изъ Синедріона, то есть, въ узахъ и подъ стражею. Туда же должны были слѣдовать первосвященники и прочіе члены Синедріона. (Лук. 23, 2—7) *).

LIX.

Иродъ Антипа, къ коему на судъ явился Агнецъ Божій, былъ сынъ Ирода Великаго, тотъ самый деспотъ, который, въ угодность беззаконной женѣ своей Иродіи, лишилъ жизни Иоанна Крестителя. Онъ зналъ Господа только по слухамъ: о чудесахъ Его слышалъ весьма много; слышалъ, конечно, что либо и объ Его ученіи; но быть слушателемъ Иисусо-вымъ въ Иродѣ не было никакого желанія; хотѣлось только ему видѣть какое либо чудо. По-чemu появленіе теперь въ его дворцѣ Иисуса Христа было для него очень пріятно.

Посланіе отъ Пилата изъяснили, безъ сомнѣнія, Ироду, въ чемъ состоить дѣло; по чemu Римскій судія не произнесъ осужденія на Иисуса Христа и отослалъ Его къ правителю Галилейскому: то есть, что обвиняемый, находясь въ Гудѣ, не сдѣлалъ ничего, заслуживающаго казни, для Него требуемой, и что теперь остается Ироду разсмотрѣть: не сдѣлалъ ли его подданный чего-либо такого въ Галилѣ, какъ утверждали между прочимъ обвинители.

Но Иродъ не думалъ объ изслѣдованіи дѣла, котораго незначительность въ гражданскомъ отношеніи была для него столько же очевидна, какъ и для Пилата. Онъ для удовлетворенія своего любопытства сталъ предлагать Господу мно-

*) Иннок. п. д. 341—344.

жество вопросовъ, вѣроятно относительно совершенныхъ Имъ чудесъ. Господь не отвѣчалъ ни слова, не показалъ даже вида, что Онъ расположенъ удовлетворить желанію Ирода — видѣть отъ Него какое-либо чудо.

Сынъ человѣческій и здѣсь является въ томъ же величіи, въ какомъ мы видѣли Его при началѣ служенія, когда, искушаемый въ пустынѣ, Онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ предложеніе сатаны — употребить въ личную свою пользу даръ чудесъ. Нѣть сомнѣнія, что Иродъ, увидѣвъ какое либо чудо, освободилъ бы Чудотворца отъ опасности, ему угрожавшей; но творить, въ угодность Ирода и царедворцевъ его, чудеса значило бы унижать Св. Духа, силою Коего онъ совершился, — поврѣгать святое письмо.

Иродъ не понималъ истиннаго величія, и не получивъ удовлетворенія своему любопытству, предался сильному негодованію.

Пользуясь симъ, первосвященники повторили свои клеветы на Иисуса Христа.

Но Иродъ, не смотря на свое негодованіе, не былъ расположень вѣрить клеветамъ ихъ, такъ какъ хорошо зналъ, что Обвиняемый, по своему гражданскому положенію, образу дѣйствія и ученію нимало не опасенъ для правительства. Не дождавшись же отъ Него никакого чуда, Иродъ принялъ Его за искусника, который между простымъ народомъ успѣлъ прослыть чудотворцемъ, но въ присутствіи просвѣщенныхъ царедворцевъ принужденъ прибѣгать къ молчанію. Такіе люди, думалъ Иродъ, заслуживаютъ не смерть, а осмѣяніе, и самъ первый началъ издѣваться надъ Господомъ. Толпа царедворцевъ послѣдовала его примѣру и Сынъ человѣческій былъ осмѣянъ, поруганъ столько, сколько праведникъ можетъ быть осмѣянъ при дворѣ, подобномъ двору Ирода.

Въ довершеніе всѣхъ насыщекъ, Иродъ велѣлъ надѣть на Иисуса Христа длинную, бѣлую, лоснящуюся одежду. Въ Римѣ такую одежду надѣвали на себя всѣ тѣ, кои приготовлялись искать у народа какой либо должности. Такъ, думалъ насыщливый деспотъ, долженъ быть одѣтъ и тотъ, кто имѣть безразсудство представлять изъ себя, хотя безъ особыхъ умѣловъ и дальнихъ послѣдствій, царя Гудейскаго.

Въ этой самой одеждѣ Иисусъ Христосъ отосланъ былъ обратно на судъ къ Пилату. Такимъ образомъ Иродъ взаим-

ною учтивостю думаль отплатить за учтивость Пилата и показать, что онъ перестаетъ быть его недругомъ. (Лук. 23, 6—12 *).

LV.

Въ то время, какъ Иисусъ Христосъ находился во дворцѣ Иродовомъ, предъ домомъ Пилата болѣе и болѣе собирался народъ, чтобы, по существовавшему обычаю, въ честь праздника Пасхи требовать освобожденія одного изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ. Въ то время народъ былъ возбужденъ просить свободы Вараввѣ, преступнику весьма важному, которымъ были произведены возмущеніе и убийства, и который теперь съ своими сообщниками сидѣлъ въ темницѣ, ожидая казни.

Когда привели обратно Иисуса Христа, Пилатъ принужденъ былъ снова начать судъ. Поруганія, которымъ Господь подвергнутъ былъ отъ Ирода и насмѣшливое одѣяніе, въ которомъ Онъ возвращенъ, давали разумѣть Пилату, что Правитель Галилейскій почитаетъ Узника за мечтателя, который достоинъ осмѣянія, и долженъ быть наказанъ чѣмъ либо....

И такъ, желая угодить Ироду и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать снисхожденіе Синедріону, Пилатъ, подозревавъ къ себѣ членовъ Синедріона и народъ, сказалъ имъ: вотъ вы привели ко мнѣ этого человѣка, какъ возмутителя народнаго спокойствія; но я при васъ самихъ разспрашивалъ Его и нашелъ совершенно невиннымъ въ томъ, въ чёмъ вы Его обвиняете. Иродъ, къ которому я посыпалъ Его, сколько вижу, тѣхъ же мыслей; по крайней мѣрѣ онъ нисколько не нашелъ въ Немъ преступленія, достойнаго смерти; и такъ я не могу, по вашему желанію, осудить Его. Наказать, я накажу; но послѣ долженъ возвратить Ему свободу, какъ невинному.» (Лук. 23, 13—15).

Но первосвященники, видя, что Пилатъ изъ снисхожденія къ нимъ готовъ наказать невиннаго, сдѣлались тѣмъ неуступчивѣ и объявили рѣшительно, что они, кроме смертной казни, не удовлетворятся никакимъ другимъ наказаніемъ.

*) Иннок. посл. дни 345—350.

Въ это время праздная толпа запшумѣла, изъявляя неудовольствіе, что Игемонъ медлитъ исполнить народный обычай — освободить ради праздника одного изъ преступниковъ.

Зная, что народъ намѣренъ просить Варавву, Пилатъ думаль, что если поставить Иисуса наряду съ этимъ разбойникомъ, то народъ навѣрно предпочтетъ послѣднему Иисуса, котораго первосвященники преслѣдовали изъ зависти за народную любовь къ Нему.

По сему Пилатъ, обратясь къ народу, сказалъ: «хорошо, я готовъ исполнить ваше требованіе; слышно, что вамъ хочется просить свободы Вараввѣ. Не препятствую. Впрочемъ предлагаю вмѣстѣ съ нимъ на выборъ другаго. Хотите ли, чтобы я отпустилъ вамъ Иисуса, такъ называемаго, Христа, Царя Иудейскаго.» (Мат. 27, 17.) (Мар. 25, 6). (Иоан. 18, 39).

Когда послѣ сего первосвященники и народъ нѣсколько удалились для совѣщанія, а Пилатъ оставался на судейскомъ мѣстѣ, посреди лиоостротона, жена его прислала къ нему слугу сказать: «не дѣлай ничего Праведнику тому; потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него.» (Мат. 27, 19).

Междудѣмъ первосвященники и старѣшины употребили всѣ способы къ наущенію народа противъ Иисуса Христа. (Мат. 27, 20.) (Мар. 15, 11.) Успѣхъ въ этомъ былъ тѣмъ удобнѣе для нихъ, что народная толпа состояла большею частію изъ Иерусалимлянъ, которые были приверженѣе другихъ къ фарисеямъ, не любили Галилеянъ и вообще были развращеніе и горделивѣ. Чтобы раздражить такую толпу противъ Господа, достаточно было врагамъ Его сказать: «Галилеинъ вздумалъ объявить себя Мессіею! Синедріонъ призналъ Его за богохульника и лжеца. Да сами посмотрите: если бы Онъ былъ Мессія, то дошелъ ли бы до теперешняго состоянія, позволилъ ли бы обходиться съ собою какъ съ рабомъ, согласился ли бы служить посмѣшищемъ для Иродовыхъ слугъ?... При этомъ ничего не препятствовало фарисеямъ представлять Варавву патріотомъ и произведенное имъ возмущеніе изображать въ видѣ ревности къ отечественной независимости.

Когда наущенная такимъ образомъ толпа приблизилась къ лиоостротону, Пилатъ спросилъ: «И такъ, кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ; хотите ли, чтобы я отпустилъ Царя Иудейскаго?»

«Не Его, раздалось въ толпѣ, не Его, а Варавву!»

Пилатъ смутился, и въ замѣшательствѣ мыслей спросилъ: «что же мнѣ сдѣлать съ такъ называемымъ Царемъ Гудейскимъ?

«Распни, распни Его!» кричала чернь.

Но какое зло сдѣлалъ Онъ? еще спросилъ Игемонъ.

«Распни, распни Его!» продолжала кричать толпа. (Мат. 27, 21—23.)

«Нѣтъ, отвѣчалъ Пилатъ, раздраженный неудачею; что прежде я сказалъ, то и будетъ: наказать Его, я накажу, а потомъ отпушу.» (Лук. 23, 22.)

Послѣ этого тотчасъ дано повелѣніе: Варавву освободить, а Иисуса Христа подвергнуть бичеванію.

LVI.

Бичеваніе было однимъ изъ самыхъ поносныхъ и мучительныхъ наказаній, опредѣляемыхъ у Римлянъ за важныя преступленія большею частію для рабовъ и тѣхъ, кои не имѣли права Римскаго гражданства. Бichi дѣлались изъ веревокъ или ремней, въ которые по мѣстамъ вѣзвались острыя костяныя, или металлическія палочки. Число ударовъ и прочія подробности этого наказанія не были опредѣлены закономъ, а представлялись произволу воиновъ, которые у Римлянъ совершали всѣ казни; а для этихъ грубыхъ людей бичеваніе составляло родъ потѣхи. По чѣму подъ бичами нерѣдко умирали наказываемые.

Вслѣдствіе даннаго приказанія, Иисусъ Христосъ былъ отведенъ на дворъ Преторіи, гдѣ производились подобныя наказанія; потомъ собрана была вся спира — все войско бывшее при преторіи. Пречистое тѣло Господа привязано было къ столбу и подвергнуто самому жестокому бичеванію.

Насытивъ свою жестокость, воины перешли отъ мученій къ насмѣшкамъ. Вздумали заставить Иисуса представлять лицо Царя, возводимаго на царское достоинство. Для этого на обнаженное, покрытое ранами и кровью, тѣло Господа, накинули червленую, ветхую хламиду: родъ короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тѣла, которая застегивалась на правомъ плечѣ, и была въ употребленіи между важными военными людьми. Потомъ нѣкоторые изъ воиновъ

для той же цѣли сдѣлали на скоро вѣнокъ изъ тернистыхъ вѣтвей и надѣли его на голову Господа. Теперь недоставало только послѣдняго знака царской власти — скипетра: вмѣсто его вложили въ руку Иисуса Христа палку изъ тростника.

Послѣ этого начались ругательства самыя грубыя: воины, по одиночкѣ подходя къ Иисусу Христу, падали предъ нимъ на колѣна и говорили: «радуйся, Царь Гудейскій!», потомъ вставали, плевали Ему въ лицо, и взявъ изъ руки Его трость, били по главѣ. (Мат. 27—30). (Мар. 15, (16—19). (Іоан. 19, 1—3).

Среди такихъ поруганій Господь, какъ *агнецъ, ведомый на закланіе, не отвергалъ устъ Своихъ*. Будучи злословимъ, не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ; но предавъ и Себя и мучителей Своихъ Своему Отцу, Судіи праведному. (Іс. 53. 7. Петр. 11, 23).

LVII.

Между тѣмъ Первосвященники и народъ, не смотря на объявленіе Игемона, что бичеваніемъ Иисуса Христа должно кончиться все дѣло, продолжали стоять у Преторіи съ явнымъ намѣреніемъ требовать Его смерти. Снисхожденіе, имъ оказанное, увеличивающаяся толпа народа, все болѣе и болѣе наущасмал и становившаяся все дерзче и дерзче, ободряли къ новому упорству и дерзостямъ. Пилатъ видѣлъ это и понялъ, что при малѣйшемъ раздраженіи многочисленная толпа мятежной черни готова отважиться на все.

Оставивъ Лиоостротонъ, онъ идетъ въ Преторію къ воинамъ, дабы видѣть, какъ исполнено его повелѣніе. Увы, оно исполнено было слишкомъ усердно!... Исполнено такъ, какъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ, неравнодушный къ положенію Узника, Римлянинъ!... Взглядъ на жалостное положеніе Узника, безчеловѣчіе, надъ Нимъ оказанное, и кроткій Божественный видъ Страдальца еще болѣе убѣдили Игемона въ той мысли, что если для подсудимаго, по обстоятельствамъ, неизбѣжно было какое либо наказаніе: то Онъ наказанъ уже слишкомъ много. Но какъ спасти Его? Показать въ семь самомъ видѣ народу? — Ужели, думалъ Пилатъ, и этотъ жалостный видъ не тронетъ враговъ Его, особенно тѣхъ изъ Иудеевъ, которые не имѣютъ къ Нему личной ненависти?

Въ сихъ мысляхъ Пилатъ возвращается на Лиестротонъ и велитъ Иисусу слѣдовать за собою. «Вотъ, сказалъ онъ народу, я вывожу Его вамъ, чтобы вы снова знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины.» (Иоан. 19, 4).

Въ тоже время вошелъ туда Иисусъ Христосъ — истерзанный, оплеванный, въ крови, въ терновомъ вѣнцѣ и въ одеждѣ поруганія. Онъ теперь предсталъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ возвѣстилъ Его Пророкъ Исаія: *какъ корень въ земль жаждущий, нѣтъ въ Немъ вида, ни красоты; видъ Его уменъ и безчестенъ, паче вспахъ сыновъ человѣческихъ; Онъ человѣкъ въ язвѣ сущій и вѣдущій терпнть болѣніз; вѣтъ отвершаютъ лице свое отъ Него; Онъ поруганъ и вмѣненъ въ ничто.*

«Вѣдь это человѣкъ!» воскликнулъ Пилатъ, указывая на Господа (Иоан. 19, 5).

Слова сіи и положеніе Господа дѣйствительно тронули многихъ изъ Гудеевъ. Но все таки раздалось еще нѣсколько голосовъ: распять, распять Его!.. но уже не съ такимъ свирѣпствомъ. Замѣтъ это, Первосвященники, Старѣйшины и книжники сами начали кричать, а за ними вся многочисленная толпа — слугъ ихъ и приверженцевъ: «распни, распни Его.»

Тогда Пилатъ говорить имъ: «возьмите Его вы, и распните; а я (по законамъ Римскимъ) не нахожу въ Немъ вины.» (Иоан. 19, 6).

«Мы имѣмъ законъ, отвѣчали они: и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что выдавалъ Себя за Сына Божія.» (Иоан. 19, 7).

«Услышавъ сіе слово, замѣчаетъ Св. Иоаннъ, Игемонъ еще болѣе испугался (Иоан. 19, 8). Прежде сего онъ опасался осудить невиннаго человѣка, праведника, теперь страшился произнести приговоръ надъ Сыномъ Божіимъ, за Котораго Богъ-Отецъ Его, кто бы онъ ни былъ, долженъ жестоко отмстить ему; ибо Пилатъ, какъ язычникъ, нисколько нечуждѣ былъ языческаго суевѣрія, что боги иногда въ видѣ человѣческомъ низходять на землю и рождаются полубоговъ. Ничего невозможнаго не находилъ онъ и въ томъ, чтобы такой полубогъ явился въ Гудѣ, подвергся узамъ и предсталъ его судилищу: ибо языческая религія допускала, что и самые боги принимали иногда видъ бѣдныхъ странниковъ, и полубоги подвергались иногда даже оскорблѣніямъ и уничиже-

нію. — Напротивъ догадкою, не полубогъ-ли находится въ его судилищѣ, изъяснялось для Пилата многое, чего онъ прежде никакъ не могъ рѣшить: и чудный сонъ жены его въ пользу Узника, ей неизвѣстнаго, иновѣрнаго, и необыкновенные поступки Господа: Его молчаніе, необыкновенное терпніе, высота мыслей и чувствованій *).

Полный страха и сомнѣнія, Пилатъ опять выходитъ въ Преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою Иисусу Христу.

«Откуда Ты?» спрашиваетъ Его. Но Иисусъ не отвѣчалъ ему. (Иоан. 19, 9).

Да и былъ ли достоинъ знать святѣйшую изъ тайнъ суевѣрнаго язычникъ, который спрашивалъ Господа не по любви къ истинѣ, а по страху, послѣ того, какъ совершенно вопреки своей совѣсти, подвергъ Его мучительному бичеванію? Онъ даже неспособенъ былъ понять тайну предвѣчнаго происхожденія лица Иисусова, которая, по высотѣ своей, не могла найти себѣ мѣста даже въ умѣ Первосвященниковъ и книжниковъ, всегда почивавшихъ на законѣ Моисеевомъ. При томъ избавить Себя отъ смерти повѣствованіемъ о Своемъ небесномъ происхожденіи было совершенно несообразно съ нравственнымъ достоинствомъ Иисуса Христа, Который отрекся отъ всѣхъ сверхъестественныхъ средствъ къ Своему освобожденію; Ему угодно было, чтобы Его судили какъ человѣка, а не какъ Сына Божія **).

Причины молчанія Иисусова для Пилата были недомыслимы, но оно казалось ему крайне неумѣстнымъ, а потому онъ съ надмѣнностю сказалъ: «мнѣ ли не отвѣчашь? развѣ не знаешь, что я имѣю власть распнть Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?»

Господь отвѣчалъ: «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, еслибы не было дано тебѣ свыше; по чому болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ.»

Смѣлое указаніе Иисусомъ Христомъ на Судію Небеснаго, явный намѣкъ на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, полная рѣшимости исполнить Свое великое предназначеніе, прозрѣніе въ тайну совѣсти Пилатовой, произвели то, что Пилатъ послѣ этого началъ еще усерднѣе искать средства спаси Иисуса Христа отъ смерти и отпустить Его.

*.) Иинок. посл. дни Ч. 4., стр. 364.

**) Иинок. посл. дни стр. 365—366.

Но Иудеи закричали: «ты хочешь отпустить Его? но знай, что если ты Его отпустишь, ты не другъ Кесарю: всякий, кто называетъ себя царемъ, есть противникъ Кесарю.» (Иоан. 19, 10—12).

При такихъ неожиданныхъ словахъ, внезапно изчезла вся твердость Пилата. Теперь открывалось, что Первосвященники готовы перенести дѣло на судъ Кесаря, чтобы тамъ обвинить вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ и Пилата, какъ измѣнника, который не радить о чести и выгодахъ своего владыки. Это тѣмъ болѣе ужасало Пилата, что въ то время Кесаремъ — Императоромъ Римскимъ былъ Тиверій, у кото-раго самые безстыдные извѣсты всегда находили себѣ довѣріе и награду и который, не имѣя довѣрія и жалости даже къ роднымъ, казнилъ всякаго, по самыи маловажнымъ подозрѣніямъ.

Кромѣ того необузданная, наущенная Фарисеями толпа становилась часть отъ часу наглѣе и мятежнѣе. (Мо. 27, 24.) Можно было ожидать народнаго возмущенія и за него надлежало бы отвѣтить предъ Кесаремъ. Что же, еслибы Тиверій узналъ, что единственою причиною возмущенія былъ отказъ, сдѣланный Пилатомъ народу Іудейскому, требовавшему казни для личнаго врага Тиверіева, какимъ предполагался мнимый домогатель престола Іудейскаго?

Сообразивъ всѣ это, легко понять, какимъ образомъ *крикъ народа и Первосвященниковъ* (Лук. 23, 23) превозмогъ, и Пилатъ, рѣшившись уступить необходимости, взошелъ на судейское мѣсто для окончанія суда. Господь, доселѣ остававшійся въ преторіи, былъ выведенъ на лиоостротонъ. Обвинители такъ же приблизились; вмѣсто шума заступила тишина.... всѣ ожидали, что скажетъ Игемонъ и чѣмъ кончится дѣло, столь необыкновенное.

«Се царь вашъ!...» воскликнулъ невольно Пилатъ, при взглядѣ на Того, Котораго надлежало теперь, вопреки совѣсти и желанію, осудить на смерть.

«Смерть Ему! распять, распять Его!» закричала буйная толпа.

«Какъ? Царь вашего распять?...»

«Распять, распять Его!» У насть нѣть, присовокупили Первосвященники, Царя, кромѣ Кесаря.» (Иоан. 19, 13—15).

Теперь надлежало произнести приговоръ на *Праведника*.

Мысль эта была тяжела для Римлянина. Въ такомъ случаѣ люди ищутъ какой бы то ни было опоры своей совѣсти. Пилатъ скоро нашелъ её въ обыкновеніи омывать руки въ знакъ своей невинности. Велѣлъ принести воды, и омывая руки, воскликнулъ: «невиновенъ я въ крови праведника сего! Смотрите вы!»

«Кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ... закричалъ народъ.» (Мо. 27, 24, 25).

Тогда земный судія произнесъ смертный приговоръ на Судію живыхъ и мертвыхъ и предаль Его на распятіе *).

LVIII.

Крестная казнь была самая мучительная и самая поносная изъ всѣхъ ужасныхъ казней, изобрѣтенныхъ безчеловѣчіемъ тогдашихъ властителей. Распинали только рабовъ, которые тогда едва почитались за людей, да разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія.

И такую-то казнь Отецъ Небесный благоволилъ избрать для Единороднаго, возлюбленнаго Сына Своего за грѣхи людскіе, принятые Имъ на Себя!.. Вотъ воистину Божественное указаніе какъ на то, къ чему приводить человѣка уклоненіе отъ пути, назначенаго Ему Творцемъ, такъ и на то, что спастись отъ пагубныхъ слѣдствій грѣха мы можемъ только тогда, когда наши мысли и пожеланія такъ же утверждимъ въ волѣ Божіей и такъ же пригвоздимъ наши плотскія похоти къ страху Божію, какъ Сынъ Божій въ исполненіе воли Своего Отца, далъ пригвоздить ко кресту пречистую плоть Свою.

И такъ, Иисусъ Христосъ, послѣ осужденія Его, немедленно былъ преданъ воинамъ: Тѣ сняли съ Него багряницу, одѣли Его въ собственную Его одежду и возложа на Него крестъ, повели за городъ, на мѣсто, гдѣ производились казни. Съ Нимъ такъ же вели на казнь двухъ преступниковъ, которые то же осуждены были на распятіе и сами несли свои кресты.

Открылось необыкновенное зрѣлище! Тотъ, Кого народъ

*) Иппок. посл. дни, ч. IV, стр. 367—376.

Иерусалимскій всегда слушалъ съ восторгомъ, бесѣдующаго въ храмѣ, Который, казалось, повелѣвалъ всею природою, давая исцѣленіе слѣпопорожденнымъ, изгоняя бѣсовъ, воскрешая мертвыхъ; Которому еще за нѣсколько дней оказываемо было уваженіе, какъ потомку Давида, какъ Царю Израилеву, — проходилъ пространными стогнами Иерусалимскими, посреди двухъ злодѣевъ, влacha за Собою тяжелый крестъ! Теперь то особенно должны были исполниться слова, сказанныя нѣкогда Г. Христомъ о своемъ униженномъ состояніи: *блаженъ естъ, аще не соблазнится о Мнъ!* (Ме. 11, 6). За осужденными слѣдовало множество народа и въ главѣ народной — торжествующіе обвинители — члены Синедріона. Бывшія въ толпѣ женщины, видя истерзанного, изнемогающаго подъ крестомъ Иисуса, не могли удержаться отъ слезъ, жалостныхъ криковъ и воплей.

Господь, обратясь къ нимъ, сказалъ: «дщери Иерусалимскія! не плачте обо мнѣ, но плачте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ. Ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя, и утробы неродившія, и сосцы не питавшіе. Тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ. Ибо, если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ; то съ сухимъ что будетъ?» (Лук. XXII, 27—31).

Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ Иудейскій слышалъ изъ устъ своего Мессии, произнесенная съ самимъ нѣжнымъ чувствомъ любви къ ближнимъ.

Когда приблизились къ городскимъ воротамъ, Иисусъ Христостъ изнемогъ до того, что не въ силахъ былъ далѣе нести Своего креста, и преклонилъ подъ нимъ. Въ это время навстрѣчу шелъ, возвращаясь съ села, нѣкто Симеонъ Киринейскій. Онъ былъ вѣроятно изъ числа послѣдователей Иисуса Христа, и видя Его, обнаружилъ явно жалость и состраданіе. Замѣтивъ это, воины остановили Симона, возложили на него крестъ Иисуса Христа и заставили нести, а чтобы кто не подумалъ, что онъ самъ осужденъ на распятіе, заставили Иисуса Христа идти прямо впереди его. (Ме. XXVII, 32. Марк. XV, 21. Лук. XXIII, 26).

LIX.

Наконецъ достигли Голгоѳы, или лобнаго мѣста. Такъ называлась одна изъ горныхъ сѣверо-западныхъ возвышенно-

стей, окружающихъ Иерусалимъ, на которой производились казни. Древнее преданіе Іудейской церкви утверждало, что на этой горѣ погребена была глава Адама; и вотъ, надъ сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама втораго. Здѣсь же Авраамъ поднялъ жертвенный ножъ на своего единороднаго Исаака; а вотъ теперь надъ Единороднымъ Сыномъ Божіимъ имѣло на самомъ дѣлѣ совершиться то, что въ Исаакѣ послужило токмо къ прообразованію будущаго.

Между тѣмъ какъ воины ставили и укрѣпляли кресты, Иисусу дано было по обычай пить вино, состоящее изъ вина, смѣшанного съ смирою. Такое смѣшеніе, произведя омраченіе разсудка, дѣлало не такъ чувствительными страданія распятыхъ. Но вино было кисло какъ уксусъ, а смирана горька какъ желчь. (Мате. XXVII, 33—34. Марк. XVI, 22—28).

Господь принялъ чашу съ этимъ питьемъ, но отвѣдавъ, отдалъ назадъ. (Ме., XXVII, 33—34. Марк. XV, 22—23). Чаша холодной воды, можетъ быть, была бы Имъ выпита, потому что продолжительное изнеможеніе силь, въ коемъ Онъ находился, рождало жажду, но питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто Единъ за всѣхъ пилъ чашу гнѣва Божія. Не смотря на жестокость мученій, ожидавшихъ Его, на крестѣ, Сынъ человѣческій хотѣлъ претерпѣть ихъ всѣ съ полнымъ сознаніемъ. Но другаго прохладжающаго питья безъ смирны или не было, или враги Господа не позволили дать. Такъ исполнились слова Пророка: *даша въ снѣдь мою желчь и въ жажду напоша мя оцта.* (Пс. LXXIX, 22).

Когда кресты были утверждены въ землѣ, воины, слѣдя обычаю, сняли съ Иисуса Христа всю одежду, взяли пречистое тѣло Его, приподняли на крестъ, распостерли руки, и начали прибивать ихъ къ дереву гвоздями. Потоки крови пошлились на землю....

Вмѣсто стоновъ и воплей, обыкновенныхъ и неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ, изъ устъ распинаемаго Господа услышалось другое. Въ ту минуту, когда, по всей вѣроятности, ожесточенные враги Его съ злобною радостію слѣдовали взорами за каждою чертою Его лица, ожидая видѣть выраженіе муки, Господь кротко возвелъ очи къ небу и сказалъ: „*Отче, прости имъ! Не вѣдатъ бо что творятъ!*“

Таково послушаніе даже до смерти, и смерти крестной!

Того, который предалъ Еgo въ руки враговъ, попустилъ осудить на мученія и смерть, Божественный страдалецъ называется Своимъ Отцемъ, точно такъ же, какъ называлъ Его при гробѣ Лазаря, или когда гласть съ неба вслухъ всего народа свидѣтельствовалъ о Его Божественномъ достоинствѣ. Заповѣдаѣтъ послѣдователямъ Своимъ молиться за враговъ, Богочеловѣкъ подаетъ теперь примѣръ сей высокой молитвы, подаетъ въ минуту ужаснѣйшихъ страданій отъ враговъ своихъ. Ближайшимъ образомъ слова этой молитвы, конечно, относились къ распинавшимъ воинамъ (кои виновны были не тѣмъ, что исполнили дѣло своего званія, но что, слѣдяя внушеніямъ юдеевъ, обнаруживали излишнюю жестокость); но въ самомъ дѣлѣ ходатайственная молитва Господа обнимала собою всѣхъ враговъ Его: изъ нея не исключался ни Каїфа, ни Пилатъ, ни Иродъ. Ибо всѣ они, при всей злобѣ, или лукавствѣ, дѣйствительно не знали сами, что дѣлали. Ибо, «если бы знали, говорить св. Павелъ, то не распяли бы Господа славы.»

Впрочемъ это не значитъ того, чтобы не было виновныхъ въ смерти Господа. Кто бы не могъ разумѣть, еслибы захотѣлъ того, что уразумѣль и съ такою силою исповѣдалъ силою отчаяннаго Іуда? Посему-то и Господь говоритъ: «прости имъ!»

Безъ молитвы Господа, можетъ быть, природа не перенесла бы поруганія Творцу своему, и враги Его, подобно врагамъ Мовсея и Аарона, были бы пожерты землею, которая съ трепетомъ держала на себѣ Его крестъ.

LX.

Распявъ Іисуса Христа, распяли и двухъ разбойниковъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону. Такъ исполнилось пророчество Исаіи, что *Христосе вмѣненъ съ беззаконными.* (Іс. 58, 12).

Потомъ надъ главами распятыхъ, по обычаю, прибиты были выбѣленныя дощечки съ надписью имени и преступленія распятаго. Но надъ главою Господа, вмѣсто объясненія

^{*)} Иин. посл. дни. Ч. V, стр. 391—409.

вины было написано — на Латинскомъ, Греческомъ и Іудейскомъ языкахъ: — «*Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій.*» Это было сдѣлано по приказанію самаго Пилата.

Такъ какъ по этой надписи выходило, что распять дѣйствительно Царь Іудейскій, то Первосвященники поспѣшили было къ Пилату съ просьбою перемѣнить её. «Не надобно, говорили они, писать: Царь Іудейскій, а написать, какъ Онъ Самъ (Іисусъ Христосъ) говорилъ: Я Царь Іудейскій.» (Мат. 26; 37 — 38; Мар. 15; 26 — 28; Іоан. 19. 19 — 22).

Но Пилатъ отвѣчалъ: «что я написалъ, то написалъ». Надпись осталась также, и Первосвященники со стыдомъ и досадою возвратились на Голгоѳу.

Такъ язычникъ Пилатъ, составляя въ досаду Первосвященникамъ надпись, послужилъ, самъ того не зная, орудіемъ Всевышняго Промысла, торжественно чрезъ ту надпись проповѣдывавшаго въ слухъ всѣхъ народовъ, что Сей Распятый есть дѣйствительно Царь Іудейскій, и что между тѣмъ какъ народъ Іудейскій будетъ отвергаться сего царства Христова, всѣ народы языческіе, одинъ за другимъ, признаютъ Его своимъ Царемъ, Спасителемъ и Господомъ.

LXI.

Окончивъ распятіе, воины начали дѣлить между собою одежды распятыхъ. Верхнюю одежду и прочее одѣяніе Іисуса Христа они раздѣлили между собою на четыре части, каждому воину по части. Еще оставался хитонъ, или нижняя одежда; онъ былъ неспитый, а весь тканый сверху донизу. Воины сказали другъ другу: «не станемъ раздирать его, а бросимъ о немъ жеребій, чей будетъ», и бросили жеребій. (Іоан. 19, 23, 24).

Такъ буквально исполнилось пророчество: «раздѣлили ризы Мои между собою, и обѣ одѣждѣ Моей бросили жеребій.» (Пс. 21, 19).

Между тѣмъ проходящіе злословили Іисуса Христа, покивалъ головами своими и говоря: уа! разрушающій храмъ и въ три дни созидающій! спаси Себя Самаго. Если Ты Сынъ Божій; сойди со креста.

Подобно и Первосвященники съ книжниками, старѣйшими и фарисеями, насмѣхались, говорили: другихъ спасалъ, а Себя Самого не можетъ спасти. Если Онъ Царь Израильевъ; пусть теперь сойдетъ съ креста, иувѣруемъ въ Него. Уповалъ на Бога; пусть теперь избавитъ Его; если Онъ угоденъ Ему. Ибо Онъ говорилъ: «Я Божій Сынъ». (Мо. 27, 39 — 43; Мр. 15. 29 — 32).

Подражая имъ, ругались и воины; подходя и поднося Ему уксусъ, они тоже говорили: «Если Ты Царь Іудейскій, спаси Себя Самаго».

Молчанія покрайней мѣрѣ надлежало ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ, которые сами висѣли на крестахъ. Но и изъ нихъ одинъ злословилъ Иисуса и говорилъ: «если Ты Христосъ; спаси Себя и насъ».

Другой же напротивъ, унимая его, сказалъ ему: «или ты не боишся Бога, когда и самъ осужденъ на то же. Да мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ принали: а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ». И потомъ возвзвалъ къ Иисусу: «помяни мя Господи, егда приидети во царствіи Твоемъ».

«Аминь илагомо тебѣ, отвѣчалъ Господь, днесъ со Мною будеши въ раю». (Лук. 23. 36 — 43).

Такъ, прежде, во время служенія своего, Божественный Учитель, свидѣтельствуемый чудесами, именовалъ Себя Господомъ субботы, храма: теперь, со креста явилъ Себя Господомъ рая и ада, Коему принадлежитъ всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ. Первосвященники требовали, чтобы Онъ, оставилъ спасать другихъ, спась Себя Самаго: Господь продолжаетъ спасать другихъ, пренебрегая собственное посрамленіе *).

LXII.

Но вотъ, когда сталъ угасать на крестѣ Свѣтъ міра духовнаго, стало меркнуть и солнце-источникъ свѣта стихійнаго. Среди яснаго полдня небо вдругъ покрылось мракомъ, какъ бы во свидѣтельство, что великое дѣло тьмы приближалось уже къ полуночи.

*) Иннок. посл. дни, стр. 418.

Это необыкновенное явленіе должно было заключить хульные уста враговъ Господа и произвести на нихъ впечатлѣніе самое мрачное, тѣмъ болѣе, что тогдашніе народы вообще вѣрили, что необыкновенныя воздушныя явленія, особенно помраченіе солнца, предвѣщаютъ худое.

«Пользуясь этимъ почитатели Иисуса Христа приблизились ко кресту, гдѣ въ это время сдѣлалось покойнѣе и просторнѣе. Въ числѣ ихъ подошла ко кресту Матерь Господа съ Иоанномъ, ученикомъ и другомъ Его.

«Жено, сказалъ Господь Матери, се сынъ Твой.» Взглядъ на Иоанна объяснилъ сіи слова.

Потомъ, указуя взоромъ на Матерь, сказалъ Иоанну: «се мати твоя.» (Иоан. 19, 26, 27).

Такъ, Господь усыновилъ Своего друга Пресвятой Дѣвѣ и поручилъ ей его попеченію.

LXIII.

Между тѣмъ мученія Его увеличивались болѣе и болѣе; боль отъ ранъ и во всѣхъ составахъ тѣла, тягость въ головѣ, томленіе въ сердцѣ, пламень во всей внутренности и жажда усилились до высочайшей степени.

Но и при такихъ страданіяхъ вся мысль Его обращена къ Отцу: «Боже мой! Боже мой! внемли Мнѣ, внутренно молится Онъ: для чего Ты оставилъ Меня? Далеки отъ спасенія Моего слова вопля Моего. Боже Мой! Я воню днемъ, — и Ты не внемлешь Мнѣ, ночью — и нѣтъ Мнѣ успокоенія. Но Ты, Святый, живешь среди словословій Израїла. На Тебя уповали отцы наши; уповали, и Ты избавилъ ихъ. Къ Тебѣ взвывали они, и были спасаемы; на Тебя уповали, и не оставались въ стыдѣ. Я же червь, а не человѣкъ, поношеніе у людей и презрѣніе въ народѣ. Всѣ, видящіе Меня, ругаются надо Мною, говоря устами, кивая головою: Онъ уповалъ на Господа; пусть избавитъ Его, пусть спасетъ, если Онъ угоденъ Ему. Но Ты извелъ Меня изъ чрева; вложилъ въ Меня упованіе у грудей Матери Моей. На тебя оставленъ Я отъ утробы; отъ чрева Матери Моей Ты Богъ Мой. Не удаляйся отъ Меня; ибо скорбь близка, а помощника нѣть. Множество тельцевъ обстутили Меня; тучные Васанскіе окружили Меня.

Раскрыли на Меня пасть свою, какъ левъ, алчущій добычи и рыкающій. Я пролился какъ вода; всѣ кости Мои разсыпались, сердце Мое сдѣлалось, какъ воскъ, растаяло посреди внутренности Моей. Сила Моя изсохла, какъ черепокъ; языкъ Мой прильпнулъ къ гортани Моей, и Ты свелъ Меня къ персти смертной. Ибо псы окружили Меня; скопище злыхъ обступило Меня; пронзили руки Мои и ноги Мои. Можно было бы перечесть всѣ кости Мои. А они смотрятъ, и дѣлаютъ изъ Меня зрѣлище. Дѣлать ризы Мои между собою, и обѣ одѣждѣ Моей бросаютъ жребій. Но Ты, Господи, не удаляйся отъ Меня; сила Моя! поспѣши на помощь Мнѣ. Избавь отъ меча душу Мою, и отъ псовъ одинокую Мою. Спаси Меня отъ пасти льва, и отъ роговъ единороговъ, услышавъ, избавь Меня. Буду возвѣщать имя Твое братьямъ Моимъ, посредѣ собранія восхвалять Тебя.» (Пс. 21).

Наконецъ угасающій взоръ Его еще устремился къ небу; но оно было мрачно, — ни одного луча свѣта, ни одного утѣшенія....

«Елоі, Елоі, — воскликнулъ Божественный Страдалецъ, — лима савахвани!» — (Боже Мой! Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ! (Мр. 16, 34).

Это молитвенное восклицаніе выразило всю тягость мученій и внѣшнихъ и внутреннихъ, но для враговъ Его оно послужило новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Изверги притворились непонявшими Его словъ, и, основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ звуковъ Елоі съ именемъ Иліи, давали имъ такой смыслъ, какъ бы они обращены были къ сему Пророку. «Смотрите, кричали одинъ къ другому: Онъ зоветъ Илію на помощь.» (Мар. 15, 35).

Въ это время Господь, изнемогая отъ смертельной жажды — предѣстницы въ распятыхъ близкой смерти, воскликнулъ: «жажду!».... (Иоан. 19, 28).

Одинъ изъ воиновъ тотчасъ напоилъ уксусомъ губку, и, воткнувъ на иссоповую трость, приложилъ её къ устамъ Иисуса. (Иоан. 19, 29).

Но враги Его и здѣсь показали безчеловѣчіе. «Оставь Его, кричали воину. Онъ надѣется на Илію; такъ посмотримъ, придетъ ли Илія снять Его со креста.» (Ме. 27, 48, 49).

Господь же, вкушивъ уксуса, вновь воскликнулъ громко:

«совершишася!» И потомъ возведши взоръ къ небу, сказалъ: Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой! При сихъ словахъ глава Его преклонилась, и Онъ испустилъ духъ.... (Лук. 23, 46. Иоан. 19, 30).

И вотъ, завѣса въ храмѣ раздралась на двое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни разсыпались; и гробы отверзлись; и многія тѣла усопшихъ Святыхъ воскресли; и, вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Его, вошли во святой градъ, и явились многимъ. Сотникъ же и тѣ, которые съ нимъ стерегли Иисуса, видя землетрясеніе и все бывшее, устранились вѣсма, и говорили: воистину Онъ былъ Сынъ Божій. (Ме. 27, 51—54). И весь народъ, спѣшился на сие зрѣлище, видя происходившее, возвращался, бія себя въ труда. Всѣ же знавшіе Господа, и женщины, слѣдовавшія за Нимъ изъ Галилеи, стояли вдали, и смотрѣли на это. (Лук. 23, 28, 29).

LXIV.

Цѣлая исторія рода человѣческаго должна служить изъясненіемъ того, что совершилось теперь на маломъ холмѣ — Голгоѳскомъ; но одна только вѣчность раскроетъ это вполнѣ. Апостоль Павель, говорить, что на крестѣ расторгнуто рукописаніе грѣховъ человѣческихъ: оно расторгнуто въ ту самую минуту, какъ Господь изрѣкъ: «совершишася!»

Здѣсь очень кстати и вѣсма полезно обратить вниманіе на то, какъ величественны знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка, какъ сообразны онъ съ достоинствомъ Сына Божія, съ цѣлію Его прішествія въ міръ, съ духомъ религії, Имъ проповѣданной.

Всѣми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающій на крестѣ посреди злодѣевъ, Страдалецъ есть Единородный Сынъ Отца, — Слово, Которымъ все сотворено и все содержится, — Богъ неба и земли, видимыхъ и невидимыхъ, и вотъ умирающій гласть Его потрясаетъ небо и землю, вся природа свидѣтельствуетъ Ему покорность, яко Владыкъ, признаетъ торжественно Господомъ и на крестѣ....

Умирающій среди поношеній и мукъ, Страдалецъ есть великий Ходатай Бога и человѣковъ, Который, принявъ на Себя грѣхи всего рода человѣческаго, долженъ не съ кровью

козловъ и тельцовъ, но съ Свою собственою однажды войти во святилище, дабы предстать лицу Божию, и потомъ упразднивъ Своимъ жертвоприношениемъ всѣ жертвы, оставить послѣ Себя отверстымъ для всякаго неприступный дотолѣ путь къ престолу благодати: и вотъ, когда принесена жертва Голгоѳская, — храмъ Иерусалимскій, — скінія Ветхаго Завѣта, долженствовавшая стоять, доколѣ не придетъ Ходатай Завѣта Новаго, колеблется теперь въ своемъ основаніи, означаю *прѣмѣненіе колеблемаго, такъ какъ уже совершившагося; завѣса, скрывающая Святое Святыхъ, расторгается съ верху до низу; престолъ Іеговы выходитъ изъ мрака, его окружавшаго, — да вѣдають священники по чину Ааронову, да вѣдаеть весь народъ Израильскій, что Первосвященникъ по чину Мелхиседекову уже пришелъ и принесъ Свою жертву, что наступило время Новаго Завѣта сынамъ Израилевымъ, который долженъ быть начертанъ не на скрижалахъ, а на сердцахъ.*

Умирающій на крестѣ Страдалецъ есть воскресеніе и животъ всѣхъ, вѣрующихъ во имя Его; Онъ для того и вкусила смерть, дабы смертю Свою разрушить державу смерти и избавить тѣхъ, кои изъ страха смерти, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству: и вотъ, едва Іисусъ Христосъ вступилъ въ область смерти, держава ея начинаетъ разрушаться, гробы отверзаются, тѣла усопшихъ востаноутъ, и востаніемъ своимъ увѣряютъ, что Іисусу Христу дана всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ; что Онъ имѣетъ *ключи ада и смерти*, и что непремѣнно наступитъ нѣкогда тотъ день, когда всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавъ, оживутъ. Явленіе воскресшихъ въ Иерусалимѣ долженствовало убѣдить каждого, что Саддукей, кои тогда весьма усилились съ своимъ безотраднымъ ученіемъ, прельщаются и прельщаются, *благомоюще не быти воскресенію*.

Умирающій Іисусъ есть основатель и глава Новаго Завѣта благодати, въ коемъ нѣтъ уже грѣха, побѣждающаго человѣкобудіе Божіе, въ коемъ, *гдѣ умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать*, въ коемъ Сынъ Божій является не Судію только міра, но и его Спасителемъ: и какъ-какъ-какъ знаменія, стекшіяся въ кругъ креста Іисуса - Спасителя! Небо помрачается, но не дождитъ огня и жупела на

Іерусалимъ невѣрный, какъ одождило нѣкогда на грады, преогорчившіе Бога; земля сотрясается, но убійцы Іисуса стоять въ ней съ такою же безопасностью, какъ и плачущіе друзья Его. Самые гробы отверзаются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божія, достойныхъ смерти вѣчной; изъ нихъ востаноутъ сонмы праведниковъ, дабы своимъ явленіемъ проповѣдывать Иерусалиму покаяніе и вѣру въ Мессію, ими отверженаго.

Таковы знаменія Бога-Искупителя! Таковъ благотворный духъ религіи Іисуса! Такова жертва любви, предъ кою не воспоминаются неправды человѣческія *).

LXV.

Междѣ тѣмъ Первосвященники, заботясь о томъ, чтобы тѣла распятыхъ не остались на крестахъ въ наступающей субботній день, который особенно величимъ почитаемъ быль Иудеями по случаю Пасхи, пришли къ Пилату и просили его ускорить смерть распятыхъ и снять ихъ.

Пилатъ согласился и послалъ для сего воиновъ. Воины пришедши, перебили голени у преступниковъ, распятыхъ съ Іисусомъ; увидѣвъ же, что Іисусъ уже умеръ, не стали перебивать у Него голеней, но одинъ изъ нихъ копьемъ пронзилъ Ему ребра и оттуда тотчасъ истекла кровь и вода. (Іоан. 19, 31—35).

Такимъ образомъ исполнилось два пророчества: *одно*, что кость Его не скрушился, и *другое*, что возвратъ на Того, Котораго пронзили. (Іих. 12, 46. Захар. 12, 10).

Вслѣдъ за тѣмъ нѣкто, именемъ Іосифъ изъ Іудейскаго города Аримаѳея, членъ Синедріона, человѣкъ богатый, добрый и правдивый, не участвовавшій въ совѣтѣ и дѣлѣ враговъ Іисуса, но ожидавшій царствія Божія, и тайно, изъ страха отъ Іудеевъ, поучавшійся у Него, пришелъ къ Пилату и спросилъ у него позволеніе погребти тѣло Учителя.

Пилатъ дозволилъ, и Іосифъ вмѣстѣ съ Никодимомъ, тоже знаменитымъ Іудеемъ, членомъ Синедріона и тайнымъ ученикомъ Іисуса, снявъ со креста пречистое тѣло Господа,

*) Иппок. посл. дни, ч. V, стр. 445—447.

обвили Его пеленами съ благовоніями, и положили въ новомъ гробу, который былъ высѣченъ въ скалѣ — въ саду Іосифа, возлѣ того мѣста, гдѣ Господь былъ распятъ, и привалили ко гробу большой камень. При этомъ были и женщины, пришедши съ Іисусомъ изъ Галилеи, и смотрѣли какъ полагалось тѣло Его. (Лук. 23. 50 — 55. Іоан. 19. 38 — 42).

Смерть Господа повергла учениковъ и послѣдователей Его въ крайнюю горесть. Не умѣя представить, какъ Мессія можетъ умереть, они не думали о Его воскресеніи. И много-кратныя предсказанія Его о воскресеніи и обѣщаніе на прощальной вечери, что они вскорѣ Его увидѣть, — были ими забыты, или казались имъ непонятными, почему и объяснялись ими превратно. Злоба въ семъ случаѣ показала, что она бываетъ иногда памятливѣ любви: Фарисеи и книжники не замедлили привести себѣ на память предсказаніе Господа о воскресеніи и взять мѣры противъ того, чтобы оно не сбылось на самомъ дѣлѣ. По сему явясь къ Пилату, они сказали ему: «Мы вспомнили, что этотъ льстецъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну изъ мертвыхъ. — И такъ, прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ восталъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго.»

«У васъ есть стражи, отвѣчалъ Пилатъ, подите, возьмите изъ ней, сколько нужно, и стерегите гробъ, какъ знаете.»

Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили ко гробу печать. (Мо. 27, 63 — 66).

Такимъ образомъ злоба враговъ Іисусовыхъ сдѣлала съ своей стороны все, что нужно было для засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ истины воскресенія Христова!.. Проповѣдѣ и въ семъ случаѣ показало, какъ Оно, не нарушая никакой свободы человѣческой, премудро употребляеть для достиженія цѣлей Своихъ — тѣхъ самыхъ людей, кои идутъ нагло вопреки Его святыхъ опредѣленій.

LXVI.

Время дѣйствовать Богу: ибо разоренъ законъ Твой. — Такъ отъ избытка горести, восклицалъ нѣкогда Давидъ, видя,

какъ переполнилась чаша беззаконія въ рукахъ нѣкоторыхъ людей. Стократъ надлежало повторить сіе восклицаніе тому, кто былъ у гроба Іисусова. Если когда, то тутъ время было дѣйствовать Богу, Самому Богу, ибо — разоренъ былъ не законъ только, а поруганъ и Самый Законодатель! Человѣчество никогда не видало столько великаго, прекраснаго, Божественнаго, сколько видѣло въ краткое время служенія Іисусова. И все великое, прекрасное, Божественное — было заключено теперь во гробѣ, запечатано печатю Каїафы! Что было бы съ человѣчествомъ, если бы печать сія не растаяла отъ огня правды Божіей, — еслибы плоть Праведника увидѣла истлѣніе? Миръ Божественный, раскрывшійся на время, опять закрылся бы навсегда. Царство Божіе, — низведенное на землю, опять воспарило бы на небо. Послѣ Божественнаго озаренія наступила бы еще мрачнѣйшая ночь.

Частныя дѣйствія добра могли остаться. Закхей не пересталъ бы, вѣроятно, быть милостивымъ, щомилованная грѣшница — цѣломудренна, — Іосифы и Никодимы — могли бы сохранить увѣренность, что Учителъ отъ Бога пришелъ. — Но великое дѣло спасенія человѣческаго осталось бы погребеннымъ вмѣстѣ съ Іисусомъ. Безотрадны были слова учениковъ: *надъ всѣми сими третій день есть, отнель же сія быша.* Но какъ ужасны были бы слова сіи, когда бы надлежало говорить: *надъ всѣми сими третій годъ, третій вѣкъ, третіе тысячелѣtie есть, отнель же сія быша.*

Безъ Іисусова: *радуйтесь!* не было бы радости въ сердцѣ Апостоловъ; — безъ Іисусова: — *миръ вамъ!* не распространился бы миръ по лицу земли. Надобно было прежде сказать воскресшему Учителю: Господь и Богъ мой! и потомъ уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресеніе утвердило учениковъ въ вѣрѣ, *породивъ ихъ*, какъ выражается Свят. Павель, *въ упованіе живо.* А безъ сего — не раздался бы гласъ проповѣди Апостольской, и миръ остался бы безъ креста — съ своими идолами, — Аѳинъ и Римъ — съ ихъ невѣдомымъ Богомъ.

И такъ время было дѣйствовать Богу, Самому Богу! Эта была самая рѣшительная минута не только для всего человѣчества, но и для самаго міроправленія Божественнаго, — минута, въ которую надлежало предъ лицемъ всего мира, Ангеловъ и человѣковъ, показать торжественно, что

не одинъ конецъ благому и злому, праведному и нечестивому, что есть Богъ судия земли.

И такъ, воскресни Боже! Суди земли! Яко Ты, Единъ Ты, — настъдиши во вспахъ языцюхъ *).

LXVII.

И воскресъ Господъ въ третій день по писаніемъ.

По прошествіи субботы, предъ разсвѣтомъ первого дня недѣли, сдѣлалось великое землетрясеніе и Ангель Господень, сопшедшій съ небесъ, приступивъ ко гробу, отвалилъ камень отъ двери его и сѣлъ на немъ. Видѣлъ его былъ, какъ молнія и одежда его бѣла, какъ снѣгъ.

Бывшіе при гробѣ стражи, устряшась его, пришли въ трепетъ и стали какъ мертвые, потомъ очнувшись, обратились въ бѣгство. (Ме. 28. 2—4).

Междуди тѣмъ женщины, пришедши съ Иисусомъ изъ Галилеи и бывшія при погребеніи тѣла Его, приготовили благовонія и масти, и оставшились въ субботу въ покоѣ по заповѣди, въ первый день недѣли очень рано пошли съ приготовленными ароматами ко гробу, чтобы по обычаю помазать ими тѣло Господа. (Лук. 23, 55, 56. 24. 1).

Изъ нихъ Марія Магдалина пришла ко гробу первая, когда еще было темно, и увидѣвши, что камень отваленъ отъ гроба, бѣжитъ къ Симону Петру и Иоанну и говоритъ имъ: унесли Господа изъ гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Его.

Петръ и Иоанъ тотчасъ побѣжали ко гробу. (Иоан. 20, 1—3).

Междуди тѣмъ прочія муроносицы — Марія Іаковлева, Саломія, Иоанна и другія, пришедши ко гробу, увидѣли Ангела, сѣдящаго на отваленномъ отъ двери гроба камнѣ. (Мар. 16, 1. Лук. 24. 1—10). Ангель, обратясь къ нимъ сказалъ: «не бойтесь; я знаю, что вы ищете Иисуса распятаго. Его нѣть здѣсь: Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь.» (Ме. 28, 5—7).

*) Иннок. посл. дни, ч. V, стр. 472—474.

Онъ вошли во гробъ и когда, не найдя тамъ тѣла Господа Иисуса, стояли тамъ въ недоумѣніи, вдругъ представили предъ ними два мужа въ блистающихъ одеждахъ, и сказали: «что ищете живаго между мертвыми? Его нѣть здѣсь: Онъ воскресъ; вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеи, что Ему надлежить быть предану въ руки грешниковъ, и быть распяты, и въ третій день воскреснуть. (Лук. 24, 3—7). Идите, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ предварить васъ въ Галилѣ; тамъ Его увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ.» (Мар. 16, 7).

Муроносицы въ трепетъ и ужасѣ побѣжали отъ гроба. (Мар. 26, 7—8).

Всльдъ за тѣмъ Петръ и Иоанъ пришли ко гробу, Иоанъ бѣжалъ скорѣе и пришелъ первый. Приникши ко гробу, онъ увидѣлъ тамъ лежавшія пелены, но не вошелъ во гробъ. Петръ же прида, вошелъ во гробъ и увидѣлъ, что тамъ лежали однѣ пелены, которыми было обвито тѣло Господа, и плать, который былъ на головѣ Его, но не съ пеленами, а особо свитый на другомъ мѣстѣ.

Тогда вошелъ и Иоанъ, и увидѣвъ въ такомъ положеніи пелены и плать, повѣрилъ воскресенію: ибо если бы тѣло Христа было унесено, какъ говорила ему смущенная Марія, то пелены и плать не были бы въ такомъ порядкѣ. (Иоан. 20, 4—8).

Петръ и Иоанъ пошли опять домой отъ гроба, одинъ вѣруя, другой еще только дивясь бывшему. Марія же Магдалина, (Лук. 24, 12), пришедши опять всльдъ за ними къ пещерѣ гроба, осталась одна тамъ, плача отъ неизвѣстности, — куда дѣвалось тѣло Господа: въ слезахъ она прикинула во гробъ и увидѣла внутри его двухъ Ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи сѣдящихъ, одного у головы, а другаго у ногъ, гдѣ лежало тѣло Иисуса.

«Что ты плачешь?» спрашивають они.

Унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его, сказала она, и обратясь назадъ, увидѣла Самаго Иисуса, но отъ слезъ, застилавшихъ глаза, и отъ сильной скорби не узнала Его, и приняла за садовника.

«Что ты плачешь? кого ты ищешь?» спрашиваетъ ее Господь.

«Господинъ, отвѣтъ она, если ты взялъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его».

Господь говорить ей: «Марія!»

Тогда она, узнавши Его, съ словомъ Раввуни! (Учитель) бросается къ Нему.

Господь запрещаетъ ей прикасаться къ Нему и велитъ скорѣе идти возвѣстить ученикамъ о воскресеніи Его и имѣющемъ послѣдоватъ за тѣмъ вознесеніи. (Іоан. 20. 9 — 17).

Магдалина поспѣшно оставляетъ гробъ и идетъ возвѣстить ученикамъ, что видѣла.

На пути встрѣтъ другую Марію и онѣ вмѣстѣ со страхомъ и радостю бѣжать къ Апостоламъ, и се, Іисусъ — встрѣтилъ ихъ, и сказалъ: «радуйтесь!» И онѣ, приступивъ, ухватились за ноги Его, и поклонились Ему.

Тогда говорить имъ Іисусъ: «небойтесь; пойдите, возвѣстите братіямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня». (Мѣ. 28. 8 — 10).

Муноносицы пришли къ Апостоламъ и возвѣстили имъ о воскресеніи Господа, но слова ихъ показались Апостоламъ пустыми, и они не повѣрили имъ. (Лук. 24. 9 — 11).

LXVIII.

Въ тотъ же день двое изъ нихъ шли въ селеніе, называемое Еммаусъ, и разговаривали между собою о всѣхъ сихъ событияхъ. И когда они разговаривали и разсуждали между собою, и Самъ Іисусъ, приблизившись, пошелъ съ ними. Но глаза ихъ были удержаны, такъ что они не узнали Его. Онъ же сказалъ имъ: о чѣмъ это вы, идя, разсуждаете между собою, и отъ чего вы печальны?

Одинъ изъ нихъ, именно Клеопа, сказалъ Ему: неужели Ты одинъ изъ пришедшихъ въ Іерусалимъ не знаешь о прошедшемъ въ немъ въ сіи дни?

О чѣмъ? спросилъ Онъ. Они сказали Ему, что былъ Іисусъ Назарянинъ, пророкъ, сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ; но Его Первосвященники и начальники предали для осужденія на смерть, и распяли. А мы, присовокупили они, надѣялись было, что Онъ есть тотъ, который долженъ избавить Израїля; но со всѣмъ тѣмъ, уже

третій день нынѣ, какъ это произошло. Но нѣкоторыя женщины изъ нашихъ изумили насъ: онѣ были рано у гроба, и не нашли тѣла Его, и пришедши, сказали, что видѣли явленіе Ангеловъ, которые говорятъ, что Онъ живъ. И пошли нѣкоторыя изъ нашихъ ко гробу, и нашли такъ, какъ и женщины говорили; но Его не видѣли.

Тогда Онъ сказалъ имъ: о несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки. Не такъ ли надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою? И началъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъясняль имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи.

Такъ они приблизились къ селенію, въ которое шли; Онъ показалъ видъ, что хочетъ идти далѣе. Но они удерживали Его, говоря: останься съ нами, потому что день уже склонился къ вечеру. И Онъ вошелъ, и остался съ ними. И когда Онъ возлежалъ съ ними: то взять хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ. Тогда открылись у нихъ глаза, и они узнали Его. Но Онъ сталъ невидимъ для нихъ. И они сказали другъ другъ: негорѣло-ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ, и когда изъясняль намъ писанія? И вставши въ тотъ же часъ, возвратились въ Іерусалимъ, и нашли вмѣстѣ одиннадцать Апостоловъ и бывшихъ съ ними. Здѣсь имъ сказали, что Господь истинно воскресъ и явился Симону. А они рассказали о прошедшемъ на пути, и какъ Онъ былъ узнанъ ими въ преломлѣніи хлѣба. (Лук. 24. 13 — 35).

Нѣкоторые изъ Апостоловъ все не вѣрили, и когда одинъ изъ нихъ, Фома, вышелъ, а прочие продолжали разговаривать о всемъ этомъ, и двери дома, гдѣ они находились, были заперты, изъ опасенія отъ Гудеевъ, Самъ Іисусъ сталъ посреди ихъ, и сказалъ имъ: миръ вамъ! Они смутились и испугались, подумали, что видятъ духа. Но Онъ сказалъ имъ: что смущаетесь, и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши? посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Самъ; осяжите Меня и разсмотрите; ибо духъ плоти и костей не имѣть, какъ видите у Меня.

И сказавъ сіе, показалъ имъ руки и ноги и ребра свои. Когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Онъ сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали

Ему часть постной рыбы и сотовый медъ: И взявъ ѿль предъ ними. (Лук. 24. 36 — 43).

Потомъ Господь вторично сказалъ: миръ вамъ! Какъ послалъ Меня Отецъ; такъ и Я посылаю вамъ. Сказавъ сие, дунулъ, и говорить имъ: пріимите Духа Святаго. Кому прости грехи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся. (Иоан. 20. 19 — 23).

Послѣ сего увидѣвъ Фому, прочие ученики говорять ему: мы видѣли Господа. Но онъ сказалъ имъ: если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его; не повѣрю.

Послѣ осьми дней опять были въ домѣ ученики Господа, и Фома съ ними. Пришелъ Господь, когда двери были тоже заперты, сталь посреди ихъ и сказалъ: миръ вамъ! Потомъ говорить Фомѣ: подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои, подай руку твою, и вложи въ ребра Мои; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ.

«Господь мой и Богъ мой! воскликнулъ Фома.

«Ты повѣрилъ по тому что увидѣль Меня; сказалъ ему Господь, — блажены невидѣвшіе и увѣровавши. (Иоан. 20. 24 — 29).

Потомъ сказалъ ученикамъ: идите по всему міру и проповѣдайте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ. Увѣровавшихъ же будутъ сопровождать сіи знаменія; именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ братъ змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ: возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы. (Мар. 16. 15 — 18).

Такъ, Господь явилъ Себя живымъ, по страданіи Своемъ, со многими вѣрными доказательствами, являясь Своимъ ученикамъ и увѣровавшимъ въ Него въ продолженіи сорока дней, и говоря имъ о царствіи Божіемъ. (Дѣян. 13). Тогда отверзъ умъ къ уразумѣнію Писаній, и сказалъ имъ: такъ написано, и такъ надлежало пострадать Христу, и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдану быть во имя Его покаянію греховъ — во всѣхъ народахъ, начиная съ Иерусалима. Вы же свидѣтели сему. (Лук. 24. 44 — 48). Мнѣ дана всяка власть на небѣ и на землѣ. И такъ, идите,

научите всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына и Свят. Духа. Уча ихъ соблюдать всѣ, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. (Ме. 28. 18 — 20).

Напослѣдокъ Онъ, собравъ ихъ, сказалъ имъ: «не отлучайтесь изъ Іерусалима, но ждите обѣтованнаго отъ Отца, о чёмъ вы слышали отъ Меня». Ибо Иоаннъ крестилъ водою; а вы чрезъ нѣсколько дній послѣ сего будете крещены Духомъ Святымъ.» (Дѣян. 1. 4, 5).

И вывелъ ихъ изъ города до Виеаніи, на гору Елеонъ, поднявъ руки Свои, благословилъ ихъ, и когда благословляя ихъ, стала отдѣляться отъ нихъ, и возноситься на небо, и наконецъ облако взило Его изъ вида ихъ. (Дѣян. 1. 9).

Они поклонились Ему, и когда потомъ смотрѣли на небо, вдругъ предстали имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ, и сказали: мужи Галилейскіе! (Лук. 22. 5 — 9. Дѣян. 1. 10 — 11). Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, пріидетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо».

LXIX.

Такъ совершилось домостроительство нашего спасенія.

Тѣло человѣка, посредствомъ котораго Творецъ связалъ духовное, разумное, богоподобное существо его — душу съ видимой вселенной, чтобы онъ, чрезъ созерцаніе и изученіе этой книги Божіей, познавъ всемогущество, премудрость и благость своего Творца, полюбить Его и всецѣло предать себя въ Его волю, вмѣсто того послужило къ тому, что человѣкъ посредствомъ его прилѣгъ къ земнымъ благамъ, обратилъ къ нимъ свою любовь, въ нихъ сталь искать блаженства жизни, и вслѣдствіе того содѣялось для діавола средствомъ соблазна и онъ чрезъ него привелъ человѣка ко греху — нарушенію законовъ Творца, къ противленію Его волѣ и къ подчиненію себѣ — злому началу. И такимъ образомъ человѣкъ сдѣлся подобенъ — страстями своими — звѣрямъ безсмыслическимъ, привязанностю свою къ земнымъ благамъ — пресмыкающимся чревомъ по землѣ — змѣю.

Сынъ Божій принялъ на Себя плоть человѣческую —

содѣлался человѣкомъ Иисусомъ. Человѣкъ Иисусъ позналъ Бога въ премудромъ устройствѣ вселенной и прославилъ Его. Человѣкъ Иисусъ пользовался дарами природы, но только во славу Божію, не прилѣпляясь къ нимъ душею, и, чрезъ нихъ постигнувъ благость Творца, возлюбилъ Его всѣмъ сердцемъ Своимъ, всею душою Свою и всею мыслию Свою, и всецѣло предался Его святой волѣ. Тѣло Иисуса діаволъ хотѣлъ сдѣлать средствомъ искушения, и все, что могло измыслить лукавство и хитрая злоба — всѣ прелести міра, всѣ устрашения души посредствомъ тѣла, всѣ тягчайшія тѣлесныя боли употребилъ для сего: страданія плоти, — какъ огнь, пожиравшій ветхозавѣтныя жертвы, опалили Его. Но все осталось напраснымъ: тѣло Иисуса осталось неуязвимо мѣди, — всѣ стрѣлы лукаваго отразились отъ него и Иисусъ остался непоколебимъ въ Своей преданности волѣ возлюбленнаго Отца. Онъ побѣдилъ діавола, и такимъ образомъ Крестъ, назначенный злобою орудіемъ позорной казни Иисуса, содѣлался побѣдоноснымъ Его оружіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — престоломъ славы Его.

Побѣдитель обыкновенно освобождаетъ покоренныхъ и взятымъ въ плѣнъ врагомъ людей, разбиваетъ ихъ оковы, принимаетъ подъ свое покровительство всѣхъ ищущихъ защиты отъ того врага, вооружаетъ и присоединяетъ ихъ къ своему воинству, и наконецъ, если врагъ, въ злобѣ своей продолжаетъ замыплять новые ковы на побѣдителя и его подданныхъ, окончательно сковываетъ его цѣпями и заключаетъ въ темницу, чтобы сдѣлать его совершенно безвреднымъ.

Такъ и Иисусъ побѣдитель, съ высоты Своего славнаго и побѣдоноснаго креста, всѣхъ тѣхъ людей, которые, подобно взиравшимъ на мѣднаго змія Израильтянамъ, обращаются къ Нему свои умоляющіе о спасеніи взоры, освобождаетъ отъ власти діавола, исцѣляетъ изъ его уязвленій, вооружаетъ противъ Него Своимъ оружіемъ и наконецъ, когда придетъ назначеннное премудрымъ Промысломъ время, свяжетъ его узами мрака и заключить во тьмѣ кромѣшной, въ той бездѣлѣ, которой такъ страшатся злые духи.

Иисусъ на крестѣ!... О какой предъ очами нашими поучительный образъ тому, какъ мы должны притворждать къ страху Божію тѣло свое съ страстями и похотями — этого приковывающаго насъ къ землѣ змѣя!

Люди привязанностію къ земнымъ благамъ погубили въ себѣ любовь къ Богу, а безъ такой любви немыслима истинная блаженная жизнь. Сынъ Божій сошелъ на землю, чтобы возгнѣсть въ человѣчествѣ этотъ священный огнь. Всмогитесь пристальнѣ — разумно съ вѣрою въ висящаго на крестѣ Иисуса, распостирающаго ко всему человѣчеству Свои объятія, открывшаго для всѣхъ Свое любвеобильное сердце, положившаго жизнь Свою за жизнь міра, и въ избыткѣ любви дающаго намъ — кровь и плоть Свою. Припомните Его кроткую смиренную жизнь, Его благодѣтельныя дѣла, Его святое ученіе! Неужели у васъ не зародится любовь къ Нему? Если зародилась, берегите её: это священный огнь, который попасть въ васъ всѣ злое и нечистое; это закваска, которая измѣнить (благодатію) ваше грѣшное естество въ святое, переродить васъ въ новаго человѣка. Это царствіе Божіе внутрь васъ! Ибо кто, полюбивъ Иисуса, не полюбить Бога — вѣдь Онъ истинный Единородный Сынъ Его. Кто полюбить Иисуса, тотъ не постарается ли узнать короче Его жизни, Его ученіе; а узпавъ — не почувствуетъ ли своей нечистоты и грѣховности, не пожелаетъ ли измыть её и очистить себя; въ сознаніи своего недостоинства милости Божіей, — не проникнется ли онъ чувствомъ смиренія, а въ виду такого Ходатая, какъ Сынъ Божій, взывающій съ креста: «Отче, прости имъ,» не будетъ ли смѣло, съ дерзновеніемъ взывать къ Отцу, чтобы ради заслугъ сего Ходатая простили и очистилъ его; сложивъ же бремя грѣха, не проникнется ли желаніемъ и рѣшимостію слѣдовать примѣру и ученію своего Спасителя. А все это не значить ли усвоить Его жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщанное блаженство, вѣдомое людямъ благодати! И такъ, Иисусъ Христосъ дѣйствительно есть истина, путь и жизнь. (Іоан. 14, 6).

Грѣхъ, какъ страшная язва, заразилъ тѣло человѣка: страсти, похоти, злоба отразились въ всемъ его существѣ, а нарушеніе законовъ естества разстроило самый составъ его и оно потерявъ первобытныя свои свойства, сдѣлалось неспособнымъ даже къ земной жизни. Чтобы сдѣлать его способнымъ къ жизни небесной, необходимо его пересоздать и

для сего вложить — внести въ него зачатокъ — съмя, — изъ котораго бы возрасло новое тѣло, способное къ той жизни.

И вотъ Сынъ Божій, въ избыткѣ любви Своей къ падшимъ людямъ, желая не только возстановить ихъ въ перво-бытое достояніе, но сдѣлать ихъ одно съ Нимъ, Своими однокровными братьями — сынами Божіими, сдѣлать ихъ способными быть тамъ, гдѣ и Онъ Самъ, преподаетъ имъ свою плоть и Свою кровь.

Чудно это намъ. Но чтобы видимымъ примѣромъ под-крепить наше маловѣріе, по премудрому устроенію Божію, въ виду нашемъ совершается чудо: съ дикой яблони срѣзываютъ вѣтви и къ ея пни прививаются почки отъ яблони садовой, и дикая яблоня перемѣняетъ свое естество —растеть уже яблоней садовой, и, вмѣсто кислаго, дурнаго плода, приносить плодъ вкусный и здоровый. Подобное сему предлагаются Христомъ и намъ: обрѣзаться духовно отъ скотскихъ страстей и похотей, выросшихъ отъ дикаго пnia — Адамова грѣшнаго естество, силою своей воли отказаться отъ жизни по плоти — отъ любви къ чувственному, и принять въ себя зачатокъ естество Христова — начать жизнь по духу, возлюбить Бога и привить къ себѣ плоть и кровь Христову подъ видомъ хлѣба и вина, чтобы мы — отростки отъ корня Адамова, привитые отъ дерева жизни — Христа, получили място въ новомъ саду Божиемъ вмѣстѣ съ Начальникомъ жизни и совершилелемъ спасенія Иисусомъ Христомъ.

Слова Господа: «если не будете ъсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, не будете имѣть въ себѣ жизни,» (Иоан. 6, 5, 3) приводили въ смущеніе Его слушателей: не менѣе смущаетъ и теперь многихъ таинство Причащенія тѣла и крови Его подъ видами хлѣба и вина. Хотѣтъ постичь: какъ это хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Христа? Но мы такъ же не можемъ постичь, какъ съѣдаемый нами хлѣбъ и выпиваемое вино обращаются въ кровь, плоть, кости, кожу, волоса, ногти, — однимъ словомъ — въ естество плоти человѣка. Развѣ это не чудо Божией премудрости и всемогущества? Тотъ, Который совершаетъ это, не силенъ-ли устроить и то, чтобы хлѣбъ и вино, употребляемые, по Его заповѣди, въ воспоминаніе Его крестной смерти, преложились въ плоть и кровь Его, преданныя Имъ за жизнь міра? Зачѣмъ допытываться какимъ образомъ всѣ это совер-

шается! Довольно того, что Сама Истина изрекла: сіе есть тѣло Мое.... сія есть кровь Моя, (Ме. 26. 26, 27) и ядый Мою плоть и піай Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ. (Иоан. 6, 26).

Человѣку показались тягостными и излишними, напрасно стѣсняющими его свободу законы Творца, и онъ захотѣлъ освободиться отъ власти Бога, отъ Его законовъ, сдѣлаться самому Богомъ; повѣривъ лживому змѣю, онъ сталъ въ веществѣ искать божественныхъ силъ и блаженства. Такою измѣнною своему Владыкѣ человѣкъ сдѣлался недостойнымъ милости Его по присущей Богу правдѣ и лишился ея. Чтоже и кто возвратить человѣку милость Божію по самой Его правдѣ? Ветхозавѣтныя жертвы — кровь тельцовъ и козловъ не могли уничтожить грѣха — этого междустѣнія, отдѣлившаго человѣка отъ милости Божией. Не только между людьми, но и въ средѣ Ангеловъ не нашлось и не могло найтись такого ходатая, который бы обратилъ правду Божію на милость: у всякаго изъ нихъ могло доставать силь только на то, чтобы сохранить собственно за собою милость Божію. Но Богъ, по любви къ Своему творенію, не восхотѣлъ оставить его на вѣчную гибель. Еще прежде сотворенія, отъ предвѣчности въ Троицкомъ Его совѣтѣ, предопределено, чтобы за падшее человѣчество Ходатаемъ явился Самъ Сынъ Божій, единородный, принялъ на Себя естество человѣческое. Ибо Ходатаемъ Бога и человѣковъ могъ быть только первосвященникъ, вѣчный, но могущій сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, и подобно намъ искушенный во всемъ, кромѣ грѣха. (Евр. 4, 15).

По сему Сынъ Божій, входя въ міръ, говоритъ: «жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тело уготовалъ Мнѣ. Всесожженія и жертвы за грѣхи неугодны Тебѣ. Тогда Я сказалъ: се, иду, какъ въ началѣ книги написано о Мнѣ, исполнить волю Твою, Боже. (Евр. 10, 5—7 и Пс. 39, 7, 8, 9).

И вотъ, Онъ — сіяніе славы Отчей, образъ Упостаси Его, снисходитъ до того, что дѣйствительно принимаетъ плоть человѣческую, и, не переставая быть Богомъ, содѣлывается человѣкомъ, чтобы во всемъ уподобясь тѣмъ, за которыхъ дѣлается ходатаемъ, быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ

предъ Богомъ, для умилостивленія за грѣхи народа. (Евр. 2, 17. Кол. 1, 15. 2, 9).

И такъ, Онъ, будучи образомъ Божіимъ на землѣ, имъя *всю полноту божества тѣлесно*, слѣдовательно не хищениемъ почитал Себя равнымъ Богу, уничтожилъ Себя до того, что принялъ образъ раба, проводилъ дни земной жизни въ нуждѣ и труда, подчинился не только Божескимъ, но и человѣческимъ уставамъ и всецѣло исполнилъ всякую правду; и возлюбя отъ всего сердца братьевъ своихъ по плоти возжадалъ спасенія ихъ, и болѣзня о нихъ, во всѣ дни плоти своей, съ сильнымъ всплесмъ и слезами приносилъ молитвы и моленія къ Богу, чтобы Онъ по благости Своей возвратилъ милость Свою къ нимъ, и въ Божественной премудрости Своей открывалъ людямъ пути ко спасенію, и въ тоже время по великой любви своей къ нимъ, принимая на Себя грѣхи ихъ, предавалъ Себя, какъ жертву умилостивленія, во всю волю Отчую.

Правдѣ Божіей недостаточно было самой искренней готовности на жертву: она требовала, чтобы такая любовь къ грѣшному роду человѣческому и такое послушаніе волѣ Божіей открылись во всемъ своемъ величіи на самомъ дѣлѣ. И вотъ Первосвященникъ по чину Мельхиседекову, будучи совершенно безгрѣшный, несеть на Себѣ всю тяжесть грѣховъ человѣка, — болѣзни, позоръ, смерть, и такимъ образомъ бывъ послушливъ до смерти, смерти крестной, приносить Себя въ жертву умилостивленія, и, вися на крестѣ, до самаго послѣдняго вздоха, продолжаетъ вопіять къ Отцу: *«прости имъ, не вѣдатъ, что творятъ»*.

Могъ ли всеблагій и премилосердый Отецъ отвергнуть такую жертву, не внять такой мольбѣ? Не должна ли была послѣ сего самая правда Божія подвигнуться на милость? Такъ, правда и милость встрѣтились, обнялись и облобызались: грѣхи людей прощены, средостѣніе вражды разрушено, миръ между небомъ и землей заключенъ, милость къ роду человѣческому возвращена всѣмъ, съ вѣрою приемлющимъ ее. Такъ Христомъ грѣхи людей вознесены на крестъ и къ кресту пригвождены, а рукописаніе постановленій на насъ, которое было противъ насъ, истреблено; совершилось искупленіе наше кровью Христа и заслужено прощеніе грѣховъ. (Колос. 1, 14. 2, 14).

Христосъ есть *умилостивленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего мира*. (Иоан. 2, 2).

Но если грѣхи сняты и милость возвращена, то и смерть не должна болѣе царствовать: людямъ должны быть возвращены ихъ тѣла и уготованный имъ обители. И если для востановленія тѣль, поврежденныхъ грѣхомъ, также милость Божія опредѣлила еще время долготерпѣнія, то узы смерти не могли держать Христа, тѣло котораго во время Его земной жизни не подверглось никакой грѣховной порчѣ и сохранило въ себѣ всѣ свойства бессмертія. Онъ могъ оставаться въ нихъ только на то время, которое необходимо было для удостовѣренія въ томъ, что онъ точно умеръ, да смертію упразднить имущаго державу смерти (Евр. 2, 14) и для проповѣди о спасеніи душамъ, сошедшими въ сѣнь смертную.

И вотъ, въ то время, какъ пречистое тѣло Его пребывало во гробѣ, душою, и яко Богъ, Онъ сопѣль въ темницу, гдѣ пребывали души прежде умершихъ людей, съ вѣрою оживавшихъ Его припествія, и тамъ сіяніемъ своего Божества Иисуспитель міра освѣтилъ тьму и проповѣдалъ дѣло любви Божіей и уготованное всѣмъ спасеніе.

Такъ Христосъ разрушилъ врата адова и изведши оттуда всѣхъ вѣровавшихъ въ него узниковъ, силою Божества Своего воскресилъ свое человѣчество, и содѣлался первенцемъ изъ мертвыхъ — побѣдителемъ смерти. (1 Пет. 3, 18 — 20).

Если же Иисуспитель рода человѣческаго, по своей Божеской природѣ, силенъ былъ воскресить свое подвергшееся смерти человѣческое естество, и такимъ образомъ побѣдить смерть, то въ Его власти воскресить и всѣхъ умершихъ, соединенныхъ съ Нимъ чрезъ вѣру. И Онъ намъ возвѣстилъ, что воскресить всѣхъ въ поспѣшній день. Не было лѣсти въ устахъ Его и всякое Его слово истина.

«Придетъ день Господень, какъ тать ночью, пишеть Апостолъ Петъ, и тогда небеса съ шумомъ прѣдуть, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ.» (2 Пет. 3, 10).

«Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей, пишеть Апостолъ Павель (Фессал. 5, 16,

17) сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, потомъ оставшіеся въ живыхъ вмѣстъ съ ними восхищены будуть на воздухѣ, въ срѣтеніе Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ на новомъ небѣ и новой землѣ, гдѣ обитаетъ правда, — присовокупляетъ Апостолъ Петръ. (2 Пет. 3, 13).

По воскресеніи Христа тѣло Его содѣжалось духовнымъ: Онъ исшелъ изъ гроба, когда тотъ былъ еще заваленъ камнемъ и запечатанъ; Онъ явился Апостоламъ, когда двери храминъ, гдѣ были они, были заперты; Онъ мгновенно дѣжался невидимъ. Такъ и наши тѣла, при общемъ воскресеніи, преобразятся въ тѣла духовныя.

О воскресеніи мертвыхъ Апостолъ Павелъ говорить такъ: «Но скажетъ кто нибудь: какъ воскреснуть мертвые? и въ какомъ тѣлѣ прійдутъ? Безразсудный! то, что ты сѣешь, не оживеть, если не умреть. И когда ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или другое какое. Но Богъ дастъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Не всякая плоть такая же плоть, но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя, и тѣла земныя: но иная слава небесныхъ, иная земныхъ. Иная слава солнца, иная слава луны, иная слава звѣздъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ. Сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется въ уничиженіи, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Такъ и написано: первый человѣкъ Адамъ сталъ душею живущаго; (Быт. 2, 7.) а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Но не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное. Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные, и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго. Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія. Говорю вамъ тайну: не всѣ умрѣмъ, но всѣ измѣнимся, вдругъ

во мгновеніе ока при послѣдней трубѣ, ибо вострубить, и мертвые воскреснуть нетлѣнными, а мы измѣнимся. Ибо тлѣнію сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и мертвому сему облечься въ бессмертіе. Когда же тлѣніе сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ бессмертіе; тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою. (Исаій 25, 8.) Смерть! гдѣ твое жало? Адѣ! гдѣ твоя побѣда? (Осій 13, 14.) (1 Корен. 15, 35—55).

Вотъ и Апостоль въ доказательство возвѣщеній истины о воскресеніи мертвыхъ ссылается на свидѣтельство видимой природы, какъ на не пререкаемый глаголь Божій. Онъ какъ бы говорить намъ: бѣзразсудные! вы только изслѣдываете силы видимой природы, чтобы извлекать изъ нихъ блага на потребности тѣла, за чѣмъ же не вникаете въ смыслъ возвѣщаемыхъ природою истинъ для вашего разумленія на благо душъ нашихъ. Смотрите, вы бросили и похоронили въ землю голое зерно, оно истлѣло — умерло, но изъ него выростаетъ или трава, или злакъ, или кустъ, или дерево, сообразно тому, какіе въ зернѣ положены — заключены зачатки. Какъ это совершается, никакой умъ человѣческій постичь не можетъ, но это дѣйствительно совершается въ очахъ нашихъ. Если бы мы не видѣли и не испытывали этого и кто нибудь покажетъ намъ зерно, сталь утверждать, что изъ него, когда оно въ землѣ станетъ разлагаться, произойдетъ такое-то растеніе, это показалось бы намъ невозможнымъ — невѣроятнымъ. Но мы это ежечасно видимъ и испытываемъ, и такъ къ тому присмотрѣлись, что чудная зиждущая сила Божія, совершающая такое непостижимое для нашего ума дѣйствіе, кажется намъ какъ будто самымъ обыкновеннымъ явленіемъ природы. Послѣ сего какъ же мы можемъ сомнѣваться, что подобное чудотвореніе совершилъ зиждущая сила Всемогущаго Бога съ нашими тѣлами — умершими и погребенными, въ особенности тогда, когда обѣ этомъ возвѣщаетъ сама истина въ лицѣ воплотившагося и изъ мертвыхъ воскресшаго Сына Божія.

Но если каждое зерно даетъ растеніе, сообразное свойствамъ, въ немъ скрытымъ, то не должны ли мы заключать, что и изъ нашихъ тѣлъ всемогущею силою Творца созиждутся духовные тѣла, сообразные свойствамъ, такъ сказать, зачаткамъ, вложеннымъ нами въ свои тѣла. Кто вложитъ въ него

зачатокъ жизни небесной, — чрезъ истинную вѣру во Христа съ ея Св. таинствами, неразлучную съ любовью къ Богу, тѣло того Богъ преобразить въ подобіе тѣла Христова, и по мѣрѣ того какъ мы въ здѣшней жизни достигнемъ возраста Христова, наши тѣла воскресшія будутъ свѣтлѣть и сиять своими добродѣтелями, подобно тѣламъ небеснымъ, однѣ болѣе, другія менѣе. Тѣ же изъ настѣ, которые не примутъ въ себя зачатка жизни небесной истинной вѣры во Христа и останутся въ упорной привязанности къ своимъ страстямъ и похотямъ, получать и тѣла, отражащія въ себѣ сіи порождения духа злобы, — господствовавшія въ нихъ скотскія страсти. И такъ: земное, тлѣнное тѣло человѣка, бывшее, во время земной жизни его, завѣсою, скрываюше внутреннее души, сдѣлавшись духовнымъ, будетъ отраженіемъ — зеркаломъ его духа.

Люди, удаляясь отъ источника жизни — любви къ Богу, предались суетѣ, страстямъ и похотямъ, и тѣмъ сами внесли въ свою жизнь болѣзни, свары, зависть, злобу — сдѣлали ее источникомъ страданій не только для самихъ себя, но и для всей твари, такъ что и вся тварь совокупно съ нами степень и мучится; не смотря на все это, люди такъ навыкли къ такому образу жизни, что даже стали полагать невозможнымъ жить иначе и въ самыхъ страстяхъ и удовлетвореніи похоти мнили самую сущность жизни; находяще въ ней только неудовлетворительность своихъ желаній и страданій, одни потеряли вѣру въ благость и премудрость Творца, а другие вовсе потеряли вѣру въ бытіе Бога и стали приписывать слѣпому случаю сомое бытіе міра и человѣка. Однимъ словомъ, родъ человѣческій, отступая отъ своего назначенія, уподоблялся бесплодному дереву, годному только на посѣченіе.

Но Господь не только не предалъ посѣченію это бесплодное дерево, но еще спасенія рода человѣческаго не пощадилъ Своего Единороднаго, и тѣмъ явилъ всю бездну любви своей къ своему творенію. Сынъ же Божій, явясь человѣкомъ, не только показалъ каковъ долженъ быть человѣкъ по мысли Божіей и не только выполнилъ всецѣло то назначеніе, для котораго по Божественному опредѣленію дано

бытіе человѣку, но самоотверженіемъ любви къ людямъ совершилъ даже болѣе того, что правою Божіей требовалось отъ человѣка — добродѣтелями Своими Онъ превысилъ самыя небеса и слѣдовательно явилъ въ Себѣ самый совершенный плодъ человѣчества.

Послѣ сего что можетъ сомнѣваться въ благости Творца? Кто можетъ утверждать, что человѣку невозможно жить по начертанному ему Творцемъ уставу?

Теперь земля стала для самыхъ небожителей проповѣдницей безпредѣльной любви Божіей и зреющемъ высокихъ добродѣтелей Сына Божія и друговъ Его, подобно тому какъ небеса для настѣ проповѣдники всемогущества и премудрости Божіей и зреющіе великолѣпія славы Его.

Велики заслуги Христа Іисуса и Богъ прославилъ Его: посадивъ Его одесную Себя на небесахъ, превознесъ Его превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, которая есть Его тѣло, полнота наполняющаго все во всемъ. И вотъ, Онъ въ день, предопределенный Отцемъ, явится судею всей твари. (1. Пет. 3, 29. Еф. 1. 20 — 23).

Неисчислимы благодѣянія Христа Іисуса къ намъ, людямъ: Онъ показалъ намъ Собою пріимѣръ жизни по уставамъ Творца, возвѣстилъ спасительная истина, ими освѣтилъ наше прошедшее, настоящее и будущее, понесъ на Себѣ грѣхи наши, потерпѣлъ за настѣ муки и смерть, умертвилъ смерть, разрушилъ адъ, побѣдилъ поработившаго настѣ діавола; освободилъ отъ его оковъ, изливаетъ на настѣ всѣ дары Св. Духа и открылъ намъ дверь спасенія. Будемъ же внимательны къ такому дѣлу любви Божіей къ намъ. Все сдѣлано для нашего спасенія. Но одно изъ существенныхъ свойствъ нашей души — свобода воли — эта высшая черта образа Божія, — безъ которой человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, — предоставляетъ намъ возможность: принять милость Божію и спастись, или отвергнуть и погибнуть. Истина явлена намъ во всемъ сияніи свѣта. Но мы свободны

отвратить нашъ взоръ и смотрѣть въ противуположную сторону — во тьму, чтобы ее не видѣть, вольны даже, намѣренно повредить зреѣніе, чтобы оставаться во тьмѣ. Только будемъ же имѣть въ виду, что теперь не остается болѣе другой жертвы за грѣхи, и если мы не хотимъ сознать истины, или, получивъ сознаніе истины, произвольно грѣшимъ, то остается одно: *никое страшное ожиданіе суда и яростъ отня, готовая пожрать противниковъ.* (Еф. 10, 26, 27).

LXX.

«И такъ умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіимъ, пишеть Ап. Павель, предоставьте тѣла ваши въ жерву живую, святую, благоугодную Богу, для разумнаго служенія вашаго, и не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная. По данной мнѣ благодати, всякому изъ васъ говорю: не думайте о себѣ болѣе, нежели должно думать; но думайте скромно, по мѣрѣ вѣры, какую каждому Богъ удѣлилъ. Ибо какъ въ одномъ тѣлѣ у васъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и тоже тѣло: такъ мы многіе, составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены. И какъ, по данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія: то имѣемъ-ли пророчество, пророчествуя по мѣрѣ вѣры, имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли, въ ученіи: — увѣщатель ли, увѣщевай; раздаватель ли, раздавай въ простотѣ; начальникъ ли, начальствуй съ усердіемъ, благотворитель ли, благотвори съ радушіемъ. Любовь да будетъ непрітворна, отвращайтесь зла, прилыпайтесь къ добру; будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію; въ почтительности другъ друга предупреждайте. Въ усердіи не ослабѣвайте; духомъ пламенѣйте. Господу служите; утѣшайтесь надеждою; въ скорби будьте терпѣливы, въ молитвѣ постоянны; въ нуждахъ святыхъ принимайте участіе; ревнуйте о страннопріимствѣ. — Благословляйте гонителей вашихъ; благословляйте, не проклинайте. Радуйтесь съ радующимися и плачьте съ плачущими. Будьте единомысленны между собою, не высоко мудрствуйте, но послѣдуйте смиренными; не мечтайте о себѣ,

никому не воздавайте зломъ за зло, но пекитесь о добромъ предъ всѣми человѣками. Если возможно, со своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву Божію. Ибо написано (Втор. 32, 35): *Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ,* говоритъ Господь. И такъ, если врагъ твой голоденъ, накорми его; если жаждетъ, напой его: ибо дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горящіе уголья. (Притч. 25, 22, 23). Не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ. Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣть власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. По сему противящіяся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, — бойся: ибо онъ не напрасно носить мечь: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите: ибо они Божіи служители, симъ самимъ постоянно занятые. И такъ отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь. Не оставайтесь должностными никому ничѣмъ, кроме взаимной любви: ибо любящій другаго, исполнилъ законъ. Ибо заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не украдь, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай чужаго, и всѣ другія заключаются въ семъ словѣ: люби ближняго твоего, какъ самаго себя. (Лев. 19, 18). Любовь не дѣлаетъ ближнему зла; и такъ любовь есть исполненіе закона. Такъ поступайте, зная время, что наступить уже часъ пробудиться намъ отъ сна. Ибо нынѣ ближе къ намъ спасеніе, нежели когда мы увѣровали. Ночь прошла, а день приблизился: и такъ отвергнемъ дѣла тьмы и облечемся въ оружія свѣта. Каакъ днемъ, будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пирожаніямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни скоромъ и зависти; но облекитесь въ Господа нашего Иисуса Христа, и попеченія о плоти не превращайте въ похоти. Немощнаго въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніяхъ. Ибо иной увѣренъ, что можно юсть все, а немощный юсть овощи. Кто юсть, не унижай того, кто не юсть; и кто

не ъсть, не осуждай того, кто ъсть: потому что Богъ принялъ его. Кто ты, осуждающій чужаго раба? Предъ своимъ Господомъ стоять онъ, или падаетъ. И будетъ возсталенъ: ибо силенъ Богъ возстановить его. Иной отличаетъ день отъ дня, а другой судить о всякомъ днѣ равно. Всякій поступай по удостовѣрѣнію своего ума. Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ; и кто не различаетъ днѣй, для Господа не различаетъ. Кто ъсть, для Господа ъсть: ибо благодарить Бога; и кто не ъсть, для Господа не ъсть, и благодарить Бога. Ибо никто изъ васъ не живеть для себя и никто не умираеть для себя; а живемъ ли, для Господа живемъ; умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли, или умираемъ, всегда Господни. Ибо Христосъ для того и умеръ, (и воскресъ) и ожилъ, чтобы владычествовать и надъ мертвыми и надъ живыми. А ты, что осуждаешь брата своего? Или и ты, что уничижаешь брата своего? Всѣ мы предстаемъ на судъ Христовъ. Ибо написано: живу Я, говорить Господъ, предо Мною преклонится всякое колѣно, и всякий языкъ будетъ исповѣдывать Бога. (Исаиа 45. 23). И такъ каждый изъ насъ за себя дасть отчетъ Богу. Не станемъ же болѣе судить другъ друга, а лучше судите о томъ, какъ бы не подавать брату случая къ преткновенію или соблазну. Я знаю и увѣренъ въ Господѣ Иисусѣ, что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечестаго; только почитающему что либо нечистымъ. тому нечисто. Если же за пищу огорчается братъ твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи своею пищею того, за кого Христосъ умеръ. Да не хуится ваше добро. Ибо царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ и радость въ Святомъ Духѣ. Кто симъ служить Христу, тотъ угоденъ Богу и достоинъ одобрѣнія отъ людей. И такъ будемъ искать того, что служить къ миру и ко взаимному назиданію. Ради пищи не разрушай дѣла Божія. Все чисто, но худо человѣку, который ъсть на соблазнъ. — Лучше не ъсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ. Ты имѣшь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ, предъ Богомъ. Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираеть. А сомнѣвающійся, если ъсть, осуждается: потому что не по вѣрѣ; а все, что не по вѣрѣ, грѣхъ. Могущему же утвердить васъ, по благовѣстованію моему и проповѣди

Иисуса Христа, по откровенію тайны, о которой отъ вѣчныхъ временъ было умолчано, но которая нынѣ явлена и чрезъ писанія пророческія, по повелѣнію вѣчнаго Бога, возвѣщена всѣмъ народамъ, для покоренія ихъ вѣрѣ, одному премудрому Богу, чрезъ Иисуса Христа, слава во вѣки. Аминь.

Мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ, но какъ написано: злословія злословившихъ Тебя пали на Меня. (Псал. 68. 10). А все, что написано было прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы, терпѣніемъ и утѣшніемъ изъ писаній, сохранили надежду. Богъ же терпѣнія и утѣшнія, да даруетъ вамъ быть въ единомысліи между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единодушно, единными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа. (Рим. гл. 12. 13 — 4. 15).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что возвѣщаютъ намъ судьбы Церкви
Христовой и народовъ.

І.

По вознесеніи Господа Иисуса Христа Апостолы возвра-
тились въ Иерусалимъ съ великою радостію и пребывали
тамъ — то въ одной горницѣ, то во храмѣ, единодушно въ
молитвѣ, прославляя и благословляя Бога. Съ ними были
нѣкоторыя жены и Марія — Матерь Господа и братья Его,
всего около ста двадцати человѣкъ.

При наступленіи дня Пятидесятницы, когда всѣ Апостолы
были единодушно вмѣстѣ, внезапно сдѣлался шумъ съ неба,
какъ бы отъ несущагося сильного вѣтра, и наполнилъ весь
домъ, гдѣ они находились, и явились имъ раздѣляющіеся
языки, какъ бы огненные, и почили по одному на каждомъ
изъ нихъ, и исполнились всѣ Духа Святаго, и начали гово-
рить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣща-
вать. (Дѣян. 2. 1 — 11).

И вотъ простые рыбаки, нигдѣ не обучавшіеся, дѣлаются
мудрѣе философовъ, свѣдущѣе книжниковъ, краснорѣчивѣе
ораторовъ. Тѣ, которые предъ симъ, на другой же день за-
бывали сказанное имъ Учителемъ, вдругъ вспомнили всякое
Его слово, и всякий Его шагъ. Тѣ, которые не понимали
самыхъ простыхъ притчъ Его, вдругъ постигли всю премуд-
рость Божія домостроительства о спасеніи міра, и поняли
всѣ ветхозавѣтныя прообразованія и пророчества. Тѣ, которые
столь мало понимали духъ Христовъ, что недавно спо-
рили о первенствѣ и готовы были на непринявшее ихъ Самарянское селеніе низвести съ неба огнь, вдругъ проника-
ются симъ духомъ, и дѣлаются смиренными, кроткими, ми-
лосердными, терпѣливыми. Тѣ, которые недавно дотого были

страшливы и боязливы, что при наступленіи опасности Учи-
телю всѣ оставили Его и разбрѣжались въ трепетѣ, а пер-
вый изъ нихъ, даже отрекся отъ Него, теперь смѣло воз-
вѣщаютъ воскресеніе Распятаго, и проповѣдуютъ Его Хри-
стомъ — Единороднымъ Отца Небеснаго, и на прещенія
сильныхъ отвѣчаютъ: «судите сами, справедливо ли въасъ слу-
шать болѣе, — нежели Бога; мы не можемъ не говорить того,
что видѣли и слышали», а когда ихъ подвергаютъ заключе-
нію, поруганію, истязанію и гоненію, они радуются, что
сподобились потерпѣть все это за имя Христово, и съ та-
кою же радостію встрѣчаютъ смерть, продолжая исповѣды-
вать Христа — Божію силу и на крестахъ, и подъ тучею
бросаемыхъ на нихъ камней.

Такихъ свидѣтелей воскресенія и проповѣдниковъ Еван-
гелія воздвигъ Господь, надѣливъ ихъ еще силою чудотворе-
нія, какъ непрекаемымъ доказательствомъ высшаго послан-
ничества, и они немедленно начали свою проповѣдь, и про-
повѣдь ихъ, не смотря на гнусную клевету Первосвященни-
ковъ о похищеннѣ тѣла Иисусова учениками Его и на строгія
мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, скоро ис-
полнила весь Иерусалимъ славою имени Распятаго; *Слово Божіе
росло, число учениковъ непрестанно умножалось, даже изъ
самыхъ священниковъ Іудейскихъ очень многие покорились отрп.*
(Дѣян. VI. 7.)

ІІ.

Но чтобы для упорствующихъ въ невѣріи не оставалось
никакого предлога къ оправданію, Господь воздвигъ Себѣ
еще непрекаемаго свидѣтеля изъ самыхъ враговъ Своихъ.

Былъ въ Иерусалимѣ еврей Савлъ, — мужъ необыкновенно
даровитый и образованный. Родители его были обыватели
города Тарса, главнаго города Киликіи, славившагося въ то
время просвѣщеніемъ и науками. Они были люди богатые и
пользовались правомъ Римскаго гражданства, что составляло
въ то время очень важное преимущество. Савлъ послантъ бытъ
ими для усовершенствованія въ отечественномъ законѣ въ
Иерусалимъ, который почитался тогда средоточіемъ Іудейской
мудрости, и присоединясь къ сектѣ фарисеевъ, сдѣлался —
ученикомъ Гамаліила, знаменитѣйшаго изъ тогдашихъ Іудей-

скихъ Законоучителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ — самыи ревностныи приверженцы отеческихъ преданій, и — жаркимъ преслѣдователемъ имени Иисуса Назарея.

Когда невѣрующіе Гудеи, раздраженные исповѣданіемъ первомученика діакона Стефана, убивали его каменями, (Дѣян. 8. 1). Савлъ одобрялъ убійство и стерегъ одѣжды убійцъ. Потомъ, когда послѣ этого многіе вѣрующіе бѣжали изъ Іерусалима и разсѣялись по разнымъ странамъ, Савлъ, получивъ отъ Первосвященниковъ власть преслѣдовать христіанъ, ходилъ для сего по всѣмъ синагогамъ, даже входилъ въ дома ихъ, не щадилъ ни пола, ни возраста, мученіями принуждалъ ихъ хулигъ имѧ Иисуса, заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, то подавалъ на то свой голосъ. 26. 10—11.

Между тѣмъ разсѣяніе христіанъ послужило къ распространенію Евангелія и умноженію вѣрующихъ. Бѣжавшии изъ Іерусалима христіане продолжали свою проповѣдь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водворялись: — проповѣдь ихъ и тамъ пріобрѣтала новыхъ вѣрующихъ въ Сына Божія. Эти успѣхи проповѣди возбудили въ Савлѣ ревность преслѣдовать христіанъ за предѣлами Палестини. Дыша угрозами и убійствомъ, онъ испросилъ у Первосвященниковъ письма къ Дамасскимъ синагогамъ, чтобы онъ допущенъ былъ вязать тамошнихъ христіанъ и препровождать ихъ въ Іерусалимъ для суда. (Д. 9. 2.)

Дамаскъ, наполненный Гудеями, представлялъ тогда обширное поле для дѣйствія. Онъ предъ тѣмъ завоеванъ былъ Аretомъ — царемъ Аравійскимъ, и новый владѣтель, какъ тещь Ирода Антипы, благопріятствовалъ Гудеямъ. Письмо Первосвященника должно было имѣть тамъ полный успѣхъ.

Но на пути въ Дамаскъ, среди дня, Савлъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ съ неба, превосходящій солнечное сіяніе, который осіялъ его и шедшихъ съ нимъ. Всѣ они пали на землю, и Савлъ услышалъ голосъ: «Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь? Трудно тебѣ идти противъ рожна!» Савлъ спросилъ: «кто Ты, Господи?» «Я — Иисусъ, котораго ты гонишь» — отвѣчалъ явившійся. — «Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что ты видѣлъ и что Я открою тебѣ, избавляя тебя отъ народа Гудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя, открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ свѣту и отъ власти сатаны къ Богу,

и вѣрою въ Меня получили прощеніе во грѣхахъ — и часть наслѣдія съ освященными.» (Дѣян. 26. 12—19).

Савлъ еще спросилъ: «Господи! что мнѣ дѣлать?» Господь сказалъ: «встань и иди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ сказано будетъ все, что назначено тебѣ дѣлать».

Савлъ всталъ съ земли и съ открытыми глазами никого не видѣлъ, какъ какъ, отъ славы свѣта того, лишился зрѣнія. Бывши съ нимъ повели его за руку и привели его въ Дамаскъ, и онъ три дня не видѣлъ, и не ѳлъ, и не пилъ. (Д. 9. 8. 22. 11).

Въ Дамаскѣ былъ тогда одинъ ученикъ Господа, Ананія. Господь въ видѣніи сказалъ ему: встань и пойди на улицу, которая зовется прямая, и спроси въ Гудиномъ домѣ Тарсінна, по имени Савла; онъ теперь молится, и видѣлъ въ видѣніи мужа, именемъ Ананію, пришедшаго къ нему и возложившаго на него руки, чтобы онъ прозрѣлъ.»

Ананія отвѣтствовалъ: «Господи! я слышалъ отъ многихъ о семъ человѣкѣ, сколько зла сдѣлалъ онъ святымъ Твоимъ въ Іерусалимѣ; и здѣсь имѣть отъ Первосвященниковъ власть, вязать всѣхъ, призывающихъ имѧ Твое».

Но Господь сказалъ ему: «иди, ибо онъ есть мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имѧ Мое предъ народами, и царями и сынами Израилевыми. И я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имѧ Мое».

Ананія пошелъ, и вошелъ въ домъ, и возложивъ на него руки, сказалъ: «брать Савлъ! Господь Иисусъ, явившійся тебѣ на пути, которымъ ты шелъ, послалъ меня, чтобы ты прозрѣлъ, и исполнился Духа Святаго».

И тотчасъ, какъ бы чешуя спала отъ глазъ его; и вдругъ онъ прозрѣлъ, и, вставъ, крестился, и сталъ проповѣдывать въ Синагогахъ объ Иисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій (Дѣян. 9. 10—18). Съ такою проповѣдью онъ обошелъ Аравію, Кипръ, Сирію, Малую Азію, Грецію, Италію, Испанію, и о чудномъ явленіи ему Господа свидѣтельствовалъ въ Іерусалимѣ предъ народомъ и Синедріономъ, и въ Кесаріи предъ Римскимъ Правителемъ Феликсомъ и Порціемъ Фестомъ, тоже предъ потомкомъ Ирода, царемъ Агриппою, неоднократно подтверждая тоже и въ письменныхъ своихъ посланіяхъ къ обращеннымъ имъ христіанамъ.

Невѣрующіе! Это вамъ въ лицѣ Савла явился Христосъ. Если зрѣніе ваше, занятое постоянно разсматриваніемъ мѣлочей земной жизни, не можетъ выносить сіянія славы Отчей и видѣть Евангельскихъ истинъ, проповѣданныхъ очевидцами и служителями Предвѣчнаго Слова,—то здѣсь въ свидѣтельствѣ Савла истина Божественности христіанской религіи предстала вамъ въ самомъ доступномъ для вашіхъ очей видѣ. Чѣмъ свидѣтельствовалъ Савль о видѣніи и обращеніи его въ христіанство, то неопровергимо. Чѣмъ онъ свидѣтельствовалъ не по увлеченію, не по пристрастію, не изъ ожидаемыхъ за то выгодъ, и—о фактѣ, дѣйствительно видѣнномъ и испытанномъ, а не о мечтѣ, представленной его воображеніемъ, это явно до очевидности. Можетъ ли быть достовѣрнѣе этого свидѣтеля? Не кроткій по природѣ человѣкъ, который самъ по себѣ имѣлъ-бы расположение къ благотворному ученію христіанъ, не слушатель Иисуса Христа, о коемъ можноѣ сказать, что онъ увлеченъ сладостію словъ Его, не такой человѣкъ видѣть Иисуса, коего Гудеи почитали мертвымъ, но упорнѣйшій защитникъ Гудейства, непримиримый врагъ имени Христова; жестокій преслѣдователь почитателей Его, однимъ словомъ, Савль видѣть Иисуса, признаетъ Его Мессіею, Сыномъ Божіимъ, и содѣлывается ревностнымъ провозвѣстникомъ имени Его, готовымъ на муки и самую смерть за истину новаго ученія.

Онъ не могъ обѣщать себѣ отъ христіанъ никакихъ земныхъ благъ. Искалъ ли онъ чести? Она была оказана ему Верховнымъ Советомъ Гудейскимъ, который возложилъ на него самое важное порученіе истребить возникающее христіанство. Исполненіе этого порученія доставило бы ему славу и право на самыя высшія достоинства между Фарисеями; напротивъ, христіане, какъ сами не искали почестей, такъ и не могли обѣщать ихъ, будучи вездѣ гонимы и презираемы властями. Искалъ ли онъ богатства? Христіане были бѣдны; многие изъ нихъ жили милосердіемъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; ихъ послѣднія стяженія ненаказанно расхищались ихъ врагами, самая жизнь находилась въ непрестанной опасности. Напротивъ,

Фарисеи изобиловали всѣми временными благами, и, пользуясь всякимъ уваженіемъ въ народѣ, могли доставить любимцамъ своимъ все, имъ угодное.

Савль не только не искалъ для себя у христіанъ никакихъ времененныхъ приобрѣтеній, но еще долженъ былъ при переходѣ въ христіанство отказаться отъ тѣхъ, кои имѣлъ въ Гудействѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ долженъ былъ потерять славу первого ревнителя и защитника Гудейства; долженъ былъ ниспровергать отеческія преданія, къ коимъ онъ привыкъ изъ дѣтства; долженъ былъ разорвать нѣжнѣйшія узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались въ Гудействѣ. Этого мало: за вѣру въ Иисуса Христа ему неминуемо надлежало содѣлаться предметомъ ненависти всѣхъ Фарисеевъ, всего Синедріона, всего народа Гудейскаго.

Савль не былъ мечтатель, который внушенія собственного чувства, мечты воображенія почиталъ за вдохновенія Божественные. Энтузіастическая мечтательность происходитъ или отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ любимымъ мнѣніямъ, или отъ меланхоліи, или отъ живаго, но необразованнаго воображенія, или отъ дѣтскаго легковѣрія. Савль же имѣлъ сильное пристрастіе, но не къ христіанству, а къ преданіямъ Фарисейскимъ; между тѣмъ, когда позналъ истину, то немедленно отвергъ ихъ единожды навсегда. Онъ не былъ мрачнаго меланхолического характера. Какимъ опасностямъ, скорбямъ, лишеніямъ не подвергался онъ въ продолженіе своего Апостольства?—при всемъ томъ въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ малодушія: онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбою, радовался среди самыхъ страданій. Если онъ желалъ скончанія своей жизни, то по тому, чтобы скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Спасителемъ. Въ этомъ желаніи не было ничего нетерпѣливаго, энтузіастического: по сему то, когда онъ увидѣлъ, что для учениковъ его нужноѣ, чтобы онъ оставался въ сей жизни, то употреблялъ всѣ справедливые способы къ отдаленію ея конца. Савль имѣлъ живое воображеніе; но какъ строго оно было подчинено разсудку. Читая посланія его, мы находимъ сильные порывы чувствъ; но они никогда не выходятъ за предѣлы: это невольное изліяніе сердца, преисполненнаго любовью къ Богу и ближнему. Тѣмъ менѣе можно предполагать въ немъ легковѣрія и неосмотрительности. Изъ одной исторіи его можно

извлечь подробныя правила христіанскаго благоразумія. Онъ постоянно внушалъ ученикамъ своимъ всѣ испытывать, дабы принимать одно истинное, доброе; упрекалъ ихъ, когда они, подобно дѣтямъ, *были увлекаемы всячимъ вѣтромъ учения*; предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ откровеній и пророчествъ; никогда не требовалъ себѣ слѣпой вѣры; напротивъ хотѣлъ, чтобы поступали по убѣженію собственного своего ума. Такъ ли поступаютъ люди съ мечтательнымъ характеромъ! (жизнь Св. Ап. Павла, стр. 35—40).

IV.

Можетъ ли быть достовѣрнѣе свидѣтель? Можетъ ли быть яснѣ, отчетливѣе свидѣтельство? Но, къ сожалѣнію, и тѣ-перь невѣрующіе съ такимъ-же легкомысліемъ относятся къ нему, какъ относились и при жизни Апостола Павла. Когда въ Іерусалимѣ онъ говорилъ предъ народомъ, тогда толпа вѣровала ученію книжниковъ, что Мессія только для однихъ Евреевъ — потомковъ Авраама, и потому, какъ только Павель вымолвилъ, что явившійся ему Господь сказалъ: «Я пошлю тебя къ язычникамъ,» (Дѣян. 22, 21. 22) — поднялся крикъ: «истреби отъ земли такого! ему не должно жить!» Такъ и нынѣ есть много вѣрующихъ на слово догмату нынѣшніхъ книжниковъ: (Штрауса, Ренана, Фейербаха съ братіею) — о необходимости, господствующей будто бы въ природѣ и исключающей будто бы идею о разумномъ и самостоятельно-дѣйствующемъ началѣ вселенной (т. е. что будто бы въ мірѣ не можетъ быть по волѣ Божіей никакихъ чудесъ); всѣ они съ презрѣніемъ оставляютъ безъ вниманія свидѣтельство Павла; есть даже такие, которые готовы истребить отъ земли всѣхъ принимающихъ это свидѣтельство.

Когда Павель предъ Синедріономъ сталъ свидѣтельствовать, доброю совѣстю, Первосвященникъ Ананія приказалъ бить его по устамъ, (Дѣян. 23, 1, 2) и когда Павель упомянулъ только о чаяніи воскресенія мертвыхъ, поднялся споръ между Фарисеями и Саддукеями, крикъ и раздоръ до того увеличился, что тысячечнальникъ, опасаясь, чтобы враждовавшіе не растерзали Павла, приказалъ вывести его изъ среды враждовавшихъ и отвести въ крѣпость. Такъ и ны-

нѣшніе книжники, раздѣльясь на нѣсколько сектъ (раціоналисты, материалисты и др.) проводятъ время въ спорахъ между собою; и основываясь на предвзятой каждымъ мысли и на принятомъ догматѣ своей науки, пишутъ трактаты въ опроверженіе системъ противниковъ, и не только не думаютъ входить въ изслѣдованіе достовѣрности свидѣтельства Павлова, но и слышать объ немъ не хотятъ. А сколько есть и такихъ изъ нихъ, которые готовы бить по устамъ каждого, кто напомнилъ бы имъ о доброй совѣсти, въ которой жилъ Павель предъ Богомъ до самой мученической смерти.

Въ Кесаріи Прокураторъ Іудейскій — Феликсъ съ женою свою Друзилою, Іудеянкою, пожелалъ слушать ученіе Павла о вѣрѣ во Христа Іисуса, и призвалъ его къ себѣ. Но какъ только Павель сталъ говорить о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ, Феликсъ пришелъ въ страхъ и сказалъ: пойди теперь, а когда найду время, позову тебя. (Дѣян. 25, 24, 25). Такъ и нынѣ иному изъ невѣрующихъ по случаю или по внушенію ближнихъ, — приходится иногда выслушать ученіе Павла, и благодать Божія коснется его души, станетъ звать на путь спасенія, и начнетъ вселять страхъ Божій, но онъ, какъ Феликсъ, скажетъ: «пойди теперь, а какъ найду время, позову тебя,» и потомъ между мірскихъ развлеченій, плотскихъ сластей и корыстныхъ предпріятій, времени уже не находить.

Смѣнилъ Феликса Фестъ и такъ же пожелалъ слушать Павла въ присутствіи царя Агриппы и супруги его Вереники. Павель подробно изложилъ предъ ними, какъ онъ былъ прежде гонителемъ имени Іисуса Назорея, и какъ явленіемъ ему Господа, онъ сдѣлся Его Апостоломъ. «Безумствуешь ты, Павель, вскричалъ Фестъ. — Большая ученость доводить тебя до сумашествія.» Агриппа же сказалъ Павлу: «ты немного не убѣдилъ меня сдѣлаться Христіаниномъ.» (Дѣян. 26, 24, 28).

Есть и нынѣ безумцы, которые безъ всякихъ изслѣдований и соображеній считаютъ Павла безумнымъ; есть и Агриппы, которыхъ свидѣтельство Павла поражаетъ и кладетъ въ нихъ основаніе къ убѣженію въ истинѣ Христіанской религіи, но они изъ лѣноты, или изъ пристрастія къ земнымъ благамъ, — или прежнимъ убѣженіямъ, не хотятъ далѣе вникать въ этотъ предметъ, и продолжать свои из-

слѣдованія, и даже спѣшать заглушить зародившуюся въ нихъ благую мысль.

V.

Сіи-то истинные посланники Божіи обошли всю землю и вездѣ возвѣстили радостную вѣсть (Евангеліе) о спасеніи рода человѣческаго Сыномъ Божіимъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и во все концы вселенныя глаголы ихъ.* Тамъ, гдѣ находили вѣрующихъ, они останавливались, научали истинному Богопочитанію и новой жизни во Христѣ, поставляли пресвитеровъ и Епископовъ, и наставляли ихъ, какъ пасти стадо Христово и совершать таинства для сообщенія вѣрующимъ даровъ Духа Святаго. Такъ они положили основаніе единой церкви Христовой — царству Божію на землѣ. Вездѣ ихъ проповѣдь была устная, но въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ изложили письменно: Матеей и Иоаннъ — Апостолы изъ двѣнадцати, Маркъ и Лука — изъ семидесяти — спутники и сотрудники первоверховныхъ Петра и Павла, — земную жизнь и ученіе Иисуса Христа, что и называется собственно *Евангеліемъ*; Лука же еще исторію вознесенія Христа, сошествія Св. Духа на Апостоловъ и первоначальной проповѣди Апостольской — *Дѣянія Апостоловъ*. Петръ, Иоаннъ, Іаковъ, Гуда и Павель написали письма, — *послания* къ вѣрующимъ съ наставленіемъ, какъ подобаетъ вѣровать и вести себя Христіанамъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ тѣмъ, какъ происходила Апостольская проповѣдь, и какъ невѣрующіе обращались къ Христіанѣ, приведемъ нѣкоторые тому частные случаи изъ *Дѣяній Апостольскихъ*.

Апостолы Петръ и Иоаннъ шли вмѣстѣ въ храмъ, въ чась молитвы девятый. И былъ человѣкъ, хромой отъ чрева матери его, котораго носили и сажали каждый день при дверяхъ храма, называемыхъ красными, просить милостыни у входящихъ въ храмъ. Онъ, увидѣвъ Петра и Иоанна, предъ входомъ въ храмъ, просилъ у нихъ милостыни. Петръ съ Иоанномъ, всмотрѣвшись въ него, сказалъ: взгляни на насть. Онъ сталъ пристально смотрѣть на нихъ, надѣясь получить отъ нихъ что нибудь. Но Петръ сказалъ: серебра и золота нѣть у меня; а что имѣю, то даю тебѣ: во имя Иисуса Хри-

ста Назорея встань и ходи. И взявъ его за правую руку, поднялъ; и вдругъ утвердились его ступни и колѣна. И, вскочивъ, сталъ, и началъ ходить, и вошелъ съ ними въ храмъ, ходя и скача, и хвали Бога. И весь народъ видѣлъ его ходящимъ и хвалящимъ Бога. И узнали его, что это былъ тотъ, который сидѣлъ у красныхъ дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумленія отъ случившагося съ нимъ. И какъ исцѣленный хромой не отходилъ отъ Петра и Иоанна, то весь народъ въ изумленіи сбѣжался къ нимъ въ притворъ, называемый Соломоновъ. Увидѣвъ это, Петръ сказалъ народу: Мужи Израильскіе! что дивитесь сему или что смотрите на насть, какъ будто бы мы своею силою или благочестіемъ сдѣлали то, что онъ ходить? Богъ Авраама и Исаака и Іакова, Богъ отцевъ нашихъ, прославилъ Сына Своего Иисуса, котораго вы предали, и отъ котораго отреклись предъ лицемъ Пилата, когда онъ полагалъ освободить Его. Но вы отъ Святаго и Праведнаго отреклись, и просили даровать вамъ человѣка, убийцу; а начальника жизни убили, Сего Богъ воскресиль изъ мертвыхъ, чemu мы свидѣтели. И ради вѣры во имя Его, имя Его укрѣшило сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала ему исцѣленіе сie предъ всѣми вами. Впрочемъ, я знаю, братія, что вы, какъ и начальники ваши, сдѣлали сie по невѣданію. Богъ же, какъ предвозвѣстилъ устами всѣхъ своихъ пророковъ пострадать Христу, такъ и исполнилъ. И такъ покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши. Да пріайдутъ времена отрады отъ лица Господа, и да пошлетъ Онъ предназначенаго вамъ Иисуса Христа, Котораго небо должно было принять до временъ совершенія всего, что говорилъ Богъ устами всѣхъ святыхъ своихъ пророковъ отъ вѣка. Мойсей сказалъ отцамъ: Господь Богъ вашъ воздвигнетъ вамъ изъ братіевъ вашихъ пророка, какъ меня; слушайтесь Его во всемъ, что Онъ ни будетъ говорить вамъ. И будетъ, что всякая душа, которая не послушаетъ Пророка того, истребится изъ народа. И всѣ пророки, отъ Самуила и послѣ него, сколько ихъ ни говорило, такъ же предвозвѣстили дни сіи. Вы сыны пророковъ и завѣта, который завѣщалъ Богъ отцамъ вашимъ, говоря Аврааму: и въ сѣмени твоемъ благословятся всѣ племена земныя. Богъ, воскресивъ Сына Своего Иисуса, къ вамъ первымъ послалъ

Его благословить васть, отвращая каждого отъ злыхъ дѣль вавшихъ. (Дѣян. гл. 3).

Когда они говорили къ народу, къ нимъ приступили священники и начальнико стражи при храмѣ и Саддукеи, досадуя на то, что они учать народъ и проповѣдуютъ въ Иисусѣ воскресеніе изъ мертвыхъ. И наложили на нихъ руки, и отдали ихъ подъ стражу до утра; ибо уже былъ вечеръ. Многіе же изъ слушавшихъ слово увѣровали; и было число таковыхъ людей около пяти тысячъ.

На другой день сообрались въ Иерусалимъ начальники ихъ и старѣшины и книжники и Первосвященники; и, поставивъ ихъ посреди, спрашивали: какою силою, или какимъ именемъ вы сдѣлали сіе? Тогда Петръ, исполнившись Духа Святаго, сказалъ имъ: начальники народа и старѣшины Израильскіе! Если отъ нась сего дня требуютъ отвѣта въ благодѣяніи человѣку немощному, какъ онъ исцѣленъ; то да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ и всему народу Израильскому, что именемъ Иисуса Христа Назорея, котораго вы распяли, котораго Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, Имъ поставленъ онъ предъ вами здравъ. Онъ есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія. Ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись.

Вида смѣость Петра и Иоанна, и примѣтивъ, что они люди некнижные и простые, они удивлялись; между тѣмъ узнавали ихъ, что они были съ Иисусомъ: вида же исцѣленаго человѣка, стоявшаго съ ними, ничего не могли сказать вопреки. И, приказавъ имъ выйти вонъ изъ синедріона, разсуждали между собою, говоря: что намъ дѣлать съ сими людьми? Ибо всѣмъ, живущимъ въ Иерусалимѣ, извѣстно, что ими сдѣлано явное чудо, и мы не можемъ отвергнуть сего. Но, чтобы болѣе не разглашалось сіе въ народѣ, съ угрозою запретимъ имъ, чтобы не говорили объ имени семъ никому изъ людей. И, призвавъ ихъ, приказали имъ отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса.

Но Петръ и Иоанъ сказали имъ въ отвѣтъ: судите, спра-ведливо ли предъ Богомъ, слушать васть болѣе, нежели Бога? Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали. Они же, пригрозивъ, отпустили ихъ, не находя возможности на-казать ихъ, по причинѣ народа; потому что всѣ прославили

Бога за происшедшее. Ибо лѣтъ болѣе сорока было тому человѣку, надъ которымъ сдѣлалось сіе чудо исцѣленія. (Дѣян. 4. 1—22).

XI.

Одинъ благочестивый Евоплянинъ, вельможа царицы Кандакіи, прѣѣзжавшій въ Иерусалимъ для поклоненія, возвращаяся оттуда, читалъ книгу пророка Исаи, сидя въ колеснице своей. Когда онъ прочтя мѣсто изъ книги, въ которомъ говорится: «какъ овца веденье былъ Онъ на закланіе; и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ усть своихъ. Въ уничиженіе Его судъ его совершился. Но родъ Его кто изъяснитъ? Ибо вземлется отъ земли жизнь Его,» — не доумѣвалъ, о комъ это говорится, — Филиппъ, одинъ изъ семи діаконовъ, избранныхъ Апостолами, по повелѣнію явившагося ему Ангела, подошелъ къ нему и спросилъ: разумѣешь ли, что читаешь? И когда тотъ по-просилъ его объяснить ему его недоумѣніе, тогда Филиппъ, начавъ отъ сего пророчества, благовѣстилъ ему объ Иисусѣ, и Евоплянинъ исповѣдавъ, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, принялъ отъ Филиппа крещеніе. (Дѣян. 8. 26—39).

VII.

Когда Апостолы Павель и Варнава проповѣдывали на островѣ Кипрѣ, тамошній проконсулъ Сергій Павель, мужъ разумный, призвалъ ихъ, желая слышать слово Божіе, но бывшій при немъ волхвъ Варісусъ противился имъ, стараясь отвратить проконсула отъ вѣры. Но Апостолъ Павель, исполнившись Духа Святаго и устремивъ на него взоръ, сказалъ: «О исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства сынъ діавола, врагъ всякой правды! Перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ? И нынѣ се рука Господня на тебя: ты будешь слѣпъ и не увидиши солнца до времени.» И вдругъ напалъ на него мракъ и тма, и онъ, обращаясь туда и сюда, искалъ вожатаго. Тогда проконсулъ, увидѣвъ происшедшее, увѣровалъ, дивясь ученію Господню. (Дѣян. 13. 6—12).

VIII.

Когда Павелъ, проповѣдя въ Листрѣ, исцѣлилъ именемъ Иисуса Христа одного изъ слушателей, невладѣвшаго ногами отъ рожденія, тогда народъ, видя это, призналъ Павла и бывшаго съ нимъ Варнаву за боговъ, сопѣдшихъ къ нимъ въ образѣ человѣческомъ, и жрецъ идола Зевеса привелъ уже воловъ, украшенныхъ вѣнками, чтобы принести ихъ въ жертву. Апостолы, услышавъ объ этомъ, разодрали свои одежды, и, бросившись въ народъ, громогласно говорили: «Мужи! что вы дѣлаете? И мы подобные вамъ человѣки, и благовѣствуемъ вамъ, чтобы обратить васъ отъ сихъ ложныхъ къ Богу живому, который сотворилъ небо и землю, и море, и все, что въ нихъ, который въ прошедшихъ родахъ попустилъ всѣмъ народамъ ходить своими путями, хотя и не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣніями, подавая вамъ съ неба дожди и времена плодоносныя, и исполняя пищею и веселіемъ сердца наши.» И говоря это, они едва убѣдили народъ не приносить имъ жертвы. Послѣ сего Апостолы оставались тамъ, учили, но пришедши туда изъ Антіохіи и Иконіи Іудеи возбудили народъ противъ нихъ, утверждая, будто бы они не говорятъ ничего истиннаго, а все лгутъ; такъ, что побили Павла камнями, и вытащили за городъ, почитая его умершимъ. Когда же ученики собрались около него; онъ всталъ и вошелъ въ городъ, а на другой день удалился оттуда. (Дѣян. 14. 8—20).

IX.

Пришедши въ знаменитый Греческій городъ Аѳинамъ, Павелъ возмутился духомъ, при видѣ этого города, полнаго идоловъ. И такъ онъ сталъ разсуждать въ синагогѣ съ Іудеями и съ чтующими Бога, и ежедневно на площади со встрѣчающимися. Нѣкоторые изъ эпикурейскихъ и стоическихъ философовъ стали спорить съ нимъ. И одни говорили: «что想要 сказать этотъ суесловъ?» А другіе: «кажется, онъ проповѣдуетъ о чужихъ божествахъ; потому что онъ благовѣствовалъ имъ Иисуса и воскресеніе. И взявъ его,

привели въ Ареопагъ, и говорили: «можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. По сему хотимъ знатъ, что это такое? Аѳиняне же всѣ и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотнѣе ни проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что нибудь новое. И ставъ Павелъ среди Ареопага, сказалъ: «Аѳиняне! по всему вижу, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу. Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живеть, и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду. Самъ дая всему жизнь и дыханіе и всѣ. Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію. Дабы они искали Бога, не ощущать ли Его, и не найти ли: хотя Онъ и не далеко отъ каждого изъ насъ. Ибо мы Имъ живемъ, и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ. И такъ мы, будучи родъ Божій, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго. И такъ, оставляя времена невѣденія, Богъ нынѣ повелѣваетъ людямъ всѣмъ повсюду покаяться. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ.

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни стали насыщаться, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время. И такъ Павелъ вышелъ изъ среди ихъ. Нѣкоторые же мужи, приставъ къ нему, увѣровали; между ними былъ Діонісій Ареопагитъ, и женщина, именемъ Дамарѣ, и другіе съ ними. Дѣян. XVII, 15—34.

X.

Такъ Св. Апостолы обращали къ вѣрѣ во Христа Іудеевъ и язычниковъ. Послушаемъ, къ нашему назиданію, чemu они учили обращенныхъ ими ко Христу.

«Что пользы братіе мои, писалъ Апостолъ Іаковъ въ своемъ посланіи, если кто говоритьъ, что онъ имѣеть вѣру, а дѣлъ не имѣеть? Можетъ ли вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги, и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣхтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣеть дѣлъ, мертвa самa по себѣ, но скажетъ кто нибудь: ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла: покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру изъ дѣлъ моихъ. Ты вѣруешь, что Богъ едінъ: хорошо дѣлаешь: и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ. Но хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертвa? Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, вложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра со-дѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства. И исполнилось слово Писанія: вѣровалъ Авраамъ Богу, и сіе вмѣнилось ему въ праведность; и онъ нареченъ другомъ Божіимъ. Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только? Ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертвa. (Іак. III, 14—26).

XI.

Апостолъ Петръ училъ: «послушаниемъ истинѣ чрезъ Духа, очистивъ души ваши къ нелицемѣрному братолюбію, постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца, какъ новорожденные не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго въ вѣкъ. Ибо всякая плоть, какъ трава, и всякая слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ; засохла трава, и цвѣтъ ея опалъ: но слово Господне пребываетъ въ вѣкъ, а это есть то слово, которое вамъ проповѣдано. И такъ, отложивъ всякую злобу и всякое коварство, и лицемѣріе, и зависть, и всякое злословіе, какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое, словесное молоко, дабы отъ него возрасти вами во спасеніе: ибо вы вкусили, что благъ Господь. Приступая къ Нему, камню живому, человѣками отверженому, но Богомъ избранному, драгоцѣнному, и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы,

благопріятныя Богу Іисусомъ Христомъ. Ибо сказано въ Писаніи: вотъ Я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнныи, и вѣрующій въ Него не постыдится. И такъ Онъ для васъ, вѣрующихъ, драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень, который отвергли строющіе, но который сдѣлался главою угла, камень претыканія и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены. Но вы родъ избранный, царственное священство, народъ святый, люди взятые въ удѣль, дабы возвѣщать совершенства призвавшаго васъ изъ тмы въ чудный свой свѣтъ, нѣкогда не народъ, а нынѣ народъ Божій; нѣкогда непомилованные, а нынѣ помилованы. Возлюбленны! прошу васъ какъ пришельцевъ и странниковъ, удаляться отъ плотскихъ похотей, возстающихъ на душу, и провождать добродѣтельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, увида добрыя дѣла ваши, прославили Бога въ день посѣщенія. И такъ будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемыхъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей. Какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытия зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переносить скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро, и страдая, терпите, сіе угодно Богу. Ибо вы къ тому призваны: потому что и Христосъ пострадалъ за насть, оставилъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его. Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его. Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно, страдая не угрожаль; но предавалъ то Суди праведному. Онъ грѣхи наши Самъ вознесъ тѣломъ своимъ на древо, дабы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды: ранами Его мы исцѣлились. Ибо вы были, какъ овцы блуждающія, (не имѣя пастыря); но возвратились нынѣ къ Пастырю и блюстителю душъ вашихъ. Такъ же и вы, жены, повинуйтесь своимъ

мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидять ваше чистое, богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не вѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одѣждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетленной красотѣ прѣтвѣтствія и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ; такъ нѣкогда и святые жены, уповающія на Бога, украшали себя, повинуясь своимъ мужьямъ. Такъ Сарра повиновалась Аврааму, называя его своимъ господиномъ. Вы дѣти ея, если дѣлаете добро и не смущаетесь ни отъ какого страха. Такъ же и вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощнѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ. Наконецъ будьте всѣ единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Не воздавайте злому за зло, или ругательствомъ за ругательство, напротивъ благословлайте, зная, что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать благословеніе. Ибо кто любить жизнь, и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ своей отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей; уклоняйся отъ зла и дѣлай добро; ищи мира и стремись къ нему; потому что очи Господа обращены къ праведнымъ, и уши Его къ молитвѣ ихъ, но лицо Господне противъ дѣлающихъ зло, (чтобы истребить ихъ съ земли). И кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добра? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны. А страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите въ сердцахъ вашихъ: будьте всегда готовы всякому, требующему отъ васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ. Имѣйте добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ. (1 Петр. 1, 22—25. 2. 3. 1—16).

XII.

«Возлюбленные! писалъ Ап. Иоаннъ, не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія и

духа заблужденія узнавайте такъ: всякий духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякий духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ прійдетъ, и теперь есть уже въ мірѣ. Дѣти! вы отъ Бога, и побѣдили ихъ; ибо тотъ, кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ. Они отъ міра, потому и говорять по мірски, и міръ слушаетъ ихъ. Мы отъ Бога: знающій Бога слушаетъ нась; кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ нась. По сему-то узнаемъ духа истины и духа заблужденія. Возлюбленные! Будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога, и всякий любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любить, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ единороднаго Сына своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ нась, и послалъ Сына своего въ умилостивленіе за грѣхи наши. Возлюбленные! если такъ возлюбилъ нась Богъ; то и мы должны любить другъ друга. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга; то Богъ въ нась пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ нась. Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ нась, узнаемъ изъ того, что Онъ даль намъ отъ Духа своего. И мы видѣли и свидѣтельствуемъ, что Отецъ послалъ Сына, Спасителя міру. Кто исповѣдуетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій; въ томъ пребываетъ Богъ, и онъ въ Богѣ. И мы познали любовь, которую имѣть къ намъ Богъ, и увѣровали въ неё. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Любовь до того совершенства, чтобы намъ имѣть дерзновеніе въ день суда, достигаетъ въ нась тѣмъ, что мы поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ Онъ. Въ любви нѣть страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви. Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ нась. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидѣть, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видѣть, какъ можетъ любить Бога, котораго не видѣть? И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего. (1 Иоан. 4).

XIII.

Апостолъ Иуда писалъ: «Возлюбленные! имъ все усердіе писать вамъ объ общемъ спасеніи, я почель за нужное, написать вамъ увѣщаніе, подвизаться за вѣру однажды преданную святымъ. Ибо вкралисъ нѣкоторые люди, издревле предназначенные къ сему осужденію, нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству, и отвергающіе Единаго Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Я хочу напомнить вамъ, уже знающимъ это, что Господь, избавивъ народъ изъ земли Египетской, потомъ невѣрующихъ погубилъ, и ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, соблюдаетъ въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня. Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города, подобно имъ блудодѣйствовавши и ходивши за иною плотію, повергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ: такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальство, и злословятъ высокія власти. Михаилъ Архангель, когда говорилъ съ діаволомъ, споря о Моисеевомъ тѣлѣ, не смѣлъ произнестъ укоризненного суда, но сказалъ: да запретитъ тѣлѣ Господь. А сіи злословятъ то, чего не знаютъ; что же по природѣ, какъ безсловесный животныи, знаютъ, тѣмъ растѣваютъ себя. Горе имъ, потому что идутъ путемъ Каиновыи, предаются обольщению мѣды, какъ Валаамъ, и въ упорствѣ погибаютъ, какъ Корей. Таковыя бывають соблазномъ на ватихъ вечерахъ любви, пиршествуя съ вами, безъ страха утучняютъ себя. Это безводныя облака, носимыя вѣтромъ, осеннія деревья, бесплодныя, дважды умершія, истогнутыя,— свирѣпыя морстія волны, пѣнящіяся срамотами своими, звѣзды блуждающія, которымъ блюdetъ мракъ тьмы навѣки. О нихъ пророчествовалъ и Энохъ, седьмый отъ Адама, говоря: се идетъ Господь со тьмами святыхъ Ангеловъ своихъ, сотворить судъ надъ всѣми, обличить всѣхъ между ними нечестивыхъ во всѣхъ дѣлахъ, которая произвело ихъ нечестие, и во всѣхъ жестокихъ словахъ, которая произносили на Него нечестивые грѣшники. Это ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (нечестиво и беззаконно); уста ихъ произносятъ надутыя слова, они оказывають лице-

пріятіе для корысти. Но вы, возлюбленные, помните предсказанное Апостолами Господа нашего Иисуса Христа. Они говорили вамъ, что въ послѣднее время появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ, это люди, отдаляющіе себя (отъ единства вѣры), душевные, неимѣющіе духа. А вы, возлюбленные, назидая себя на святѣйшей вѣрѣ вашей, моляся Духомъ Святымъ, сохраняйте себя въ любви Божией, ожидая милости отъ Господа нашего Иисуса Христа для вѣчной жизни. И къ однѣмъ будьте милостивы, съ разсмотрѣніемъ; а другихъ страхомъ спасайте, исторгая изъ огня (обличайте же со страхомъ) гнушаясь даже одѣждою, которая осквернена плотію.

Могущему же соблюсти вѣсть отъ паденія, и поставить предъ славою своею непорочными въ радости, единому, премудрому Богу, Спасителю нашему, чрезъ Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть прежде всѣхъ вѣковъ, нынѣ и во всѣ вѣки: Аминь.

XIV.

Апостолъ Павель въ первомъ посланіи къ Коринѣнамъ, исчисливъ дары Духа Святаго, ниспосыляемыя и раздѣляемыя Имъ вѣрующимъ каждому особо, какъ Ему угодно, писалъ: «Ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ тутъ еще превосходнѣйшій. Если я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдь звѣнящая, или кимвалъ звучацій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣть мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долго терпить, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не раздуется неправдѣ, и сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнутъ и знаніе упразднится. Ибо мы отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ. Когда же настанетъ совершенное, тогда то,

что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенцемъ, то по-младенчески говорилъ, а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ. А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь, но любовь изъ нихъ больше. Достигайте любви: (Кр. 13).

XV.

Въ посланіи къ Евреямъ Апостолъ Павель писалъ: «Богъ многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, чрезъ котораго и вѣки сотворилъ. Сей, будучи сіяніе славы и образъ упостаси Его, и держа всѣ словомъ силы своей, совершивъ собою очищеніе греховъ нашихъ, возсѣль одесную престола величія на высотѣ, будучи столько превосходнѣй Ангеловъ, сколько славнѣйшее предъ ними наслѣдовалъ имя. Ибо кому когда изъ Ангеловъ сказалъ Богъ: Ты Сынъ мой, Я нынѣ родилъ Тебя. И еще: Я буду Ему Отцемъ, и Онъ будетъ Мнѣ Сыномъ? (Пс. 2, 7. 2 Цар. 7, 14). Такъ же, когда вводить Первороднаго во вселенную, говорить: «и да поклонятся Ему всѣ Ангелы Божіи (Пс. 26, 7). Объ Ангелахъ сказано: Ты творишъ Ангеловъ своихъ духами, и служителей своихъ пламенѣющими огнемъ. (Пс. 103, 4). А о Сынѣ: престоль Твой, Боже, во вѣкъ вѣка; жезлъ царствія Твоего жезль правоты, Ты возлюбилъ правду, и возненавидѣль беззаконіе: по сему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой слеемъ радости преимущественно предъ соучастниками Твоими (Пс. 44, 7, 8). И, въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю, и небеса суть дѣло руки Твоихъ. Они погибнутъ, а Тыпребываешь, и всѣ обеташа-ють, какъ риза, и какъ одежду свернешь ихъ, и измѣнится: но Ты тотъ же, и лѣта Твои не кончатся. (Пс. 101, 26, 28). Кому когда изъ Ангеловъ сказалъ Богъ: сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подноженіе ногъ Твоихъ? (Пс. 109, 1). Не всѣ ли они суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе? По сему мы должны быть особенно внимательны къ слышанному, чтобы не отпасть. Ибо если чрезъ Ангеловъ возвѣщенное слово было твердо, всякое преступленіе и непослушаніе получало праведное воздаяніе: то какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвъ о толикомъ спасеніи, которое, бывъ сначала проповѣдано Господомъ, въ нась утвердились слышавшими отъ Него, при засвидѣтельствованіи отъ Бога знаменіями и чудесами, и различными силами, и раздалии Духа Святаго, по Его волѣ? Ибо не Ангеламъ Богъ покорилъ будущую вселенную, о которой говоримъ; напротивъ нѣкто нѣгдѣ засвидѣтельствовалъ, говоря: что значить человѣкъ, что Ты помнишь его? или сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его? Не много Ты унизилъ его предъ Ангелами: славою и честію увѣнчалъ его, и поставилъ его надъ дѣлами рукъ Твоихъ; все покорилъ подъ ноги его. (Пс. 8, 5 — 7). Когда же покорилъ ему все, то не оставилъ ничего не покореннымъ ему. Нынѣ же еще не видимъ, чтобы все было покорено; но видимъ, что за претерпѣніе смерти увѣнчанъ славою и честію Иисусъ, который немного былъ униженъ предъ Ангелами, дабы Ему, по благости Божіей, вкусить смерть за всѣхъ. Ибо надлежало, чтобы Тотъ, для котораго все, и отъ котораго все, приводящаго многихъ сыновъ въ славу, вождя спасенія ихъ, совершилъ чрезъ страданіе. Ибо и освящающій и освящаемые, всѣ отъ Единаго; по сей причинѣ Онъ не стыдится называть ихъ братіями, говоря: возвѣщи имъ Твое братіамъ Моимъ, посреди церкви восплю Тебя. (Пс. 21, 23). И еще: Я буду уповать на Него. И еще: се Я и дѣти, которыхъ далъ Мнѣ Богъ. (Ис. 8. 17 — 18). Потому же дѣти причастны плоти и крови, то и Онъ такъ же воспринялъ оныя, дабы смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, то есть, діавола, и избавить тѣхъ, которые отъ страха смерти, чрезъ всю жизнь, были подвержены рабству. Ибо не Ангеловъ воспріемлетъ Онъ, но воспріемлетъ сѣмѧ Авраамово. По сему Онъ долженъ быть во всемъ уподобиться братіямъ, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ предъ Богомъ, для умилостивленія за грѣхи народа. Ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ; то можетъ и искущаемымъ помочь. И такъ, братія святые, участники въ небесномъ званіи, уразумѣйте Посланника и Первосвященника исповѣданія нашего, Иисуса Христа, который вѣренъ поставившему Его, какъ и Мойсей во всемъ домѣ Его. Ибо

Онъ достоинъ тѣмъ большей славы предъ Моусеемъ, чѣмъ большую честь имѣть въ сравненіи съ домомъ тотъ, кто устроилъ его. Ибо всякий домъ устроется вѣмъ либо; а устроившій все есть Богъ. И Моусей вѣренъ во всемъ домѣ Его, какъ служитель, для засвидѣтельствованія того, что надлежало возвѣстить. А Христосъ, какъ Сынъ, въ домѣ Его. Домъ же Его мы, если только дерзновеніе и упованіе, которымъ хвалимся, твердо сохранимъ доконца. По чѣму, какъ говорить Духъ Святый, *нынѣ*, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердцеъ вашіхъ, какъ во времена ропота, въ день искушенія въ пустынѣ, гдѣ искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видѣли дѣла Мои сорокъ лѣтъ. По сему Я вознедоволь на оный родъ, и сказалъ: непрестанно заблуждаются сердцемъ, не познали они путей Моихъ. По сему Я поклялся во гнѣвѣ Моемъ, что они не войдутъ въ покой Мой. (Пс. 94, 7—11). Смотрите, братія, чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго и невѣрнаго, дабы вамъ не отступить отъ Бога живаго. Но наставляйте другъ друга каждый день, пока можно говорить: *нынѣ*, чтобы кто изъ васъ не ожесточился, обольстившись грѣхомъ. Ибо мы сдѣвались причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохранимъ до конца. Доколѣ говорится: *нынѣ*, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердцеъ вашіхъ, какъ во времена ропота. Ибо нѣкоторые изъ слышавшихъ возроптали; но не всѣ вышедши изъ Египта при посредствѣ Моисея. На кого же негодовалъ Онъ сорокъ лѣтъ? Не на согрѣшившихъ ли, которыхъ кости пали въ пустынѣ? Противъ кого же клялся, что не войдутъ въ покой Его, какъ не противъ непокорныхъ. И такъ видимъ, что они не могли войти за невѣріе. По сему будемъ спасаться, чтобы, когда еще остается обѣтованіе войти въ покой Его, не оказался кто изъ васъ опоздавшимъ. Ибо и намъ оно возвѣщено, какъ и тѣмъ: но не принесло имъ пользы слово слышанное, нерастворенное вѣрою слышавшихъ. А входимъ въ покой мы увѣровавши. И такъ постараляемся войти въ покой оный, чтобы кто по тому же примѣру не впалъ въ непокорность. Ибо слово Божіе живо и дѣйственno, и острѣе всякаго меча обояду остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судить чувствованія и помышленія сердечныя. И нѣтъ твари, сокровенной отъ Него; но все обнажено и открыто предъ

очами Его: Ему дадимъ отчетъ. И такъ имѣя Первосвященника великаго, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божія, будемъ твердо держаться исповѣданія нашего. Ибо мы имѣемъ не такого Первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, но который, подобно *намъ* искушень во всемъ, кромѣ грѣха. По сему да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, чтобы получить милость и обрѣсти благодать для благовременной помощи. (Евр. 1—18). Будемъ держаться исповѣданія упованія неуклонно; ибо вѣренъ обѣщавшій. Будемъ внимательны другъ къ другу, поощряя къ любви и добрымъ дѣламъ. Не будемъ оставлять собранія своего, какъ есть у нѣкоторыхъ обычай; но будемъувѣщевать другъ друга, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе усматриваете приближеніе дня онаго. Ибо если получивъ познаніе истины, произвольно грѣшишь: то не остается болѣе жертвы за грѣхи; но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ. Если отвергшійся закона Моусеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывается, смертю: то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь Завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ? Мы знаемъ Того, кто сказалъ: *Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ*, говорить Господь. И еще: Господь будетъ судить народъ Свой (Втор. 32, 35, 36). Страшно впасть въ руки Бога живаго! (Евр. X. 23—31). „И такъ, не оставляйте упованія вашего, которому предстоить великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобы исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное... Ибо еще немного, очень немного, и Грядущій придетъ и не умѣдлить. Праведный вѣрою живъ будетъ; а если кто поколеблется, не благоволить къ тому душа Моя. (Аввак. 2, 3—4). Мы же не изъ колеблющихся на погибель, но стоимъ въ вѣрѣ во спасенію души. Вѣра же есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ. Въ ней свидѣтельствованы древніе. Вѣрою познаемъ, что вѣки устроены словомъ Божіимъ; такъ что изъ невидимаго произошло видимое. Вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую, нежели Каинъ; ею получилъ свидѣтельство, что онъ праведень, какъ свидѣтельствовалъ Богъ о дарахъ его; ею онъ и по смерти говорить еще. Вѣрою Енохъ преселенъ былъ такъ, что не видѣлъ смерти; а не стало его: потому что Богъ

преселилъ его. Ибо прежде преселенія своего получилъ онъ свидѣтельство, что угодилъ Богу. А безъ вѣры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣрвалъ, что Онъ есть, и ищущій Его воздаѣтъ. Вѣрою Ной, получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо, благоговѣя приготовилъ ковчегъ для спасенія дома своего; ею осудилъ онъ весь міръ, и сдѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ. Вѣрою Авраамъ повиновался призванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе; и пошелъ, не зная, куда идетъ. Вѣрою обиталъ онъ на землѣ обѣтованной, какъ на чужой, и жилъ въ шатрахъ съ Исаакомъ и Іаковомъ, сонаслѣдниками того же обѣтованія. Ибо онъ ожидалъ города, имѣющаго основаніе, котораго художникъ и строитель Богъ. Вѣрою и сами Сарра, (будучи неплодна), получила силу къ принятію сѣмени, и не по времени возраста родила; ибо знала, что вѣренъ обѣщавшій. И потому отъ одного, и при томъ омертвѣлого, родилось такъ много, какъ много звѣздъ на небѣ, и какъ безчисленъ песокъ на берегу морскому. Всѣ сіи умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій; а только издали видѣли онья, и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ. Ибо тѣ, которые такъ говорятъ, показываютъ, что они ищутъ отечества. И еслибы они въ мысляхъ имѣли то отечество, изъ котораго вышли: то имѣли бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, то есть, къ небесному; по сему и Богъ не стыдится ихъ, называя Себя ихъ Богомъ, ибо Онъ приготовилъ имъ городъ. Вѣрою Авраамъ, будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака; и имѣя обѣтованіе, принесъ единороднаго, о которомъ было сказано: въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмѧ. (Быт. 21. 12). Ибо онъ думалъ, что Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскресить. По чѣму и получилъ его въ предзначеніе. Вѣрою въ будущее Исаакъ благословилъ Іакова и Іасава. Вѣрою Іаковъ, умирая, благословилъ каждого сына Іосифа и поклонился на верхъ жезла своего. Вѣрою Іосифъ, при кончинѣ, напомнилъ объ исходѣ сыновъ Израилевыхъ, и завѣщалъ о костяхъ своихъ. Вѣрою Моисей, по рожденіи, три мѣсяца скрывалъ бывъ родителями своими: ибо видѣли они, что дитя прекрасно и не устрашились царскаго повелѣнія. Вѣрою Моисей, пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери Фараоновой; и лучше захотѣлъ стра-

дать съ народомъ Божіимъ, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе; и поношеніе Христово почелъ болѣшимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища. Ибо онъ взиралъ на воздаяніе. Вѣрою оставилъ онъ Египетъ, не убоявшись гнѣва царскаго: ибо онъ, какъ бы видя невидимаго, былъ твердъ. Вѣрою совершилъ онъ Пасху и пролитіе крови, дабы истребитель перевенцевъ не коснулся ихъ. Вѣрою перешли они Чернное море, какъ по сушѣ; на что покусившись, Египтяне потонули. Вѣрою пали стѣны Йерихонскія, по семидневномъ обхожденію. Вѣрою Раавъ блудница, съ миромъ принявъ соглядатаевъ, (и проводивъ ихъ другимъ путемъ) не погибла съ невѣрными. И что еще скажу? не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Сампсонѣ, о Іефоаѣ, о Давидѣ, Самуилѣ, и другихъ пророкахъ, которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки въ войнѣ, прогоняли полки чужихъ; жены получали умершихъ своихъ воскресшими; иные же замучены были, не принявъ освобожденія, дабы получить лучшее воскресеніе, — другіе испытали поруганія и побои, и такъ же узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ; умирали отъ меча; скитались въ миотахъ и козыихъ кожахъ, терпѣли недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли. И всѣ сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго: потому что Богъ предусмотрѣлъ о нась нѣчто лучшее, дабы они не безъ нась достигли совершенства. По сему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на нечальника и совершиителя вѣры Іисуса, который вмѣсто предлежащей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія. (Евр. 10. 35 — 37. 11. 12. 1 — 2).

XVI.

Проникнутые такимъ ученіемъ, первые христіане содѣвались новыми людьми и жизнь ихъ рѣзко стала отличаться

оть жизни язычниковъ. Увѣровавъ во единаго Бога и Христа Его, они уже не покланялись идоламъ, не приносили имъ жертвъ, не называли Императора Богомъ, ниже Господомъ, не клялись его именемъ, не участвовали въ торжествахъ и празднествахъ языческихъ, гдѣ освящались развратъ и страсти, не ходили на игры, гдѣ въ потѣху кровожаднымъ зрителямъ осужденныхъ преступниковъ выводили на растерзаніе звѣрьмъ, рабовъ и плѣнниковъ заставляли на смерть сражаться мечами, или биться съ выпущенными на нихъ лютыми звѣрьми. На противъ, они собирались только на вечери любви, гдѣ преломляя хлѣбъ въ воспоминаніе смерти Господней, слушали поученія Богодухновенныхъ мужей, читали псалмы, возносили молитвы и славословія къ престолу Все-вышняго и совершили дѣла любви: помогали немощнымъ и бѣднымъ. А въ домашней жизни: вмѣсто пресыщенія засту-пилъ постъ, вмѣсто мірскихъ развлечений и сквернословій — молитва, пѣніе священныхъ гимновъ и благочестивыя бесѣды. Вообще же смиреніе, кротость, терпѣніе, воздержность во всемъ первыхъ христіанъ являли необычное зрѣлище.

Міръ, увидѣвъ въ нихъ обличителей своего нечестія и разврата, возненавидѣлъ ихъ. По сему Гудеи гнали христіанъ, какъ разорителей ихъ отеческихъ преданій, а язычники стали преслѣдоватъ ихъ, какъ враговъ ихъ вѣры и разорителей ихъ обычаевъ, привычекъ и порядковъ обыденной жизни, тѣмъ болѣе, что для многихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, — для идолъскихъ жрецовъ, распорядителей играми и ремесленниковъ, дѣлавшихъ идолы и прочіе предметы идолъскаго слу-женія, христіанство подрывало уже личные ихъ интересы. Непависть сихъ враговъ стала распространять на христіанъ самыя нелѣпныя клеветы: будто бы они не признаютъ Им-ператора царемъ, и дожидаются своего царя, не покоряются властимъ, преданы грубому суевѣрію и волшебству, ненави-дятъ родъ человѣческій, — собираясь на вечери, закалаютъ младенца и питаются его кровію, потомъ, угашая свѣтиль-ники, предаются грубымъ страстямъ, — наконецъ, будто бы отъ нихъ происходятъ всѣ народныя бѣдствія: моръ, голодъ, землетрясеніе, которые тогда были часты и почти повсемѣстны. Эти клеветы и жалобы на христіанъ, какъ на раз-рушителей государственной религіи, востановили противъ нихъ Римскихъ Правителей и самыхъ Императоровъ, тѣмъ болѣе,

что съ званіемъ Императора соединено было званіе Перв-священника, и, кромѣ того, Императоры были обоготворяемы и при жизни: ихъ изображеніемъ, какъ идоламъ, приносимы были жертвы, и нѣкоторые, по смерти, указами Сената Рим-скаго причисляемы были къ сонму боговъ, покровителей Рима. Римскіе Императоры начали дѣйствовать противъ Христіанъ со всѣмъ могуществомъ всесвѣтной власти. Христіане лишены были всѣхъ правъ гражданства, имущество ихъ расхищались, ихъ вездѣ преслѣдовали, и многообразными, придуманными безчеловѣчіемъ, истязаніями вынуждали отрекаться отъ Хри-ста — и приносить жертвы идоламъ, и когда они оставались тверды въ своемъ исповѣданіи, ихъ предавали разнообраз-нымъ казнямъ: — то утопленію, то сожженію, то распятію, то растерзанію лютыхъ звѣрей.

Три вѣка продолжалось это гоненіе. Три вѣка самая мо-гущественная власть, какую только люди могутъ имѣть на землѣ, употребляла всѣ усилія искоренить христіанство, но всѣ усилія ея оказались тщетными: чѣмъ яростнѣе было пре-слѣдованіе, и чѣмъ мучительнѣе изобрѣтались для христіанъ муки, тѣмъ болѣе распространялось оно. Твердость исповѣд-никовъ и мучениковъ, ихъ благоговѣйный, сіяющій высшимъ миромъ и упованіемъ, видѣ, часто таکъ поражалъ самыхъ мучителей, что и они дѣялись Христіанами, исповѣдниками и мучениками, принимая крещеніе въ своей крови.

XVII.

Послѣднее гоненіе, воздвигнутое Императорами Діоклітіа-номъ и Галеріемъ, было самое ужасное и безчеловѣчное. Тогда было положено: истребить христіанъ, а для сего по всей имперіи разосланы указы, что исповѣдующіе вѣру Хри-стову, невзирая ни на какой санъ, лишаются защиты зако-новъ, всякой почести и подлежатъ пыткамъ; что въ угод-ность богамъ языческимъ, власти должны преслѣдовать во-обще всѣхъ тѣхъ, которые будутъ чуждаться ихъ жертвы. И вотъ возгорѣлось съ новою силою гоненіе: церкви хри-стіанскія разрушали; книги Св. Писанія сожигали; Еписко-повъ и клириковъ повлекли въ темницы; повсюду разсыпали въ народъ хульныя писанія противъ религіи христіанской, осмѣивая въ нихъ самые священные догматы; по стогнамъ раз-

ставили судища судей съ жертвенниками для возжения єиміама, и влекли къ нимъ христіанъ; изобрѣли множество новыхъ мученій, какъ бы по недостатку прежнихъ, — для устрашенія и вынужденія исповѣдниковъ къ отречению отъ Христа; за тѣмъ начались пытки и убийства: однихъ убивали мечемъ, другихъ сжигали толпами, или толпами погружали въ море. Такъ въ Никомидіи, въ день Пасхи, погибло до 20,000 вѣрныхъ, а въ Египтѣ, говорить очевидецъ, тушились мечи отъ множества отсѣченныхъ головъ, и ослабѣвали руки палачей; осужденные же съ радостными гимнами встрѣчали разнообразную смерть: одни на крестахъ, другие пригвожденные внизъ головой, кто въ огнѣ, кто подъ бичами, кто подъ строганіемъ желѣзныхъ когтей; иныхъ расторгали на части напряженная деревья; казни эти продолжались нѣсколько лѣтъ сряду, и каждый день падало по нѣсколько десятковъ жертвъ всякаго возраста и пола: въ одинъ мѣсяцъ погибло тамъ до 17,000.

Одинъ изъ мучениковъ, Епископъ юни Филексъ такъ описывалъ незадолго до кончины своей другу своему страданія христіанъ: «насъ ни во что вмѣняютъ, какъ будто бы мы уже не существовали, хотя ни кто не въ силахъ исчислить всѣ подвиги нашей доблести; всякому позволено оскорбить насъ и мучить, удары сыплются на беззащитныхъ: иныхъ растягиваютъ на пальцахъ, раздирая все тѣло желѣзными когтами; другихъ привязываютъ лицемъ къ столбу, не давая касаться ногами земли, и непрестанно сминаяющіеся палачи стягиваютъ крѣпче и крѣпче узы, доколѣ не готова улетѣть душа; тогда бросаютъ изъязвленныхъ на стогнахъ, безъ всякой милости, или въ душную темницу; но не смотря на всѣ страданія, едва дышущіе предпочитаютъ еще смерть идолъскимъ жертвамъ».

Въ Сиріи, Месопопаміи, Каппадокіи, Понѣ, мученія разнствовали по обычаю мѣсть. — Въ первыхъ двухъ жгли исповѣдниковъ малымъ огнемъ; въ Аравіи и Каппадокіи ломали имъ члены; въ Понѣ забивали гвозди за ногти, или обливали растопленнымъ оловомъ, и иногда же изобрѣтали и такія позорныя муки, которыхъ невозможно описать. Во Фригіи нашелся цѣлый городокъ Христіанскій, всѣ власти коего отреклись отъ жертвъ идолъскихъ; пришли войска и сожгли городъ со всѣми жителями.

Вся Римская имперія, кромѣ Галліи, где управлялъ благоприятствовавшій христіанамъ Цезарь Константій Хлоръ, сдѣлалась поприщемъ кровопролитій. «Никогда, никакою войною, пишетъ одинъ изъ лѣтописцевъ, не была столь опустошаема земля, и мы никогда не побѣждали съ такимъ торжествомъ, какъ въ настоящее время, ибо поражаемые десять лѣтъ оставались непобѣдимыми. Выбита была даже монета властями изысканными въ память истребленія имени Христіанскаго, и оказалась тщетною».

XVIII.

Неисчислимъ сонмъ воиновъ Христовыхъ, проливавшихъ за имя Его кровь свою; но многіе имена ихъ и подвиги, на память и поученіе насы, сохранены лѣтописью христіанской. Вспоминая, хотя кратко, самое малое число ихъ.

Изъ семи избранныхъ Апостолами діаконовъ, Стефанъ былъ исполненъ вѣры, совершая великия знаменія въ народѣ и одолѣвалъ іудеевъ во всѣхъ ихъ словопрѣніяхъ. Это возбудило зависть ревнителей Ветхаго Завѣта, называемыхъ Зилотами, и они, обвиняя его въ богохульствѣ, повлекли въ Синедріонъ. Тамъ лице его просвѣтилось, какъ лице ангела и они упомянувъ о завѣтѣ Бога съ Авраамомъ и прочими Патріархами, о законѣ, данномъ отъ Бога Моисею, о совершенныхъ имъ чудесахъ и о заповѣди Моисея быть послушанными Пророку, котораго возвѣгнѣть Господь, горько обличалъ жестоковѣйшихъ, всегда упортировавшихъ противъ Духа Святаго, которые умертвивъ всѣхъ пророковъ, убили наконецъ и предвозвѣщенаго имъ Праведника. Въ заключеніе Стефанъ, исполненный Духа Святаго, возрѣвъ на небо, воскликнулъ: «вижу небеса отверстия и Сына человѣческаго стоящаго одесную Бога!» Тогда всѣ затыкая уши свои и яростно крича, устремились на Стефана и выведши за городъ, стали убивать его каменьями. Стефанъ же молился и говорилъ: «Господи Иисусе! прими духъ мой». И преклонивъ колѣна, громкимъ голосомъ возвзвалъ: «Господи! не вмѣни имъ грѣха сего». И сказавъ это, почилъ. (Дѣян. 7).

Эта кровь была первою мученическою кровью, пролитою за свидѣтельство имени Христова.

Апостолъ Петръ закончилъ свою проповѣдь въ Римѣ. Обращеніе къ Господу двухъ кесаревыхъ женъ раздражило свирѣпаго Императора Нерона и онъ искалъ умертвить Апостола. Преклоненный плачъ вѣрныхъ, Петръ, совершивъ соборную молитву, вышелъ было одинокій изъ Рима ночью; но при вратахъ города встрѣтилъ идущаго Христа, и поклонясь Ему, спросилъ: «Господи, куда грядешь?» «Иду въ Римъ опять распяться», отвѣчалъ Господь и сталъ невидимъ. Тогда Петръ уразумѣвъ, что Господь, страждущій въ рабахъ своихъ, какъ въ истинныхъ своихъ членахъ, хочетъ и въ его тѣлѣ пострадать среди Рима, возвратился въ городъ, и былъ взятъ воинами царскими. Ведомый на казнь, онъ только молилъ распинателей своихъ, чтобы не просто, но стремглавъ его распяли, изъ уваженія къ крестной смерти Господа, да не будетъ ему подобенъ въ образѣ распятія, но преклонитъ подъ ноги Его свою главу.

Подобно Петру окончили свое земное поприще и прочіе Апостолы мученическою смертію, только одинъ Апостолъ Иоаннъ переживъ всѣхъ ихъ, промысломъ Божіимъ сохраненъ былъ отъ мученической смерти, и скончался смертію естественною; но и онъ пострадалъ за имя божественнаго Учителя. Въ царствованіе Императора Доміціана, онъ былъ вызванъ въ Римъ и тамъ преданъ былъ біенію, безвредно испилъ чашу смертной отравы и невредимъ вышелъ изъ котла кипящаго масла, къ ужасу изумленнаго Кесаря, и былъ послѣ того сосланъ въ заточеніе на островъ Патмосъ; тамъ испытанными благодѣтельствовалъ жителямъ сего острова и обратилъ ихъ къ истинному свѣту, тамъ же удостоился божественного откровенія и написалъ пророческую о будущихъ судьбахъ Христіанства и міра книгу,—Апокалипсисъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ городѣ Ефесѣ, поучая объемлющей весь законъ и пророковъ заповѣди любви, и здѣсь по убѣжденію вѣрующихъ написалъ свое Евангелие.

XIX.

Послѣ Иоанна оставался долго свѣтиломъ въ церкви Христовой Антіохійской Епіскопъ Игнатій Богоносецъ. Онъ удостоился въ своемъ дѣтствѣ видѣть Господа, сидѣть на Его

колѣнахъ и получить благословеніе. Императоръ Троянъ, проходя съ войскомъ чрезъ Антіохію, призвалъ его къ себѣ и спросилъ: «ты ли, называющій себя Богоносцемъ, вопреки повелѣній нашихъ, развращаешь всю Антіохію вслѣдъ твоего Христа?» — Я, отвѣчалъ Игнатій, и на другой вопросъ, что значитъ Богоносецъ? опять отвѣтствовалъ: «носящій Христа Бога въ душѣ своей». «Или ты думаешьъ, возразилъ Царь, что и мы не носимъ въ памяти своей боговъ нашихъ, сподѣшниковъ побѣды?» — Боги ваши, сказалъ Игнатій, идолы языческіе! Одинъ Богъ истинный, Творецъ неба и земли, одинъ Господь Иисусъ Христосъ, Его же царствію не будетъ конца». Троянъ велѣлъ отвести его въ Римъ на същеніе звѣрямъ амфитеатра. На пути въ Римъ и въ Римѣ, Игнатій словами и многими посланіями утверждалъ христіанъ въ вѣрѣ въ божественность Христа, и убѣждаль пребывать въ любви и единомысліи и писалъ: «хочу не только называться христіаниномъ, но и быть такимъ дѣйствительно; возвѣщаю всѣмъ церквамъ, что смерть моя не есть дѣло сѣтованія; умираю добровольно, если только не возбраните: видимое временно, невидимое вѣчно. Молю васъ, дозвольте мнѣ быть снѣдію звѣрей, чрезъ которыхъ достигну Бога; я Божія пшеница, зубами же звѣрей сотрѣнъ буду въ чистый хлѣбъ Господу; лучше возбуждайте ихъ, дабы сдѣлались мнѣ гробомъ, и ничего не оставили бы тѣла моего въ тягость погребателямъ. О, если бы я уладился звѣрями въ Римѣ! Нынѣ только начинаю быть ученикомъ Христовыムъ, когда одного Его желаю: огнь, мечъ, крестъ, муки, звѣрей, все приготовьте, да получу Христа». Тщетно христіане римскіе хотѣли спасти его; онъ только помолился съ ними о прекращеніи гоненій, и послѣдилъ въ амфитеатръ. Тамъ разтерзали его звѣри, почти безъ остатка; не много костей собрано было въ плащеницу для утѣшенія Антіохійской церкви; ночью явился плачущимъ священномученикъ, молящійся о ихъ спасеніи, и слезы изсякли.

XX.

Смирнскій Епіскопъ Поликарпъ былъ изъ учениковъ Св. Апостола Иоанна. Въ преклонной уже старости онъ пострадалъ вмѣстѣ съ христіанами своей паствы, твердость кото-

рыхъ не поколебали ни звѣри, ни пламя, ни пытки, ни терзанія бичемъ или когтями, обнажавшими ихъ кости. Когда Поликарпъ, не взирая ни на ласкательства, ни на угрозы Проконсула, исповѣдалъ Христа, яростная чернь возопила: «вотъ учитель Азіи, вотъ отецъ всѣхъ христіанъ и разоритель боговъ; звѣрей! звѣрей!» Но ихъ блюститель объяснилъ народу, что игрища звѣриныя уже кончены; тогда всѣ закричали: «сжечь Поликарпа!» Язычники и Иудеи устремились за орудіями казни, собрали дрова изъ окрестныхъ башнъ и домовъ, и вознесся высокій костеръ. Когда хотѣли приковать мученика ко столбу на кострѣ; онъ просилъ оставить его безъ гвоздей, потому что Тотъ, кто дасть ему силу вытерпѣть пламя, дасть и твердое стояніе на кострѣ; однако же ему связали руки; и онъ подобенъ былъ овну, избранному изъ всего стада во всесозженіе Богу. Тогда поднявъ взоры къ небу, онъ произнесъ: «Господи Боже всемогущій, Отецъ Благословленнаго и возлюбленнаго Сына Твоего Иисуса Христа, чрезъ котораго мы получили милость познать Тебя, Боже Ангеловъ и силъ и всякой твари и всего рода праведныхъ, живущихъ предъ лицемъ Твоимъ, благодарю, что далъ мнѣ часть въ числѣ твоихъ мучениковъ и въ чашѣ Христа Твоего, чтобы воскреснуть мнѣ душею и тѣломъ къ жизни вѣчной въ нетѣлѣніи Святаго Духа. Аминь». Едва заключилъ онъ молитву, какъ поднялось обширное пламя костра, и странное чудо! — огонь на подобіе свода окружилъ мученика, подобно парусу, наполняемому вѣтромъ; онъ же стоялъ по срединѣ, не прикосновенный огню, какъ испекаемый хлѣбъ, какъ золото и серебро очищаемыя въ горнилѣ, и вокругъ него разливалось какъ бы благовоніе єимиама. Мучители, видя бездѣйствіе пламени, велѣли довершить Поликарпа мечемъ, какъ добиваются звѣрей въ амфитеатрѣ; когда же воинъ пронзилъ его тѣло, обиліе крови потушило пламя.

XXI.

Потамина, рабыня рѣдкой красоты, предана была суду, какъ христіанка, своимъ владельцемъ, который не могъ склонить ее къ удовлетворенію постыдной страсти, и обѣщалъ большія деньги префекту Египта, если онъ убѣдить ее по-

жертвовать собою; но обольщенія остались тщетными и цѣло-мудренную рабыню присудили ввергнуть въ кипящій котель. Потамина испросила только не обнажать ее, предложивъ въ замѣнѣ этой милости, чтобы ее постепенно, а не вдругъ, опу-скали въ котель и тѣмъ умножили муки. Согласился пре-фектъ и велѣлъ одному изъ стражей, Василиду, вести ее на казнь; но воинъ исполненный состраданія, старался облег-чить ей тяжкій путь кроткимъ обращеніемъ, отклоняя отъ нея яростную чернь; тронутая Потамина обѣщала ему умолить о немъ Господа тотчасъ по исходѣ изъ времянной жизни; обѣщала и то, что онъ вскорѣ почувствуетъ дѣйствіе ея при-знательности, и съ чрезвычайною твердостію перенесла всѣ муки; тутъ же сожгли и мать ея Маркеллу. Немного спустя, товарищи Василида хотѣли заставить его поклясться ложными богами, но онъ отвѣчалъ, что христіанину не дозволена та-кая клитва. Сперва надъ нимъ смѣялись, полагая, что онъ смѣется, но видя его твердость, донесли префекту и заклю-чили его въ темницу. Тамъ посѣтившіе его христіане спраши-вали о причинѣ скораго обращенія. «Мнѣ явилась ночью Потамина, отвѣчалъ онъ, чрезъ три дня послѣ кончины, и возложивъ на меня вѣнецъ, сказала, что уже испросила ми-лость у Господа и что я скоро сподоблюсь небесной славы.» Вѣрные запечатлѣли нового брата таинствомъ крещенія, не-вѣрные же мучительствомъ, отсѣкши ему голову.

XXII.

Въ правленіе императора Велеріана римскій префектъ Макринъ, умертвивъ тамошняго епископа Сикста, потребовалъ сокровищъ церковныхъ отъ діакона Лаврентія, какъ отъ до-вѣреннаго казнохранителя Сикстова. Лаврентій просилъ себѣ трехдневнаго срока, и собралъ въ притворѣ хромыхъ, слѣ-пыхъ и всѣхъ странныхъ и убогихъ, которыхъ питала ми-лостью церковь Римская. «Вотъ наши лучшія сокровища, сказала онъ изумленному префекту, златые и серебряные сосуды и таланты, съ которыми не можетъ сравниться ни-какое богатство вѣка сего: пользуясь ими для спасенія Ке-саря и самаго себя.» Макринъ велѣлъ положить мученика на раскаленную рѣшетку, и небеснымъ свѣтомъ прославилось

лице его; благоухали горящие члены. Пролежавъ долго на одномъ боку, Лаврентій спокойно сказалъ мучителю: «уже испекся, обрати,» и потомъ опять: «теперь готовъ я, можешьъсть,» и возвавъ къ Богу о спасеніи Рима, испустилъ духъ.

Одного христіанина хотѣли заставить насильно воскурить ейміамъ предъ идоломъ и положивъ въ руки его ладонь, держали ее надъ жертвеннникомъ, на которомъ пыпалъ огонь; а рука его обуглилась, но онъ не разжалъ ее. Другаго, чтобы заставить прежде нарушить цѣломудріе, связавъ въ прохладной рощѣ, предали неистовыемъ обѣтіямъ блудницы; но онъ выплюнулъ ей въ лицѣ откушенній языкъ свой.

XXIII.

Когда съ такимъ неистовствомъ невѣжественная чернь и человѣческая власть повсемѣстно напрягали всѣ свои силы къ искорененію христіанъ и обращенію ихъ отъ Христа къ идоламъ,— въ тоже время и тогдашняя мірская образованность и человѣческая мудрость, въ лицѣ своихъ волхвовъ и философовъ, изощряли всѣ силы ума и знаній къ низверженію христіанскаго ученія. Одни, какъ Симонъ волхвъ, волхваніями старались представить себя также чудотворцами и обратить легковѣрныхъ въ послѣдователей своего ученія. Другіе, какъ Цельсь, расточали все свое остроуміе на то, чтобы осмѣять проповѣдниковъ Христа и проповѣдуемыя ими истины. Иные изощряли перо и языкъ противъ Евангелія, тѣмъ съ большою пагубою, что въ свое ученіе вносили многіе христіанскіе доктрины, и, не отвергая многобожія, проповѣдывали поклоненіе единому Богу. Такъ ученики Аммонія, наипаче Плотинъ и его послѣдователи, соглашеніемъ христіанскаго ученія съ языческимъ, предпринимали составить новую религію. А многіе, славные утонченностию и остротою ума, краснорѣчіемъ и силою воображенія, какъ Порфирий и Филостратъ, повѣствованія о языческихъ богахъ принаравливали къ евангельской исторіи и до того успѣвали, что нѣкоторые изъ легкомысленныхъ христіанъ отъ Евангелія обращались къ ихъ ученію и изъ идолопоклонства и христіанства составляли для себя нѣкоторый средній родъ религіи.

Сверхъ того въ средѣ самыхъ христіанъ произрасли плевелы многихъ ересей. Такъ, одни Христіанство совокупляли

съ Іудействомъ, какъ Евіонесь и Назореи. Другіе, стремясь человѣческимъ умомъ поработить истины Божіи, вносили въ ученіе Христа свои вымыслы и разнообразныя господствовавшія тогда системы философовъ, какъ послѣдователи Сатурнина, Василида, Карпократа, Валентина и другихъ. Иные изъ мечтательности или изъ корыстныхъ видовъ объявляли себя обѣщаннымъ отъ Христа Параклітомъ (Утѣшителемъ), какъ Монтанъ, Манесь и другіе, и выдавая свои вымыслы за высшую мудрость, старались пріобрѣсть себѣ послѣдователей, требуя отъ нихъ безбрачія, нищеты, воздержанія отъ мясъ, вина и пр., и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволяя отступать отъ всѣхъ правилъ нравственности.

XXIV.

Но не взирая на все это, Церковь Христова болѣе и болѣе укрѣплялась и распространялась. Тертуліанъ, писатель III-го вѣка, въ слухъ всего свѣта говорилъ, что христіане наполняютъ города Римской имперіи, острова, войско, селенія, Сенатъ, торжище и дворъ. А въ IV вѣкѣ пространство церкви святые Аѳанасій и Василій Великій равняли пространству всей земли, извѣстной въ то время. Согласно съ ними Юлій Мавринъ писалъ Императорамъ: «гдѣ восходитъ и заходитъ солнце, гдѣ начинается сѣверъ и кончается югъ, все исполнено славою имени Христова.

Проповѣдь о Христѣ распятомъ,— Іудеямъ казавшася соблазномъ, а Елинамъ— безуміемъ, обратила въ христіанъ самыхъ философовъ, вельможъ и царей, и тѣ сознали, что дѣйствительно распятый Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость.

Наконецъ и Римскій императоръ Константинъ увѣровалъ во Христа, и, сдѣлавшись единовластителемъ во всей Римской имперіи, возвдвигъ крестъ въ Римѣ, какъ единственное орудіе силы и побѣды, уничтожилъ всѣ указы и законы, враждебныя Христіанской Церкви, возвратилъ права, имущество и свободу всѣмъ, лишившимся ихъ за исповѣданіе Иисуса Христа; самъ написалъ увѣщанія ко всѣмъ подданнымъ о принятіи христіанской вѣры и о прославленіи Христа, даровавшаго побѣды его оружію; открылъ царскія сокровища для

построенія христіанскихъ храмовъ и принималъ всѣ мѣры къ устройству и умиротворенію Церкви Христовой.

Такъ чрезъ три столѣтія совершилась побѣда Церкви Христовой надъ язычествомъ, не преломленія трости надломленной, не упавшая лына курящаюся.

XXV.

Теперь обратимся назадъ и посмотримъ, что сдѣлалось съ Иудеями и Иерусалимомъ.

Вскорѣ послѣ вознесенія Господа на небо страшныя землетрясенія, разрушившія цѣлые города въ Виеннѣ и Компаниѣ, ужасный голодъ въ Римѣ, Греціи и Палестинѣ, свирѣпая язва въ Вавилоніи и Италии, кровопролитныя междоусобія въ Іудеѣ и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ, потомъ въ цѣлой имперіи по смерти Нерона, стали предвѣщать всему миру о близкомъ исполненіи одного изъ великихъ судовъ Божіихъ. И вотъ тучи бѣдствій, носившіяся дотолѣ по разнымъ мѣстамъ, вдругъ устремились въ Палестину и сосредоточились надъ Иерусалимомъ.

Для вразумленія легкомысленныхъ началу бѣдствій предшествовали знаменія. Комета, въ видѣ меча, являлась цѣлый годъ надъ Иерусалимомъ. Ночью, на праздникъ Опрѣсноковъ, внезапный свѣтъ осиялъ алтарь и храмъ, и восточныя мѣдныя врата его, съ трудомъ отверзаемыя силою двадцати человѣкъ, раскрылись сами собою и на вечернемъ небѣ явились въ разныхъ мѣстахъ Палестины конные всадники и колесницы, стремящіеся къ св. граду; въ день же Пятидесятницы священники и левиты, вошедши въ храмъ для принесенія обычныхъ жертвъ, съ ужасомъ почувствовали тяжкое его колебаніе, и внезапно услышали исшедшій изъ внутренняго святилища громкій гласть: «изыдемъ отсѣль!» За четыре года до войны, одинъ поселянинъ, какъ бы вдохновенный свыше, началъ по городу крачать: горе Иерусалиму и храму,» и продолжалъ это дотолѣ, пока во время осады, сказавъ: «горе и мнѣ,» убить былъ камнемъ, брошеннымъ изъ пращи непріятельской.

Но ни страшныя знаменія, ни убѣжденія Царя Агрипа и Первосвященника, ни совѣты мудрыхъ не могли отвратить

Іудеевъ отъ безумной и гибельной борьбы съ Римлянами. Они распаленные мечтами о народной независимости и угнетаемые хищностью и несправедливостію римскихъ игемоновъ, возстали противъ всесвѣтныхъ обладателей. Возстаніе было общее всѣхъ Іудеевъ. Жестокая война возгорѣлась по всѣмъ городамъ и селамъ Сиріи и Палестины, и тогда началась скорбь, какой не было подобной и не будетъ. Евреевъ повсемѣстно избивали безъ всякой пощады: десятками тысячъ погибали они въ населенныхъ ими мѣстностяхъ. Наконецъ Римляне, обративъ въ развалины всѣ города Іудеи и всю эту страну въ пустыню, окружили своими легіонами и обнесли окопами и валомъ Иерусалимъ, наполненный разбойническими толпами Зилотовъ, Идумеевъ, Сикаріевъ. Эти изверги, называя себя защитниками св. града, и захвативъ въ свои руки власть, безжалостно предавали смерти лучшихъ гражданъ, рѣзали другъ друга, предавались всякому разврату, издѣвались надъ пророками и надъ самимъ Іеговою. Такъ обнаружилась мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, видѣнія Пророкомъ Данииломъ.

Голодъ и моръ налегли на пожиравшій раздорами городъ. Тамъ тысячи непогребенныхъ мертвцевъ покрывали торжище, улицы, самій храмъ. Голодъ доходилъ до того, что матери закалали собственныхъ младенцевъ для снѣди. Бѣжавшихъ же отъ голода Римляне распинали тысячами, и всѣ окрестности города покрыты были ихъ крестами. Но никакія убѣжденія не могли склонить отчаянныхъ Іудеевъ къ покорности. Напослѣдокъ Иерусалимъ взять приступомъ и вмѣстѣ съ храмомъ обращенъ въ груды камней и кучи пепла. Болѣе миллиона Евреевъ погибло во время осады, а отъ несмѣтнаго числа плѣнныхъ и обилія золота, найденного побѣдителями въ Иерусалимѣ, упала цѣна рабовъ и металла.

Самъ побѣдитель — язычникъ Титъ, удивленный гибельными слѣдствіями побѣды, призналъ себя орудіемъ гнѣва небеснаго и отказался отъ титла: *иудейскою*.

Достовѣрность всѣхъ бѣдствій Иерусалима свидѣтельствуетъ Исторія и дошедшая до нашихъ временъ книга Іудея Іосифа Флавія, не только современника, но и дѣйствователя въ этой страшной войнѣ.

Такъ пришла кровь праведниковъ на родъ богоотступный! пришла въ то время, когда многіе изъ Іудеевъ, современ-

ныхъ Іисусу Христу, еще не успѣли приложитьсь къ отцамъ своимъ; пришла такъ, что не только Іудеи, самые язычники увидѣли и исповѣдали карающій перстъ Божій! Такъ исполнились пророчества Моисея и Господа!

Въ то же время вѣрные предостереженію своего Учителя христіане сохранили себя непричастными гражданскимъ смутамъ и бранямъ, заблаговременно оставили землю, оставленную Богомъ, а прочіе спаслись бѣгствомъ въ горы Пеллы.

XXVI.

Но ни разрушеніе Іерусалима, ни всемірное разсѣяніе Іудеевъ, не вразумило слѣпотствующихъ: они по прежнему продалжали съ упорствомъ мечтать о Мессіи — завоевателѣ, о независимости и о возстановленіи Іерусалима. Пользуясь симъ, одинъ за другимъ стали являться между ними лжехристы и лженпророки и обманутый ими народъ вновь восталъ противъ Римлянъ сначала въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, а напослѣдокъ опять во всей Іудеи подъ начальствомъ лжемессіи, назвавшаго себя Варкохеевой — сыномъ звѣзды, на память той, которая по пророчеству Валаама должна была возсіять отъ Іакова. Еще полилась кровь Іудейская и новые сотни тысячъ подверглись рабству. Послѣ того Іудея окончательно обращена въ пустыню, на мѣстѣ Іерусалима воздвигнутъ новый городъ подъ названіемъ Эліи Капитолины, на мѣстѣ Соломонова храма поставлено капище Юпитеру, и чтобы сдѣлать этотъ городъ недоступнымъ для Евреевъ, на вратахъ его поставлено было изваяніе противнаго имъ животнаго — свиньи. Однажды только въ годъ дозволялось имъ приходить и издали плакать въ виду древней своей родины.

Императоръ Андрианъ, желая и христіанъ удалить отъ священныхъ для нихъ мѣстъ, поставилъ статую Венеры на Голгоѳѣ, Юпитера надъ вертепомъ гроба Господня, а около пещеры Виelleемской насадилъ рощу Адонисову, но тѣмъ самыми способствовалъ къ сохраненію мѣстнаго о нихъ преданія, и благочестивая мать Императора Константина, Царица Елена, прибывъ въ Палестину для поклоненія святымъ мѣстамъ, ниспровергнувъ идолы, соорудила тамъ величественные церкви и отыскавъ животворящее древо, на коемъ

былъ распятъ Господь, воздвигла его для поклоненія всѣмъ народамъ земли. Вскорѣ Іерусалимъ и его окрестности, Самиарія и Галилея наполнились храмами, воздвигнутыми въ память событий земной жизни Спасителя, и все огласилось гимнами христіанъ.

XXVII.

Но вотъ истина пророчества Іисусова, какъ бы подвергается испытанію. На престолъ кесарей Римскихъ воспѣлъ Іуліанъ, врагъ христіанства, другъ Іудеевъ, поклявшійся, для посрамленія христіанъ и вѣры ихъ, возстановить, вопреки пророчеству Іисуса Христа, храмъ Іерусалимскій. По зову его, тысячи Іудеевъ со всѣхъ сторонъ свѣта стеклись въ Палестину; начали разрывать основаніе храма; богатѣйшія жены своими руками копали землю; усердіе дошло до энтузіазма; все напрасно! — Землетрясеніе и извергающіеся изъ земли камни прогнали и разсѣяли ихъ. Затѣмъ самъ Іерусалимскій Епархъ Алишій принимаетъ на себя дѣло возстановленія храма, поощряетъ Іудеевъ съ новою ревностію приступить къ дѣлу; но въ тотъ день, когда и язычники по любопытству, и Іудеи по усердію стеклись во множествѣ видѣть основаніе храма, во время приготовленія рва для основанія, огонь съ неба, огонь изъ земли, и камни изторгаемые изъ того рва, опаляютъ и побиваются работающихъ. Очевидный свидѣтель сего человѣческаго безсилія и силы Божіей, Маркелінъ, языческій писатель, удостовѣряетъ, что пламя, горящій песокъ и камни сдѣлали мѣсто это неприступнымъ.

Такъ явлена была мысль Господня въ новое всесвѣтное свидѣтельство Божественности какъ Апостольской проповѣди, такъ и созиженной Господомъ чрезъ Апостоловъ церкви.

XXVIII.

Въ длившейся три вѣка борьбѣ Христіанства съ язычествомъ вѣрными, твердыми, мужественными и какъ бы облечеными въ Божественную броню и потому непобѣдимыми явили себя воины Христовы, — также неуспѣшными, зоркими

и умъ Христовъ имѣющими показали себя стражи града Божія — епископы святой Его церкви. Когда же побѣда Христианства надъ язычествомъ совершилась и могущественная власть Императора приняла подъ свою защиту рабовъ Христовыхъ и градъ Божій, Провидѣнію угодно было допустить новыя, не менѣе тягостныя и продолжительныя, какъ и языческое гененіе, испытанія для Церкви Христовой, чтобы открылись помышленія сердецъ, чтобы обнаружилось, какъ твердь и непоколебимъ тотъ основной краеугольный камень апостольской вѣры, на которомъ созиждена Церковь, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ ясно было, какъ мало человѣческая власть, во всемъ своемъ могуществѣ, и человѣческій умъ, во всемъ своемъ лукавствѣ и хитро-сплетеніяхъ, могутъ сдѣлать сами собою къ возвеличенію или униженію дѣла Божія.

Это испытаніе началось бурею, воздвигнутаго въ Церкви Божіей Ариевою ересью.

Арій былъ Александрійскій пресвитеръ, острый умомъ, искусный въ словопреніяхъ, честолюбивый нравомъ, коварный въ поступкахъ. Зависть къ сверстнику его Александру, возведенному на престолъ Александрійскаго Епископства, побудила его сперва внушить клиру подозрѣніе въ правой вѣрѣ епископа, потомъ вступить въ пренія съ нимъ, чтобы унизить его въ мнѣніи клира и народа. При этомъ онъ развилъ свое нечестивое ученіе, что Христосъ есть Богъ, но менѣшій Отца по Божественной сущности, свойствами и славѣ, потому что имѣть будто бы начало бытія своего и сотворенъ изъ ничего прежде всѣхъ вещей и имѣть только совершенное сходство съ Отцемъ, который не по естеству, но по усыновленію и волѣ Своей сотворилъ Его Богомъ, и который чрезъ Него, какъ орудіе, все создалъ, и потому Христосъ превыше всѣхъ тварей и даже Ангеловъ.

Нельзя было избрать удобнѣе времени для успѣха этому адскому исчадію. Поборникъ христіанъ — Императоръ Константинъ еще не былъ утвержденъ въ доктринахъ новой для него вѣры и не принималъ еще крещенія, — съдовательно и просвѣщающихъ умъ даровъ Духа Святаго, и не могъ быть чуждъ господствовавшій тогда пытливости философствующаго ума. Предпочтеніе оказываемое имъ христіанамъ и мѣры, принимаемыя имъ къ распространенію христіанства, побудили множество язычниковъ сдѣлаться христіанами не по искрен-

нему убѣжденію, а изъ своекорыстныхъ личныхъ расчетовъ, и Церковь переполнилась новыми членами, не имѣвшими яснаго понятія о доктринахъ христіанства и по большей части зараженными отъ тогдашнихъ философовъ страстью къ суетѣ, преніямъ, и къ увлеченію всякими новостями. Между тѣмъ доктрина о Христѣ — Сынѣ Бога живаго, по высотѣ своей можетъ быть открыта, въ мѣру вмѣстимости, только для ума, просвѣщенаго свыше Отцомъ небеснымъ послѣ того, какъ человѣкъ, сознавъ величіе и благость Творца и Божественную силу, дѣйствующую въ посланникахъ Его, съ дѣтскою простотою души подклонитъ свой умъ вѣрѣ. (Мате. 12. 17). Потому-то ученіе Ария заразило многіе умы и съ чрезвычайною скоростю распространилось по всему востоку. Оно нашло себѣ покровителей во многихъ приближенныхъ къ Императору вельможахъ и даже въ нѣкоторыхъ Епископахъ, по своему уму и близкимъ отношеніемъ къ Императору имѣвшихъ сильное вліяніе на современниковъ. Въ числѣ ихъ состоялъ Евсевій, епископъ Никомидіи — тогдашней резиденціи Императора, состоявшій въ родствѣ съ царствовавшимъ домомъ. Повсюду начались пренія объ основномъ доктринахъ вѣры. Вѣрные уличали приверженцевъ новаго ученія въ ереси и богохульствѣ, а тѣ, защищая свое ученіе хитросплетенными умствованіями и совращеніемъ смысла нѣкоторыхъ текстовъ Св. Писанія, усиливались очернить первыхъ клеветою и заставить молчать насилиемъ. Страсти разгорались болѣе и болѣе, и міръ Христіанскій взволновался какъ море въ сильную бурю. Адѣ широко раскинулъ свои врата и уже готовился поглотить Церковь Божію.

XXIX.

Въ такихъ обстоятельствахъ Императоръ Константинъ явилъ свойственную ему мудрость. Устранивъ себя отъ вмѣшательства въ пререканія о доктринахъ вѣры, онъ предоставилъ решить ихъ самой церкви и для того собралъ въ г. Никѣ вселенскій Соборъ. Болѣе трехсотъ епископовъ со всѣхъ странъ вселенной, гдѣ только исповѣдывалась Христова вѣра, стеклись на этотъ Соборъ представителями Церкви. Многіе изъ нихъ украшены были знаками своихъ подвиговъ —

язвами, принятими за твердое исповѣданіе вѣры. Нѣкоторые хотя и не приняли ранъ, тѣмъ не менѣе были въ числѣ славныхъ исповѣдниковъ, таѣ какъ неоднократно являлись на судилища языческія, готовые умереть за паству. Другіе же, маститые старцы, извѣстны были во всей церкви какъ достойные преемники Апостоловъ — близкіе къ временамъ ихъ, и какъ чудотворцы, явившіе чудодѣйственную силу въ исцѣленіи болящихъ, въ изгнаніи бѣсовъ и въ воскресеніи мертвыхъ. Всѣ они сіяли святостію жизни, и евангельская простота однихъ поражала не менѣе глубокаго ученія другихъ. Сіи воители и проповѣдники имени Христова, подвизавшіеся на отдаленныхъ краяхъ земли, внезапно предстали другъ другу, на одной точкѣ вселенной, и единодушно исповѣдали туже несомнѣнную вѣру, за которую еще недавно проливали кровь свою. Они отвергли ученіе Ария, какъ богохульную ересь и исповѣдали Христа, единороднымъ Сыномъ Божіимъ, отъ Отца рожденнымъ прежде всѣхъ вѣкъ, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, рожденнымъ, а несотореніемъ, единосущнымъ Отцу, все сотворившимъ.

XXX.

Послѣ сего на нѣкоторое время утихла буря Арианская, но когда, послѣ смерти Константина, воцарился сынъ его, слабый легковѣрный, Константій, она разразилась съ новою, еще болѣе силою. Обольщенный приближенными. Константій совершенно предался на сторону Арианъ. Тогда началось гоненіе на православныхъ: епископы, составлявшіе оплотъ правой вѣры, были съ безчестiemъ сведены съ своихъ каѳедръ и заточены; на ихъ мѣсто поставлены, безъ соблюденія церковныхъ правилъ, еретики; твердые въ правой вѣрѣ пресвітеры и клирики были истязуемы и умерщвляемы; народъ посредствомъ воинскихъ командъ съ насилиемъ и убийствами былъ принужденъ къ общенію съ новыми епископами; одни изъ защитниковъ правой вѣры вынуждены были безмолвствовать страхомъ гоненій, другіе привлечены къ общенію съ еретиками посредствомъ лукаво составленныхъ тѣми символовъ вѣры.

XXXI.

Послѣ Константія восшелъ на престолъ Юліанъ-отступникъ. Имъ предприняты были всѣ мѣры въ униженію Христіанской религіи и къ возвеличенію язычества. Подъ предлогомъ евангельской заповѣди о нищетѣ духовной, церковныя сокровища были расхищены, духовенство лишено всѣхъ преимуществъ и угнетено земскими повинностями и службами; христіанамъ запрещено было домогаться почестей и мѣстъ гражданскихъ, искать защиты въ судѣ и изучать науки. Въ тоже время со всѣмъ великолѣпіемъ возстановлены языческіе храмы и богослуженіе и приложено все стараніе, чтобы дать высокій смыслъ нелѣпымъ языческимъ вѣрованіямъ, завести при кашицахъ больницы и страннопріемныя дома, ввести между жрецами обѣтъ воздержанія и правила чистой нравственности; однимъ словомъ было сдѣлано все, чтобы свѣтлою оболочкою Христіанства украсить и оживить давно истлѣвшій трупъ язычества. Но царствованіе его было непродолжительно: онъ былъ убитъ на войнѣ съ Персами.

XXXII.

Послѣ Юліана воцарившійся аріанинъ Валентъ возвигъ на православныхъ христіанъ гоненіе, по открытой жестокости, тягчайшее Юліанова. Онъ приказалъ: не щадя ни пола, ни возраста, ни сана побуждать къ принятію ученія, имъ содергимаго, а въ случаѣ сопротивленія казнить. Вслѣдствіе того въ его правленіе поруганіе, заточеніе, истязанія и казни были участіемъ всѣхъ православныхъ.

Такъ описывалъ Св. Василій Великій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, положеніе Восточной Церкви въ это время: «буря свирѣпствуетъ отъ предѣловъ Илліріи и до пустынь Фиваиды. Арий нечестивый посѣлялъ сѣмя, нынѣ же собираемъ горкіе плоды; чистота догматовъ утрачена, союзъ нарушенъ, страсть господствованія преобладаетъ въ людяхъ, не боящихся Бога, и ихъ нечестію жертвуются каѳедры; хульники похищаютъ онъя у избранныхъ свою паствою: важность святительская исчезла; пастыри предали стадо Божіе, и расхищаютъ

милостыни нищихъ; каноны церковные вышли изъ употребления, повсюду своею волею и безнаказанность: страсти и лукавство на судахъ, непокорность въ народѣ; сановники Церкви работаютъ возведшимъ ихъ на степени, и гонять вѣрныхъ подъ разными предлогами, или, страшась обличеній, возбуждаютъ смуты, а невѣрные радуются беспорядкамъ. Повсюду колеблется вѣра, ибо простые сердцемъ безмолвствуютъ, уста же нечестивыхъ раскрыты; поруганы святынища, православные бѣгутъ изъ нихъ въ мѣста пустынныя, чтобы тамъ съ воплями воздвигать къ небу руки; жены, дѣти и старцы собираются въ непогоду въ града, ожидая помощи свыше; — нѣтъ словъ, чтобы вполнѣ выразить всю глубину золъ».

Въ это же время епископъ Готеовъ Унфимъ, бывши въ Константинополѣ, изъ угощенія Валенту принялъ аріанство и этою ересью заразилъ весь Готѣскій невѣжественный народъ; а потомъ Бургунды, Вандалы, Свевы, Аланы и другіе германскіе варварскіе народы принимаютъ христіанство, но не чистое, а проникнутое аріанскимъ ученіемъ. Всѣ они устремляются на Западную Римскую Имперію, незараженную еще этою ересью, разрушаютъ ее, паводняютъ собою, образуютъ новыя государства и вмѣстѣ съ язычниками начинаютъ преслѣдованіе христіанъ православныхъ. Въ особенности страшное гоненіе воздвигнуто было вандалами въ Африкѣ. Не довольствуясь изгнаніемъ епископовъ, опустошеніемъ церквей и сожженіемъ книгъ, они жаждали крови православныхъ на зрѣлищахъ. Не только всѣ извѣстныя, но и не слыханные доселѣ муки — извлеченіе жилъ изъ всего тѣла, совлеченіе кожи съ дѣвъ предъ народомъ, отсѣченіе руки, или ноги, или ушей, или языка, осужденіе питаться ячменемъ и травою, употребляли какъ обыкновенные способы къ убѣженію не исповѣдывать Святой Троицы.

XXXIII.

Между тѣмъ и въ средѣ христіанъ, исповѣдавшихъ Божественность Христа, возникли еще новыя еретическія ученія: одно Македонія, бывшаго Константинопольскаго Патріархомъ, непризнавшаго Духа Святаго Богомъ, но сотвореною и служеб-

ною силой; другое Несторія, Константинопольскаго Патріарха, учившаго, что Иисусъ Христосъ родился простымъ человѣкомъ, Божество же соединилось съ Нимъ послѣ за святость жизни, по чьему Богъ въ Немъ жилъ, дѣйствовалъ и приспособлялъ Его Себѣ, но вмѣстѣ съ Нимъ не рождался, не страдалъ и не умиралъ и потому Онъ былъ только Богоносецъ; третіе Евстихія, бывшаго пресвитеромъ и архимандритомъ въ Константинополѣ, утверждавшаго, что во Христѣ человѣческое естество было поглощено Божествомъ и что по сему Христосъ имѣлъ единую сущность Слова; четвертое Фуллона, проповѣдавшаго, что не одно лицо Божества, по все Божество или вся Троица воплотилась во Христѣ и страдала, и еще нѣкоторыхъ еретиковъ то признавшихъ что Христосъ принялъ только плоть человѣческую, а не душу, то отвергавшихъ первородный грѣхъ и необходимость благодати. Всѣ они, по своему вліянію на современниковъ, имѣли множество послѣдователей, и увеличивали волненіе умовъ въ Церкви Божіей. Наконецъ возникла ересь иконоборцевъ, почитавшихъ чествованіе святыхъ иконъ за идолопоклонство. Восточные Императоры Филиппикъ, Левъ Исавръ, Константинъ Копронимъ и сынъ его Левъ были жаркими поборниками этой ереси: свергали не соглашавшихся съ ними патріарховъ и епископовъ, жгли иконы, противящихся имъ и продолжавшихъ чествовать иконы, предавали мучительнымъ казнямъ, собирали Соборы и насилиемъ и угрозами заставляли ихъ отвергать почитаніе иконъ.

XXXIV.

Но всѣ эти бури безвредно пронеслись надъ Церковью Христовою; она пребыла непоколебимою среди всѣхъ треволненій и еще болѣе окрѣпла, утвердилась и украсилась, и явилась послѣ всѣхъ сихъ испытаній сіяющею, какъ злато седмерицю очищеніе. Семь Вселенскихъ Соборовъ, въ продолженіи сего смутнаго времени собравшихся, составленными Символомъ и постановленіями оградили всѣ основные догматы вѣры отъ еретическихъ ученій, и самая ересь опровергли и предали анаемъ; и какъ въ эти времена еретики въ подкѣплѣніе своихъ ученій усиливались ввести для чтенія въ

Церкви много евангелій и посланій, ими отъ имени Апостоловъ и апостольскихъ мужей подложно составленныхъ, и въ тоже время насилиями и ухищреніями еретиковъ было составляемо много неправильныхъ мѣстныхъ соборовъ и соборныхъ постановлений, а также и въ учениіи нѣкоторыхъ православныхъ учителей (какъ наприм. Оригена) были высказаны ошибочныя мнѣнія и толкованія, то Святые Вселенскіе Соборы указали, какія именно книги признаны Вселенской Церковью Священными—Богодухновенными и какія изъ постановлений мѣстныхъ Соборовъ и изъ сочиненій св. отцовъ должно принимать въ руководство, и установили правила для церковнаго управления и благочинія, также для домашней и общественной жизни христіанъ. Тогда же трудами и раченіемъ великихъ и святыхъ мужей установленъ окончательно чинъ Богослуженія и совершенія таинствъ, догматы вѣры запечатлены сочиненными на этотъ предметъ и введенными въ Богослуженіе молитвами, пѣснями, гимнами, сдѣлавшимися чрезъ то общимъ достояніемъ въ устахъ всѣхъ вѣрующихъ; священное писаніе объяснено въ произнесенныхъ ими и преданныхъ письмени бесѣдахъ; чинъ Богослуженія и совершенія Таинствъ, съ обрядами и расположениемъ въ круглый годъ чтенія св. писанія, устроенъ такъ, что младенецъ въ вѣрѣ, посѣща церковь и внимательно слѣдя за обрядами, чтеніемъ и пѣніемъ поучается главнѣйшимъ догматамъ вѣры и правиламъ христіанской нравственности; равно проникается благоговѣйнымъ чувствомъ, а возрастный въ вѣрѣ сверхъ того постоянно находитъ предметы для возвышенныхъ мыслей и благоговѣйныхъ глубокихъ размышленій. Св. отцы также установили правила церковной архитектуры, живописи, пѣнія, чтобы все въ храмѣ было благообразно и поучало умъ и возбуждало чувство благоговѣнія,—праздники, чтобы напоминаниемъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ и о святыхъ подвижникахъ пробуждать нась отъ беспечности и суетной жизни къ молитвѣ и добродѣтели,—посты, чтобы пріучить къ воздержанію и терпѣнію и тѣмъ воспитать нашу волю къ борьбѣ съ похотѣніями,—обычаи христіанской жизни, чтобы обучить нась смиренію, молитвѣ и дѣламъ милосердія. Однимъ словомъ: Церковь явилась Божественнымъ на землѣ учрежденіемъ, въ которомъ нѣть ни въ чёмъ недостатка и нѣть ничего излишняго, для руководства по пути въ царство Божіе,—

явилась какъ бы величественнымъ зданіемъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны, всякая на своеѣ мѣстѣ и такъ связаны и скрѣплены одна съ другою, что ничего ни отнять отъ ней, ни прибавить что либо невозможно. Она дѣйствительно явилась истиннымъ Кивотомъ Завѣта, *Столтомъ и утверждениемъ истины* (1 Тим. 3, 15), такимъ Божественнымъ учрежденіемъ, которое, содержа и охраняя истинный Завѣтъ Бога съ человѣкомъ, несрестанно возвѣщаетъ его всему миру, зоветъ всѣхъ на путь спасенія, и внявшихъ ея зову воспитываетъ и обращаетъ въ почтительныхъ къ родителямъ дѣтей, вѣрныхъ другъ другу супруговъ, чадолюбивыхъ отцовъ, полезныхъ гражданъ, покорныхъ подданныхъ, и дѣлаетъ истинными сонаслѣдниками Христа. Несомнѣнно, что если бы всѣ люди, внявъ зову своей матери — Церкви Божіей, сдѣлались настоящими ея дѣтьми, то тогда дѣйствительно воцарился бы полный миръ на землѣ: не было бы между ними ни ссоръ, ни вражды, ни опасеній за свою собственность, ни за свою личность; благословеніе Божіе почило бы на людяхъ и на природѣ: не были бы знаемы ни голодъ, ни язва, никто не вѣдалъ бы нужды; самыя войны стали бы немыслимы, и тогда, по слову Пророка, мечи и копья перековались бы въ рала, волкъ пасся бы вмѣстѣ съ ягненкомъ, и всякий покойно наслаждался бы жизнью.

Но что же послѣдовало съ учениемъ велемудрыхъ еретиарховъ и ихъ послѣдователями?.. Тоже, что со всякимъ скучельнымъ сосудомъ. Долго ли, коротко ли его существование, но все таки наконецъ онъ когда нибудь разбьется, и черепки его разбросаются по закоулкамъ и будутъ тамъ они валиться въ пыли и попираться ногами людей и животныхъ. Такъ и всѣ ереси распались на многія враждебныя другъ другу секты и тѣ, подъ разными наименованіями: Яковитовъ, Коптовъ, Кайинитовъ, Моронитовъ, Духоборцевъ, Юліанитовъ, Триоенитовъ и многихъ другихъ, разбросанныя по лицу земному, скрываются въ захолустьяхъ, погрязая въ невѣжествѣ и отчужденіи отъ православныхъ и въ презрѣніи и угнетеніи отъ язычниковъ.

XXXV.

Какъ же все это произошло, когда, казалось, аду представлена была полная свобода мракомъ своимъ загасить свѣтъ

истини, чадомъ своимъ затемнить всѣ умы вѣрующихъ и разжегими страстями людей истребить всѣхъ истинныхъ читателей Христа?

Адъ встрѣтилъ необоримый оплотъ въ чистой вѣрѣ, унаследованной христіанами отъ Апостоловъ. Вѣра эта, переходя отъ отцовъ къ дѣтамъ, такъ вкоренилась въ родѣ христіанскомъ, что сдѣлалась насущнымъ элементомъ ихъ жизни и они не могли, безъ внутренняго содраганія, слышать никаго противнаго этой вѣрѣ ученія, почему когда вмѣсто излюбленнаго епископа беззаконно поставляли другаго еретическаго, они отвращались всякаго съ нимъ общенія, и оставляя храмы пустыми, собирались на молитву или въ частныхъ домахъ, или въ баняхъ, или въ пустынныхъ мѣстахъ; а когда ихъ силою хотѣли загонять въ храмы или требовали являться туда подъ страхомъ наказанія, одни цѣлыми семьями, съ малыми дѣтьми на рукахъ, выходили къ истязателямъ и предавали себя въ ихъ руки, а другіе разбѣгались по пустынямъ. Въ этой вѣрѣ утверждала вѣрныхъ бѣдственная кончина главныхъ ересіарховъ и усердныхъ покровителей ереси. Такъ, когда послѣ первого Вселенскаго Собора Арий хотѣлъ лицемѣрно исповѣдывать Иисуса Христа Богомъ и шелъ для сего въ церковь, вдругъ почувствовалъ необходимость остановиться и отойти въ сторону, и тамъ разсѣлась его утроба и онъ погибъ поносною смертю предателя Іуды; а Императоръ Валентъ, согласно возвѣщеному ему св. Исаакомъ Далматскому предсказанію, былъ побѣженъ варварами и сожженъ въ шалашѣ, гдѣ думалъ вмѣстѣ съ своими приближенными скрыться отъ непріятелей. А еще болѣе укрѣпляло правую вѣру, полное убѣдительности и силы, ученіе сіявшихъ святостію жизни, высокимъ просвѣщеніемъ, могучимъ умомъ, непреклонною твердостію и неподражаемымъ краснорѣчіемъ, великихъ учителей церкви: Афонасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Амвросія Медіоланскаго, Ефрема Сирянина и другихъ. Слушать ихъ отвсюду стекалось безчисленное множество народа; скорописцы тутъ же передавали ихъ слова письменамъ, потомъ переписывали и продавали алкавшимъ духовнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ каждое ихъ слово раздавалось во всѣ концы вселенной.

XXXVI.

Въ тоже время привлекали сердца къ правой вѣрѣ примеры сіявшихъ тогда святостію жизни пустынножителей. Слова Господа: «если хочешь быть совершенъ, продай все свое имѣніе, раздай нищимъ и слѣдуй за Мною», глубоко запали въ души нѣкоторыхъ христіанъ, и вотъ они, оставивъ все въ мірѣ, уединились въ пустынныя мѣста, чтобы изѣжать суеты мірской, тамъ побѣдить всѣ вожделѣнія плоти и всецѣло предаться душей Богу. Изъ такихъ людей, подъ сѣнью великихъ пастырей, защитниковъ вѣры, образовался новый, внутренній міръ иночества, чуждый виѣшнему только по уединенію своихъ членовъ, но силою ихъ вѣры, чудесъ и строгой жизни, имѣвшій чрезвычайное вліяніе на вселенную. Египетъ былъ ихъ начальнымъ поприщемъ, и ему посѣть благодарная Церковь: «радуйся, Египетъ вѣрный, радуйся Ливія преподобная, радуйся Фиваида избранная; радуйтесь всякое мѣсто, градъ и страна, воспитавшіе граждантъ небеснаго царствія, возрастившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ, и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній; они явились свѣтилами душъ нашихъ, просіявъ мысленно во всѣ концы, зарею чудесъ и знаменіями своихъ дѣяній.

Великій Антоній былъ отцемъ сихъ подвижниковъ. Къ его уединенной башнѣ стали собираться безчисленные ученики и поселились вокругъ въ малыхъ келіяхъ, смазанныхъ изъ глины на пескахъ, или изѣченныхъ въ камнѣ. «Каждая изъ сихъ горныхъ обителей, говоритъ св. Афонасій, другъ Антоніевъ, была храмомъ, исполненнымъ божественныхъ ликовъ; вся жизнь отшельниковъ протекала въ чтеніи и пѣніи псалмовъ, постѣ, бѣдѣ и молитвѣ; вся ихъ надежда—ожиданіе будущихъ благъ, ибо они не имѣли на землѣ пребывающаго града, но искали грядущаго, и жили въ совершенной любви и единствѣ духа, питая себя и нищихъ трудами рукъ своихъ. Блаженные жители сихъ духовныхъ оазисовъ, вдали отъ міра и всѣхъ страстей его, пеклись только о правдѣ Божіей и благочестіи, ревнуя другъ для друга, какъ бы имъ достичнуть небеснаго наслѣдія».

Антоній поучалъ ихъ не только примѣромъ, но и частыми бесѣдами, внушая имъ имѣть одну только цѣль—спа-

сение, и не почитать за великое то, что оставили въ мірѣ, но полагать царствіе Божіе внутри себя, и жить каждый день какъ бы уже послѣдній. Самъ онъ достигъ такого совершенства, что могъ сказать о себѣ сіе великое слово: «я уже не боюсь Бога, а только люблю Его,» и проводилъ дни свои въ непрестанномъ богоысліи, ночи же на молитвѣ.

Множество послѣдователей Антонія, подобно ему, просяли подвигами святой жизни, даромъ чудесныхъ исцѣленій, сердцевѣденія и прозрѣнія въ будущее, глубокимъ пониманіемъ жизни духа, высшимъ просвѣщеніемъ ума и мудрою назидательностію бесѣды. Самая жизнь пустыножителей была новымъ явленіемъ для міра, и вотъ отвсюду стали стекаться люди въ пустыню: одни, чтобы остатся тамъ и подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ навыкнуть къ этой жизни; другіе, чтобы самимъ увидѣть этихъ новыхъ людей и убѣдиться въ справедливости разнесшейся о нихъ молвы; иные, чтобы получить исцѣленіе въ болѣзняхъ; а большая часть, въ мудрыхъ бесѣдахъ богодухновенныхъ мужей укрѣпиться въ правой вѣрѣ и найти разрѣшеніе возмущавшихъ умъ недоумѣній.

И вотъ, въ то время, когда проповѣдники истины были свергаемы съ святительскихъ каѳедръ и заточаемы, и голосъ ихъ умолкалъ въ городахъ, голосъ истины, еще сильнѣйшій, раздавался въ слухъ всей вселенной изъ необитаемой дотолѣ пустыни. Такъ устроилъ Господь въ явленіе своей присно-сущной силѣ и въ посрамленіе ухищреній ада!

Вскорѣ всѣ страны земли процѣли иноками. Въ Египтѣ послѣ Антонія свѣтилами и руководителями ихъ были Аммоній, два Макарія и Пахомій. Харитонъ и Иларіонъ были насадителями иночества въ Палестинѣ, Маронъ и Ефремъ Сирянинъ — въ Сиріи, Аонесъ — въ Месопотаміи, Василій Великій — въ Малой Азіи, Бенедиктъ — въ Італії. Большая часть иноковъ селились близъ келій великихъ подвижниковъ, подклоняли себя подъ ихъ начало и подъ ихъ руководствомъ совершили иноческие подвиги. Такимъ образомъ возникло въ пустынныхъ мѣстахъ много иноческихъ обителей, въ которыхъ устроилась новая общественная жизнь на правилахъ, совершенной нестяжательности, безбрачія, непрерывнаго, строгаго поста, отчужденія своей воли, трудолюбія, братской любви, непрестанной молитвы, богоыслія и прославленія Творца.

Другіе же, уединясь въ пустынныхъ вертепахъ, оставались до конца жизни въ совершенномъ отчужденіи отъ міра и людей, и въ послѣдній день жизни сами заключали дверь своей келіи и на колѣняхъ, съ распростертыми къ небу руками, предавали Богу духъ свой, и такъ чрезъ многіе годы, обрѣталь молебное ихъ тѣло, бдящее по смерти, новый отшельникъ, избравшій себѣ ихъ вертепъ и долю. Тамъ, надъ мощами незнаемаго брата, текли его молитвы, доколѣ иногда усопшій предшественникъ открывалъ ему, въ ночныхъ видѣніяхъ, свое имя, прося немного земли для усталыхъ костей своихъ, ибо уже другой пришлецъ смѣнялъ его на стражѣ пустыни.

Сіи исполины духа явили на себѣ, что какъ плоть обуяла человѣка, изглаждаєть въ немъ мысль о высокомъ его назначеніи и унижаетъ его до подобія скота, такъ и возвысившійся духъ, совершеннымъ подчиненіемъ себя плоти, можетъ достигнуть силы повелѣвать стихіями, проникать въ тайны, скрытые въ сердцѣ другаго, и события, скрытые пространствомъ и временемъ. Такъ, по слову ихъ возникали въ безводной пустынѣ источники воды, останавливались бурное теченіе водъ, исцѣлялись неисцѣльно больные, изгонялись бѣсы, воскресали мертвые, сухой жезль обращался въ зеленѣющее дерево, хищные звѣри служили имъ какъ домашнія животныя. Они возвѣщали будущее, объявляли о событіяхъ, совершившихся вдали отъ нихъ, раскрывали таинствія въ умѣ собесѣдника мысли и мудрымъ совѣтомъ исцѣляли скрытые въ сердцѣ раны.

Слава о сихъ земныхъ ангелахъ и небесныхъ человѣкахъ и бѣдственное въ то время положеніе имперіи: внутри волнуемой еретиками и терзаемой землетрясеніями, гладомъ и моромъ, а извнѣ громимой нашествіемъ варварскихъ народовъ, возбуждали повсемѣстно рвение къ отшельничеству, и многіе даже знатные родомъ, возвеличенные честію при дворахъ Императоровъ и обладавшіе несмѣтными богатствами, оставляли все это, стремились въ пустыни и тамъ своимъ смиреннымъ послушаніемъ удивляли даже сихъ нищихъ духовъ.

Въ пятомъ вѣкѣ христіанства многочисленность иноковъ въ Египтѣ Златоустъ уподоблялъ множеству звѣздъ небесныхъ; на Востокѣ и Западѣ — воинству, превышающему воинство царей земныхъ.

Чтобы яснѣе себѣ представить, какую борьбу съ чувственностью должны были вынести сіи подвижники изъ страха геенны и изъ жажды царствія Божія, послушаемъ какъ одинъ изъ нихъ, блаженный Іеронимъ, описываетъ первое время своей отшельнической жизни: «о сколько разъ, скитаясь въ безпредѣльной пустынѣ, опалаемой знойнымъ солнцемъ, я воображалъ себѣ наслажденія Рима! Однако сидѣль я, исполненный горькихъ душъ; прахомъ обезображенъ былъ ликъ мой, зеюпскою чернотою покрылась кожа; роскошью была бы мнѣ прохладная струя. Когда же сонъ одолѣвалъ борющеся съ нимъ тѣло, одни кости со стукомъ ложились на землю, и я, заключившійся страха ради геенны въ подобную темницу, я, сожитель звѣрей и скорпіоновъ, еще могъ иногда переноситься мыслями въ хороводы дѣвъ; ликъ мой, умерщвленный постами, еще прежде смерти отжилъ, но въ хладномъ тѣлѣ кипѣли страстные порывы... Такъ, лишенный всякой помощи, припадалъ я къ Спасителю, я проливалъ слезы, я рвалъ волосы, семидневнымъ голодомъ сокрушалъ свою плоть. Помню, какъ часто ночь заставала меня, бѣющаго себя въ перси, доколѣ не водворилось въ нихъ желанное спокойствіе; я даже страшился своей келіи, какъ свидѣтеля нечестивыхъ помысловъ, и въ браны самъ съ собою погружался въ пустынью. Въ глубинѣ долинъ, на вершинѣ горъ, въ ущеліи утесовъ, искалъ я мѣста молитвы, мѣста казни бѣдственной моей плоти, и тамъ, сквозь целену текущихъ слезъ, приникнувъ взорами къ неподвижному небу, я мнилъ себя въ ликахъ ангельскихъ, и радостно раздѣлялъ ихъ дивные гимны».

Такъ то поборали свою плоть святые! А мы не можемъ воздержаться отъ лишишь чарки вина, чтобы не уподобиться скотамъ несмысленнымъ, — отъ куска мяса, чтобы исполнить завѣтъ матери нашей Церкви о постѣ, — отъ запрещенного заповѣдью образа удовлетворенія своей похоти, чтобы соблюсти цѣломудріе!

XXXVII.

Сдѣлаемъ краткій очеркъ жизни одного изъ пустынножителей и святителей этого времени, а именно Василія Великаго, чтобы ближе ознакомиться съ сими столпами Церкви и примѣрами благочестія.

Онъ происходилъ отъ благородныхъ родителей области Кесарійской, бывшихъ исповѣдниками во дни гоненій. Воспитала его при себѣ благочестивая бабка его, Макрина, которая сама научилась истинной вѣрѣ отъ учениковъ чудотворца Неокесарійскаго, Григорія, и передала ее во всей чистотѣ своимъ внукамъ. Василій, еще въ юношескихъ лѣтахъ, степеннымъ умомъ своимъ, подобился старцамъ и направлялъ всѣ свои занятія къ предметамъ болѣе важнымъ. Начальное образованіе получилъ онъ въ Кесаріи, а потомъ въ Царьградѣ; окончательное же — въ Аєнахъ. Изучая здѣсь науки вмѣстѣ съ другомъ своимъ Григоріемъ, сыномъ епископа города Назіанзина, возведеннымъ въ послѣдствіи на епископскую каѳедру Царьграда и пріобрѣвшимъ прозваніе Богослова, онъ удалился отъ суетныхъ словопрѣній софистовъ, отъ мірскихъ развлечений и дурныхъ сообществъ, а углублялся въ познаніе истины. Возвратясь въ Кесарію, тамъ онъ отъ философіи человѣческой перешелъ къ божественной, и отвергнувъ почести мірскія, которыхъ легко могъ достичь по своему образованію и способностямъ, обратилъ всѣ силы духа на усовершенствованіе внутреннее въ тихомъ уединеніи и вольной нищетѣ. Чтобы научиться сему, онъ постыль великихъ отшельниковъ египетскихъ и палестинскихъ и отъ нихъ навыкъ побѣждать свою плоть воздержаніемъ, бдѣніемъ и молитвою, пренебрегать тѣло для освобожденія духа, и жить какъ бы въ чужой плоти, являя миру, что значитъ быть здѣсь истиннымъ странникомъ и гражданиномъ неба, и для сего онъ уединился на берега рѣки Ириса, въ области Понтійской.

Вотъ какъ онъ описывалъ въ письмѣ къ другу своему Григорію свое пустынное убѣжище: «Богъ открылъ мнѣ жилище по сердцу — такое, о какомъ мы нѣкогда мечтали на свободѣ. Это высокая гора, покрытая темнымъ густымъ лѣсомъ, орошаемая съ сѣверной стороны свѣтлымъ потокомъ; у подошвы ея пространная долина, изобилія ручьями, лѣсъ ограждаетъ ее отвсюду, какъ крѣпость, и дѣлаетъ изъ нее почти островъ. Два глубокіе оврага раздѣляютъ ее на двѣ части; съ одного края низвергается водопадомъ рѣка, съ другой непроходимая гора заграждаетъ путь; одинъ только есть исходъ и мы имъ владѣемъ. Обитель наша на высотѣ, такъ что долина и рѣка, по ней текущая, предъ глазами, и отраженіе видъ сей, какъ видъ береговъ Стимона: я не встрѣ-

чаль ничего прекраснѣе. Рѣка питаетъ въ себѣ множество рыбъ, и благодатныя ея испаренія освѣжаютъ воздухъ сего очаровательнаго мѣста. Иной, можетъ быть, восхищался бы разнообразiemъ цвѣтовъ и пѣнiemъ птицъ, мнѣ же нѣкогда увлекаться сими временными наслажденіями. Счастливое положеніе края дѣлаетъ его обильнымъ всякими плодами; а для меня самые сладостные—миръ и тишина, по совершенному отдаленію отъ городскаго шума: здѣсь не встрѣтишь даже путника, развѣ иногда какой нибудь ловчій заганетъ въ нашу пустынью; но намъ не страшны хищные звѣри, одни только зайцы, козы и олени рѣзваются по нашей долинѣ. Могу ли предпочесть иное мѣсто сему очаровательному жилищу? прости мнѣ желаніе мое здѣсь основаться.»

Въ другомъ письмѣ Василій такъ описывалъ другу пользу уединенія, для усмиренія страстей и утвержденія помысловъ: «Выдти изъ міра не то значить, чтобы удалиться отъ него тѣломъ, но освободить душу отъ рабства, не имѣть ни дома, ни семьи, ни близкихъ, ни заботъ, ни имѣній, забыть все, чему научился отъ человѣковъ, чтобы приготовить себя къ принятію познаній божественныхъ. Занятіе отшельниковъ есть подражаніе Ангеламъ, въ непрестанной молитвѣ и славословії. Восходитъ ли солнце, и онъ встаетъ для труда, не прерывая умственной молитвы; онъ размышляетъ надъ членіемъ святыхъ писаній, чтобы приобрѣсть добродѣтель и направить жизнь свою по примѣру святыхъ: потомъ молитва слѣдуетъ за членіемъ, чтобы сдѣлать оное дѣйствительнѣе. Разговоры инона должны быть чужды всякаго суесловія и спора, скромны, тихи и привѣтливы; смиреніе же обнаруживается въ осанкѣ, поступи, потупленномъ взорѣ, самой простой одѣждѣ, едва достаточной чтобы прикрыться отъ холода и жара, въ пищѣ надлежитъ искать только удовлетвореніе голода: довольно хлѣба и воды съ немногими овощами, но и вкушая ее безъ жадности, надобно размышлять духовно, начиная и оканчивая трапезу молитвою. Изъ двадцати четырехъ часовъ дня одинъ только пусть опредѣляется для работъ тѣлесныхъ, сонъ же да будетъ кратокъ, легокъ, и полночь отшельнику должна быть какъ утро для прочихъ, чтобы въ безмолвіи природы, съ большимъ вниманіемъ, размышлять онъ о средствахъ къ очищению грѣховъ своихъ и усовершенствованію въ добродѣти!»

Здѣсь вкратцѣ изложены всѣ правила иноческія, которыя самъ Василій соблюдалъ въ точности, изнуряя тѣло постомъ и бѣніемъ до такой степени, что въ немъ, казалось, не оставалось болѣе жизни; онъ спалъ на голой землѣ, не варилъ себѣ пищи, употреблялъ сухой хлѣбъ и овощи.

Наконецъ присоединился къ нему и другъ его, Григорій, тамъ наслаждались они непрестанными лишеніями, молились вмѣстѣ, читали свѣтскіе писанія, работали, садили деревья, изѣкали камни, копали землю, и слѣды ихъ тяжкихъ работъ оставались на ихъ нѣжныхъ рукахъ. Домъ ихъ не имѣлъ крыши и дверей, и никогда не подымался изъ него дымъ; оставивъ всѣ свѣтскія книги, какими утѣшались въ молодости, они занялись исключительно истолкователями свѣтскія писанія и сами составили книгу подъ именемъ *Добротомобія*. Такъ протекала, въ духовныхъ наслажденіяхъ возвышенной дружбы, жизнь великихъ отшельниковъ.

Скоро собралось къ нимъ множество учениковъ, и Василій написалъ для нихъ многія нравоученія о благочестіи, называемыя *аскетическими*, которая и донынѣ служатъ зерцаломъ житія иноческаго для всего Востока; онъ составилъ ихъ большую частью изъ назидательныхъ отрывковъ свѣтскія писанія. Потомъ изложилъ еще, въ такъ называемыхъ пространныхъ и краткихъ правилахъ, по вопросамъ и отвѣтамъ, полный уставъ иноческій, который по своему совершенству духовному, можетъ быть приспособленъ къ жизни каждого благочестиваго христіанина.

Изъ своего любимаго убѣжища Василій былъ вызванъ епископомъ Кесаріи Евсевіемъ, который, желая пользоваться его духовною опытностію для назиданія паствы, принудилъ его принять санъ пресвитера, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ его своимъ единственнымъ помощникомъ и советникомъ. Тогда въ слухъ всей вселенной раздался громъ слова его противъ Арианъ и онъ, подобно Гову, сдѣлался окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ. Всѣ странные и убогіе нашли въ немъ своего покровителя, а въ тяжкую годину голода онъ самъ разносилъ пищу по стогнамъ и устроилъ богадѣльни для призрѣнія болящихъ. Отецъ иночествующихъ, которыхъ назидалъ своими правилами, онъ сдѣлался свѣтильникомъ и для всего клира, изложивъ на хартии чинъ божественной Литургіи, такъ какъ чинъ этотъ не могъ болѣе оставаться

въ одномъ преданіи устномъ для соблюденія его отъ неправильныхъ приложеній по крайнему умноженію пресвитеровъ и по усилиямъ еретиковъ искажать все въ св. писаніи и богослуженіи, что обличало ихъ лжеученіе. Такимъ образомъ Литургія апостольская, съ нѣкоторыми сокращеніями и съ изложеніемъ молитвъ, въ болѣе догматическомъ и богословскомъ духѣ, по нуждамъ времени, сохранилась въ чинѣ богослуженія Великаго Василія, который до нынѣ неизмѣнно совершаются во всѣхъ православныхъ церквяхъ Востока.

По смерти Евсевія Василій былъ поставленъ епископомъ на его мѣсто. Тогда Василій удвоилъ ревность свою къ подвигенію мира въ Церкви и письмами своими къ епископамъ однихъ возбуждалъ къ усиленной дѣятельности противъ лжеученія, другихъ убѣждалъ къ единодушію, иныхъ руководилъ совѣтомъ, нѣкоторыхъ умолялъ къ содѣйствію, и въ тоже время не оставлялъ назидать паству словомъ и письменнымъ изложеніемъ православнаго ученія: такъ по просьбѣ св. Амфилохія, епископа Иконійскаго, написалъ книгу о Духѣ Святомъ, въ коей ясно изложилъ исходженіе божественное отъ Отца и прославленіе съ Сыномъ, и говорилъ о важности церковныхъ преданій, противъ тѣхъ, которые полагали, что можно основываться въ догматахъ на одномъ священномъ писаніи.

Междудѣй буря аріанская свирѣпствовала и гоненіе простило даже до пустынь Египетскихъ и достигло Василія. Самъ императоръ Валентъ прибылъ въ Кесарію и поручилъ своему епарху Модесту, суровому аріанину, склонить Василія къ общенію; но на всѣ лѣстивыя ласкателства и угрозы Василій отвѣчалъ: «общеніе съ Богомъ честиѣ общенія съ тобою и Кесаремъ, по мѣрѣ разстоянія Творца отъ твари, и такова вѣра христіанъ; вы же имяете самого Господа тварью. Угрозы твои до меня не касаются, ибо что мнѣ и тебѣ? — Имѣніе ли мое возмѣшь, — не обогатиши себя и я не обнищаю, да и мало тебѣ пользы въ этихъ ветхихъ одеждахъ и въ нѣсколькихъ книгахъ, а въ нихъ все мое богатство; изгнанія не боюсь, ибо земля это не моя, но Божія, и отечество мое повсюду; о мукахъ не забочусь, — онѣ только приведутъ къ желанной цѣли; ты видишь, на мнѣ нѣть тѣла; одинъ ударъ все кончить, и смерть только ускорить меня къ Богу.» Изумленный епархъ невольно сознался, что никто

еще съ такою дерзостію съ нимъ не бесѣдовалъ. «Можетъ быть, возразилъ Василій, тебѣ не случалось никогда говорить съ епископомъ; мы во всемъ являемъ кротость и смиреніе, но если кто хочетъ лишить насъ Бога и правды Божіей, мы ради ея все пренебрегаемъ.» Видя такую твердость, смягчился епархъ и спросилъ: «пріятно ли будетъ ему видѣть Кесара въ своей церкви — надлежитъ только для сего выкинуть одно слово, единосущный, изъ символа?» «Радуюсь видѣть Кесара въ церкви, ибо радью о спасеніи всякой души, но не позволю измѣнить ни одной юты въ символѣ,» отвѣчалъ мужественный святитель. «Размысли до завтра,» было послѣднимъ словомъ Модеста. «Нынѣ, какъ и завтра, я тотъ же!» было послѣднимъ словомъ Василія.

На праздникъ Богоявленія, императоръ, окруженный стражами, вошелъ въ церковь, гдѣ совершалъ литургію Василій, и сталъ въ толпѣ народа. Когда же услышалъ сладостное пѣніе ликовъ и увидѣлъ стройный чинъ божественной службы, священнослужителей болѣе подобныхъ Ангеламъ, нежели человѣкамъ, самаго же Василія неподвижнаго предъ алтаремъ, всперившаго свой умъ къ Богу, и со страхомъ обстоявшихъ его пресвитеровъ, — умилился Валентъ, хотѣль подойти къ жертвеннику, но пошатнулся и былъ поддержанъ однимъ изъ діаконовъ; ни кто однако же не смѣлъ принять его просфору, не зная, желаетъ ли вступить съ нимъ въ общеніе епископъ. Самъ Василій, сострадая къ немощи человѣческой, принялъ изъ рукъ его принесенный даръ.

Въ другой разъ императоръ пришелъ опять участвовать въ молитвѣ вѣрныхъ, и въ самомъ алтарѣ долго бесѣдовалъ съ Василіемъ. Съ тѣхъ поръ смягчилось повсемѣстно гоненіе; но самъ Василій еще дважды ему подвергался. Однажды по прискамъ аріанъ, испуганныхъ его благимъ вліяніемъ на императора, была уже запряжена колесница, чтобы везти въ изгнаніе великаго мужа, но внезапная болѣзнь, постигшая въ ту же ночь младенца царскаго, заставила Валента прибѣгнуть къ молитвамъ осужденнаго. Василій сталъ на молитву и изѣбѣлъ, но съ условiemъ, чтобы младенецъ былъ отданъ въ наученіе православнымъ; императоръ измѣнилъ слову, и сынъ его, окрещенный аріанами, опять занемогъ и скончался. Огорченный отецъ хотѣль снова подписать приговоръ изгнанія, и перо скрушилось въ рукахъ его; онъ оставилъ въ

миръ Василія и удалился изъ Кесаріи; а бывшій гонитель Модестъ, самъ получивъ исцѣленіе молитвами Василія, сдѣлался оттолѣ его искреннимъ другомъ. И другаго епарха, дерзнувшаго возстать противъ святаго, за то, что укрылъ благородную вдовицу отъ его насилия, смирилъ кротостю Василій. Мучитель велѣлъ снять съ него мантію для большаго безчестія; Василій же предложилъ ему и хитонъ свой, и, грозившему растерзать его желѣзными когтями, спокойно сказалъ: «много мнѣ сдѣлаешь добра, если вырвешь печень мою, которая часто меня беспокоитъ.»

Такъ твердъ и непоколебимъ былъ этотъ оплотъ Церкви. Онъ преставился вскорѣ послѣ несчастной кончины Валента, когда съ воцареніемъ Феодосія Великаго прекратилась буря аріанская, исповѣдники стали возвращаться на свои каѳедры и Церковь вошла въ тихую пристань. Всеобщій плачъ провожалъ его земные останки, народъ тѣснился къ нимъ, больные искали изцѣлиться прикосновеніемъ къ его одеждѣ, какъ нѣкогда къ апостольской; рыданія заглушали пѣсни церковные, язычники и евреи смыкались въѣрными. Его творенія читались повсюду въ домахъ и церквяхъ къ назиданію духовныхъ и мірянъ; имъ удивлялись и самые язычники. Четыре похвальные слова произнесены были, въ различное время, въ честь великаго святителя, знаменитыми мужами Церкви: Ефремомъ Сириномъ, Амфилохіемъ Иконійскимъ и двумя близкими его сердцу Григоріями, братомъ и другомъ. Церковь же скоро причла Василія къ лицу святыхъ своихъ заступниковъ и стала совершать память его блаженной кончины 1 января, ибо онъ былъ и при жизни вселенскимъ учителемъ и залогомъ ея мира *).

XXXVIII.

И изъ еретиковъ нѣкоторые славились строгою постническою жизнью и видомъ благочестія и смиренія, и тѣмъ привлекали себѣ послѣдователей, подобно тому, какъ дерево, одѣтое богатою листвою и роскошными цвѣтами, привлекаетъ взоръ странника.

*) Заемств. изъ книги: Первые четыре вѣка христіанства.

Но Господь предостерегъ уже своихъ послѣдователей. Берегитесь, говорилъ Онъ, лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ, узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ доброе дерево приносить и плоды добрые, а худое дерево приносить и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубаютъ, и бросаютъ въ огонь. И такъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.»

Вотъ и эти лжепророки подъ покровомъ постнической своей жизни и лицемѣрного благочестія и смиренія, не могли утаить живущихъ внутри ихъ гордости, зависти, злобы, любостяжанія, честолюбія и жестокосердія, плодами которыхъ были ихъ дѣла: злобная козни, ложь, клевета, хищничество, гоненія, мучительство и убийства. Все это отвращало вѣрныхъ отъ нихъ и ихъ ученія и заставляло тѣснѣе соединяться подъ кровомъ Церкви Христовой. Въ то же время отъ этихъ же злыхъ страстей, въ средѣ самыхъ еретиковъ, возникали разномысліе, свары и раздоры, и наконецъ дѣленіе самыхъ ересей на многія секты, и тѣмъ окончательно онъ себя обезсиливалъ и приходили къ ничтожеству.

XXXIX.

Такъ свѣтъ истины разсѣяль тьму адскаго чада и Церковь восторжествовала побѣду надъ адомъ. Но когда единая, апостольская, соборная Церковь воцарилась на всемъ пространствѣ необъятной Римской Имперіи, провидѣнію угодно было допустить, чтобы это славное могущество и цивилизациою государство со всѣми памятниками достигнутаго вѣками просвѣщенія, пало подъ ударами варварскихъ народовъ и надъ міромъ разлился мракъ невѣжества. Эти народы, обитая за предѣлами имперіи въ лѣсахъ Сѣверной Европы и въ степяхъ Средней Азіи, доселъ довольствовались — одни звѣриною ловлею въ лѣсахъ, другіе кочевьемъ со своими стадами на обширныхъ степныхъ пажитяхъ; но вотъ вдругъ возвращается въ нихъ духъ воинственной отваги и жажды корысти, и они одинъ за другимъ устремляются, какъ бур-

ные потоки съ горъ, на Имперію; отчаянной ихъ храбости не могутъ противостоять побѣдители міра и стройные, отлично вооруженные легіоны римскіе гибнутъ отъ беспорядочныхъ ордъ полуодѣтыхъ, худо вооруженныхъ дикарей; городъ за городомъ обращаются въ развалины, область за областью опустошаются въ конецъ; напослѣдокъ вся Западная Римская Имперія *) падаетъ, наводняется разнообразными народами и на мѣсто ея образуется множество новыхъ государствъ и возникаетъ совершенно новый порядокъ вещей.

Но слава Рима обаятельно дѣйствуетъ на умъ дикарей, а проповѣдь святыхъ Святителей и чудныя исцѣленія по ихъ молитвамъ обращаютъ сердца тѣхъ варваровъ къ Богу Римлянъ и они, оставивъ заблужденія язычества и аріанства, присоединяются къ истинной Церкви Христа и такимъ образомъ многочисленныя племена невѣжественныхъ язычниковъ просвѣщаются свѣтомъ Христовымъ и дѣлаются сонаслѣдниками Его царства.

XL.

Въ тоже время на Востокѣ является Магометъ и возбужденныя имъ невѣжественныя толпы изувѣровъ вносятъ огонь, мечъ и порабощеніе въ предѣлы Восточной Римской Имперіи.

Этотъ лжепророкъ родился въ Аравіи, гдѣ палиящій жаръ солнечныхъ лучей большую часть обширной страны обратилъ въ песчаное море и кожу ея обывателей — Арабовъ сдѣлалъ смуглую до черноты. Дотолѣ они жили тамъ безъ соединенія въ государство независимыми мелкими племенами по городамъ и селеніямъ, лежащими частію при берегахъ Чернаго — Краснаго моря, частію на оазисахъ — участкахъ плодородной съ водными источниками земли, разсыпанныхъ по песчаной пустынѣ, какъ острова на океанѣ. Занятія ихъ были скотоводство, торговля и хищническіе набѣги на сосѣдей. Въ характерѣ ихъ были страсть и мечтательность. Они преданы были грубому идолопоклонству.

*) Предъ симъ Римская Имперія распалась на два государства: въ одномъ изъ нихъ, занимавшемъ западную часть Европы, столицею былъ Римъ, въ другомъ, обладавшемъ восточной частію Европы, Азію и Египтомъ, столицею была Византія, иначе называемая Константиноіадомъ, или Царьградомъ. Послѣднее государство называлось Восточной Римской, или Византійскою Имперіею, а также, по преобладанію въ ней Грековъ, Греческою.

Магометъ происходилъ отъ того племени Арабовъ, которое вело свое родословіе отъ Исаила, сына Авраамова отъ рабини Агари, удаленной изъ дома Патріарха, по повелѣнію Божію, для того, чтобы «родъ ея не имѣлъ наслѣдія съ чадами обѣтованія, рожденными отъ свободной», какъ сказано въ книгѣ Бытія гл. 21 ст. 10. О самомъ же Исаилѣ и его потомствѣ тамъ же (16, 12, 21, 18), было возвѣщено, что «сей будетъ человѣкъ дикій; руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него, и предъ лицемъ всей братіи своей онъ вселился, и въ народѣ великой возрастетъ.»

Еще въ дѣтствѣ Магометъ остался сиротою и былъ воспитанъ дядею своимъ Абуталебомъ, который, занимаясь самъ торговлею, пріучалъ къ тому и его, и для сего бралъ его съ собою въ дальняя странствованія съ караванами по Палестинѣ и Сиріи. Въ такихъ странствованіяхъ имъ приходилось сближаться и съ Евреями и съ Христіанами, какъ православными, такъ и съ еретиками-аріанами и иконоборцами, и слышать разсказы о началѣ міра, о первыхъ людяхъ, о потопѣ, патріарахъ, о Моисѣѣ, его законѣ, о пророкахъ, о рожденіи Спасителя, его чудесахъ, страданіи, воскресеніи и вознесеніи на небеса и о богословскихъ спорахъ христіанъ. При этомъ разсказчики иное переиначивали, иное прибавляли отъ себя.

Всѣ эти разсказы сильно интересовали юнаго Магомета, отъ природы страстнаго и надѣленнаго съ раннихъ лѣтъ необычайными способностями разума, и глубоко запали въ его душу. Въ особенности поразило его ученіе о единомъ Богѣ и Его свойствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все его вниманіе обратилось на то, что евреи ожидаютъ Мессію — завоевателя, а Иисусъ Христосъ возвѣстилъ, что низойдетъ Утѣшитель, который наставить на всякую истину. На греческомъ языке Утѣшитель выражается словомъ *Параклітосъ*, а другое незвучное греческое слово: *Периклітосъ* означало: *славный*, арабское же слово *Магометъ*, тоже значило: *славный*. Вотъ онъ, исполнясь ревностію проповѣдывать единаго Бога и искоренить идолопоклонство, возвѣталъ, что онъ обѣщанный Утѣшитель и задумалъ создать особую религію. Для сего стала каждое лѣто уединяться въ одну пещеру и тамъ написать свой Коранъ — книгу, гдѣ пламеннымъ и пѣвучимъ арабскимъ языкомъ поэтически изложилъ слышанные

имъ разсказы о первыхъ людяхъ, о потопѣ, патріархахъ, Моисѣѣ, Пречистой Дѣвѣ и Иисусѣ Христѣ, съ нравственными и религіозными законами, частію заимствованными отъ евреевъ и христіанъ, частію собственно самимъ имъ сочиненными. Здѣсь же онъ неоднократно удостовѣряя о божественности книгъ Моисеевыхъ и Евангелия, нагло утверждалъ, что все изложенное въ Коранѣ находится и въ сихъ священныхъ писаніяхъ, между тѣмъ какъ въ Коранѣ многія біблейскія событія искажены, лица и времена перепутаны, многое прибавлено поэтическимъ воображеніемъ самого сочинителя, а многое, совершенно противуположное духу и догматамъ сихъ священныхъ книгъ, внесено имъ частію для оправданія дѣлъ своей грѣховной чувственности, которая побуждала его имѣть много женъ и заключить браки самые кровосмѣсительные; частію для привлечения себѣ послѣдователей разрѣшеніемъ многоженства; частію въ опроверженіе основныхъ истинъ Христіанской вѣры, которыхъ онъ понять и вмѣстить не могъ. Такъ напримѣръ онъ, Магометъ, въ своемъ Коранѣ дерзнулъ даже утверждать, будто бы былъ распять не самъ Господь Иисусъ Христосъ, а схожій съ Нимъ человѣкъ, Самъ же Иисусъ взять былъ на небо живымъ.

Наконецъ Магометъ самъ о себѣ сталъ свидѣтельствовать, что когда онъ былъ въ пещерѣ, во время ночного мрака, явился ему Архангель Гавріль и, вруча ему Коранъ, назвалъ его посланникомъ Божіимъ и велѣлъ проповѣдывать его людямъ.

XLII.

Сначала ему повѣрили только нѣсколько человѣкъ, къ нему приближенныхъ; сограждане же его, жители города Мекки, признавъ его обманщикомъ, приговорили къ смерти; но онъ бѣжалъ изъ роднаго города въ другой городъ Медину. Здѣшнихъ гражданъ удалось ему увѣрить въ свое посланичество и онъ сталъ тамъ властствовать какъ царь и пророкъ. Возведивъ въ своихъ послѣдователей воинственный духъ, онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ своими врагами и покорилъ своей власти Мекку и нѣсколько сопѣтственныхъ племенъ. Слава его побѣдъ, страшная казни надъ непокорными и богатыя воинскія корысти со дnia на день

увеличивали число его послѣдователей и наконецъ вскорѣ покорились ему всѣ племена Арабовъ и онъ основалъ сильное, дышащее воинственнымъ пыломъ государство, которому онъ завѣщалъ вести войны и силою оружія покорять народы измышенной имъ вѣрѣ. Преемники его власти, называемые Калифами, продолжая вести постоянно счастливыя войны съ Восточною Римскою Имперіею и Персіею, вскорѣ покорили Палестину, Сирію, Персію, Египетъ и всю сѣверную Африку по берегамъ Средиземнаго моря и даже въ Европѣ Пиренейскій полуостровъ, повсюду распространяя ужасъ убийствомъ и грабежемъ, обращая насилиемъ жителей въ свою вѣру, угнетая тѣхъ, которые отвергали Коранъ, разрушая и уничтожая всѣ памятники наукъ и цивилизаций.

Такимъ образомъ образовалось обширнѣйшее и могущественное государство Арабовъ, или Сарацінъ. Въ послѣдствіи оно отъ внутреннихъ междоусобій разпалось на нѣсколько государствъ, а сіи ослабѣвали болѣе и болѣе отъ внутреннихъ неустроїствъ, сдѣлались наконецъ добычою новыхъ, одновѣрныхъ съ ними и не менѣе ихъ жестокихъ варваровъ — Турокъ, государи которыхъ, называемые Султанами, замѣнили собою власть Калифовъ, и болѣе и болѣе стѣсняя Восточную Римскую Имперію, наконецъ взяли Константинополь и положили конецъ и этому государству.

Чтобы имѣть понятіе съ какимъ варварствомъ магометане дѣйствовали противъ всего, что ведетъ къ просвѣщенію ума, приведемъ одинъ изъ многихъ случаевъ.

Когда Калифъ Омаръ завоевалъ Египетъ, полководецъ Амру спрашивалъ его: какъ поступить съ великолѣпною библіотекою Александрийскою? — Омаръ отвѣчалъ: «если она заключаетъ въ себѣ тоже, что есть и въ Коранѣ, то она безполезна, и слѣдовательно ее надобно сжечь; если же заключаетъ противное, то тѣмъ болѣе подлежитъ сожжению.» И драгоцѣннѣйшее хранилище познаній человѣческихъ, собранное многими вѣками, въ которомъ совокуплено было все учение древнихъ, было предано пламени.

Невѣжественная религія, измыщенная невѣжественнымъ лжепророкомъ, могла существовать только подъ кровомъ мрака невѣжества, и потому покровительствующій ей князь тьмы не дозволялъ въ странахъ, обладаемыхъ ея послѣдователями, возникать просвѣщенію и ревностно гасилъ всѣ возжигав-

шісся тамъ свѣточи, настоятельно требуя только слѣпой вѣры въ Коранѣ, обрѣзанія, омовеній и исповѣданія: «единъ Богъ и Магометъ Его пророкъ!» И за исполненіе сихъ требованій обѣщалъ въ будущей жизни райскія утѣхи. Самыя же эти утѣхи представлялъ въ грубыхъ тѣлесныхъ наслажденіяхъ: въ тѣнистыхъ садахъ, орошаемыхъ свѣтлыми, прохладными источниками, въ обилии вкусныхъ яствъ и питій и въ множествѣ красивѣйшихъ женъ. Такимъ образомъ не къ нравственному, духовному совершенству приготавлялъ людей, но болѣе и болѣе распалилъ ихъ чувственность— страсти и похоти, и не давалъ мѣста никакой попыткѣ къ возрожденію духа.

XLII.

Когда такая адская стѣна преградила распространеніе христіанской религіи на Востокѣ, и тамошнихъ христіанъ душила въ нищетѣ и рабствѣ, князь тьмы въ властолюбіи Римскихъ папъ нашелъ средство держать также во мракѣ невѣжества Западъ.

Слава Рима и уваженіе всѣхъ христіанъ къ святителямъ этой древней столицы міра, внушили почти благоговѣйное чувство къ нимъ въ новыхъ обитателяхъ Запада — тѣхъ невѣжественныхъ народахъ, которые, разрушивъ Западную Римскую Имперію, водворились здѣсь и приняли христіанство. Это дало Римскимъ папамъ возможность имѣть огромное вліяніе на тѣ народы и ихъ властителей; вмѣстѣ съ тѣмъ обильные отсюду дары и пожертвованія дѣлали ихъ обладателями несмѣтныхъ богатствъ. А это сдѣлалось пріманкой для сластолюбцевъ, корыстолюбцевъ и властолюбцевъ. Они домогались папства всѣми обольщеніями и ухищреніями — и достигали. Такимъ образомъ на Римскую епіскопскую каѳедру стали поступать люди недостойные, которыхъ мысль и забота были не о благѣ церкви, а о распространеніи и укрѣпленіи своей власти и о пріобрѣтеніи большихъ и большихъ богатствъ. Для этого они не пренебрегали никакими средствами. Такъ, когда Константинопольскіе императоры, побѣдивъ варваровъ, покорившихъ Римъ и Италію, возстановили было тамъ свою власть, папы, чтобы освободиться отъ ихъ власти, возставляли тамошнихъ гражданъ противъ императоровъ — законныхъ

своихъ властителей и для сего возбуждали также къ войнѣ съ ними Лонгобардскій народъ, а потомъ, чтобы освободиться отъ власти этого народа, возвигали на него королѣй французскихъ; а для пріобрѣтенія покровительства властителей народа французскаго, папа Захарій I далъ согласіе могутственному вельможѣ Пепину на низложеніе законнаго, но слабаго короля Хильперика и разрѣшилъ народъ отъ клятвы, данной сему послѣднему; а сына Пепина, Карла, папа Левъ III короновалъ императоромъ и за то получилъ обширныя области въ Италіи. Надъ этими областями въ послѣдствіи папы присвоили себѣ власть самодержавныхъ государей и стали носить царскій вѣнецъ; не довольствуясь симъ, провозгласили, что Римскій Папа единственный пріемникъ Апостольства, наимѣстникъ Христа на землѣ и глава всей Его Церкви, и для убѣжденія въ томъ, будто бы такая власть всегда принадлежала епіскопамъ Рима, составили подложные акты; окружили себя великолѣпіемъ, ввели поклоненіе себѣ до земли и цѣлованіе своихъ ногъ или туфель, также ношеніе себя на раменахъ въ церкви; требовали повиненія себѣ отъ Государей и въ случаѣ неповиновенія отлучали отъ Церкви, проклинали, освобождали ихъ подданныхъ отъ клятвы въ вѣрности и возбуждали къ бунтамъ; по своему произволу вводили въ церковныя учрежденія новизны, противныя апостольскому и соборному ученію, такъ напримѣръ: въ противность ясныхъ словъ Господа: «Духъ истины, который отъ Отца исходитъ», одобрили ученіе человѣческаго мудрованія, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, и дерзнули, не взирая на строгія прещенія Вселенскихъ Соборовъ, сдѣлать прибавленіе о семъ въ Символѣ Вѣры. Въ нарушеніе заповѣди Господней: «пійте отъ нея вси», запретили пріобщать вѣрующихъ отъ Чаши Крови Господней, предоставивъ таковое пріобщеніе одному священству; въ противность апостольскому преданію Церкви въ таинствѣ Евхаристіи замѣнили хлѣбъ опрѣсноками; для болѣе обильныхъ сборовъ на папскую роскошь ввели отпущеніе грѣховъ за деньги посредствомъ индульгенцій, т. е. папскихъ грамотъ.

А чтобы укрѣпить такую необычайную власть за собою навсегда, папы, подобно Магомету и его преемникамъ, привѣгали къ разнообразнымъ средствамъ, чтобы народы оставались въ невѣжествѣ и лучъ просвѣщенія не касался ихъ.

Такъ они строго требовали, чтобы никто не смѣлъ разсуждать о вѣрѣ, тѣмъ менѣе входить въ разслѣдованіе правильности или законности папскихъ повелѣній, и чтобы слѣпо вѣровали тому, чему учитъ папское духовенство. Для наблюденія за симъ учрежденіе былъ тайный судъ, инквизиція, который по доносамъ и по подозрѣнію въ нарушеніи кѣмъ либо этого правила производилъ допросъ, пытки, заключать въ смрадныя темницы, казнить — обыкновенно сожженіемъ. А чтобы никто изъ духовенства не могъ и думать противиться папамъ, всѣ духовные были изъяты отъ властей гражданскихъ и подчинены единственно папѣ. Для того чтобы это подчиненіе было полное и мірскія связи не нарушали его, священникамъ воспрещено было вступать въ бракъ. Затѣмъ введено было повсюду Римское богослуженіе на латинскомъ, непонятномъ для новыхъ христіанъ, языкѣ, съ запрещеніемъ не только богослуженія на отечественномъ языкѣ, но даже переводовъ св. Писанія на какой либо языкѣ, кроме Римского-латинского; и не только перевода, даже чтенія Бібліи и на Латинскомъ языкѣ.

Все это дѣйствительно произвело то, что народы Запада долгое время оставались во мракѣ невѣжества, а власть папъ достигла до чудовищнаго могущества: сами владыки народовъ трепетали предъ ними, и даже одинъ могущественный Германскій императоръ, осмѣлившійся противустать этой власти, доведенъ былъ до того принятими со стороны папы мѣрами, что для испрошенія у него прощенія, долженъ былъ согласиться на самыя унизительныя условія: онъ нѣсколько дней, въ одной рубашкѣ, босикомъ, долженъ былъ стоять у дворца папскаго и потомъ повергнуться предъ нимъ лицъ и цѣловать его ноги, а папа при этомъ, наступа ногой на его вью, осмѣлился произнести псаломскія слова: «на аспида и василіса наступиши и попереши льва и змія».

Мало того: по ихъ слову вооружились цѣлые народы, составлялись огромныя воинства и устремлялись то освобождать гробъ Господень изъ подъ власти магометанъ, то покорять и обращать мечемъ въ христіанство языческія страны, то предавать казни области, объявленныя папою еретическими. Эти походы известны подъ именемъ крестовыхъ.

XLIII.

Демонъ властолюбія, овладѣвшій папами, не довольствовался всѣмъ симъ: онъ возбуждалъ ихъ къ большему — къ подчиненію себѣ всей Церкви Христовой, къ обладанію всѣмъ міромъ. И вотъ они стали требовать повиновенія себѣ отъ патріарховъ восточныхъ Церквей.

Восточная Римская имперія находилась тогда въ самомъ бѣдственномъ положеніи: самая большая часть ея областей восточныхъ отторгнута была магометанами, а сѣверная ея владѣнія наводнены были идолопоклонническими племенами Славянъ и Мадьяръ. Внутри ея возникали безпрестанныя смуты отъ властолюбцевъ, домогавшихся императорской короны; императоры безпрестанно смѣняли одинъ другаго, а при этомъ и патріархи то были возводимы, то низводимы съ своихъ каѳедръ. Науки и образованность упали и гражданъ занимали то словопрѣнія о догматахъ, то заговоры противъ властителей, то домогательства почестей и богатства.

Не смотря на все это, властолюбіе Папъ въ восточныхъ Патріархахъ встрѣтило сильный отпоръ. Отвѣтомъ было обличеніе Папъ въ неподобающей христіанскимъ епископамъ гордости и честолюбіи, съ превышеніемъ власти, въ самовольныхъ нововведеніяхъ, противныхъ ученію Апостоловъ, преданію Церкви и постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ.

Раздраженная такимъ обличеніемъ гордость папъ разразилась громами проклятій; но какъ сіи громы не устрашили ни пастырей восточныхъ церквей, ни пасомыхъ ими, то папы вовсе прекратили общеніе съ восточными церквами, и такимъ образомъ произошелъ, къ сожалѣнію, расколъ: Церкви восточная, состоящія въ патріаршествахъ Константинопольскомъ, Антіохійскомъ, Іерусалимскомъ и Александрийскомъ, отдѣлились отъ церквей западныхъ, состоящихъ въ патріаршествѣ Римскомъ, и ненависть и злоба папъ на восточныхъ патріарховъ породила въ душахъ западныхъ христіанъ ненависть и злобу къ восточнымъ христіанамъ. Съ тѣхъ поръ западные христіане сдѣлались врагами и гонителями восточныхъ — еще злѣйшими, чѣмъ сами магометане.

Въ этой злобѣ одно изъ воинствъ западныхъ христіанъ, на крестовомъ походѣ, предпринятомъ для освобожденія Гроба

Господня изъ подъ власти магометанъ, предательски овладѣвъ однажды Константинополемъ, предалось тамъ всѣмъ неистовствамъ, грабежу и убийствамъ: истребило и расхитило драгоценныиѣ памятники древняго просвѣщенія и святыни христіанъ восточныхъ. А у насъ на Руси эта злоба оставила память въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, гдѣ Поляки, во время своего тамъ владычества, употребляли всѣ средства угнетенія, чтобы обратить Православныхъ въ Папежцовъ, такъ, что даже самыя церкви ихъ отдавали въ аренду жидамъ.

XLIV.

Такимъ образомъ тѣ именно христіане, которые остались вѣрными единой, Святой, Соборной, Апостольской церкви и сохранили всю чистоту вѣры Христовой, сдѣлались цѣллю адской злобы съ одной стороны послѣдователей Магомета, съ другой — читателей Римскихъ Папъ. Въ началѣ они находили еще охрану и защиту въ Восточной Римской Имперіи, но и та въ борьбѣ съ возставшими отвсюду на нее врагами, все болѣе и болѣе ослабѣвала, наконецъ пала, и всѣ области ея, вмѣстѣ съ Царьградомъ, сдѣлались достояніемъ Турецкой имперіи. Истинная церковь Христова лишилась послѣдней человѣческой помощи, осталась рѣшительно безъ всякаго земнаго покрова и блеска, въ бѣдности, въ угнетеніи, и въ самой смиренной долѣ, съ однimi внутренними богатствами правды, чистоты и святости, съ обилиемъ пищи духовной и благодатныхъ даровъ Св. Духа. Но не смотря на Свою беспомощность и всю безпощадность, отвсюду тѣснившихъ её враговъ, она осталась непоколебимою въ своемъ апостольскомъ соборномъ устройствѣ, какъ несокрушимая скала среди напора волнъ океана, и сохранила отъ потопленія въ объявшемъ весь міръ мракѣ невѣжества преданныя ей святыя истины жизни, подобно тому какъ Ноевъ ковчегъ спасъ зачатки жизни во дни всемирного потопа. Дѣти ея, поруганные, ограбленные, порабощенные и повсюду безпощадно избиваемые нечестивыми, остались вѣрными ей. Что эта приверженность къ Церкви не была подобна фанатической ревности, возбужденной чрезъ разжиганіе страстей Магометомъ и папами въ своихъ послѣдователяхъ, но была искренняя лю-

бовь чадъ къ своей матери Церкви, зародившаяся отъ сознанія ея доброты и благодатнаго вліянія ея на души ихъ, это чада ея, постоянно, въ теченіи многихъ вѣковъ свидѣтельствовали ревностнымъ храненіемъ ея уставовъ, мужественнымъ терпѣніемъ въ перенесеніи за вѣрность къ ней нищеты, униженія, угнетенія, ежечасныхъ обидъ, истязаній и всякой несправедливости. И мать-церковь не оставалась безмолвною безучастною къ страждущимъ за нее: въ ея оградѣ они находили внутреннее успокоеніе и утѣшеніе въ скорбяхъ, а въ ея благодатныхъ дарахъ новыя силы на новые подвиги самоотверженія.

Вотъ и для православныхъ христіанъ померкло мерканіе наукъ, закрыты были источники человѣческихъ знаній и прекращены пути къ просвѣщенію, но князь тьмы безсиленъ быть погасить въ нихъ свѣтъ Христовъ и закрыть для нихъ источникъ тѣхъ знаній, которые одни на потребу людямъ. Въ средѣ ихъ непрерывно находились мужи, основательно изучившіе Священное Писаніе, соборныя постановленія, творенія Св. Отцовъ, Исторію Церкви, недремно бдящіе и неусыпно наблюдающіе за чистотою вѣры чадъ Церкви, сильные словомъ и могущіе доказать правоту св. вѣры и испровергнуть всѣ сплетенные на нее клеветы; всегда были святые подвижники, сившіе высокими христіанскими добродѣтелями и чистотою жизни и укрѣпившіе своихъ собратій въ вѣрѣ явленіемъ чудодѣйственныхъ силъ живущей въ нихъ благодати Христовой; часто являлись витіи, живымъ, исполненнымъ убѣдительности словомъ привлекавшіе ко Христу сердца людей, — богословы въ твореніяхъ своихъ въ систематическомъ порядкѣ и послѣдовательности излагавшіе ученіе Церкви, — истинные духовѣдцы, изобразившіе въ своихъ книгахъ благодатную жизнь духа и стущені, по какимъ восходитъ къ совершенству возрожденная благодатію Христовою душа, — чудные пѣвцы, слагавшіе чудныя пѣсни, которыми вызывали вѣрныхъ и въ надгробныхъ рѣданіяхъ взвывать: Аллилуя! — славные Апостолы, передлагавшіе священное писаніе на языки варварскихъ народовъ и цѣлымъ ихъ государства обращавшіе ко Христу.

Такъ святые братя Кириллъ и Меодій перевели Священныя книги на Славянскій языкъ и обратили ко Христу многочисленные Славянскіе народы. Тщетно Римскіе папы прибѣгали ко всякимъ ухищреніямъ и возбуждали могучія

сили подвластныхъ имъ царствъ, чтобы исхитить изъ лона Православной Церкви это ея достояніе и обратить Славянъ въ своихъ сподручниковъ, только иѣкоторыя племена ихъ (Поляковъ, Моравовъ и Чеховъ) успѣли они отторгнуть, прочія же, въ томъ числѣ и Русы, прильпясь къ Св. Церкви любовію, какъ дѣти къ нѣжной матери, остались, благодареніе Богу! въ лонѣ ея твердыми ея поборниками.

Если угнетеніе поработителей лишало православныхъ христианъ возможности заниматься науками и усовершаться въ искусствахъ и ремеслахъ, то все-таки никому другому, а имъ обязанъ міръ сохраненіемъ отъ всесокрушающаго варварства добытыхъ въ прошлые вѣка умомъ и опытомъ знаній, такъ какъ они сберегли творенія древнихъ великихъ мыслителей, поэтовъ, законодателей, историковъ и землеописателей, и они же, трудясь въ потѣ лица, питали своихъ гонителей, незнавшихъ кромѣ воинского искусства ничего, плодами земледѣлія, и доставляли имъ все необходимое для жизни, продолжал заниматься ремеслами, торговлею, мореходствомъ, постройками и искусствами.

Напротивъ послѣдователи Магомета, исполняя заповѣдь его: не знать ничего кромѣ Корана, оставались и нынѣ остаются совершенными невѣждами, не смотря на множество открытыхъ у нихъ повсюду школъ, и не произвели ничего полезнаго для человѣчества, а только губили и разрушали.

XLV.

Подобными же варварами были воинственные народы, населившіе Западную Европу и принявши христианство отъ Римскихъ папъ. Хотя папы изъ властолюбивыхъ видовъ старались держать ихъ въ прежнемъ невѣжествѣ, но духъ ученія Христова, коснувшись ихъ, произвѣль свое благодѣтельное дѣйствіе. Мало-по-малу духъ человѣколюбія укрощалъ воинственные страсти и направлялъ ихъ къ болѣе благороднымъ цѣлямъ. Мало-по-малу вкоренялось убѣжденіе, что плоды труда честнѣе и лучше добычъ хищничества и насилия. Чтобы обезпечить ихъ отъ хищниковъ въ эти времена беззнача-лія, трудолюбивые люди стали соединяться въ общины, строить города, заводить порядокъ и изыскивать средства къ ограж-

денію своей безопасности и своихъ правъ. Для большаго огражденія себя отъ жадныхъ къ корысти властителей: рыцарей, князей и герцоговъ, между которыми раздѣлены были земли тамошнихъ государствъ, и для укрощенія которыхъ часто бессильны были государи, города стали соединяться въ союзы и поддерживать своими силами власть послѣднихъ. Такимъ образомъ законная власть государей болѣе и болѣе возвышалась, самоволіе властителей укрощалось, государства устроивались и порядокъ управлениія учреждался.

Между тѣмъ воинственные походы и благочестивыя странствія ко Гробу Господню знакомили эти народы съ отдаленными странами, тамошними обывателями, ихъ жизнью и въ особенности съ Цареградомъ и сохранившимся тамъ древнею образованностю Грековъ и Римлянъ. Возбудилась во многихъ любознательность, наблюдательность и стремленіе къ усовершенствованію своихъ производствъ и къ занятію науками. Ремесленники, заимствуя замѣчненія ими пріемы и усовершенствованія своего дѣла, стали ревновать другъ предъ другомъ, какъ бы довести свои издѣлія до возможнаго совершенства; торговцы старались вести торгъ на разумныхъ расчетахъ, распространять свои рынки и заводить торговлю съ отдаленными странами, для сего пускались въ дальнія путешествія, собирали свѣдѣнія о невѣдомыхъ странахъ, завоевали правильныя сношенія съ разными землями, учились мореходству и стали строить корабли. Между тѣмъ тѣ и другіе трезвою жизнью, бережливостію и порядкомъ въ хозяйствѣ скопляли богатства и вводили разныя удобства жизни. Люди, полюбившіе науки, собирали творенія древнихъ авторовъ, и, изучая греческій и римскій языки, въ чтеніи тѣхъ твореній находили высокое наслажденіе, и, разпался желаніемъ распространить свои знанія, предавались изученію разныхъ наукъ: одни наблюдали теченіе небесныхъ свѣтиль и изслѣдовали законы, по которымъ это совершается; другіе приводили въ извѣстность богатства земныхъ произведеній и живущихъ на землѣ тварей, и старались постичь законы явленій природы, отъ чего напримѣръ, происходить громъ, молнія, дождь, вѣтры и пр.; иные изучали устройство тѣла человѣка, душевныя его силы, болѣзни и немощи его; изыскивали и испытывали средства къ возстановленію здоровья; иные изслѣдовали законы человѣческаго слова и старались

изъяснять, въ чемъ заключается правильность, красота и поэтичность рѣчи; иные изыскивали методы счисленія величинъ и измѣренія пространствъ и силъ. Нѣкоторые же предались искусствамъ: живописи, ваянію, музикѣ.

Многіе Государи, полюбя науки и искусства, стали покровительствовать труженикамъ, посвятившимъ имъ свою жизнь, свои труды и свои силы; давали имъ средства производить свои изслѣдованія, поощрали ихъ наградами, заводили училища, университеты и академіи. Науки росли болѣе и болѣе и принесли обильные плоды: такъ открыто множество предметовъ въ царствахъ природы очень полезныхъ, которые дотолѣ или вовсе были людямъ неизвѣстны, или оставались безъ употребленія по неимѣнію понятія о ихъ полезности или по неумѣнію употреблять ихъ въ пользу; изысканы легчайшіе способы отыскивать, добывать, умножать и обрабатывать богатства земныя, какъ, напримѣръ, узнавать гдѣ находятся металлы, какъ ихъ доставать, обращать въ издѣлія, какъ воздѣлывать землю для обильного и лучшаго произрастенія на ней травъ, злаковъ, плодовыхъ деревъ, фабричныхъ растеній и проч.; также открыты дотолѣ невѣдомыя страны, изобильныя всѣми дарами природы, какъ наприм.; Америка, Австралія и множество острововъ на океанѣ; изслѣдованы законы дѣйствующихъ въ природѣ силъ: тяготѣнія, теплоты, свѣта, пара, воды и пр.; открыты въ числѣ ихъ такія силы, о существованіи которыхъ дотолѣ и не подозрѣвали, какъ наприм. электричество; найдены способы исчислять скорость и величину дѣйствія этихъ силъ и на основаніи сихъ знаній изобрѣтено множество машинъ, заставляющихъ силы природы работать для человѣка, и чрезъ то облегченъ тяжкій трудъ его, умножено производство нужныхъ для него издѣлій, удешевлена цѣнность ихъ, облегчено, ускорено и удешевлено какъ передвиженіе людей и тяжестей (пароходы, паровозы), такъ и сношеніе между людьми (телефрафъ); изобрѣтены компасъ, книгопечатаніе, фотографія, порохъ и еще многое другое, такъ что исчислить все нѣть даже возможности.

Вслѣдствіе всего этого у западныхъ народовъ скопились огромные капиталы, просвѣщеніе распространилось повсюду, произведеніями своихъ ремесль, мануфактуръ и искусствъ они стали снабжать всѣ страны свѣта, и въ замѣнъ того отвсюду

добывать для обработки сырья произведенія земли; завели торговлю со всѣми населяющими землю народами; построили огромные флоты; корабли и пароходы ихъ стали владычествовать на океанахъ и моряхъ; съ изобрѣтеніемъ пороха, луки и стрѣлы замѣнены были у нихъ огнестрѣльнымъ оружиемъ и войска устроены такъ, что стройные ихъ ряды и колоны производили всѣ требуемыя движенія и дѣйствія по одному мановенію своихъ полководцевъ, и потому сдѣлялись непобѣдимыми и страшными для всѣхъ необразованныхъ народовъ.

XLVI.

Междуда тѣмъ сильно возбужденная любознательность побудила нѣкоторыхъ изъ нихъ изучать Богословіе и Исторію Церкви не по однимъ только учебникамъ, изданнымъ подъ цензурою Папъ, но по самымъ источникамъ ихъ — священнымъ книгамъ и твореніямъ св. Отцовъ. Тогда они увидѣли, что въ Римской Церкви многое введено въ противность духу ученія Христа по произволу Папъ, и самая ихъ власть, какъ Государей и Намѣстниковъ Христа, основана на подлогахъ. Открывъ это, они потеряли довѣріе къ авторитету — руководительству своей Церкви и стали сами по своимъ понятіямъ измышлять, въ чёмъ именно состоить истинная христіанская религія. Какъ при этомъ страсти, привычки и грѣховныя наклонности давали ложное направленіе ихъ умствованіямъ, то они приходили къ ложнымъ убѣденіяхъ, и начали распространять свои ученія, болѣе или менѣе противныя ученію истинной Церкви. Вначалѣ, по повелѣнію Папъ и по суду инквизиціи такие мыслители были сожигаемы на кострахъ, а города и цѣлые области, принимавшіе ихъ ученіе, были опустошаемы и избиваемы. Но новые мысли распространялись болѣе и болѣе между народами, волновали умы и подтачивали могущество Папъ.

Наконецъ изъ среды самыхъ защитниковъ папства явился самый смѣлый, рѣзкій и безпощадный обличитель папскихъ неправдъ — это монахъ Мартинъ Лютеръ. Онъ нашелъ себѣ покровителей въ могущественныхъ Государяхъ. Проповѣди и сочиненія его взволновали цѣлые народы. Потомъ весь Западъ раздѣлился на два лагеря: Сѣверные державы (Швеція,

Данія, Пруссія і многія германскія государства) отпали отъ папъ и объявили себя на сторонѣ Лютерова ученія, южныя державы (Іспанія, Франція, Австрія, властители Италии и нѣкоторыя Германскія государства) вооружились противъ поборниковъ новаго ученія. Запылала война и началось преслѣдованіе Лютеранъ. Она длилась тридцать лѣтъ съ страшнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и кончились только истощеніемъ силъ воюющихъ и враждовавшихъ. Лютеране достигли освобожденія отъ Римскіхъ цѣпей и учредили свою новую Церковь—Лютеранскую.

XLVII.

Лютеръ и его послѣдователи правильно сознали, что Церковь Римская не есть истинная Христова Церковь, но Церковь *Папская*, во многомъ измѣнившая чистоту Церкви Христовой. Но если бы они были истинно вѣрующими во Христа и слѣдовательно искренно признавали Его за единороднаго Сына Божія, то должны были бы вѣровать и въ непреложность Его словъ: «созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ее», а слѣдовательно также вѣровать, что истинная Церковь Христова не переставала существовать, и съ этою вѣрою искать ее, смиренно моля ея Зиждителя вразумить и открыть истину. Но они почли ее погибшею еще съ первыхъ вѣковъ христіанства и возмечтали себя восстановителями и строителями ея, и создали *свою* Церковь.

Истинная Церковь Христова не оставалась безгласною: она кротко, благовременно возвѣстила имъ о себѣ, съ любовью распостирая къ нимъ свои матернія объятія. Но вѣнчанія, скромная обстановка Церкви, нищета и порабощенность ея членовъ, отсталость ихъ въ мірской образованности произвели на обличителей Папской суетности тоже суетное впечатлѣніе, какое смиренный видъ Сына Человѣческаго произвелъ на суетныхъ Іудеевъ. Какъ тѣ говорили: «отъ Галилеи Пророкъ не приходитъ... что можетъ быть доброго изъ Назарета», такъ и теперь Лютеръ съ своими послѣдователями, гордые своею мірскою образованностію и богатствомъ своихъ странъ, не могли сознать, что высшою духовною образованностію, настоящимъ духовнымъ богатствомъ, истинною —

дѣйствительною свободою—свободою духа, обладаютъ презираемые ими обитатели востока. Къ тому же Восточная Церковь зиждется на Апостольскихъ и Соборныхъ правилахъ, а тѣ правила устанавливаютъ, между прочимъ, посты и богослужебные обряды, утверждаютъ чествованіе святыхъ и иконъ, одобряютъ добровольные обѣты иночества и обязываютъ къ ихъ исполненію; а нововводители въ жару возгорѣвшейся у нихъ вражды къ Папамъ и Римской Церкви все это уже отвергли и первые все это нарушили, признавъ за ненужное, потому будто, что все это есть излишнее человѣческое установленіе, и такою поблажкою чувственности привлекли большинство своихъ послѣдователей. А потому возстановлять сіи учрежденія Церкви для нихъ было не удобно, тягостно и противно ихъ интересамъ чувственнымъ и политическимъ.

Если Римская Церковь, боясь просвѣщенія своихъ членовъ, требовала отъ нихъ слѣпаго повиновенія своимъ предписаніямъ, не заботилась о внушеніи имъ духа религіи и сущность оной ограничивала только исполненіемъ обрядовъ и наружнымъ поклоненіемъ священнымъ изображеніемъ и тѣмъ низводила святѣйшую вѣру до подобія языческихъ суевѣрій, то обличители ея вдалисъ въ противуположную крайность: они отмѣтая всѣ преданія Церкви и всякий авторитетъ (руководительство) Вселенскихъ Соборовъ и св. Отцѣвъ, оставили вѣрующихъ въ безпомощномъ положеніи при возникающихъ недоумѣніяхъ и предоставили каждому основываться единственно на собственномъ пониманіи Священнаго Писанія. Такимъ образомъ лишивъ вѣрующихъ основаній къ правильному пониманію догматовъ и требованій вѣры, они открыли имъ путь объяснять Св. Писаніе сообразно наклонностямъ ихъ сердца и влеченію страстей; слѣдовательно открыли путь къ разномыслію и раздѣленію; вмѣстѣ съ тѣмъ возгорали мыслію, что они одни будто бы постигли духъ религіи, стали считать одну вѣру основаніемъ спасенія и съ презрѣніемъ отвергли все, въ чемъ истинная вѣра должна обнаруживаться и чѣмъ она воспитывала человѣка къ жизни вѣчной, и тѣмъ сняли узду съ сластолюбія и прочихъ страстей человѣческихъ. Между тѣмъ какъ истинная Церковь Христова, указывая источники къ правильному пониманію Св. Писанія и къ разрѣшенію возникающихъ въ умѣ человѣка недоразумѣній, тѣмъ самыемъ приводить всѣхъ къ едино-

мыслию и единению, и внушая самый духъ религіи, требуетъ проявленія этого духа въ исполненіи предписанныхъ ею дѣлъ и въ чествованіи и въ благоговѣйномъ поклоненіи самыи священныи изображенія; требуя же таковыхъ дѣлъ и поклоненія, тѣмъ самыи внѣдряеть и самый духъ религіи, такъ напримѣръ: при самомъ началѣ поста она во время богослуженія учить: «Братіе, постись тѣлесно, станемъ поститься и духовно: развяжемъ всякий узелъ неправды, всякое писаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищихъ безкровныхъ введемъ въ дома, да пріиметь отъ Христа Бога велию милость.» Еще: «О душа моя, постящаяся отъ брашень, а отъ страстей не очистившаяся, напрасно радуешься неяденію; если оно не послужить тебѣ виною къ исправленію, какъ лживая будешь ты возненавидѣна Богомъ, и уподобишься злымъ демонамъ, никогда неядущимъ. И такъ не сдѣлай тщетнымъ посты, продолжая грѣшить, но будь не-колебима стремлениемъ порочнымъ, мысленно предстол распятому Спасу и, сраспинаясь распятому ради тебя, взывай къ Нему: помяни мя, Господи, егда пріидиши во царствіи Твоемъ!» Такъ и во всемъ Церковь учить настъ.

Если самозваные строители Церкви и считали собственно для себя не нужными учрежденія Церкви обѣ обрядахъ, постахъ, иконахъ, иночествѣ и призывааніи въ молитвахъ Святыхъ Угодниковъ, то не должны были разорять ихъ уже потому, что эти учрежденія сами по себѣ, по своей сущности и цѣли, были добрыи, направленныи къ выполненію правды Божіей и для всѣхъ полезныя. Такъ: посты установлены для укрощенія страстей и для воспитанія воли въ покорности Богу и Церкви, чтобы обучить ее какъ побѣждать чувственныи вождѣнія. Самая первая заповѣдь, данная Богомъ прародителямъ въ раю, по сущности своей была посты, и первымъ учрежденіемъ Самаго Зиждителя Церкви новозавѣтной былъ постъ же, самыи Его примѣромъ заповѣданный. Обряды, иконы и священныи изображенія введены въ Церкви для напоминовенія о благодѣтельныхъ для настъ событіяхъ, о священныи истинахъ и о великихъ примѣрахъ благочестія, чтобы возбуждать чувство благоговѣнія, поучать истинной вѣрѣ и побуждать къ христіанской жизни. Преклоняясь предъ иконами и священными изображеніями, и цѣлуя ихъ, мы поклоняемся не веществу ихъ, но изображеніемъ имъ

ими Владыкъ Христу, Его пречистой Матери и прославленнымъ Имъ Святымъ: Христу какъ Богу — Святымъ, какъ другамъ Его, молитвенникамъ нашимъ предъ Нимъ, потому что вѣруемъ, что они живы предъ Нимъ, такъ какъ Онъ Самъ, назвавъ Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, сказалъ Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, и еще: «всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ.» Если же Святые живы, то и слышать наши призываанія и всегда готовы молиться за настъ. Призываємъ же ихъ молиться за настъ, потому, что мы, отягченные и развлеченные мірскими заботами, чувствуемъ, что мы слишкомъ плотны и молитва наша по большей части тяжела — неспособна и недостойна вознести къ престолу Всевышнаго, и знаемъ, что *много можетъ молитва Праведнало* (Іак. 5, 16), и при томъ тѣмъ самыи являемъ духъ смиренія и сознаніе величія Того, Кому хотимъ молиться. Иночество же Церковь благословила и устроила, потому что не могла же она ни отвергнуть, ни оставить безъ своего особенного попеченія и благословенія тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые, оставивъ изъ высокой любви къ Христу міръ и всѣ блага его, посвящали себя Богу и желали всецѣло предаться благомыслию, молитвѣ и славословію.

Господу Іисусу Христу не было необходимости въ крещеніи Ioannovomъ, но Онъ повелѣваетъ Ioannу совершить надъ Нимъ крещеніе, говоря: «Такъ надлежить намъ исполнить всякую правду». Ему не было нужды въ постѣ, но Онъ постится. Не слѣдовало ли Лютеру руководствоваться симъ примѣромъ? Если же люди злоупотребляли самыми благодѣтельными учрежденіями Церкви, то это еще не давало основательного повода къ отверженію ихъ. Чѣмъ не злоупотребляется человѣкъ?

XLVIII.

По слѣдамъ Лютера пошли многіе, явились новые самозваные *учители и отцы*, которые произведенныи Лютеромъ реформы въ церкви считали недостаточными, и устроили свои церкви съ искаженіемъ самыхъ основныхъ доктринаў вѣры; явились Государи, которые воспользовались волненіемъ умовъ по случаю новыхъ ученій, произвели своеобразныя преобра-

зованиі въ мѣстныхъ церквахъ изъ политическихъ видовъ, чтобы освободиться отъ власти Папы и стать самими въ главѣ церкви; явились лжепророки и даже лжехристы, прельщавшіе невѣжественный народъ разными обманами и увлекавшіе его возвѣщеніемъ открывшагося будтобы уже во славѣ царствія Божія. Такимъ образомъ возникло на Западѣ безчисленное множество церквей и сектъ различныхъ наименованій, враждебныхъ другъ другу: (Протестанты, Евангелики, Ангелики, Пресвитеріяне, Квакеры, Цвинглисты, Кальвінисты, Аванаптисты, Соціане, Пієтисты и множество другихъ). Нѣкоторые изъ нихъ сохранивъ главные основные догматы вѣры, приняли только часть лютеранскихъ нововведеній, другіе же, извративъ догматы вѣры, исказили совершенно христіанскую релегію.

Кромѣ того явилось еще много мыслителей — философовъ, носящихъ имя христіанъ, но потерявшихъ окончательно вѣру во Христа, и усилившихъ по стихіямъ міра постигнуть своимъ умомъ начало существующаго и объяснить происхождение видимаго міра и человѣка, и всѣ явленія, не только физического; но и нравственного міра. Каждый изъ нихъ сталъ объяснять все это посвоему, и отъ этого народилось множество разнообразныхъ философскихъ системъ: одни утверждаютъ, что вещества такъ же предвѣчно какъ Богъ, и что Богъ изъ вещества только образовалъ міръ; другие говорятъ, что міръ есть только проявленіе Божества и потому Богъ и міръ со всѣми разнообразными тварями одно и тоже; третыи и вовсе отвергаютъ бытіе Бога и сущесловятъ, что отначала были только вещественные стихіи, а міръ произошелъ отъ случайныхъ сочетаній тѣхъ стихій, а всѣ растенія и живыя твари отъ зародившейся сама собою органической клѣточки, разнообразясь и усовершенствуясь въ видахъ и родахъ посредствомъ борьбы за жизнь и половаго подбора болѣе подобныхъ одни къ другимъ, и что родоначальникомъ человѣка долженъ быть какой нибудь звѣрь, похожій на обезьяну. Они не видятъ ничего разумнаго-цѣлесообразнаго въ устройствѣ міра. Но есть еще иные мыслители; которые, сознавалъ, что во вселенной и дѣйствующихъ въ ней законахъ есть высочайшая разумность и цѣлесообразность, вмѣстѣ съ тѣмъ почитаютъ вселенную за необъятную мертвую машину, которая сама собою образовавшись, дѣйствуетъ, никѣмъ неупра-

вляемая, по установленнымъ въ ней непреложныхъ законамъ. Наконецъ одинъ самый новѣйшій и по тому теперь модный философъ думыслился до того, что по его разсужденію вначалѣ не было ничего — ни Бога, ни вещества, а находились, и то въ небытіи, воля и разумъ, они какъ-то соединились и чрезъ такое соединеніе произошло существо по данному этимъ философомъ имени, безсознательное, и стало, по какой-то необходимости, безсознательно и безцѣльно, осуществлять свое бытіе въ разныхъ идеяхъ, и изъ сочитаніе этихъ идей сотворило міръ и всѣхъ тварей, наконецъ изъ совокупленія всѣхъ идей произвело вѣнецъ творенія — человѣка; но этою дѣятельностью оно себя только мучить и созданныхъ тварей производить на страданіе, и что самое бы лучшее, по мнѣнію этого философа, было то, если бы всѣ люди, предварительно говорясь, въ назначеннѣе мгновеніе прекратили свое бытіе самоубійствомъ, послѣ этого, по его убѣждѣнію, прекратилось бы бытіе всего міра и даже самаго творца его.

Такъ обуи Богъ премудрость міра! (Кор. 1. 20) и стало ясно, до какого безумства доходить умъ человѣческій, въ уверенности на свои силы дерзнувшій отвергнуть путеводный свѣтъ Христовъ. Теперь казалось бы онъ самъ долженъ сознать, что зашелъ за предѣлы здравомыслія и обратился въ безуміе и что далѣе идти ему нѣтъ возможности... Не подобны-ли всѣ эти мыслители тѣмъ людямъ, зрѣніе которыхъ испорчено и не можетъ выносить солнечнаго свѣта, и они заключась въ темнотѣ и блуждая тамъ, начинаютъ гоняться, перегоняя одинъ другаго, за призраками и блуждающими огоньками, и наконецъ съ разбѣгу натыкаются на скрытую во тьмѣ стѣну — и съ разбитою головою падаютъ на землю. Если болѣ отъ ушиба и не заставить самихъ ихъ обратиться назадъ къ свѣту, то, покрайней мѣрѣ, нужно бы ожидать что паденіе и ушибъ ихъ предостережетъ другихъ, за ними слѣдовавшихъ, и они уже не пойдутъ по ихъ слѣдамъ.

XLIX.

Всѣ сіи разномысленные, другъ друга опровергающіе и враждующіе между собою философы и ихъ послѣдователи въ одномъ согласны: въ ненависти ко Христу. Они напрягаютъ

всѣ усилия своего къ опроверженію христіанской религіи, и какъ всѣ ихъ умствованія и опроверженія разбиваются обѣ оплѣты апостольскихъ свидѣтельствъ, то въ послѣднее время они начали опровергать несомнѣнную, очевидную истину: подлинность Евангелій и Апостольскихъ Посланій, и не взирая на то, что въ теченіи 18 столѣтій всѣми церквами и даже еретическими сіи святые книги всегда постепенно признавались за творенія Апостольскія и никто изъ многочисленныхъ враговъ Христіанской религіи не осмѣялся даже сомнѣваться въ этомъ, настоящіе враги Христа не постыдились, прикрываясь мракомъ прошедшихъ 18 столѣтій, доказывать со всѣми изворотами лжи и хитросплетеній дialectiti, будто бы Евангелія и Посланія Апостольскія написаны не самими Апостолами, по много времени спустя послѣ ихъ смерти будто бы составлены, неизвѣстно кѣмъ, когда и гдѣ, изъ разныхъ легендъ — вымысловъ. Новость и дерзость такихъ мыслей, слава объ учености ихъ родителей, красота ихъ слова и умѣніе придавать особую занимательность своимъ сочиненіямъ дѣлаются то, что творенія сихъ новыхъ враговъ Христа расходятся по всему миру въ миллионахъ экземпляровъ и невѣріе, какъ зараза, распространяется болѣе и болѣе.

Но въ то же время какъ враги Христа затмѣваютъ истину и распространяютъ ложь, тамъ же на Западѣ изъ мужей науки являются и Поборники Христа: тѣ тщательно изучаютъ Св. Писаніе и исторію христіанства, собираютъ всѣ памятники и достопримѣчательности по сему предмету, приводятъ все въ систематической порядокъ, на научномъ основаніи изслѣдываютъ все это, оцѣниваютъ степень достовѣрности и въ твореніяхъ своихъ обличаютъ неправды и хитросплетенія лжи новыхъ философовъ, и свѣтомъ науки разсѣиваютъ наводимый ими мракъ. Изъ числа сихъ замѣчательныхъ мужей даже нашлись такие, которые сознавъ несостоительность западныхъ церквей и что ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана истинною Церковью Христовою, принимали на себя трудъ изслѣдовать на мѣстѣ Восточную Церковь и убѣдясь, что здѣсь сохранилась истинная Церковь Христа во всей своей чистотѣ, вошли въ лоно ея и теперь изыскиваютъ средства къ склоненію западныхъ церквей на искреннее соединеніе съ истинною Православною церковью.

L.

Но не одной заразой невѣрія страждеть западъ, — тамъ гнѣздятся и многія другія нравственныя язвы. Богатства и знанія тамъ достояніе далеко не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ; большинство же людей не имѣтъ ни осѣдлости, ни крова, ни наущнаго хлѣба и существуетъ только поденнымъ трудомъ. Роскошь и довольство богатыхъ зараждаются въ бѣдныхъ зависть и желаніе достичь того же; это распаляетъ ихъ страсти и распространяетъ недовольство своимъ бытомъ, общественнымъ и государственнымъ устройствомъ, и даже установленными отвѣтами супружескими и семейными отношеніями. Пользуясь симъ, явилось много самозванныхъ мудрецовъ, измыслившихъ разнообразныя преобразованія какъ въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, такъ и въ самой супружеской и семейной жизни. Всѣдѣствіе сего образовалось множество партій, домогающихся такихъ преобразованій по своимъ измышеніямъ. Однѣ хотятъ ограниченія власти Государей въ разныхъ видахъ представителями народа, другія уничтоженія власти Государей и учрежденія республиканскаго правленія, т. е. правленія посредствомъ избранныхъ народомъ правителей, но то же каждая партія по своему плану; треты требуютъ уничтоженія всякой власти, всякаго права собственности, уравненія всѣхъ людей во всемъ, предоставленія земли и всякаго имущества въ общественное пользованіе, устройства общинъ, уничтоженія браковъ и даже власти отеческой. А потому тамъ часто происходить смуты, бунты, ниспроверженіе правительствъ, государственные перевороты; правительство въ постоянной борбѣ съ своими врагами, и граждане въ ежечасной тревогѣ въ ожиданіи смутъ и правительственныхъ перемѣнъ. Тамъ нѣтъ того, что вожделеніе всего для человѣка — мира, и быть не можетъ. Избави Богъ нась Русскихъ отъ такого дьявольского наважденія!

LI.

Когда черная туча разразится надъ гористой страной проливнымъ дождемъ, то дождевые воды, сбѣгая по склонамъ горъ въ ложбины, рѣтвины и разсѣлины, образуютъ тамъ

множество потоковъ, которые, стремясь въ разныхъ направленихъ и безпрестанно увеличиваясь, мутятся, ревутъ, клубятся пыною, катить съ собою камни, подмываютъ и подтачиваютъ самыя скалы; одни изъ такихъ потоковъ съ грохотомъ свергаются съ стреминъ въ безны и туманомъ своихъ брызгъ и испареній темнить окрестности; другие, встрѣчаясь другъ съ другомъ, вступаютъ въ борьбу, брызжутъ пыною, скрушаютъ въ щепу поваленный ими деревья, стираютъ въ песокъ камни, а наконецъ вливаясь въ какую нибудь рѣчку, соединяютъ здѣсь свои воды, и та, переполненная ихъ мутными водами, выходитъ изъ береговъ, разливается по окрестностямъ, затопляетъ плодоносныя долины, пескомъ, иломъ и камнями загромождаетъ луга и поля, уничтожаетъ сады, рушить дома, пожираетъ стада, губить людей и опустошаетъ деревни и города.

Подобно сему тлетворныя ученія западныхъ еретиковъ и философовъ, зародясь и вылившись изъ мрачной тучи невѣрія, сначала тайно пробирались извилистыми своими путями между народами, старалось внести въ мысли людей свои нечистыя сомнѣнія объ истинахъ религіи и тѣмъ замутить здравый ихъ смыслъ, потомъ съ большою и большою дерзостю стали возвышать свой голосъ противъ всякаго начальства и власти, противъ всѣхъ учрежденій церкви и наконецъ нагло хвалиться своею срамотою, своимъ отступничествомъ отъ Христа и нечестіемъ, и тѣмъ являясь предъ легкомысленными и недальновидными людьми чѣмъ-то великимъ, умнымъ и сильнымъ, увлекали ихъ своимъ обалніемъ и начали употреблять всѣ усилия, чтобы подточить основанія вѣры, уничтожить учрежденія церкви, и, враждя за свои идеи другъ съ другомъ, соединились въ одно скопище въ ненависти ко Христу, наводнили міръ своими книгами и устремились съ яростю на Его церкви, грозясь въ конецъ разрушить ее. Грозная эта рѣка, затопивъ западъ, достигла уже и Россіи, захватила въ свои волны многихъ — теперь стремится затопить и нашу Православную церковь, но видя свое безсиліе, мечеть на нее свою скверную пыну — клеветы и хулы.

За нашу Церковь опасаться нечего: она стоитъ на крѣпкомъ, высокомъ фундаментѣ. Мутные воды лжеученій не достигнутъ ея, не сдѣлаютъ ей никакого вреда и пронесутся

безвредно для нея — конецъ ихъ близокъ. Безвредны онѣ и для всѣхъ тѣхъ изъ нась, кто съ полною вѣрою въ ея несокрушимость, пріютился подъ ея кровь. Опасность настоитъ для тѣхъ, кто удалился отъ нея, кто понадѣялся на безопасность своего дома, кто прельстясь журчаніемъ горной рѣчки — рѣчью самонадѣянаго гордаго сомнѣнія въ истинахъ вѣры, провелъ отъ нея къ своему дому протоки — даль влиться сомнѣнію въ свою душу. О! для тѣхъ опасность велика! Тѣмъ необходимо, крайне необходимо, скорѣй, немедленно завалить или заградить плотинами протоки, а не то воды потоковъ невѣрія хлынутъ, снесутъ домъ, потопятъ хозяина и его домочадцевъ.

LII.

Самый крѣпкій и надежный оплотъ противъ водъ невѣрія — это убѣжденіе въ томъ, что проповѣдуемая христіанскою религіею истины есть Божественное откровеніе людямъ и что Церковь Христова есть дѣйствительно Божественное учрежденіе. Что это такъ, всякий человѣкъ, искренно ищущій истины, можетъ легко убѣдиться: во 1-хъ чуднымъ согласіемъ Ветхаго Завѣта съ Новымъ и еще болѣе чуднымъ разрѣшеніемъ ветхозавѣтныхъ преобразованій и пророчествъ въ лицѣ Христа; во 2-хъ поразительнымъ величіемъ совершилыхъ сперва Пророками, потомъ Христостью и наконецъ Апостолами чудесъ и точнымъ исполненіемъ ихъ предсказаний; въ 3-хъ проявленіемъ въ ученіи и жизни Иисуса Христа истинной святости и Божественной премудрости; въ 4-хъ необыкновенно быстрымъ распространеніемъ христіанства и побѣдою его надъ язычествомъ посредствомъ одной только проповѣди простыхъ рыбаковъ безъ всякаго человѣческаго содѣйствія; въ 5-хъ несокрушимостію Церкви Христовой при всѣхъ буриахъ, возвигнутыхъ суетудріемъ еретиковъ, властолюбіемъ Папъ и воинственныхъ фанатизмомъ магометанъ; въ 6-хъ высотою жизни истинныхъ христіанъ, такъ привлекательной для нась образцами добродѣтели, и чудотворною силою обитавшей въ нихъ благодати, и наконецъ въ 7-хъ тѣмъ, что открытая христіанствомъ истины, сообщая намъ свѣдѣнія о такихъ предметахъ, познаніе которыхъ совершенно

недоступно нашему уму, разрѣшаютъ вполнѣ удовлетворительно всѣ наши недоумѣнія: о виновнике всякаго бытія, о началѣ міра, о происхожденіи твари и человѣка, о перво-бытномъ состояніи послѣдняго, о началахъ и условіяхъ блаженной жизни, о причинѣ поражающихъ родъ человѣческій бѣдствій, о значеніи смерти, о томъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ и какой конецъ всему видимому.

Догадки Коперника о вращательномъ движеніи земли около своей оси и вокругъ солнца и Ньютона о притягательной силѣ всѣ признаются за открытыя истины, потому что на основаніи ихъ удовлетворительно разрѣшается множество явлений физического — видимаго міра, хотя никто не можетъ удостовѣриться опытомъ, что земля дѣйствительно вращается около себя и вокругъ солнца и что такое сила притяженія. На этомъ же основаніи всякий долженъ сознать точными истинами истины, открытые христіанской религіею, такъ какъ они при совершенномъ согласіи одна съ другою, въ совокупности представляютъ такую гармонію и такую систему созерцанія міра духовнаго, на основаніи которой вполнѣ удовлетворительно разрѣшаются всѣ наши вопросы и недоумѣнія относительно сего міра и жизни духа.

Когда человѣкъ убѣдится, что Христова вѣра дѣйствительно основана на Божественномъ откровеніи и Церковь Христа есть Божественное учрежденіе, тогда онъ легко покорится этой вѣрѣ и подчинитъ ей свой пытливый умъ и такимъ образомъ обрѣтетъ покой духа, превышающей всякий умъ; затѣмъ уже съ благоговѣніемъ приступить къ предлагаемымъ церкови таинствамъ, какъ къ спасительнымъ средствамъ очищенія отъ грѣховной скверны и сподобленія благодатныхъ даровъ Св. Духа; послѣ сего почусть въ себѣ то вѣяніе Духа, о которомъ говорилъ Христосъ съ Никодимомъ, и пойметъ что значитъ родиться вновь и какъ Богъ — любовь является смертнымъ и съ ними бесѣдуетъ; ощутить внутрь себя ту сладость любви Божіей, подобie которой мы ощущали въ дѣствѣ при ласкахъ матери, ту радость души, которая есть предвѣшеніе, блаженства вѣчной жизни и которую Ап. Павель называлъ пріобрѣтеніемъ Христа и для которой онъ все въ мірѣ вмѣнялъ въ уметы, и для сохраненія которой въ себѣ св. Отцы, оставляя все въ мірѣ, заключались въ пустынныхъ кельяхъ и пещерахъ и подвергали

себя всѣмъ лишеніямъ, и о которой нѣкоторые изъ нихъ, на основаніи своего опыта засвидѣтельствовали въ своихъ твореніяхъ, изложивъ въ нихъ драгоцѣннѣйшія психическая свои наблюденія надъ совершающимися въ этомъ блаженномъ состояніи движеніями души. Тогда человѣкъ, имѣя уже въ самомъ себѣ свидѣтельство истины, спокойно будетъ смотрѣть на всѣ бушующія вокругъ Церкви бури и стремящіеся на нее потоки невѣрія.

Но кратковременно это вожделѣнное вѣяніе Духа. Это отчасти потому, что бренность нашего естества неспособна совмѣщать въ себѣ Бога, частію же потому что многообразныя мірскія заботы, соприкосновенія въ міромъ и неразлучныя съ симъ развлеченія разсѣяваютъ насъ и, такъ сказать, вытѣсняютъ изъ насъ дары благодати. Кромѣ того, только души простыя, обладающія вполнѣ сокровищемъ смиренія, могутъ пользоваться ими болѣе продолжительно и чаше, прочія же умѣютъ и самую благодать употреблять во зло себѣ: Такъ многіе, испытавъ сладость ея, впали въ духовную гордость: возмнили себя святыми — пророками свыше вдохновенными, сдѣлались еретиками; погубили себя и многихъ легковѣрныхъ увлекли съ собою въ пагубу. Потому-то всегда должно помнить, что благодатные дары мы получаемъ не по заслугамъ своимъ, а по милости Божіей, единствено по милости, и что даже тамъ, где умножается грѣхъ, преизобилуетъ благодать, какъ это кратко представилъ Господь въ прічтѣ о блудномъ сыне: отецъ спѣшилъ навстрѣчу ему, обнимаетъ, цаляетъ его, велитъ принести для него лучшую одежду и обувь, надѣть перстень на его руку, заколоть откормленного тельца и учрѣждаетъ пиръ. Такъ Господь багатствомъ Своей любви хочетъ привлечь къ себѣ грѣшника. Потому-то человѣкъ, почувствовавъ благодать Св. Духа, еще болѣе долженъ смириться и съ благодарнымъ сердцемъ благоговѣйно повергнуться въ прахъ предъ Всемилостивымъ.

Но какъ ни кратковременны благодатные минуты, онъ для насъ чрезвычайно знаменательны: это — снисхожденіе Всевышнаго къ намъ дольнымъ, — посѣщеніе Царемъ царей и Господомъ господей нѣключимыхъ рабовъ, бесѣда Премудрости съ невѣждами, ласка Небеснаго чадолюбиваго Отца строптивымъ дѣтямъ. Это залогъ свидѣтельства истины въ насъ самихъ. Потому-то мы постоянно должны содергать тѣ

блаженныи минуты въ своей памяти, подобно тому, какъ мореплаватель не упускаетъ съ глазъ путеводныхъ звѣздъ, и тѣмъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ вѣрѣ подъ кровомъ Церкви, подобно тому, какъ въ безопасной пристани, стоя на якорѣ, спасается корабль отъ бушующей на морѣ бури.

LIII.

Такъ утвердясь на камени вѣры, христіанинъ легко можетъ избѣжать ловитвы враговъ Христа и какъ паутину разорвать сѣти ихъ. Сѣти же, которыми они стараются запутать насть, сплетены главнѣе всего изъ слѣдующихъ возраженій на Христіанскую религию. Они говорятъ: «понятія о единствѣ и троичности Бога несомнѣстимы, какъ же вѣрить что Богъ единъ въ трехъ лицахъ? Нельзя себѣ представить, чтобы можно было сдѣлать что либо изъ ничего; какъ же Богъ создалъ вещество, изъ котораго состоить міръ? Геологіческія изслѣдованія уеостовѣряютъ, что образованіе земли произошло въ теченіе тысячелѣтій; какъ же вѣрить, что міръ созданъ въ шесть дней? Богъ, по христіанскому ученію въ высшей степени правосуденъ и благъ; какъ же вѣрить, что за одно только вкушеніе первыми людьми запрещенаго плода Богъ подвергъ такой страшной казни, какъ болѣзни и смерть, — не только первыхъ людей, но и все ихъ потомство? Зачѣмъ было для спасенія людей отъ этой казни воплощаться Сыну Божиу и приносить Себѣ въ жертву? Развѣ Богъ не былъ во власти такъ помиловать? Мы видимъ, что человѣкъ и цѣлые народы изъ низкаго, невѣжественнаго, скотообразнаго состоянія, чрезъ цивилизацио и науки достигаютъ болѣе и болѣе совершенства и умственнаго развитія, по чemu не естественнѣе ли полагать, что не съ высоты совершенства впалъ въ невѣжественное и скотообразное состояніе человѣкъ, а изъ звѣрообразнаго постепенно достигъ настоящаго высокаго положенія?»

На все это утвержденій въ вѣрѣ можетъ спокойно отвѣтить: по ограниченности нашего ума и по множеству предметовъ, остающихся все еще недоступными для научнаго изслѣдованія, я многаго не могу понимать, но я знаю, что истины, возвѣщенные намъ религию, возвѣщены Богомъ —

Самою Истину, а потому твердо вѣрю въ непреложность ихъ и сомнѣваться въ нихъ не смѣю, тѣмъ болѣе, что на основаніи сихъ истинъ, единство можетъ быть разумно устроена жизнь моя какъ въ частности, такъ и въ обществѣ, только на этихъ началахъ человѣкъ можетъ достигнуть покоя души и нравственнаго совершенства и только въ нихъ можно найти руководную нить къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ о моемъ бытіи, всѣ же ваши многочисленныя системы бытія вами же самими опровергнуты и вточтаны въ грязь, и сколько ни было опытовъ устройства жизни по вашимъ измышленіямъ, всѣ они оказались приводящими не къ благу, а къ однѣмъ бѣдствіямъ, а потому всѣ ваши новыя учрежденія разрушались сами собою, да при томъ всегда обнаруживалось, что вы проповѣдники свободы, дѣлались первыми, самыми жестокими гонителями и притѣснителями всѣхъ тѣхъ, которые не соглашались съ вашими идеями, и что вы, предъщая освобожденіемъ отъ тягости законовъ и властей поддѣжащихъ, обращались сами съ своими подручниками въ самыхъ жестокихъ деспотовъ, грабителей, поджигателей и кровопийцевъ; а что вы заражены невѣріемъ, это потому, что не знаете св. писаній, ни силы Божией.

LIV.

Намъ открыто, что имя Бога нашего, на нашемъ человѣческомъ языкѣ есть: Отецъ и Сынъ и Духъ Святый, Троица единосущна и нераздѣльна; что Сынъ рождается отъ безначального Отца предвѣчно и есть одно съ Нимъ. Сынъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ. Сынъ еще, на человѣческомъ языкѣ, называется предвѣчнымъ Словомъ, Премудростю Отчено. Духъ Святый предвѣчно исходить отъ Отца, животворить и ниспосыпается Сыномъ. Всѣ три одна Любовь, а потому хотя каждый изъ Трехъ имѣеть свою волю, но она у Нихъ одна; хотя каждый имѣеть свое бытіе, но соединены въ едино, хотя всѣ Они составляютъ едино, но не слиты въ тождество.

Постигнуть этого мы не можемъ, потому что это есть тайна существа Божія; между тѣмъ сущность и самаго вещества намъ неизвѣстны. Затѣмъ утверждать, что единство

Существо и троичность лицъ въ Божествѣ несовмѣстимы, и на семъ основаніи отвергать возвѣщенную самимъ Богомъ истину о троичности въ Богѣ—крайнія дерзость и безуміе, тѣмъ болѣе, что подобную троичность мы при внимательномъ вниканіи легко замѣтимъ въ собственной своей душѣ, которую Богъ создалъ по своему образу и подобію и потому это подобіе и образъ должны отражаться въ ней такъ же, какъ подобіе солнца отражается въ каплѣ воды.

Что такое душа? Не разумѣемъ ли мы подъ душою умъ, способный сознавать себѣ, т. е. свое бытіе и свое внутренніе, духовное положеніе, составлять понятія обѣ окружающихъ насъ предметахъ, соображать отношенія ихъ между собою и нами, заключать о предметахъ и слѣдствіяхъ, по этому судить что хорошо, что худо, избирать цѣль дѣятельности и средства для достижения цѣли?

Но кто же представляетъ уму, знакомить его съ вѣнчаниемъ міромъ? Не мысль ли представляетъ ему въ соотвѣтственныхъ сочетаніяхъ словъ всѣ понимаемые умомъ предметы и ихъ отношенія? Не мысль ли обтекаетъ всѣ предѣлы міра, чтобы сообразно указанной умомъ цѣли избрать пригодные предметы и, изыскавъ средства, приспособить ихъ къ желаемой цѣли? Не мысль ли творила все въ дѣлахъ человѣческихъ, начиная съ простаго топора до самыхъ искусственныхъ машинъ, начиная съ самаго убогаго шалаша до великолѣпныхъ дворцовъ и храмовъ, начиная съ простонародныхъ пословицъ до мудрыхъ поученій, изящнѣйшихъ поэмъ и остроумныхъ философскихъ системъ? Но мысль — тоже слово, ибо когда мы мыслимъ, то хотя и не говоримъ, но тогда же облекаемъ мысль словомъ.

Мысль или слово не рождается ли отъ ума? Не въ словѣ ли умъ и не въ умѣ ли слово? Умъ и слово не одно ли? Однако какъ же умъ судить слово или мысль? И какъ же мысль, осужденная умомъ, часто овладѣваетъ нами, и мы предаемся ей, несмотря на осужденіе ея умомъ, и даже самый умъ заставляемъ работать для осуществленія той же мысли? Не ясно ли отсюда, что мысль нераздѣльна отъ ума, но и не слита съ нимъ?

Но можно составлять своею мыслю великолѣпнѣйшіе планы и они могутъ быть одобрены умомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться только въ умѣ, а въ дѣйствіе не приведены. Для

того, чтобы осуществиться мысли, необходима особая сила — сила воли. Воля исходить отъ ума: когда умъ рѣшаетъ осуществить мысль, и воля подвигаетъ всѣ силы наши дѣйствовать согласно начертаніямъ ума, — то она повелѣваетъ не только органами тѣлесными, но направляетъ самую мысль и умъ къ дѣйствію.

Волю нашу никакъ нельзя отѣлить отъ ума. Но вотъ овладѣваетъ нами страстное желаніе, умъ осуждаетъ его, но мы не слушаемъ осужденія ума и стремимся къ достижению желаемаго: воля наша направляетъ къ тому и умъ и мысль. Слѣдовательно воля не только не отѣльна отъ ума, но и не слита съ нимъ, даже можетъ подчинить себѣ умъ и мысль.

Не очевидна ли тутъ троичность нашего духа — единаго въ существѣ? и не оправдывается ли здѣсь откровеніе: «и сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему». «И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ». (Быт. 1, 26, 27).

Если мы отвергнемъ троичность, а признаемъ только единство Бога, то какъ поймемъ, что Онъ *любы есть* (1 Иоан. 4, 8)? Къ кому могла быть обращена Его любовь прежде созданія разумныхъ тварей? А безъ любви возможно ли представить блаженство Бога? Скажутъ: блаженство Его состояло въ сознаніи своихъ совершенствъ. Но такое самоуслажденіе совершенствами безъ любви, очевидно, не можетъ составлять совершенного блаженства. А представленіе Бога безъ любви и блаженства составить самое жалкое понятіе о высочайшемъ существѣ. Если же Богъ троиченъ, то намъ понятно, что Онъ любовь и блаженъ любовію, ибо «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ былъ Слово» и «Отецъ любить Сына». (Иоан. I, 1, 5, 20).

Вторая Упостась Св. Троицы именуется, на человѣческомъ языкѣ, Сыномъ Божіимъ, Премудростю Божію, Словомъ Божіимъ, безъ сомнѣнія, по уподобленію къ человѣческимъ понятіямъ, соединяемымъ съ сими словами. Такъ: со словомъ *сынъ* мы соединяемъ понятіе о рожденіи т. е. происхожденіи одного лица отъ другаго той же сущности, и вторая Упостась — Сынъ рождается, т. е. имѣеть предвѣчное начало отъ первой Упостаси — Отца, Ему единосущна-

го. Со словомъ *премудрость* мы соединяемъ понятіе о мысли, всегда присущей уму и составляющей съ нимъ одно, и вторалъ *Упостась*—Сынъ—во Отцѣ и съ Нимъ одно. Со словомъ: *слово* соединяемъ понятіе о мысли, выраженной нами чрезъ сочетаніе звуковъ или знаковъ, и явленіе премудрости Бога — въ твореніи Его.

LV.

Почитая несбыточнымъ, чтобы Богъ могъ создать міръ изъ ничего словомъ своимъ и потому отвергая сказаніе св. Писания, некоторые мыслители предпочитаютъ вѣрить, что вѣщество совсѣмъ съ Богомъ и что Богъ изъ него устроилъ міръ.

Но намъ открыто, что одинъ Богъ имѣеть бытіе предѣчное, а міръ созданъ Его словомъ. Онъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и явился свѣтъ. Что значитъ: сказалъ? Не то ли, что и повелѣлъ? Что значитъ: повелѣлъ? Не то ли, что установилъ законы, по которымъ произошло такое сочетаніе явленій, что чрезъ нихъ премудрость Божія и законы жизни духа стали явны для разумныхъ тварей.

И человѣческое слово не ничто, но имѣеть свое бытіе. Какъ оно долговѣчно и дѣйственno, мы знаемъ по опыту, и произведенія человѣческаго слова называемъ твореніемъ. Но и для этого слова и его твореній нѣтъ надобности въ вѣществѣ. Тѣмъ болѣе для Слова Божія и Его творенія вѣщества не нужно.

Другіе мыслители мнуть, что міръ есть проявленіе Бога и слѣдовательно міръ и Богъ одно и тоже, и такимъ образомъ возстановляютъ сущность древнаго самаго грубаго идолопоклонства, обоготворявшаго солнце и луну, крокодила и кошку, лукъ и чеснокъ, человѣка и всѣ его страсти и пороки. Ибо, если все Богъ и его проявленіе, то и человѣкъ Богъ, и злоба и страсти человѣка — проявленіе Божества!

Казалось бы здѣсь край безумія, но есть еще такие мыслители, которые вовсе отвергая бытіе Бога, почитаютъ міръ за самосоздавшуюся машину, которая по случайно установленнымъ законамъ производить всѣхъ тварей и самаго человѣка безцѣльно, безсознательно, по чemu не признаютъ, чтобы

въ мірѣ и человѣкѣ было что либо духовное: умъ, воля, нравственные законы.

Такимъ образомъ они сами себя признаютъ безумными и въ безумцовъ хотятъ записать весь родъ человѣческій! Что это за явленіе? Дѣйствительно ли эти несчастные лишились вовсе того высокаго дара, которымъ Всевышній Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ земныхъ животныхъ, и сдѣлалъ подобными Себѣ? — Нѣтъ! Они говорятъ, и даже пишутъ въ доказательство своихъ безумныхъ идей остроумныя сочиненія, слѣдовательно имѣютъ даръ слова, приличный только существу, имѣющему умъ. Какъ же это объяснить?

Это объясняетъ пророкъ Давидъ, говоря: «безумецъ сказалъ *въ сердце свое*: нѣтъ Бога; развратны они, гнусны дѣла ихъ, нѣтъ творящаго добра». (Псал. 13, 1).

И такъ, безумецъ сказалъ это не въ умѣ своемъ, а *въ сердце*, потому что желанія сердца его побуждали его къ разврату и гнуснымъ дѣламъ, а заповѣдь Божія запрещала это и требовала творить добро. А если мы предадимся преступнымъ желаніямъ сердца и рѣшимся слѣдоватъ имъ, тогда и самый умъ, или лучше сказать, мыслящую свою способность употребляемъ на оправданіе своихъ путей, и какъ привѣрѣ въ Бога оправдать ихъ нельзя, то заставляемъ свою мыслящую способность, противъ самого здраваго смысла, доказывать, что нѣтъ Бога. И вотъ, умъ трудится для безумія!

Только этимъ можно объяснить ихъ противурѣчія самимъ себѣ. Такъ: они найдя въ какой нибудь пещерѣ, или въ нѣдрахъ земли каменный топоръ или ножъ, говорятъ: здѣсь были люди — это несомнѣнныи слѣдъ человѣка, и такимъ образомъ творцемъ самого простаго орудія признаютъ существо живое, обладающее умомъ; а считая міръ за машину, правильно и постоянно дѣйствующую при многихъ, казалось, бы противоборствующихъ одна другой силахъ, не признаютъ, чтобы она была дѣломъ живаго, умнаго существа.

Кто хочетъ слѣдоватъ ихъ ученію, пусть объяснитъ: какъ эта мертвая неразумная и безумная машина или слѣпой случай производить, на примѣръ, то, что деревья, которыхъ тѣло, для питанія и произрастенія, нуждается только въ водѣ съ растворенными въ ней земленистыми веществами, даны органами питанія корневыя мочки и ничего болѣе, а для человѣка, тѣло котораго нуждается въ пищѣ азотистаго

свойства земля производить разнообразные травы, овощи, злаки, плоды и пр. и онъ надѣленъ во 1-хъ руками, чтобы могъ ими доставать себѣ эти предметы; во 2-хъ ртомъ съ раскрывающими его губами, чтобы могъ принимать въ себя ту пищу; въ 3-хъ зубами, чтобы онъ могъ откусывать, размельчать ее; въ 4-хъ языкомъ, чтобы онъ могъ имъ поворачивать и подкладывать пищу подъ зубы и чувствовать вкусъ ея; въ 5-хъ слону-точащими железами, чтобы разжеванная пища смачивалась слюною и такимъ образомъ дѣлалась способною по слизости къ глотанію и удобосваримою для желудка; въ 6-хъ маленькимъ языкомъ въ глоткѣ, чтобы имъ, какъ клапономъ разкрывать дыхательное горло когда глотаемъ пищу и тѣмъ не допустить ее въ то горло, въ 7-хъ глоткой, чтобы чрезъ нее проходила и прогонялась пища въ желудокъ; въ 8-хъ желудкомъ и печенью, чтобы посредствомъ выработанныхъ ими желудочного сока и желчи переработать въ желудкѣ пищу, какъ бы въ химической лабораторіи, въ такой видѣ кашицы, соки которыхъ могли бы войти въ составъ крови; и въ 9-хъ кишками съ сосочками, однородными съ корневыми мочками деревьевъ; чтобы этими сосочками, когда заготовленная желудкомъ кашица вступить въ кишки, извлекался изъ нея нужный для крови сокъ. Видишь ли: тому и другому дано столько, сколько требовала ихъ природа; у одного иѣть ничего лишняго, ненужнаго ему, у другаго иѣть ни въ чемъ недостатка; все предусмотрѣно, все соображено, все размѣрено и все размѣщено въ должномъ порядке, чинно, уютно. Гдѣ мы все это замѣчаемъ, говоримъ: это умно, слѣдовательно сознаемъ, что есть умъ. А возможно ли умъ представить безъ жизни? или умъ и жизнь безъ соединенія ихъ въ живомъ существѣ? Если міръ мертвав и неразумна машина, какъ же она могла производить умное? Если же эта машина мудро устроена, то будучи мертвою и неразумною, какъ могла сама собою мудро устроиться. Есть ли возможность представить какую бы то ни было машину безъ устроителя?

LVI.

Естествоиспытатели, возгордясь новыми открытиями наукъ, заподозрили истину Моисеева сказанія о началѣ міра и на-

пригли всѣ усилия своихъ умовъ, чтобы самимъ открыть тайну міросозданія. Многіе много положили на это трудовъ: одинъ созидалъ, другой разрушалъ его трудъ и созидалъ свой міръ. За нимъ дѣлалъ тоже третій и такъ далѣе. И такъ создано было ими множество міровъ, и всѣ оказались никуда негодными и повалились въ бездну забвенія. Чѣмъ подражать баснословному мученику Сизифу въ безплодномъ трудѣ, не лучше ли бы эти труженики сдѣлали, если бы, представивъ себѣ, какую ничтожную часть составляютъ открытыя тайны природы въ сравненіи съ неоткрытыми и неподдающимися никакимъ изслѣдованіямъ науки, прислушались къ тому же голосу Творца, какой слышалъ Іовъ изъ бури, и благоговѣйно преклонивъ предъ Нимъ свой умъ, держались крѣпче за поданную Имъ чрезъ Моисея нить, и свои труды и открываемыя свѣдѣнія употребили на объясненіе того, что должно разумѣть: подъ землею безвидною и пустою, тьмою надъ бездною, водою, надъ которой носился Духъ Божій, свѣтомъ, возсіявшимъ прежде солнца, днѣмъ, которымъ названъ свѣтъ, ночью, которой названа тьма, твердью, которою раздѣлилъ Богъ воды и воды, водою, которая надъ твердію, и водою, которая подъ твердію и т. д. Можно съ увѣренностью сказать, что этотъ трудъ не былъ бы безплоденъ и уснѣлъ бы, хотя, въ началѣ отчасти, тайну мірозданія.

LVII.

Новые мыслители глумятся надъ сказаніемъ Моисея о паденіи первыхъ людей, какъ надъ нехитро сложеною сказкою, тогда какъ надоѣно удивляться, что въ столь немногихъ его словахъ могли быть такъ полно, такъ доступно для самаго простаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ удовлетворительно для самаго пытливаго ума раскрыты высокія истины о первобытномъ состояніи человѣка и о причинѣ настоящаго его положенія.

Моисей, чтобы изобразить, что человѣкъ созданъ не такъ какъ прочія твари, представляютъ Бога, по совершеніи творенія міра и тварей, какъ бы совѣщающимся въ своей Троичности и говорящимъ: «соторимъ человѣка по образу Нашему, и по подобію Нашему, и да владычествуетъ онъ надъ рыбами

морскими, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрьми и надъ скотомъ, и надъ всю землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ».

Потомъ Моисей говорить: и создалъ Господь Богъ человѣка, вземъ перстъ отъ земли, и вдунулъ въ лицѣ его дыханіе жизни и сталъ человѣкъ душою живою. И насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ, тамъ было всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посредѣ рая, и дерево познанія добра и зла. И взялъ Господь Богъ человѣка, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его, и хранить его. И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь есть, а отъ дерева познанія добра и зла, не ѿсь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь. И привелъ Господь Богъ къ человѣку всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, чтобы видѣть, какъ опь назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречеть человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей. И нарекъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ и всѣмъ звѣрьмъ; но для человѣка не нашлось помощника подобнаго ему. И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ ребръ его, и закрылъ то мѣсто плоти. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привелъ ее къ человѣку. И сказалъ человѣкъ: вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа своего. И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими, и надъ звѣрьми, и надъ птицами небесными, и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всю землею, и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимися по землѣ. Господь Богъ не посыпалъ (тогда) дождя на землю, но паръ поднимался съ земли, и орошалъ все лицо земли. И были оба наги, Адамъ и жена его, и нестыдились. (Быт. 1, 26. 28. 11, 7 — 25).

Изъ этого повѣствованія видно, что тѣло человѣка образовано было Богомъ, такъ сказать съ особеною тщательностью, прямо изъ земныхъ стихій, а не изъ какой нибудь другой живой твари, и одарено тогдаже богоподобною душою: разумною, мыслящею, свободною; что жена и весь родъ че-

ловѣческій произошли отъ плоти первого человѣка; что человѣкъ тогда же сталъ обладать естественною способностію мыслящаго существа — словомъ, и въ такомъ совершенствѣ, что въ состояніи былъ наречь имена всѣмъ тварямъ; что человѣкъ въ мѣстѣ своего обитанія не только нашелъ все необходимое для пріятной и безнужной жизни, но увидѣль себѣ владыкою всѣхъ живыхъ тварей и обладателемъ земли, следовательно не подвергался никакой опасности отъ нападенія звѣрей; что благородствореніе воздуха было таково, что земля безъ человѣческаго труда произращала все въ обилии, а безмѣтность природы была такъ невозмутима, что даже дождь не нарушалъ ее, но паръ поднимался съ земли и орошалъ все лицо ея, по чьему и люди не имѣли нужды въ одеждѣ, и какъ они были невинны, подобно дѣтимъ, то и будучи наги, не стыдились, благодать же Божія, благословеніе Творца, была съ ними: никакая страсть не возмущала ихъ сердца, а супружеская чистая любовь соединяла ихъ и вѣнчала ихъ блаженство. Но какъ человѣкъ былъ неопытенъ, и по этой неопытности или по неосторожности могъ причинить вредъ своему тѣлесному естеству, то предусмотritelность всеблагого и премудраго Творца въ числѣ прочихъ растеній приготовили ему, на мѣстѣ его обитанія, дерево жизни, плоды котораго имѣли лѣкарственное свойство восстановлять здоровье человѣка вполнѣ и такимъ образомъ дѣлать его бессмертнымъ. Какъ же праздность и беспечность вредно могли вліять на тѣлесныя и душевныя силы его, то ему Богомъ вмѣнено въ обязанность воздѣлывать и хранить свою обитель — садъ Едемскій. Такъ первыя люди блаженствовали; но какъ истинною, блаженною жизнью человѣкъ могъ пользоваться только при благодати Божіей, благодать же могла, по правдѣ Божіей, пребывать съ нимъ только до толѣ, пока человѣкъ оставался въ любви и покорности Богу: то это внушено ему заповѣдью не вкушать плода отъ дерева познанія добра и зла съ предостереженіемъ, что въ тотъ день, въ который онъ дерзнетъ выдти изъ повиновенія своему Творцу и вкусить запрещенный плодъ, узнаетъ добро, котораго лишенъ, и зло, какое пріобрѣтеть: отымется отъ него благодать и онъ лишится истинной жизни — умрѣть. Такимъ образомъ оказывается, что Творцемъ сдѣлано было все для человѣка, чего только, по понятію о Его всемогу-

ществѣ, премудрости и благости, можно было ожидать отъ Него. Сверхъ того, мы видимъ, Богъ явился первымъ людямъ, объявилъ Себя Творцемъ ихъ и всего міра, Владыкою всего, Раздавателемъ всѣхъ благъ, Наставникомъ и милостивымъ Руководителемъ, готовымъ по первому ихъ зову явиться вновь для бесѣды съ ними и ихъ вразумленія.

LVIII.

Всего этого совершенно достаточно было, чтобы человѣкъ почувствовалъ благодарность къ Богу, полюбилъ Его, какъ своего благодѣтеля, сознать долгъ свой подчиниться Ему, какъ своему Владыкѣ, и постарался познать Его. Но зародилась ли въ сердцѣ человѣка благодарность Богу, полюбилъ ли человѣкъ своего благодѣтеля, подчинился ли Ему духомъ своимъ, постарался ли познать Его? Это тайна души, невѣдомая другому человѣку, и Моисей молчитъ объ этомъ. Но Богъ, чтобы въ поученіе рода человѣческаго была явна правда судовъ Его, допускаетъ искушения и соблазны и такимъ образомъ чрезъ нихъ открываетъ помышленія сердецъ и тайны душъ. И мы видимъ изъ сказанія Моисея, что въ райское жилище первыхъ людей проникъ искушитель.

Моисей умалчиваетъ также о томъ: сколько времени провели прародители въ блаженной райской жизни до искушения, но понятіе о правдѣ Божіей не дозволяетъ и думать, чтобы искушениѣ было вскорѣ по сотворенію — прежде чѣмъ они имѣли возможность утвердиться въ принятомъ ими направлѣніи мыслей, желаній и наклонностей. Можно думать, что время это продлилось около того, какое протекло въ земной жизни втораго Адама, Иисуса, сына дѣвы Маріи, отъ Его рожденія до искушениѣ Его діаволомъ, т. е. около 30 лѣтъ.

Искушитель явился въ саду Едемскомъ въ образѣ пресмыкающагося на землѣ змѣя.

Сказаніе Моисея объ этомъ заключается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ. И сказалъ змѣй женѣ: подлинно ли сказалъ Богъ: не ѿпште ни отъ какого дерева въ раю? И сказала жена змѣю: плоды съ деревъ мы можемъ

ѣсть, только плодовъ дерева, которое среди раю, сказалъ Богъ, не ѿпште ихъ, и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть. И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ не умрете; но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ Боги, знающіе добро и зло. И увидала жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вожделѣнно, потому что даетъ знаніе и взяла плодовъ его, и ѿла; и дала также мужу своему, и онъ ѿль. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сдѣлали себѣ опоясанія. И услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю во время прохлады дни, и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями раю».

Такъ согрѣшили наши прародители, и за то лишены были благодати Божіей.

Лишеніе благодати Божіей и есть истинная смерть. Она послѣдовала, согласно слову Божію, именно въ тотъ день, какъ прародители вкусили запрещенный плодъ, — оставалось жалкое мучительное бытіе и оно, при содѣствіи древа жизни, могло продолжаться вѣчно, но само правосудіе Божіе нашло еще въ виновности преступниковъ смягчающія самую вину обстоятельства, а премудрость изыскала средства въстановить падшихъ не только въ прежнее достояніе, но еще при этомъ явить всю бездну своей благости и любви, и вотъ доступъ къ древу жизни прегражденъ и человѣку присуждено возвратиться въ землю, изъ которой онъ и взятъ, чтобы онъ имѣлъ предъ глазами смерть тѣлесную образомъ смерти духовной, чтобы онъ, видя себя странникомъ на землѣ, времененнымъ только ея обитателемъ, не прильпался любовью къ ней и ея благамъ, чтобы съ покорностю принималъ изъ рукъ своего Творца и вкушавъ этотъ горькій плодъ познанія добра и зла, вѣнчаль свою земную жизнь свидѣтельствомъ на сколько онъ подчинилъ себя волѣ Его и чтобы, наконецъ, изъ останковъ поврежденаго грѣхомъ тѣла въ концѣ временъ, какъ изъ сѣмени, возсоздать новое духовное тѣло.

LIX.

Что сказанія Моисея и прочихъ пророковъ истекаютъ изъ свѣта Божественной истины, явно изъ того, что они

просты, ясны, понятны даже для дѣтей и самыхъ необразованныхъ людей; а что хитросплетенія мудрецовъ исходить изъ тьмы лживаго ада, видно уже изъ того, что ихъ творенія переполнены темноты и сплетенія новыхъ изобрѣтенныхъ ими словъ безъ всякаго смысла, что и обнаруживаетъ, что они сами ходятъ во тьмѣ.

Божественное откровеніе намъ возвѣщаетъ, что человѣкъ есть непосредственное твореніе высочайшаго и премудраго существа—Бога и явился на землѣ съ совершеннымъ, подобающимъ ему, тѣлеснымъ составомъ и съ разумною, мыслящею и свободною душою, и уже вслѣдствіе привязанности къ земнымъ наслажденіямъ, потери вѣры, предавшись страсти, уподобился скотамъ несмысленымъ. Но человѣческимъ мудрецамъ это кажется несообразнымъ съ началами разума — нерациональнымъ, какъ они говорятъ, и вотъ они напрягаютъ свои умы, чтобы доказать, что первобытный человѣкъ былъ скотообразнымъ животнымъ, въ родѣ обезьяны, и потомъ въ теченіи тысячелѣтій, усовершенствуясь мало-малу самъ собою дошелъ до настоящаго совершенства тѣлеснаго и умственнаго. Много объ этомъ написано обширнѣйшихъ сочиненій прославившимися ученостью мужами, но другие такие же ученые, и даже имъ единомысленные, критикуя ихъ, доказываютъ, что все эти сочиненія темны, не послѣдовательны и поневолѣ сознаютъ, что переходъ изъ скотообразнаго животнаго въ человѣка невозможно ни доказать, ни объяснить. Между тѣмъ немного нужно вниманія къ совершающемуся на нашихъ глазахъ, чтобы видѣть на самомъ опытѣ какъ человѣкъ, потерявшій вѣру въ Бога, переходитъ въ скотообразное животное.

Чѣмъ разнится скотъ отъ человѣка? Не тѣмъ ли, что онъ не имѣть понятія ни о Богѣ, ни о прекрасномъ, ни о возвышенномъ, ни о нравственномъ долгѣ, ни о собственности, ни о бракѣ? Не тѣмъ ли, что вся его жизнь заключена въ одномъ земномъ бытіи, все благо — въ насыщениіи чрева, вся дѣятельность — въ пріискиваніи пищи? Не тѣмъ ли, что онъ несмысленъ, жаденъ, безжалостливъ? Не тѣмъ ли, что подчиняется только влечению потребностей чувственной природы или страху боли?

Всѣ эти скотскія свойства легко замѣтить у всѣхъ людей, зараженныхъ невѣріемъ, въ особенности же они ярко

отразились на французскихъ революціонерахъ и коммунистахъ, да и на нашихъ нигилистахъ и нечаявцахъ, которые тщеславились тѣмъ, что самое понятіе о Богѣ несовмѣстимо съ ихъ умомъ, что они не видятъ никакой красоты и цѣлесообразности въ явленіяхъ природы, что они въ твореніяхъ поэзіи, зодчества, ваянія, живописи, музыки, даже въ самоотверженіи добродѣтели не видятъ ничего прекраснаго, возвышеннаго, и все это считаются за пустяки, что въ ихъ глазахъ одно только то имѣеть значеніе, что служить къ удовлетворенію потребностей чувственной природы человѣка, что они не признаютъ ни бессмертія души, ни свободы воли, ни нравственнаго долга, ни существованія чеголибо духовнаго, что собственность они считаютъ воровствомъ, бракъ — выдумкою невѣжества, власти и законы — измысленіемъ сильныхъ и богатыхъ къ угнетенію немощныхъ и бѣдныхъ. Безсмысліе ихъ доходило до того, что они разумъ человѣческій провозглашали божествомъ, созидали ему кумиры, чествовали его празднествами и особыми религіозными обрядами, провозглашали, что со смертію прекращается бытіе человѣка и онъ обращается въ ничто и что потому все блаженство человѣка въ удовлетвореніи чувственныхъ пожеланій. Эти самые хулители закона и власти, проповѣдники всеобщаго равенства, всячески силою и хитростью старались достигнуть владычества, и когда достигали, то съ яростю кровожадныхъ звѣрей губили и терзали всѣхъ тѣхъ, которые казались имъ опасны или неодномысленны съ ними.

Если безбожникъ изъ невѣжественнаго класса людей, то онъ и наружнымъ видомъ похожъ на звѣря: онъ неопрятенъ, мраченъ, дикъ, грубъ, кровожаденъ. Но если онъ изъ класса людей образованныхъ, то правда по своей наружности онъ не имѣть сходства съ звѣремъ: эти люди опрятны, изящно одѣты, вѣжливы и сладкорѣчивы. За то какъ поразительно сходны они съ обольстителемъ Еввы — говорящимъ змѣемъ.

Извѣстно, что змѣй въ жаркій солнечный день любить выходить изъ своей норы на такое мѣсто, гдѣ болѣе печеть солнце; здѣсь онъ, наслаждаясь солнечнou теплотою, впиваетъ въ себя растворившіеся въ воздухѣ ядовитыя испаренія, и завидѣвъ приближающагося къ нему человѣка, бросается на него, и уязвивъ, впускаетъ въ язву ядъ свой.

Вотъ и проповѣдники безбожія любятъ свѣтъ наукъ, изу-

чаютъ ихъ, обогащаются знаніемъ, но при этомъ какъ бы впиваются въ себя всѣ высказанныя кѣмъ бы то ни было болохульныя мысли, недоумѣнія и сомнѣнія, проникаются какимъ-то пристрастіемъ къ нимъ, поставляютъ себѣ задачею поддерживать ихъ, опровергать истины религіи, съ такимъ пристрастіемъ взглядомъ они замѣчаютъ всякий фактъ, который по ихъ мнѣнію можетъ служить для этого и отбрасываютъ съ презрѣніемъ все прочее, что съ очевидностію противурѣчить предвзятыму ими взгляду; желаніе выказаться, блеснуть своимъ остроуміемъ и знаніемъ и своими рѣзкими мнѣніями, увлечь своимъ краснорѣчіемъ, прослыть учеными и умными, пріобрѣсть чрезъ то болѣе почитателей и поклонниковъ, овладѣвать ими; всякий успѣхъ въ этомъ увеличиваетъ ихъ самонадѣянность и гордость и они всю жизнь свою посвящаютъ на то, чтобы распространить свое ученіе, какъ можно болѣе людей заразить своимъ ядомъ. Какъ змѣй они блестятъ лоскомъ образованности; какъ змѣй пресмыкаются они по землѣ, прильпаясь къ одному чувственному и отметая все духовное; какъ змѣй безножный они безъ основныхъ началъ всякаго вѣданія — безъ вѣры въ Бога и въ бессмертіе души, однимъ своимъ умомъ хотятъ достичь высоты знанія и изъ одного вещества объяснить и происхожденіе міра, и жизнь, и самое проявленіе духовныхъ силъ въ жизни; какъ змѣй тихо, незамѣтно, вкрадчиво подступаютъ они къ намъ и въ наши души вливаютъ ядъ своего ученія; хитрымъ, змѣинымъ извѣтіемъ рѣчи они то искусно обходятъ предметы обличающіе ихъ ложь, то безсмысленнымъ сплетеніемъ придуманныхъ ими словъ, какъ бы какою-то мудростію затмѣваютъ нашъ умъ; то уцѣпившись за какой нибудь особо выдающійся фактъ христіанской жизни, самъ собою столь же ничтожной, какъ сухой сукъ на деревѣ, начинаютъ высказывать все свое искусство въ витійствѣ слова и въ остроумныхъ догадкахъ, то умышленною ложью и безстыднымъ извращеніемъ словъ и сказаний св. писанія и искаженіемъ историческихъ событий представляютъ тѣ предметы въ превратномъ — для ихъ ученія полезномъ видѣ; гдѣ же ни того, ни другаго сдѣлать нельзя, они дѣлаютъ искусственный скакечъ и перепрыгиваютъ его, т. е. или вовсе молчатъ о томъ предметѣ, или говорятъ, что это такъ ничтожно, что объ этомъ и говорить не стоитъ. Когда же такія уловки не

удаются, то они подходятъ къ такой преградѣ съ видомъ дружелюбія, начинаютъ расточать свои хвалы и какъ бы съ любовію обнимаютъ, но въ тоже время, какъ удавъ обвиваются около своей жертвы и усиливаются смыть, сокрушаютъ и поглотить ее.

LX.

Да, да, вы дѣйствительно мудрѣйше изъ звѣрей — по рожденія схидны, сыны того самаго искусителя, который погубилъ первыхъ людей! Чрезъ васъ древній драконъ какъ бы изъ своей пасти извергнулъ рѣку ядовитыхъ водъ, чтобы погубить Христову Церковь — ту чудную апокалиптическую жену съ вѣнцомъ изъ 12 звѣздъ, съ луною подъ ногами, которая спасаясь отъ него съ новорожденнымъ младенцемъ, скрылась въ пустынѣ. Но она, какъ четырьмя неприступными стѣнами, ограждена четвероевангеліемъ. Нельзя вамъ ни обойти этого оплota, ни перескочить его, и вотъ вы съ дружелюбнымъ видомъ, съ льстивыми похвалами Домавладыкъ подошли къ этому оплоту, какъ бы широко, широко распостертыми для обятія руками — твореніями Штрауса и Ренана (жизнь Иисуса), схватились за него, обвились какъ гигантскій удавъ и уже думаете и тщеславитесь, что сокрушили его и что остается только взять бросить Церковь въ пасть вашего отца діавола. Но ошибаетесь — ограда евангельская стоить неповрежденнаю и за нею Церковь въ безопасности. Воды ваши истопили только легкомысленныхъ, удалившихся отъ этой ограды, а сохранившіе здравый смыслъ не боятся ихъ, они спасаются и будутъ спасаться надежно за симъ оплотомъ. Пусть истинные мужи науки обличаютъ васъ въ умышленной лжи и разрѣша хитросплетенія вашего витійства, рвутъ разставленные вами для уловленія легковѣрныхъ сѣти и возвращаются на ваши же лица ту грязь клеветъ, которою вы хотѣли запятнать Богочеловѣка и Его друзовъ; для насъ же довольно здраваго смысла, чтобы понять жалкое безуміе всѣхъ вашихъ ухищреній. Вы утверждаете, что Св. Евангеліе написано не самовидцами и свидѣтелями воплотившагося Слова, не Апостолами, а составлено по истеченіи уже нѣсколькихъ вѣковъ изъ сложившихся въ невѣжественномъ народѣ разныхъ легендъ — басенъ. Если такъ, то укажите же намъ когда, гдѣ

и кѣмъ именно сдѣлано это? Вы откопали развалины Египетскихъ Оивъ, Ниневіи, Вавилона, открыли секретъ читать и египетскіе іероглифы и симетические гвоздеобразные и клинообразные письмена, собрали памятники древней жизни Египтянъ, Вавилонянъ, Ассирийцевъ, Финикиянъ, Грековъ, Римлянъ, изучили до мельчайшей подробности всѣ сохранившіяся произведенія ихъ слова и искусства, проникли въ самые тайники ихъ жизни, какъ же не нашли никакихъ слѣдовъ, чтобы сказать что либо опредѣленное на этотъ вопросъ? Объясните намъ: какъ могло случиться, что никто изъ безчисленнаго полчища враговъ христіанства — самыхъ разнообразныхъ по своимъ побужденіямъ къ враждѣ, по своимъ отношеніямъ къ нему, по своему образованію, по мѣсту жительства и по времени, постоянно въ теченіи 18 столѣтій употреблявшихъ всѣ усилия то ниспревергнуть Церковь, то замутить чистоту ея ученія, во всѣ эти 18-ть вѣковъ не обнаружилъ этого? Объясните намъ: какъ же это произошло, что составленныя, по вашимъ словамъ, чрезъ иѣсколько вѣковъ изъ разнообразныхъ мѣстныхъ сказокъ, неизвѣстно кѣмъ, когда и гдѣ четыре Евангелія подъ опредѣлительными заглавіями: отъ Матея, Марка, Луки и Иоанна обрѣлись во всѣхъ, основанныхъ Апостолами, Церквахъ вселенной, разлученныхъ другъ отъ друга и морями и пустынами, и варварскими народами на разстояніи многихъ тысячъ верстъ, и въ Ливіи, и въ Скиеї, и въ Персидѣ, и въ Испаніи, и вездѣ чтимы были какъ высочайшая святыни, какъ непререкаемая истина, совершенно согласная съ преданіемъ обѣ Апостольской проповѣди? Объясните такъ же, какимъ образомъ, если было по вашему, собравшіе со всѣхъ концѣвъ извѣстнаго тогда мѣра на вселенскіе Соборы Епископы единогласно признали тѣ только четыре Евангелія истинными Апостольскими твореніями, а всѣ прочія, появившіяся въ разныхъ мѣстностяхъ подъ названіемъ Евангелій отъ Никодима, Іакова, Оомы и проч: отвергли. Какъ ни искусны вы чрезъ свои остроумныя предположенія набрасывать тѣнь на истину и несбыточное представлять возможнымъ, но здѣсь безмолвны. Самымъ главнымъ для здраваго смысла доказательствомъ того, что Евангелія писаны дѣйствительно самовидцами воплощенаго Слова и что сочинители ихъ были точно Богодухновенными писателями, служить полнота каждого изъ нихъ въ отношеніи

сущности проповѣдуемаго предмета т. е. ученія, жизни, Божественности и спасительной смерти Иисуса Христа, единство духа, ясность, простота, возвышенность слова и совершенное согласіе всѣхъ ихъ — согласіе въ такой степени, что умолчанная однимъ изъ нихъ черта событий, или упущенное изъ бесѣды Господа реченіе или слово дополняется другимъ такъ, что стоитъ только заимствовать это у него и приставить къ сказанію первого и сказаніе сего нетолько не измѣнится, но дополнится и сдѣлается еще болѣе точнымъ и оживленнымъ. Такъ что Четверо-Евангеліе дѣйствительно представляется чудно — гармоническимъ пѣніемъ четырехъ Херувимовъ, дориноящихъ въ лицѣ Богочеловѣка славу Вседержителя, — пѣніемъ, въ которомъ сначала слышится одинъ голосъ, потомъ сливается съ другимъ, далѣе поютъ вмѣстѣ трое и на конецъ всѣ возглашаютъ славу Тріединому, и это пѣніе раздается во всѣ концы вселенной. Это самое замѣтиль даже кто-то изъ первыхъ и начальныхъ Французскихъ вольнодумцевъ, когда хотѣлъ писать опроверженія на четвероевангеліе, и бывъ этимъ пораженъ, созналь, что никакая человѣческая мудрость не могла бы сочинить такой книги, если бы покусилась, по предвзятой мысли, составить что-либо подобное Евангеліямъ. А величайшій скептикъ нашего времени, Лордъ Байронъ, написалъ на своей библіи слѣдующія строки, найденные по смерти его: «въ этой величественной книгѣ содержится таинство таинствъ. Счастливы тѣ смертные, которымъ дарована отъ Бога благодать читать, разумѣть, благоговѣть, молитвенно произносить слова сей книги! Счастливы тѣ, которые усиливаются отворить дверь и стремиться по стези! Но лучше бы не родиться тѣмъ, которые читаютъ, чтобы сомнѣваться и презирать».

LXI.

На вопросъ невѣрія: за тѣмъ было для спасенія людей воплощаться Сыну Божію и приносить себя въ жертву? посильный отвѣтъ изложенъ выше въ статьѣ о томъ, какъ совершилось домостроительство спасенія; къ тому можно еще присовокупить, что любовь всегда проявляется въ жертвахъ. Если я кого люблю, дѣлаю ему подарокъ, т. е. жертву

часть своего имущества, или доставляю ему какое нибудь удобство въ жизни, самъ стѣсня себя, слѣдовательно жертвуя своимъ удобствомъ; или помогаю ему въ нуждѣ и болѣзни, слѣдовательно жертвуя своимъ трудомъ и спокойствиемъ, или защищаю его, спасаю его жизнь съ опасностю даже своей жизни, слѣдовательно жертвуя своею жизнью. Вездѣ жертва, какъ проявление любви! А потому и крестная жертва совершилась во всемъ величіи *правды* Божіей, чтобы во всей силѣ явилась любовь Его къ человѣку и привлекла къ Нему любовь человѣка, плененную чувственностью и земными благами.

LXII.

Наконецъ отвергающіе вовсе откровеніе и всѣ чудеса говорятъ: «Богъ далъ человѣку умъ, и довольно: своимъ умомъ человѣкъ долженъ и можетъ постигать все и потому ему нѣтъ нужды въ откровеніи. Богъ установилъ законы, по которымъ все въ мірѣ постоянно совершается, и законы сіи никакимъ измѣненіямъ не подлежать.

Но они забываютъ, что опытъ тысячелѣтій показываетъ безсиліе ума, легко впадающаго въ заблужденія, и что кроме законовъ природы, по которымъ все совершается въ мірѣ вещественномъ, есть еще законы правды Божіей въ мірѣ духовно-нравственномъ. Законы Правды Божіей выше законовъ видимой природы, и по тому послѣдніе могутъ и должны измѣняться по требованію первыхъ.

Было ли бы согласно съ правдою Божіею оставлять людей въ заблужденіяхъ ума, которымъ дѣлали ихъ неспособными достигать цѣли, для которой они созданы? Такъ людямъ, для достиженія цѣли созданія ихъ, необходимо имѣть правильное понятіе о своемъ Творцѣ; но заблужденія ихъ дошли до того, что они стали богоотворить самыя силы природы. Законъ правды Божіей требовалъ явить людямъ, что Богъ выше законовъ природы и что самые законы природы — суть произведение Его премудрости. И вотъ именемъ Божіимъ разступаются воды моря, камень даетъ воду, небо дождитъ манину, вѣтеръ приносить стадо перепеловъ, Йорданъ возвращается вспять, огонь не вредить. Сынъ Божій, по неизрѣченной любви Своей къ человѣкамъ, снисходитъ на землю

въ образѣ подобострастнаго человѣка, чтобы показать имъ путь спасенія. Правдѣ Божіей подобало сдѣлать яснымъ для людей, что дѣйствительно явился на землѣ Сынъ Божій и вотъ: по благоволенію Его вода превращается въ вино, малое количество хлѣбовъ и рыбы насыщаетъ тысячи народа; подъ стопами Его твердѣютъ волны моря, по слову Его утихаетъ буря; исцѣляются безнадежно-больные; воскресаютъ мертвые и наконецъ Онъ Самъ возстаетъ изъ мертвыхъ!

Отвергать чудеса и откровеніе Божіе можно было бы только тогда, когда бы они были противны понятію о правдѣ Божіей. Отвергать чудеса значитъ считать Творца подчиненнымъ созданнымъ Имъ законамъ природы и безсильнымъ направить ихъ по высшимъ цѣлямъ Своей правды. Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же прибѣгать къ Творцу съ молитвой? Напротивъ всякий, внимательный къ себѣ, знаетъ, что, при тягости окружающихъ насть бѣдъ, невольное чувство побуждаетъ насть взвывать къ Творцу, и молитва не остается тщетною, что доказываетъ исторія церкви и опыты благочестивыхъ людей.

LXIII.

Теперь остается обратить вниманіе на дальнѣйшія судьбы Церкви и въ особенности на судьбы нашего отечества.

Нельзя не видѣть особаго промысла Божія въ томъ, что обращеніе Славянъ ко Христу и начало Русскаго государства совпадаютъ именно съ тѣмъ временемъ, когда Папы начали обнаруживать свое властолюбіе и требовать подчиненія себѣ восточныхъ церквей и вслѣдствіе сего начался раздоръ ихъ съ Восточными Патріархами, и вмѣстѣ съ тѣмъ и отпаденіе западныхъ церквей отъ Православной восточной Церкви. Въ той мѣрѣ какъ усиливался этотъ раздоръ и совершалось это отпаденіе, распространялось болѣе и болѣе христіанство между Славянами, и укрѣплялась здѣсь Православная Церковь. Видимо: она нашла тутъ благопріятную почву, чтобы здѣнувшись своей свѣтоточь съ запада, основаться здѣсь, что бы сначала скрыть себя и новорожденнаго младенца въ этой пустынѣ отъ ярости дракона, а впослѣдствіи отсюду просіять во всемъ своемъ величіи. (Откр. Иоан. 12, 6).

Согласно съ симъ необычайное явленіе представляетъ обращеніе Руссовъ въ вѣру христіанскую. Князь ихъ Владіміръ самъ острімъ своимъ умомъ сознаетъ заблужденіе язычества и тщету утѣхъ земныхъ, ищетъ правой вѣры и для сего чрезъ избранныхъ здравомыслящихъ мужей изслѣдуетъ извѣстная ему религіі; признаетъ за совершенную ту, которую исповѣдуютъ Греки и принимаетъ отъ ихъ святителей крещеніе; при этомъ дѣйствуетъ такъ, чтобы быть совершенно независимымъ въ вѣрѣ отъ всякихъ человѣческихъ вліяній и чтобы вѣра не стѣсняла политическихъ отношеній его государства. Народъ ему подвластный безпрекословно слѣдуетъ примѣру своего мудраго властителя, разрушаетъ капища, истребляетъ идоловъ, подчиняется уставамъ Церкви, разжигается любовью къ ней и, подпадая въ послѣдствіи подъ тяжкое иго съ одной стороны Магометанъ, съ другой Папистовъ, сносить его до предопределеннаго времени съ покорностию волѣ Провидѣнія, какъ кару за грѣхи, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ непоколебимою твердостію сохраняетъ вѣрность Православію, не смотря на льстивыя и хитрыя обольщенія и жестокое за эту вѣрность преслѣдованіе своихъ враговъ.

Божественный Промыслъ открылся еще и въ томъ, что въ то самое время, какъ палъ Царьградъ подъ мечемъ Магомета и прекратило свое существованіе единственное, оставшееся еще независимымъ, православное государство Греческое (Восточная Римская Имперія), Русскій народъ, доселѣ раздѣленный на мелкія Княжества, и порабощенный, соединяется въ одно обширное, могущественное государство подъ властію Московскихъ Князей, дѣлается сперва независимымъ Царствомъ, потомъ возводится въ достоинство Имперіи; побѣжденные враги его разсѣиваются какъ прахъ предъ лицемъ вѣтра; науки и искусства, возродившіяся между тѣмъ на Западѣ, дѣлаются и его достояніемъ; могущество страшныхъ воителей, предъ которыми преклонялись другіе народы, разбивается, какъ скудель, соприкасаясь съ нимъ и Русскіе Императоры дѣлаются освободителями порабощенныхъ и угнетенныхъ народовъ, покровителями и надеждою всѣхъ Православныхъ христіанъ, ужасомъ для ихъ гонителей и поработителей, и слава Россіи гремитъ во вселенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ истина Церковь Христова, доселѣ какъ бы скрытая отъ враговъ міра въ пустынѣ, пренебрегаемая богатыми и

мудрыми міра за свою нищету и простоту по вѣшнему ея виду, начинаетъ проявлять себя міру, облекается въ наружное подобающее ей величіе и начинаетъ ярче и ярче распространять сіяніе присущаго ей свѣта истины; представители ея — православные храмы начинаютъ воздвигаться во всѣхъ странахъ вселенной; жаждущіе и алкающіе истины находить въ ней насыщеніе и она въ чуждавшихъ и пренебрегавшихъ ее доселѣ народахъ находить усердныхъ читателей.

Между тѣмъ въ той мѣрѣ какъ представительница Православія — Россія восходитъ отъ силы въ силу, а истинная Церковь Христова болѣе и болѣе распространяетъ свое сіяніе, власть и обаяніе Римскихъ Папъ слабѣеть, могущество магометанскихъ царствъ падаетъ, слава Римской Церкви меркнеть, и вотъ уже Папы лишились своихъ мірскихъ владѣній, перестали быть независимыми Государями, громы ихъ проклятій никого уже не устрашаютъ, повелѣній ихъ никто не слушаетъ; они ищутъ подпоры въ объявлениіи себя непогрѣшими, но надъ этимъ смеются, а поборниковъ ихъ власти — Іезуитовъ отвсюду изгоняютъ; въ средѣ Римской Церкви отпаденія увеличиваются и наконецъ послѣ провозглашенія догматъ непогрѣшности Папъ возникаетъ новое раздѣленіе этой церкви, грозящее ей совершеннымъ паденіемъ. А представительница магометанства Турецкая Имперія окончательно одряхлѣла, никому уже не страшна и носить во вселенной прозвище *большаго человѣка* и существуетъ только по политическимъ видамъ христіанскихъ державъ, такъ какъ они одни не могутъ еще рѣшить, кому быть обладателемъ Царьграда и прочихъ владѣній этой Имперіи.

LXIV.

Такъ завершается третій актъ борьбы ада съ Церковію Христа. Хотя въ этой борьбѣ властитель ада — красный драконъ успѣлъ хвостомъ своимъ увлечь съ неба третью часть звѣздъ, и страшно разинулъ свой зѣвъ, чтобы пожрать жену, облеченнную въ солнце, въ вѣнцѣ изъ 12 звѣздъ, съ луною подъ ногами, но она укрылась въ пустынѣ, осталась невредимою и теперь является въ своей небесной красотѣ и божественномъ величіи.

И въ ярости злобы пустилъ змѣй изъ пасти своей въ сѣльѣ
жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою. (Откров. Іоан.
12, 1—15).

Что это за вода? Не зараза ли это вольнодумства, свое-
волія и невѣрія, распространяемая пагубными, адскими учи-
телями съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, и дѣйствительно,
какъ рѣка, устремляющаяся съ Запада на страны, осѣняемыя
Церковію? Но должно исполниться и другое пророчество
Откровенія Іоанна: «земля помогла женѣ, и разверзла земля
уста свои, и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ
пасти своей. (12—16).

Какъ отрадно думать, что эта земля есть народы Сла-
вянскіе, постоянно отличавшіеся здравомысліемъ! О, да от-
верзется же и теперь ихъ здравый смыслъ, и да поймутъ
они и да обличать все безуміе и всю пагубу тѣхъ тлетвор-
ныхъ ученій Запада, и какъ разверзнувшаяся земля без-
слѣдно поглощаетъ рѣку, такъ да безслѣдно исчезнутъ для
нихъ и тѣ ученія для блага церкви и отечества, на славу
Славянъ! Недаромъ же Провидѣніемъ устроено такъ, что
издревле имя ихъ было: Словены и Славы; тщетно враги
ихъ старались перемѣнить его въ унизительное прозвище
Склавы (рабы), и въ продолженіи многихъ вѣковъ измышляли
всѣя мѣры къ ихъ унижению, обезсиленію и искорененію.
Многозначительное имя Словенъ и Славянъ осталось за ними,
а угнетенія враговъ послужили только къ уничтоженію пре-
градъ, разъединявшихъ племена ихъ и заставили ихъ вспом-
нить о ихъ сродствѣ и укрѣпиться въ братскомъ союзѣ. Не
знаменіе ли это, что Самимъ Провидѣніемъ возложено на
Славянскіе народы: словомъ истины сдѣлать *нѣмы* уста лѣсти-
вия, глаголющія на Праведнаго беззаконіе гордынею и уни-
чиженіемъ, и доказать, что науки должны вести не къ тѣмъ
невѣрія, но къ свѣту славы Божіей. Славяне! въ этомъ ваша
задача и ваша слава! Явите же, что не тщетно Владыко
нашъ Божіе Слово и сіяніе славы Отчей нарекъ васъ сво-
ими соименниками! Хвалите же Его со звукомъ трубнымъ,
хвалите Его на псалтири, и гусляхъ, хвалите Его съ тим-
паномъ и ликами, хвалите Его на струнахъ и органѣ. Хвалите
Его на звучныхъ кимвалахъ, хвалите Его на кимвалахъ
громогласныхъ.

Да, мы обладаемъ сокровищемъ драгоцѣнѣйшимъ всѣхъ
земныхъ благъ во всей ихъ совокупности — Церковію Хри-
стовою, истинно Божественнымъ учрежденіемъ на землѣ для
просвѣщенія погрязшихъ въ невѣжествѣ и грѣхахъ людей
свѣтомъ истины и для возстановленія ихъ на степень су-
ществъ нравственныхъ, — обладаемъ сподѣшимъ съ неба образ-
цомъ, по которому должны быть устроены и всѣ человѣ-
сکія общества и государства, имѣющія ту же цѣль привести
людей къ нравственному совершенству. Но знаемъ ли мы
цѣну такому сокровищу? Къ сожалѣнію должны сознаться:
нѣть, еще не знаемъ!... Большинство изъ настѣ похоже на
такихъ дикарей, для которыхъ самое небо — обыкновенное —
обыденное явленіе: красота и величіе его не возбуждаетъ ни
мысли, ни чувства, и которые подымаютъ къ нему свои взоры
только для того, чтобы посмотретьъ: нѣть ли на немъ облака,
грозящаго бурею или градомъ или какъ высоко солнце: не пора-ли
обѣдать, или кончать работу. А многіе похожи на малыхъ дѣ-
тей, которые, покоясь на лонѣ матери, хотя любятъ ее, какъ
свою кормилицу и охранительницу, но не понимаютъ ни ея
красоты, ни умственныхъ, ни нравственныхъ ея совершенствъ,
подчиняются ея порядкамъ только или по привычкѣ, или изъ
страха наказаній, и если не идутъ къ чужой, зовущей ихъ
матери, то изъ неотчетливой только для нихъ самихъ боязни
къ чужому, незнакомому. А тѣ изъ настѣ, которые считаютъ
себя уже не дѣтьми, а порядочными подростками, похожи
на школьніковъ, воображающихъ себя учеными мужами: они
смотрятъ на установленные матерью порядки какъ на излиш-
ніе и напрасно отяготительные, сама мать кажется имъ слиш-
комъ требовательною и строгою, ея наставленія скучными,
и они, считая себя умнѣе своей доброй старушки, пренебре-
гаютъ ея наставленіями, не слушаютъ приказаній, и дерзко
нарушаютъ ея порядки: — другія матери, потачици своимъ
дѣтямъ, кажутся имъ добрѣ и умнѣе, и они непрочь, по-
жалуй, бѣжать къ нимъ на ихъ зовъ, если бы не разныя
обстоятельства удерживали ихъ. А сколько такихъ невѣждъ,
которые сущность христіанства полагаютъ въ однихъ только
внѣшнихъ обрядахъ и которые, не понимая значенія соединяе-

маго съ ними церковю, когда услышать отъ какого нибудь проходимца — подобного же имъ невѣжды, — что по древнему будто бы благочестю надобно чествовать крестъ не четыреконечный, а осьмиконечный, не тремя сложенными перстами, а двумя знаменовать себя крестнымъ знаменіемъ, и другія нелѣпыя на Церковь клеветы, оставляютъ ее и слѣдуютъ за самозванными отцами и учителями, и дѣлаются лютыми врагами своей матери.

Вотъ потому-то, что мы невнимательны къ нашей матери Церкви, — мы не знаемъ ея совершенствъ, а оставаясь въ этомъ невѣждами, не имѣемъ разумнаго убѣженія въ томъ, что она есть истинно Христова, — едина, Апостольская, Соборная. А отъ этого происходитъ то, что съ одной стороны прекрасные ея уставы не имѣютъ того благодѣтельнаго вліянія, какое они должны произвести вообще на нравственное усовершенствование народа и въ частности на устройство и благоденствие самого государства, а съ другой стороны мы холодны къ ней: не слышно среди наасъ теплого слова не только къ прославленію, но и къ защите ея, и если кто изъ наасъ выразить въ обществѣ своихъ же единовѣрцевъ убѣженіе въ правотѣ церкви и горячность къ православію, православные же назовутъ его фанатикомъ.

А если бы мы чтили Церковь свою какъ должно, то чрезъ нее утвердили бы въ себѣ правильное понятіе о Богѣ и нашемъ Спасителѣ, мысль наша чрезъ это просвѣтилась бы и мы сознали бы, что дѣйствительно законъ Господень совершенъ, обращаетъ душу на истинный путь, Откровеніе Господне вѣрно, умудряетъ простыхъ, повелѣнія Господни праведны, веселятъ сердце, заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщаетъ очи, страхъ Господень чистъ, пребываетъ въ вѣкъ, суды Господни истина, всѣ праведны, вожделѣніе золота и драгоценныхъ камней, слаще меда и капель сата и что въ соблюденіи ихъ великая награда. Тогда бы мракъ невѣжества наасъ оставилъ и мы удивились бы, какъ можно искать блаженства въ пьянствѣ и обжорствѣ, и какъ можно пьянствомъ и обжорствомъ чествовать праздники, установленные во славу Божію, тогда какъ этимъ мы чествуемъ діавола и ему приносимъ самую любезную для него жертву. Пьянство, обжорство и всякий развратъ сдѣлались бы для наасъ омерзительны и у наасъ рѣзко запечатлѣлись бы слова преподоб-

наго отца нашего Феодосія Киевопечерскаго: «о горе, и еще скажу, о горе, пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злого бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду... Бѣсы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволь, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего похотѣнія... И посыаетъ діаволь бѣсовъ, говоря: идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего похотѣнія... Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучали христіанъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо иное пьянство злое, а иное питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію».

Вотъ и здравый смыслъ говорить намъ: вѣдь я хочу быть хорошимъ — добрымъ человѣкомъ — вѣдь не могу же я сказать: хочу быть дурнымъ — злымъ. А человѣкъ тогда только хороши — добры, когда живетъ по заповѣдямъ Божіимъ, золь же и дурень, когда не покоряется имъ. И такъ: мнѣ необходимо жить по заповѣдямъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ — добрымъ, жить же такъ учить Церковь Божія и она есть самая лучшая въ этомъ учительница; буду же ее слушать, внимать и подчиняться ей. Найдется ли на это возражатель?!!

Но не для однихъ невѣждъ Церковь — руководительница; у ней неисчерпаемая сокровищница для мудрыхъ и сильныхъ земли. Не одна наша частная семейная жизнь должна устраиваться по ея наставлѣніямъ, но и жизнь самыхъ государствъ. Не даромъ, но для названенія сего, когда возобновлялась государственная жизнь нашего отечества подъ державнымъ скіпітромъ юнаго монарха Михаила Феодоровича Романова, мать Церковь, въ лицѣ своего Патріарха — царева отца, мудраго и добродѣтельнаго Филарета, предстала обокъ царя его совѣтникомъ и руководителемъ.

Вотъ, напримѣръ, урокъ Церкви для мудрыхъ земли: теперь всѣ педагоги сознаютъ, что недостаточно образовать умъ человѣка, нужно воспитать его волю. Какъ же воспитать? Объ этомъ написано многое множество книгъ, а во-

прось этотъ остается нерѣшеннымъ и никто изъ ученыхъ мужей не сказалъ окончательного слова. А Церковь съ самаго ея основанія уже разрѣшила его: она указала начала, на которыхъ должно созидаться это труднѣйшее дѣло, указала и средства къ достижению цѣли и примѣнила ихъ на дѣлѣ, и всякий, кто съ разумѣніемъ воспитывалъ себя по ея руководству, знаетъ на опытѣ, какъ тѣ начала вѣрны и тѣ средства дѣйствительны. Утверждая умъ въ вѣрномъ пониманіи основныхъ истинъ, просвѣщая мысль въ чистотѣ созерцанія великихъ дѣлъ Божіихъ, она пріучаетъ волю нашу съ симъ согласовать свое желаніе, направлять къ указаннымъ ею цѣлямъ дѣятельность, побѣждать беспорядочныя вожделѣнія чувственности и въ ощущаемой при такой побѣдѣ радости находить награду за подвигъ. Такъ она возвышенными молитвами и пѣснями приводитъ нашу душу въ умиленіе, примѣрами высокихъ добродѣтелей св. мужей влечетъ насъ подражать имъ, постами пріучаетъ отказываться на время отъ того, къ чему болѣе склоняетъ насъ чувственная природа, зовомъ на раннія, и позднія богослуженія учить побѣждать сонъ и лѣнъ для исполненія долга. О, какъ прекрасна, какъ добра, какъ премудра наша мать Церковь! Будемъ же любить, уважать ее и подчиняться ей!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

И такъ видимый міръ вездѣ и неуклонно возвѣщаетъ намъ о премудрѣ и всеблагомъ Творцѣ, о началахъ и законахъ истинной, блаженной жизни — о любви всѣ соединяющей и все содержащей. Здравый смыслъ каждому изъ насъ ясно, неопровержимо говоритъ, что непреложный долгъ нашъ любить своего Творца и покоряться Ему и что въ любви и послушаніи Ему — основаніе истинной блаженной жизни. Опытъ тысячелѣтій свидѣтельствуетъ, что другихъ путей къ блаженству нѣть и что нарушеніе святыхъ законовъ любви разрушаетъ основанія жизни и вноситъ порчу въ самую нашу

природу. Мало того. Творецъ изрекъ тѣ же законы и указалъ туть же путь жизни человѣческимъ словомъ и примѣромъ чрезъ вѣхновенныхъ Имъ мужей и чрезъ воплотившагося Единороднаго Сына Своего, и возвѣщаетъ о томъ же неумолчно чрезъ созиженную Имъ Церковь.

Какъ же люди нарушеніемъ законовъ жизни, преслушаніемъ Творцу и удаленіемъ себя отъ Него внесли порчу въ самую природу свою и подверглись осужденію правды Божіей, то благость Творца въ премудрости Своей изыскала средство спасти отъ вѣчной погибели родъ человѣческій и указала еще новый путь, какъ перемѣнить судъ правды Божіей на милость по той же правдѣ и дать, такъ сказать, поводъ Любви Божіей излиться на насъ въ самыхъ обильныхъ благодѣніяхъ: возсоздать не только въ первое, потерянное достоиніе, но въ однокровныхъ братьевъ Единороднаго Сына Божія — сдѣлать ихъ едино въ Божественной любви съ Нимъ, — какъ вѣти едино съ лозою, слѣдовательно возвести ихъ въ достоинство чадъ Божіихъ.

Путь этотъ простъ, легокъ и всякому доступенъ: нужно только полюбить возлюбившаго насъ до конца — Сладчайшаго Иисуса и тѣмъ возродить въ себѣ начатокъ, — почку, сѣмя истинной жизни — любовь къ Богу, явившему чрезъ Него всю бездну любви Своей къ намъ и, сознавъ свое паденіе, свою нищету духовную, искать оправданія въ заслугахъ того же Иисуса, который, какъ поставленный отъ Бога Первосвященникъ, можетъ сострадать намъ невѣждущимъ и заблуждающимъ и Который за насъ принесъ Себя въ жертву умилостивленія, возсѣль одесную престола величія на небесахъ и во вѣкъ пребываетъ. А потому стоитъ только съ истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ, съ искреннимъ желаніемъ жизни по волѣ Божіей, съ святою любовию къ любвеобильному Иисусу, съ крѣпкою вѣрою въ искупительную Его жертву обратиться къ Богу и съ полною довѣренностью прибѣгнуть къ Таинствамъ и руководительству Церкви, и грѣхи будутъ сняты, совѣсть освобождена отъ мученія, душа получить миръ свыше, мысль прояснится, силы укрепятся на подвиги добра и залогъ любви Божіей — радость духа возвеселить сердце, — однимъ словомъ: посѣтить помазаніе Св. Духа и изліются на тебя, человѣкъ, благодатные Его дары и ты сдѣлаешся участникомъ царства Божія.

Все готово къ брачному пиру Сына Царева: упитанный телецъ закланъ, чертоги украшены и освѣщены, пути къ нимъ уровнены, путеводители на всѣхъ перекресткахъ разставлены, всѣхъ насть зоветъ туда Домовладыка и ждетъ.

Но не спѣшать люди на этотъ зовъ. Одни покрыты та-кою корою невѣжества, суевѣрій, предразсудковъ, заботъ, суетъ, страстей и земныхъ привязанностей, что изъ подъ неѣ они трудно слышатъ голосъ возвѣстителей истины, худо видятъ пути къ ней ведущія, а лѣнность — бездѣствие ума обуяла такъ, что они не хотятъ даже поднять руки, чтобы отъ наросшей грязи прочистить уши и протереть глаза. У другихъ уши хорошо слышать, глаза видять, но имъ какой нибудь лжепророкъ, или самозванные отцы и учители запре-тили слушать и смотрѣть, и они затыкаютъ уши, чтобы не слышать, — закрываютъ глаза, чтобы не видѣть, а если случайно и придется услышать или увидѣть, то употребляютъ всѣ уси-лія, чтобы не уразумѣть. Третыи и слышать, и видѣть, и раз-умѣть, да имъ жалко оставить свои грѣховныя привязан-ности, остановить прибыльный дѣла, и они говорятъ: успѣхъ! еще будетъ время. Четвертые слушаютъ и разсматриваютъ, но напыщенные своимъ знаніемъ и гордые своимъ умомъ съ презрѣніемъ смотрѣть на Божіихъ вѣстниковъ и путеводите-лей; они кажутся имъ слишкомъ простыми, невѣжествен-ными, и указываемыя ими пути проложенными не по прави-ламъ науки, и они говорятъ: сами лучше васъ знаемъ, и безъ васъ прямую дорогу проложить умѣхъ. Иные же до-того вознеслись гордынею, что истины, возвѣщаемыя религіею, считаются за басни, недостойная вниманія просвѣщенныхъ людей, а легковѣрные ихъ слушатели, почитая ихъ за нѣчто великое, чтобы самимъ показаться образованными, стыдятся не только внимать, но и слышать о тѣхъ истинахъ.

И такъ, одни не слышать призыва на брачный пиръ, потому что не хотятъ промыть глазъ и прочистить ушѣй отъ наросшей грязи невѣжества; другіе не смѣютъ слушать, по-тому что довѣряютъ болѣе слову лжецовъ, чѣмъ своему раз-судку; третыи слушаютъ, но медлятъ идти, потому что временное, суетное предпочитаютъ вѣчному, истинному; четвер-тые вмѣсто того, чтобы спѣшить идти прямо вмѣстѣ съ дру-гими, тратятъ дороже время на проложеніе своего пути, потому что ставятъ себя выше посланниковъ Божіихъ; а

пятые вовсе отказываются отъ зова, потому что сами себя ставятъ богами. А между тѣмъ двери брачнаго чертога за-творяются то для тѣхъ, то для другихъ, и тѣмы званыхъ остаются вѣтъ чертога, во мракѣ пустоты, гдѣ плачъ и скре-жеть зубовъ, гдѣ червь не умираетъ, гдѣ огнь не угасаетъ.. О жалость!.. тѣмы разумныхъ существъ, созданныхъ для бла-женства, добровольно сами отрекаются отъ него и изби-раютъ гибель — вѣчныя муки! Какое легкомысліе, какое без-разсудство!

Дѣтушки! побережемся — страшно впасть въ руки Бога живаго! и будемъ взыывать вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ:

«Спаси мя, Боже, ибо воды дошли до души моей.

Я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, и не на чемъ стать; вошелъ въ глубину водъ, и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня.

Я изнемогъ отъ волнъ, засохла гортань моя, истомились глаза мои отъ ожиданія Бога моего.

Боже! Ты знаешь безуміе мое, и грѣхи мои не скрыты отъ Тебя.

Да не постыдятся во мнѣ всѣ, надѣющіеся на Тебя, Господи, Боже силь. Да не посрамятся во мнѣ ищущіе Тебя, Боже Изра-илевъ.

Я съ молитвою мою къ Тебѣ, Господи; во время благоугодное, Боже, по великой благости Твоей, услыши меня въ истинѣ спасе-нія Твоего.

Извлеки меня изъ тины, чтобы не погрязнуть мнѣ; да изба-влюсь отъ ненавидящихъ меня и отъ глубокихъ водъ; да не увле-четь меня стремленіе водъ, да не поглотить меня пучина, да не затворить надо мною пропасть зѣва своего.

Услыши меня, Господи, ибо блага милость Твоя; по множеству щедротъ Твоихъ призри на меня.

Не скрывай лица Твоего, отъ раба Твоего, ибо я скорблю; скоро услыши меня.

Приблизься къ душѣ моей, избавь её; ради враговъ моихъ спаси меня.

Я бѣденъ и страдаю; помощь Твой, Господи, да возстановить меня.

Я буду славить Бога моего въ пѣсни, буду превозносить Его въ славословіи.

Увидятыи это страждущи, и возрадуются. И оживеть сердце
ваше, ищущи Бога. Ибо Господь внемлетъ ищущимъ и не пренебре-
гаетъ узниковъ Своихъ. (Изъ Псал. 68.).

Укажи мнъ, Господи, пути Твои, и научи меня стезямъ Твоимъ.
Направь меня на истину Твою, и научи меня стезямъ Твоимъ,
ибо Ты Богъ спасенія моего, на Тебя надѣюсь всякий день.

Вспомни щедроты Твои, Господи, и милости Твои, ибо онъ
отъ вѣка.

Грѣховъ юности моей и преступлений моихъ не вспоминай; по
милости Твоей вспомни меня Ты, ради благости Твоей, Господи!

Ради имени Твоего, Господи, прости согрѣшеніе мое; ибо ве-
лико оно.

Очи мои всегда къ Господу; ибо Онъ извлекаетъ изъ сѣти но-
ги мои.

Призри на меня, и помилуй меня; ибо я одинокъ и угнетенъ.
Скорби сердца моего умножились; выведи меня изъ бѣдъ моихъ.

Призри на страданіе мое и на изнеможеніе мое, и прости всѣ
грѣхи мои.

Сохрани душу мою и избавь меня, да не постыжусь, что я на
Тебя уповаю.

(Изъ Псал. 24).

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множе-
ству щедротъ Твоихъ изгладь беззаконія мои.

Многократно омой меня отъ беззаконія моего, и отъ грѣха мо-
его очисти меня.

Ибо беззаконія мои я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною.

Тебѣ, Тебѣ единому согрѣшилъ я, и лукавое предъ очами Тво-
ими сдѣлалъ, такъ что Ты праведенъ въ приговорѣ Твоемъ и чистъ
въ судѣ Твоемъ.

Вотъ я въ беззаконіи зачать, и во грѣхѣ родила меня мать
моя.

Вотъ, Ты возлюбилъ истину въ сердцѣ, и внутрь меня явилъ
мнѣ мудрость Твою.

Окропи меня иссопомъ, и буду чистъ; омой меня, и буду бѣ-
лье снѣга.

Дай мнѣ услышать радость и веселіе; и возрадуются кости, То-
бою сокрушенныя.

Отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ, и изгладь всѣ беззако-
нія мои.

Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови
внутри меня.

Не отвергни меня отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не
отними отъ меня.

Возврати мнѣ радость спасенія Твоего, и Духомъ владычествен-
нымъ утверди меня.

Научу беззаконныхъ путямъ Твоимъ, и нечестивые къ Тебѣ
обратятся.

Избавь меня отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего, и языкъ
мои восхвалитъ правду Твою.

Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою.

Ибо жертвы Ты не желаешь, — я даль бы ея; къ всесожженію
не благоволишь.

Жертва Богу духъ сокрушенный; сердца сокрушенного и сми-
ренного Ты не презиришь, Боже.

Облагодѣтельствуя, Господи, по благоволенію Твоему Сионъ;
воздвигни стѣны Иерусалима.

Тогда благоугодны будутъ Тебѣ жертвы правды, возношеніе, и
всесожженіе; тогда возложатъ на алтарь Твой тельцовъ. (Псал. 50).

Господи, Боже спасенія моего! днемъ во плю, и ночью предъ
Тобою.

Да внидеть предъ лице Твое молитва моя; приклони ухо Твое
къ моленію моему; Ибо душа моя насытилась бѣдствіями, и жизнь
моя приблизилась къ преисподней.

Я сравнялся съ нисходящими въ могилу; я сталь, какъ человѣкъ
безъ силы, между мертвыми брошенный, — какъ убитые, ле-
жащіе во гробѣ, о которыхъ Ты уже не вспоминаешь, и которые
отъ руки Твоей отринуты.

Ты положилъ меня въ ровъ преисподній, во мракъ, въ бездну.

Отиготѣла на мнѣ ярость Твоя, и всѣми волнами Твоими Ты
поразилъ меня.

Ты удалилъ отъ меня знакомыхъ моихъ, сдѣлалъ меня отвра-
тительнымъ для нихъ; я заключенъ и не могу выйти.

Око мое истомилось отъ горести; весь день я взывалъ къ Тебѣ,
Господи; простирая къ Тебѣ руки мои.

Развѣ надѣ мертвыми Ты сотворишь чудо? Развѣ мертвые вста-
нутъ и будутъ славить Тебя?

Или во гробѣ будетъ возвѣщаема милость Твоя, и истина Твоя
въ мѣстѣ тленія? Развѣ во мракѣ познаютъ чудеса Твои, и въ
землѣ забвенія правду Твою?

Но я къ Тебѣ, Господи, взываю, и рано утромъ молитва моя предваряется Тебя.

Для чего, Господи, отрѣваешь душу мою; скрываешь лицо Твое отъ меня?

Я несчастенъ и истаеваю съ юности; несу ужасы Твои и изнемогаю.

Надо мною прошла ярость Твоя; устрашения Твои сокрушили меня.

Всякій день окружаютъ меня, какъ вода: облегаютъ меня всѣ вмѣстѣ.

Ты удалилъ отъ меня друга и искренняго; знакомыхъ моихъ не видно. (Псал. 87).

Приклони, Господи, ухо Твое, и услыши меня; ибо я бѣденъ и нищъ.

Сохрани душу мою, ибо я благоговѣю предъ Тобою; спаси, Боже мой, раба Твоего, уповающаго на Тебя.

Помилуй меня, Господи, ибо къ Тебѣ взываю каждый день.

Возвесели душу раба Твоего, ибо къ Тебѣ, Господи, возношу душу мою; ибо Ты, Господи, благъ и милосердъ и многомилостивъ ко всѣмъ, призывающимъ Тебя.

Услыши, Господи, молитву мою, и внемли гласу моленія моего.

Въ день скорби моей взываю къ Тебѣ, потому что Ты услышишь меня.

Нѣть между богами, какъ Ты, Господи, и нѣть дѣль, какъ Твои.

Всѣ народы, Тобою сътворенные, пріидутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, и прославятъ имя Твое.

Ибо Ты велика, итвориши чудеса; Ты, Боже, единъ Ты.

Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить въ истинѣ Твоей; утверди сердце мое въ страхѣ имени Твоего.

Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой, всѣмъ сердцемъ мімъ и славить имя Твое вѣчно, ибо велика милость Твоя ко мнѣ; Ты избавилъ душу мою отъ ада преисподняго.

Боже! гордые возстали на меня, и скопище мятеожниковъ ищетъ души моей; не представляютъ они Тебя предъ собою. Но Ты, Господи, Боже щедрый, и благосердный, долготерпѣливый и многомилостивый и истинный, призри на меня и помилуй меня; даруй крѣпость рабу Твоему, и спаси сына рабы Твоей; покажи на мнѣ знаменіе во благо; да видятъ ненавидящіе меня, и устыдятся, потому что Ты, Господи, помогъ мнѣ, и утѣшилъ меня. (Псал. 85).

Поспѣши, Боже, избавить меня, поспѣши, Господи, на помощь мнѣ.

Да постыдятся и посрамятся ищущіе души моей! Да будутъ обращены назадъ и преданы посмѣянію желающіе мнѣ зла!

Да будутъ обращены назадъ за поношеніе меня говорящіе мнѣ: хорошо! хорошо!

Да возрадуются и возвеселятся о Тебѣ всѣ, ищущіе Тебя, и любящіе спасеніе Твое, да говорятъ всепрестанно: великъ Богъ!

Я же бѣденъ и нищъ. Боже поспѣши ко мнѣ! Ты помощь моя и избавитель мой; Господи, не замедли! (Псал. 69).

На Тебя, Господи уповаю; да не постыжуся во вѣкъ.

По правдѣ Твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо Твое ко мнѣ, и спаси меня.

Будь мнѣ твердымъ приѣждающимъ, куда я всегда могъ бы укрыться; Ты заповѣдалъ спасти меня, ибо твердость моя и крѣпость моя Ты.

Боже мой! избавь меня изъ руки нечестиваго, изъ руки беззаконника и притѣснителя. Ибо Ты надежда моя, Господи Боже, упованіе мое отъ юности моей.

На Тебѣ утвердился я отъ утробы; Ты извелъ меня изъ чрева матери моей; Тебѣ хвала моя не престанетъ.

Для многихъ я былъ какъ бы дивомъ; но Ты твердая моя надежда.

Да наполнятся уста моя хвалою, чтобы мнѣ воспѣть славу Твою, всякий день великолѣпіе Твое.

Не отвергни меня во время старости; когда будетъ оскудѣвать сила моя, не оставь меня.

Ибо враги мои говорятъ противъ меня, и подстерегающіе душу мою совѣтуются между собою, говоря: Богъ оставилъ его; преслѣдуйте и схватите его; ибо нѣть избавляющаго.

Боже! не удаляйся отъ меня; Боже мой! поспѣши на помощь мнѣ. Да постыдятся, и изчезнутъ враждущіе противъ души моей, да покроются стыдомъ и безчестіемъ ищущіе мнѣ зла!

А я всегда буду уповать на Тебя, и умножать всякую хвалу Твою. Уста мои будутъ возвѣщать правду Твою, всякий день благодѣянія Твои, ибо я не знаю имъ числа.

Войду въ размышленіе о силахъ Господа Бога; воспомяну правду Твою, единственно Твою.

Боже! Ты наставлялъ меня отъ юности моей, и до нынѣ я возвѣщаю чудеса Твои.

И до старости, и до съдьи не оставь меня, Боже, доколѣ не возвѣщу силы Твоей роду сему и всѣмъ грядущимъ могущества Твоего.

Правда Твоя, Боже, до превыспреннихъ; великія дѣла содѣласть Ты, Боже! кто подобенъ Тебѣ?

Ты посыпалъ на меня многія и лютыя бѣды, но и опять оживлялъ меня, и изъ безднѣ земли опять выводилъ меня.

Ты возвышалъ меня и утѣшалъ меня и изъ безднѣ земли выводилъ меня.

И я буду славить на псалтырѣ, Твою истину, Боже мой; буду воспѣвать Тебя на гусляхъ, Святый Израилевъ!

Радуются уста мои, когда я пою Тебѣ, и душа моя, которую Ты избавилъ.

И языкъ мой всякий день будеть возвѣщать правду Твою; ибо постыжены и посрамлены ищущіе мнѣ зла. (Псал. 70).

Изъ глубины взываю къ тебѣ, Господи, Господи! услыши голосъ мой. Да будуть уши Твои внимательны къ голосу моленій моихъ.

Если Ты, Господи, будешь замѣчать беззаконія; Господи! кто устоитъ? Но у Тебя прощеніе; да благоговѣютъ предъ Тобою.

Надѣюсь на Господа, надѣется душа моя; на слово Его уповаю.

Душа моя ожидаетъ Господа болѣе, нежели стражи утра, болѣе, нежели стражи утра.

Да уповаешь Израиль на Господа; ибо у Господа милость и многое у Него избавленіе. И онъ избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его. Псал. 129.

Къ тебѣ возвожу очи мои, Живущій на небесахъ!

Вотъ, какъ очи рабовъ обращены на руку господь ихъ, какъ очи рабы—на руку госпожи ея; такъ очи наши къ Господу, Богу нашему, доколѣ Онъ помилуетъ насъ.

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ; ибо довольно мы насыщены презрѣніемъ. Довольно насыщена душа наша пониженіемъ отъ надменныхъ и униженіемъ отъ гордыхъ. Псал. 122.

Аллиллуя!

Пойте, Богу нашему пойте, пойте Цареви нашему пойте!

Аллиллуя, Аллиллуя, Аллиллуя!

Я радуюсь, что Господь услышалъ голосъ мой, моленіе мое; пріклонилъ ко мнѣ ухо свое, и потому буду призывать Его во всѣ дни мои.

Объяли меня болѣзни смертныя, муки адскія постигли меня; я встрѣтилъ тѣсноту и скорбь. Тогда призвалъ я имя Господне: Господи! избавь душу мою. Милостивъ Господь и праведень, и милосердъ Богъ нашъ. Хранитъ Господь простодушныхъ: я изнемогъ, и Онъ помогъ мнѣ.

Возвратись, душа моя, въ покой твой, ибо Господь облагодѣтельствовалъ тебѣ.

Ты избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ноги мои отъ преткновенія. Буду ходить предъ лицемъ Господнимъ на землѣ живыхъ. (Псал. 114).

Къ Господу возвалъ я въ скорби моей, и Онъ услышалъ меня.

Господи! Избавь душу мою отъ усть лживыхъ, отъ языка лукаваго.

Что дасть тебѣ и что прибавить тебѣ языкъ лукавый? Изощренныя стрѣлы сильнаго, съ горящими углами дроковыми.

Горе мнѣ, что я пребываю у Мосоха, живу въ шатрахъ Кидарскихъ. Долго жила душа моя съ ненавидящими миръ. Я миренъ: но только заговорю, они къ войнѣ. (Псал. 119).

Возвожу очи мои къ горамъ, откуда прійдетъ помощь моя.

Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю.

Не дасть онъ поколебаться ногѣ твоей, не воздремлетъ хранящій тебя.

Не дремлетъ и не спитъ хранящій Израиля.

Господь хранитель твой; Господь сѣнъ Твоя съ правой руки твоей.

Днемъ солнце не поразить тебя, ни луна нощю. Господь сократить тебя отъ всякаго зла; сохранить душу твою Господь.

Господь будеть охранять выхожденіе твое и вхожденіе твое отнынѣ и вовѣвъ. (Псал. 120).

Воспойте Господу пѣснь новую; воспойте Господу вся земля.

Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣствуяте со дnia на день спасеніе Его.

Возвѣщайте въ народахъ славу Его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его. Ибо великъ Господь и достохваленъ, страшенъ Онъ паче всѣхъ боговъ. Ибо всѣ боги народовъ идолы, а Господь небеса сотворилъ.

Слава и величие предъ лицемъ Его, сила и великолѣпие во святыища Его.

Воздайте Господу, племена народовъ, воздайте Господу славу и честь.

Воздайте Господу славу имени Его, несите дары, и идите во дворы Его.

Поклонитесь Господу во блоголѣпіи святыни. Трепещи предъ лицемъ Его вся земля!

Скажите народамъ: Господь царствуетъ! потому тверда вселенная, не поколеблится. Онъ будетъ судить народы по правдѣ.

Да веселятся небеса, и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его. Да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ дерева дубравныя предъ лицемъ Господа, ибо идетъ, ибо идетъ судить землю. Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ, и народы по истинѣ Своей. (Пс. 95.)

Господь царствуетъ: да радуется земля; да веселятся многочисленные острова.

Облако и мракъ окрестъ Его; правда и судъ основаніе престола Его.

Предъ Нимъ идетъ огонь, и вокругъ попалаютъ враговъ Его.

Молніи Его освѣщають вселенную; земля видитъ и трепещетъ.

Горы, какъ воскъ, таютъ отъ лица Господа, отъ лица Господа всей земли.

Небеса возвѣщають правду Его, и всѣ народы видятъ славу Его.

Да постыдятся всѣ, служащіе истуканамъ, хвалящіеся идолами. Поклонитесь предъ Нимъ всѣ боги.

Слышишь Сіонъ и радуется, и веселятся тицери Іудины ради судовъ Твоихъ, Господи. Ибо Ты, Господи, высокъ надъ всею землею, превознесенъ надъ всѣми богами.

Любящіе Господа, ненавидьте зло. Онъ хранить души святыхъ Своихъ; изъ руки нечестивыхъ избавляетъ ихъ.

Свѣтъ сіяеть на праведника и на правыхъ сердцемъ веселіе. Радуйтесь, праведные, о Господѣ, и славьте память святыни Его. (Пс. 96.).

Воспойте Господу новую пѣснь: ибо Онъ сътворилъ чудеса. Его десница и святая мышца Его доставили Ему побѣду.

Явиль Господь спасеніе Свое, открылъ предъ очами народовъ правду свою.

Вспомнилъ Онъ милость Свою къ Іакову, и вѣрность Свою

къ дому Израилеву. Всѣ концы земли увидѣли спасеніе Бога нашего.

Восклицайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте.

Пойте Господу съ гуслями, съ гуслями и съ гласомъ псалмопѣнія.

При звукѣ трубъ и рога торжествуйте предъ царемъ Господомъ.

Да шумитъ море, и что наполняетъ его, вселенная и живущіе въ ней; да рукоплещутъ рѣки; да ликуютъ вмѣстѣ горы предъ лицемъ Господа; ибо Онъ идетъ судить землю. Онъ будетъ судить вселенную праведно и народы вѣрно. (Пс. 97.)

Господь царствуетъ: да трепещутъ народы; Онъ возсѣдаеть на Херувимахъ: да трясется земля!

Господь на Сіонѣ величъ, и высокъ Онъ надъ всѣми народами.

Да славятъ великое и страшное имя Твое; свято Оно!

И могущество царя любить судъ. Ты утвердилъ справедливость; судъ и правду Ты совершилъ въ Іаковѣ.

Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножію Его; свято оно!

Моисей и Ааронъ между священниками и Самуилъ между призывающими имя Его взывали къ Господу, и Онъ внималъ имъ.

Въ столпѣ облачномъ говорилъ Онъ къ нимъ; они хранили Его заповѣди и уставъ, который Онъ далъ имъ.

Господи, Боже нашъ! Ты внималъ имъ; Ты былъ для нихъ Богомъ прощающимъ и наказывающимъ за дѣла ихъ.

Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь на святой горѣ Его: ибо святы Господь, Богъ нашъ. (Пс. 98.)

Воскликните Господу, вся земля!

Служите Господу съ веселіемъ; идите предъ лицо Его съ восклицаніемъ!

Познайте, что Господь есть Богъ, что Онъ сътворилъ нась, и мы Его, Его народъ и овцы паства Его.

Входите во врата Его съ славословіемъ, во дворы Его съ хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его. Ибо благъ Господь: милость Его во вѣки, и истина Его въ родъ и родъ. (Пс. 99.)

Милость и судъ буду пѣть; Тебѣ, Господи, буду пѣть.
Буду размышлять о пути непорочномъ: когда Ты прійдешь ко
мнѣ? буду ходить въ непорочности моего сердца посреди дома
моего.

Не положу предъ очами моими вещи непотребной; дѣло пре-
ступное я ненавижу; не прильнется оно ко мнѣ.

Сердце развращенное будетъ удалено отъ меня; злого я не
буду знать.

Тайно клевещущаго на ближняго своего изгоню; гордаго очами
и надменнаго сердцемъ не потерплю.

Глаза мои на вѣрныхъ земли, чтобы они пребывали при мнѣ;
кто ходить путемъ непорочности, тотъ будетъ служить мнѣ.

Не будетъ жить въ домѣ моемъ поступающій коварно; говоря-
щій ложь не останется предъ глазами моими. (Псал. 100.)

Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — сви-
тое имя Его.

Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всѣхъ благодѣ-
яній Его.

Онъ прощаетъ всѣ беззаконія твои, исцѣляетъ всѣ недуги твои;
избавляетъ отъ могилы жизнь твою, вѣнчаетъ тебя милостію и
щедротами; насыщаетъ благами желаніе твое: обновляется, подобно
орлу, юность твоя.

Господь творитъ правду и судъ всѣмъ обиженнымъ.

Онъ показалъ пути Свои Моисею, сынанъ Израилевымъ дѣла
Свои.

Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ.
Не до конца гнѣвается и не во вѣкъ негодуетъ.

Не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, и не по грѣхамъ
нашимъ воздаль намъ.

Ибо какъ высоко небо надъ землею, такъ велика милость Гос-
пода къ боящимся Его.

Какъ далекъ востокъ отъ запада, такъ удалилъ Онъ отъ насъ
беззаконія наши.

Какъ отецъ милуетъ сыновъ, такъ милуетъ Господь боящихся
Его. Ибо онъ знаетъ составъ нашъ, помнить, что мы — перстъ.

Дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣ-
теть. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже
неизнашаетъ его.

Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его,
и правда Его на сынахъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ Его и помя-
щихъ заповѣди Его, чтобы исполнять ихъ.

Господь на небесахъ поставилъ престолъ Свой, и царство Его
всѣмъ обладаетъ.

Благословите Господа всѣ Ангелы Его, крѣпкіе силою, испол-
няющіе слово Его, повинуясь гласу слова Его.

Благословите Господа всѣ воинства Его, служители Его, испол-
няющіе волю Его.

Благословите Господа всѣ дѣла Его, во всѣхъ мѣстахъ влады-
чества Его. Благослови, душа моя, Господа! (Пс. 102.)

Славьте Господа, ибо Онъ благъ; ибо вовѣкъ милость Его.

Кто изречетъ могущество Господа, возвѣстить всѣ хвалы Его?

Блаженны хранящіе судь и творящіе правду во всякое время!

Вспомни о мнѣ, Господи, въ благоволіи къ народу Твоему;
посѣти меня спасеніемъ Твоимъ, дабы мнѣ видѣть благоденствіе
избранныхъ Твоихъ, веселиться веселіемъ народа Твоего, хвалиться
съ наслѣдіемъ Твоимъ.

Согрѣшили мы съ отцами нашими, совершили беззаконіе, содѣ-
лали неправду.

Отцы наши въ Египтѣ не уразумѣли чудесъ Твоихъ, не пом-
нили множества милостей Твоихъ, и возмущались у моря, у Черн-
наго моря.

Но Онъ спасъ ихъ ради имени Своего, дабы показать могу-
щество Свое.

Грозно рекъ морю Черному, и оно изсохло; и провелъ ихъ по
безднамъ, какъ по сушѣ; и спасъ ихъ отъ руки ненавидящаго, и
избавилъ ихъ отъ руки врага.

Воды покрыли враговъ ихъ, ни одного изъ нихъ не осталось.
И повѣрили они словамъ Его, и воспѣли хвалу Ему.

Но скоро забыли дѣла Его, не дождались Его изволенія; увле-
клисъ похотѣніемъ въ пустынѣ, и искусили Бога въ необитаемой.

И Онъ исполнилъ прошеніе ихъ, но послалъ язву на души
ихъ.

И позавидовали въ станѣ Моисею и Аарону, святому Господню.

Разверзлась земля, и поглотила Даѳана, и покрыла скопище
Авирама. И возгорѣлся огонь въ скопищѣ ихъ, пламень попалилъ
нечестивыхъ.

Сдѣлали тельца у Хорива, и поклонились истукану; и промѣнили славу свою на изображеніе вола, ядущаго траву.

Забыли Бога, Спасителя своего, совершившаго великое въ Египтѣ, дивное въ землѣ Хамовой, страшное у Чернаго моря.

И хотѣль истребить ихъ, если бы Моисей, избранный Его, не стала предъ нимъ въ разсѣлинѣ, чтобы отвратить ярость Его, да не погубить ихъ.

И презрѣли они землю желанную, не вѣрили слову Его. И роптали въ шатрахъ своихъ, не слушались гласа Господня.

И поднялъ Онъ руку Свою на нихъ, чтобы низложить ихъ въ пустынѣ, низложить племя ихъ въ народахъ, и разсѣять ихъ по землямъ.

Они прилѣпились къ Ваалфегору, и ъли жертвы бездушными. И раздражили Бога дѣлами своими, и вторглась къ нимъ язва.

И возсталъ Финеесъ, и произвелъ судъ, — и остановилась язва. И это вмѣнено ему въ праведность въ роды и роды во вѣки.

И прогнѣвали Бога у водъ Меривы, и Моисей потерпѣль за нихъ. Ибо они огорчили духъ его, и онъ погрѣшилъ устами своими.

Не истребили народовъ, о которыхъ сказали имъ Господь; но смыкались съ язычниками, и научились дѣламъ ихъ. Служили истуканамъ ихъ, которые были для нихъ сѣтью. И приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ, которыхъ приносили въ жертву идоламъ Ханаанскимъ, — и осквернилась земля кровью. Оскверняли себя дѣлами своими, блудодѣйствовали поступками своими.

И воспыпалъ гнѣвъ Господа на народъ Его, и вознушался Онъ наскѣдѣемъ своимъ. И предалъ ихъ въ руки язычниковъ, и ненавидишие ихъ стали обладать ими.

Враги ихъ утѣсняли ихъ, и они смирялись подъ рукою ихъ.

Много разъ Онъ избавлялъ ихъ; они же раздражали Его упорствомъ своимъ, и были уничтожены за беззаконіе свое.

Но Онъ призиралъ на скорбь ихъ, когда слышалъ вопль ихъ. И вспоминаль завѣтъ Свой съ ними, и раскаялся по множеству милости Своей; и возбуждалъ къ нимъ состраданіе во всѣхъ, плачущихъ ихъ.

Спаси наасъ, Господи, Боже нашъ, и собери наасъ отъ народовъ, дабы славить святое имя Твое, хвалиться Твою славою.

Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ, отъ вѣка и до вѣка! И да скажетъ весь народъ: аминь! Аллилуя! (Псал. 105.)

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо вовѣкъ милость Его!

Такъ да скажутъ избавленные Господомъ, которыхъ избавилъ Онъ отъ руки врага, и собралъ отъ странъ, отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря.

Они блуждали въ пустынѣ по безлюдному пути, и не находили населенного города; терпѣли голодъ и жажду, душа ихъ истаевала въ нихъ.

Но возвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій ихъ.

И повелъ ихъ прямымъ путемъ, чтобы они шли къ населенному городу.

Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ! Ибо Онъ насытилъ душу жаждущую и душу алчущую исполнилъ благами.

Они сидѣли во тьмѣ и тѣни смертной, окованные скорбю и желѣзомъ; ибо не покорялись словамъ Божіимъ, и небрегли о волѣ Всевышнаго.

Онъ смирилъ сердце ихъ работами; они преткнулись, и не было помогающаго.

Но возвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ; вывелъ ихъ изъ тьмы и тѣни смертной, и растрогнуль узы ихъ.

Да славятъ Годода за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ! Ибо Онъ сокрушилъ врата мѣднага, и вореи желѣзныя сломилъ.

Безразсудные страдали за беззаконные пути свои и за неправды свои; отъ всякой пищи отвращалась душа ихъ, и они приближались ко вратамъ смерти.

Но возвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ; послалъ слово Свое, и испѣли ихъ, и избавилъ ихъ отъ могилъ ихъ.

Да славятъ господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ!

Да приносятъ Ему жертву хвалы, и да возвѣщаютъ о дѣлахъ Его съ пѣніемъ!

Отправляющіеся на корабляхъ въ море, производящіе дѣла на большихъ водахъ, видятъ дѣла Господа и чудеса Его въ пучинѣ: Онъ речетъ, — и возстаетъ бурный вѣтеръ, и высоко подымаетъ волны его. Восходитъ до небесъ, нисходитъ до бездны; душа ихъ

истаеваетъ въ бѣдствіи. Они кружатся и шатаются, какъ пьяные, и вся мудрость ихъ исчезаетъ.

Но возвали къ Господу въ скорби своей, и Онъ вывелъ ихъ изъ бѣдствія ихъ. Онъ превращаетъ бурю въ тишину, и волны умолкаютъ. И веселятся, что онѣ утихли, и Онъ приводить ихъ къ желаемой пристани.

Да славить Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ сыновъ человѣческихъ! Да превозносятъ Его въ собраніи народномъ, и даславятъ Его въ сонмѣ старѣшинъ!

Онъ превращаетъ рѣки въ пустыню и источники водъ—въ сушу, землю плодородную — въ солончатую, за нечестіе живущихъ на ней.

Онъ превращаетъ пустыню въ озеро, и землю изсохшую въ источникъ водъ; и поселяетъ тамъ алчущихъ, и они строятъ городъ для обитанія; засѣваютъ поля, насаждаютъ виноградники, которые приносятъ имъ обильные плоды. Онъ благословляетъ ихъ, и они весьма размножаются, и скота ихъ не умаляетъ.

Уменьшились они, и упали отъ угнетенія, бѣдствія и скорби; Онъ изливаетъ безчестіе на князей, и оставляетъ ихъ блуждать въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ путей:

Бѣднаго же извлекаетъ изъ бѣдствія, и умножаетъ родъ его, какъ стада овецъ.

Праведники видятъ сіе, и радуются, а всякое нечестіе заграждаетъ уста свои.

Кто мудръ, тотъ замѣтить сіе, и уразумѣть милость Господа. (Псал. 106.)

Славлю Тебя, Господа, всѣмъ сердцемъ моимъ въ совѣтѣ праведныхъ и въ собраніи.

Велики дѣла Господни, вожделѣнны для всѣхъ, любящихъ оныя.

Дѣло Его—слава и красота, и правда Его пребываетъ вовѣкъ.

Памятными содѣлалъ Онъ чудеса Свои; милостивъ и щедръ Господь.

Пищу даетъ боящимся Его; вѣчно помнить завѣтъ Свой.

Силу дѣлъ Своихъ явилъ Онъ народу Своему, чтобы дать ему наслѣдіе язычниковъ.

Дѣла руки Его истина и судъ; всѣ заповѣди Его вѣрны, тверды на вѣки и вѣки, основаны на истинѣ и правотѣ.

Избавленіе послалъ Онъ народу Своему; заповѣдалъ на вѣки завѣтъ Свой. Свято и страшно имя Его!

Начало мудрости страхъ Господень; разумъ вѣрный у всѣхъ исполняющихъ заповѣди Его. Хвала Ему пребудетъ вовѣкъ. (Псал. 110.)

Блаженъ мужъ, боящійся Господа и крѣпко любящій заповѣди Его.

Сильно будетъ на землѣ сѣмѧ его; родъ правыхъ благословится. Обиліе и богатство въ домѣ его, и правда его пребываетъ вовѣкъ.

Въ тѣмѣ восходитъ свѣтъ правымъ; благъ онъ и милосердъ и праведеніе.

Добрый человѣкъ милуетъ и взаимы даетъ; онъ дастъ твердость словамъ своимъ на судѣ. Онъ вовѣкъ не поколеблется; въ вѣчной памяти будетъ праведникъ.

Не убоится худой молвы; сердце его твердо, уповая на Господа. Утверждено сердце его; онъ не убоится, когда посмотритъ на враговъ своихъ.

Онъ расточилъ, раздалъ нищимъ; правда его пребываетъ во вѣки; рогъ его вознестся во славѣ.

Нечестивый увидитъ это, и будетъ досадовать, заскражещетъ зубами своими, и истаетъ. Желаніе нечестивыхъ погибнетъ. (Псал. 111.)

Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне.

Да будетъ имя Господне благословенно отнынѣ и вовѣкъ.

Отъ восхода солнца до запада да будетъ прославляемо имя Господне.

Высокъ надъ всѣми народами Господь; надъ небесами слава Его.

Кто, какъ Господь, Богъ нашъ, который, обитая на высотѣ, приклоняется, чтобы призирать на небо и землю; изъ праха подымаетъ бѣднаго, изъ бренія возвышаетъ нищаго, чтобы посадить его съ князьями, съ князьями народа его; неплодную вселяетъ въ его домъ матерью, радующеюся о дѣтяхъ? Аллілуйя! (Пс. 112.)

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его.
Да скажетъ нынѣ домъ Израилевъ: Онъ благъ, ибо во вѣкъ
милость Его.

Да скажетъ нынѣ домъ Аароновъ: Онъ благъ, ибо во вѣкъ
милость Его.

Да скажутъ нынѣ боящіеся Господа: Онъ благъ, ибо во вѣкъ
милость Его.

Изъ тѣсноты воззвалъ я къ Господу, и услышалъ меня, и на
пространное мѣсто вывелъ меня Господь.

Господь за меня, не устрашусь: что сдѣлаетъ мнѣ человѣкъ?
Господь мнѣ помощникъ: буду смотрѣть на враговъ моихъ.
Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человѣка.
Лучше уповать на Господа нежели надѣяться на князей.
Всѣ народы окружили меня; но именемъ Господнимъ я низло-
жилъ ихъ.

Обступили меня, окружили меня; но именемъ Господнимъ я
низложилъ ихъ.

Окружили меня, какъ пчелы сотъ, и угасли, какъ огонь въ
тернѣ; именемъ Господнимъ я низложилъ ихъ.

Сильно толкнули меня, чтобы я упалъ: но Господь поддержалъ
меня.

Господь сила моя и пѣснъ; Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ.
Гласть радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ: десница
Господня творитъ силу!

Не умру, но буду жить и возвѣщать дѣла Господни.
Строго наказалъ меня Господь; но смерти не предалъ меня.
Отворите мнѣ врата правды; войду въ нихъ, прославлю Госпо-
да. Вотъ врата Господа; праведные войдутъ въ нихъ.

Славлю Тебя, что Ты услышалъ меня, и содѣлался моимъ спа-
сеніемъ.

Камень, который отвергли строители, содѣлался главою угла.
Это отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ.
Сей день сотворилъ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ
оный!

О, Господи, спаси же! О, Господи, споспѣшествуй же!
Благословенъ грядущій во имя Господне! Благославляемъ васъ
изъ дома Господня.

Богъ — Господь, и осиялъ насть; вяжите вервами жертву, ведите
къ рогамъ жертвеннника.

Ты Богъ мой: буду славить Тебя; Ты Богъ мой: буду превоз-

носить Тебя; буду славить Тебя, ибо Ты услышалъ меня и содѣ-
лался моимъ спасеніемъ.

Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его.
(Псал. 117.)

Блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законѣ Господнемъ.

Блаженны хранящіе откровенія Его, всѣмъ сердцемъ ищущіе
Его.

Они не дѣлаютъ беззаконія, ходятъ путями Его.

Ты заповѣдалъ повелѣнія Твои хранить твердо. О, если бы
направились пути мои къ соблюденію уставовъ Твоихъ! Тогда я
не постыдился бы, взирая на всѣ заповѣди Твои; я славилъ бы
Тебя въ правотѣ сердца, поучаясь судамъ правды Твоей.

Буду хранить уставы Твои; не оставляй меня совсѣмъ.

Какъ юношѣ содергать въ чистотѣ путь свой? Храненіемъ
себя по слову Твоему.

Всѣмъ сердцемъ моимъ ишу Тебя; не дай мнѣ уклониться отъ
заповѣдей Твоихъ.

Въ сердцѣ моемъ сокрылъ я слово Твое, чтобы не грѣшить
предъ Тобою.

Благословенъ Ты, Господи! научи меня уставамъ Твоимъ.

Устами моими возвѣщалъ я всѣ суды усть Твоихъ.

На пути откровеній Твоихъ я радуюсь, какъ во всякомъ богатствѣ.

О заповѣдяхъ Твоихъ размышиляю, и взираю на пути Твои.

Уставами Твоими утѣшаюсь: не забываю слова Твоего.

Яви милость рабу Твоему, и буду жить и хранить слово Твое.

Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего.

Странникъ я на землѣ; не скрывай отъ меня заповѣдей Твоихъ.

Истомилась душа моя желаніемъ судовъ Твоихъ во всякое время.

Ты укротилъ гордыхъ, прохлѣтыхъ, уклоняющихся отъ запо-
вѣдей Твоихъ.

Сними съ меня поношеніе и посрамленіе, ибо я храню откro-
венія Твои.

Князья сидятъ и сговариваются противъ меня; а рабъ Твой
размышиляетъ объ уставахъ Твоихъ.

Откровенія Твои — утѣшеніе мое, и уставы Твои — совѣтники мои.

Душа моя повержена въ прахъ; оживи меня по слову Твоему.

Объявилъ я пути мои, и Ты услышалъ меня; научи меня уста-
вамъ Твоимъ.

Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ, и буду размышлять о чудесахъ Твоихъ.

Душа моя истаевается отъ скорби: укрѣпи меня по слову Твоему. Удали отъ меня путь лжи, и законъ Твой даруй мнѣ. Я избралъ путь истины, поставилъ предъ собою суды Твои. Я прильпилъ къ откровеніямъ Твоимъ, Господи; непостыди меня. Потеку путемъ заповѣдей Твоихъ, когда Ты разширишь сердце мое. Укажи мнѣ, Господи, путь уставовъ Твоихъ, и я буду держаться его до конца.

Вразуми меня, и буду соблюдать законъ Твой, и хранить его всѣмъ сердцемъ.

Поставь меня на стезю заповѣдей Твоихъ, ибо я возжелалъ ея. Приклони сердце мое къ откровеніямъ Твоимъ, а не къ корысти.

Отврати очи мои, чтобы не видѣть суеты; животвори меня на пути Твоемъ.

Утверди слово Твое рабу Твоему, ради благоговѣнія предъ Тобою.

Отврати поношеніе мое, котораго я страшусь; ибо суды Твои благи.

Вотъ, я возжелалъ повелѣній Твоихъ; животвори меня правдою Твою.

Да прійдуть ко мнѣ милости Твои, Господи, спасеніе Твое по слову Твоему.

И я дамъ отвѣтъ поносящему меня: ибо уповаю на слово Твое.

Не отнимай совсѣмъ отъ устъ моихъ слова истины; ибо я уповаю на суды Твои; и буду хранить законъ Твой всегда, во вѣки и вѣки.

Буду ходить свободно; ибо я взыскаль повелѣній Твоихъ.

Буду говорить обѣ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями, и не постыжусь.

Буду утѣшаться заповѣдями Твоими, которыя возлюбилъ.

Руки мои буду простираять къ заповѣдямъ Твоимъ, которыя возлюбилъ, и размышлять обѣ уставахъ Твоихъ.

Вспомни слово къ рабу Твоему, на которое Ты велѣль мнѣ уповать. Это утѣшеніе въ бѣдствіи моемъ, что слово Твое оживляеть меня.

Гордые крайне ругались надо мною; но я не уклонился отъ закона Твоего. Вспоминаль суды Твои, Господи, отъ вѣка, и утѣшался.

Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой.

Уставы Твои были пѣснями моими на мѣстѣ странствованій моихъ.

Ночью вспоминаль я имя Твое, Господи, и хранилъ законъ Твой. Онъ сталъ моимъ, ибо повелѣнія Твои храню.

Удѣль мой, Господи; сказалъ я, соблюдать слова Твои.

Молился я Тебѣ всѣмъ сердцемъ: помилуй меня по слову Твоему.

Размышлялъ о путяхъ моихъ, и обращалъ стопы мои къ откровеніямъ Твоимъ.

Сѣшилъ и не медлилъ соблюдать заповѣди Твой.

Сѣти нечестивыхъ окружили меня; но я не забывалъ закона Твоего.

Въ полночь вставалъ славословить Тебя за праведные суды Твой.

Общникъ я всѣмъ боящимся Тебя и хранящимъ повеленія Твой.

Милости Твоей, Господи, полна земля; научи меня уставамъ Твоимъ.

Благо сотворилъ Ты рабу Твоему, Господи, по слову Твоему.

Доброму разумѣнію и вѣдѣнію научи меня; ибо заповѣдямъ Твоимъ я вѣрю.

Прежде страданія моего я заблуждалъ; а нынѣ слово Твое храню.

Благъ и благодѣтель Ты, Господи; научи меня уставамъ Твоимъ.

Гордые сплетаются на меня ложь; я же всѣмъ сердцемъ буду хранить повелѣнія Твои.

Ожирѣло сердце ихъ, какъ тукъ; я же закономъ Твоимъ утѣшаюсь.

Благо мнѣ, что я пострадалъ, дабы научиться уставамъ Твоимъ.

Законъ усть Твоихъ для меня лучше тысячи золота и серебра.

Руки Твои сотворили меня и устроили меня; вразуми меня, и научусь заповѣдямъ Твоимъ.

Боящіеся Тебя увидѣтъ меня, и возрадуются, что я уповаю на слово Твое.

Знаю, Господи, что суды Твои праведны, и по справедливости Ты наказалъ меня.

Да будетъ же милость Твоя утѣшеніемъ моимъ, по слову Твоему къ рабу Твоему.

Да прійдетъ ко мнѣ милосердіе твое, и я буду жить: ибо законъ Твой утѣшеніе мое.

Да будуть постыжены гордые, ибо безвинно угнетаютъ меня; я размышляю о повелѣніяхъ Твоихъ.

Да обратятся ко мнѣ боящіеся Тебя и знающіе откровенія Твои.

Да будетъ сердце мое непорочно въ уставахъ Твоихъ, чтобы я не посрамился.

Истаевается душа моя о спасеніи Твоемъ; уповаю на слово Твое.

Истаеваются очи мои о словѣ Твоемъ; я говорю: когда Ты утѣшишь меня?

Я сталъ, какъ мѣхъ въ дыму: но уставовъ Твоихъ не забылъ.

Сколько дней раба Твоего? Когда произведешь судъ надъ гонителями моими?

Яму вырыли мнѣ гордые, вопреки закону Твоему.

Всѣ заповѣди Твои—истина; не справедливо преслѣдуютъ меня; помоги мнѣ.

Едва не погубили меня на землѣ, но я не оставилъ повелѣній Твоихъ.

По милости Твоей оживляй меня, и буду хранить откровенія усть Твоихъ.

На вѣки, Господи, слово Твое утверждено на небесахъ; истина Твоя въ родѣ и родѣ. Ты поставилъ землю, и она стоитъ.

По опредѣленіямъ Твоимъ* все стоять до нынѣ; ибо все служить Тебѣ.

Еслибы не законъ Твой былъ утѣшениемъ моимъ, погибъ бы я въ бѣдствіи моемъ.

Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо ими Ты оживляешь меня.

Твой я, спаси меня; ибо я взыскалъ повелѣній Твоихъ.

Нечестивые подстерегаютъ меня, чтобы погубить: а я углубляюсь въ откровенія Твои.

Я видѣлъ предѣлъ всякаго совершенства; но Твоя заповѣдь безмѣрно обширна.

Какъ люблю я законъ Твой! Весь день размышляю о немъ.

Заповѣдю Твою Ты содѣлалъ меня мудрѣе враговъ моихъ; ибо она всегда со мною.

Я сталъ разумнѣе всѣхъ учителей моихъ; ибо размышляю объ откровеніяхъ Твоихъ.

Я свѣдущъ болѣе старцевъ; ибо повелѣнія Твои храню.

Ото всякаго злого пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое.

Отъ судовъ Твоихъ не уклоняюсь, ибо Ты научаешь меня.

Какъ сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устамъ моимъ.

Повѣленіями Твоими я вразумленъ; потому ненавижу всякий путь лжи.

Слово Твое свѣтильникъ ногъ моей и свѣтъ стезѣ моей.

Я клялся хранить праведные суды Твои, и исполни.

Сильно угнетенъ я, Господи; оживи меня по слову Тоему.

Благоволи же, Господи, принять добровольную жертву усть моихъ, и судамъ Твоимъ научи меня.

Душа моя непрестанно въ рукѣ моей; но закона Твоего незабывала.

Нечестивые поставили для меня сѣть; но я не уклонился отъ повелѣній Твоихъ.

Откровенія Твои я принялъ, какъ наслѣдіе на вѣки; ибо они веселіе сердца моего.

Я приклонилъ сердце мое къ исполненію уставовъ Твоихъ на вѣкъ до конца.

Вымысловъ человѣческихъ ненавижу, а законъ Твой люблю.

Ты покровъ мой и щитъ мой; на слово Твое уповаю.

Удалитесь отъ меня, беззаконные; и буду хранить заповѣди Бога моего.

Укрѣпи меня по слову Твоему, и буду жить; не посрами меня въ надеждѣ моей.

Поддержи меня, и спасусь, и въ уставы Твои буду вникать непрестанно.

Всѣхъ, отступающихъ отъ уставовъ Твоихъ, Ты низлагашь; ибо ухищренія ихъ — ложь.

Какъ изгарь, отматаешь Ты всѣхъ нечестивыхъ земли; потому я возлюбилъ откровенія Твои.

Трепещетъ отъ страха Твоего плоть моя, и судовъ Твоихъ я боюсь.

Я совершилъ судъ и правду; не предай меня гонителямъ моимъ.

Заступи раба Твоего ко благу его, чтобы не угнетали меня гордые.

Истаеваются очи мои, ожидая спасенія Твоего и слова правды Твоей.

Сотвори съ рабомъ Твоимъ по милости Твоей, и уставамъ Твоимъ научи меня.

Я рабъ Твой: вразуми меня, и познаю откровенія Твои.
Время Господу дѣйствовать: законъ Твой разорили.
А я люблю заповѣди Твои болѣе золота, и золота чистаго.
Всѣ повелѣнія Твои, всѣ признаю справедливыми; всякий путь
лжи ненавижу.

Дивны откровенія Твои; потому хранить ихъ душа моя.
Откровеніе словъ Твоихъ просвѣщаетъ, вразумляетъ простыхъ.
Открываю уста мои, и вздыхаю; ибо заповѣдей Твоихъ жажду.
Призри на меня и помилуй меня, какъ поступаешь съ любя-
щими имя Твое.

Утверди стопы мои въ словѣ Твоемъ, и не дай овладѣть мною
никакому беззаконію.

Избавь меня отъ угнетенія человѣческаго, и буду хранить по-
велѣнія Твои.

Осій раба Твоего свѣтомъ лица Твоего, и научи меня уста-
вамъ Твоимъ.

Изъ глазъ моихъ текутъ потоки водъ отъ того, что не хранятъ
закона Твоего.

Праведенъ Ты, Господи, и справедливы суды Твои.

Откровенія Твои, которыя Ты заповѣдалъ, правда и совершен-
ная истина.

Ревность моя снѣдаетъ меня, потому что мои враги забыли
слова Твои.

Слово Твое весьма чисто, и рабъ Твой возлюбилъ его.

Малъ я и презрѣнъ; но повелѣній Твоихъ не забываю.

Правда Твоя—правда вѣчная, и законъ Твой—истина.

Скорбь и горесть постигли меня; заповѣди Твои утѣшеніе мое.

Правда откровеній Твоихъ вѣчна: вразуми меня и буду жить.

Взываю всѣмъ сердцемъ моимъ: услыши меня, Господи; и со-
храню уставы Твои.

Призываю Тебя; спаси меня, и буду хранить откровенія Твои.

Предваряю разсвѣтъ, и взываю; на слово Твое уповаю.

Очи мои предваряютъ утреннюю стражу, чтобы мнѣ углубляться
въ слово Твое.

Услыши гласъ мой по милости Твоей, Господи; по суду Твоему
оживи меня.

Приблизились замышляющіе лукавство; далеки они отъ закона
Твоего.

Близокъ Ты, Господи, и всѣ заповѣди Твои истина.

Издавна узналъ я объ откровеніяхъ Твоихъ, что Ты утвердилъ
ихъ на вѣки.

Воззри на бѣдствіе мое, и избавь меня; ибо я не забываю за-
кона Твоего.

Вступись въ дѣло мое, и защити меня; по слову Твоему оживи
меня.

Далеко отъ нечестивыхъ спасеніе; ибо они уставовъ Твоихъ не
ишутъ.

Много щедротъ Твоихъ, Господи; по суду Твоему оживи меня.

Много у меня гонителей и враговъ; но отъ откровеній Твоихъ
я не удаляюсь.

Вижу отступниковъ, и сокрушаюсь, ибо они не хранятъ слова
Твоего.

Зри, какъ я люблю повелѣнія Твои; по милости Твоей, Господи,
оживи меня.

Основаніе слова Твоего истинно, и вѣченъ всякий судъ правды
Твоей.

Князья гонять меня безвинно; но сердце мое боится слова
Твоего.

Радуюсь я слову Твоему, какъ получившій великую прибыль.

Ненавижу ложь и гнашаюсь ею; законъ же Твой люблю.

Седмикратно въ день прославляю Тебя за суды правды Твоей.

Великъ миръ у любящихъ законъ Твой, и нѣтъ имъ преткно-
венія.

Уповаю на спасеніе Твое, Господи, и заповѣди Твои исполняю.

Душа моя хранить откровенія Твои, и я люблю ихъ крѣпко.

Храню повелѣнія Твои и откровенія Твои; ибо всѣ пути мои
предъ Тобою.

Да приблизится воцѣлѣ мой предъ лицѣ Твое, Господи; по слову
Твоему вразуми меня.

Да приѣдетъ моленіе мое предъ лицѣ Твое; по слову Твоему из-
бавь меня.

Уста мои произнесутъ хвалу, когда Ты научишь меня уста-
вамъ Твоимъ.

Языкъ мой возгласить слово Твое; ибо всѣ заповѣди Твои пра-
ведны.

Да будетъ рука Твоя въ помощь мнѣ; ибо я повелѣнія Твои
избралъ.

Жажду спасенія Твоего, Господи, и законъ Твой утѣшеніе мое.

Да живеть душа моя, и славить Тебя, и суды Твои да помо-
гутъ мнѣ.

Я заблудился, какъ овца потерянная: взыщи раба Твоего; ибо
я заповѣдей Твоихъ не забылъ. (Псал. 118).

Господи! къ Тебѣ взывало; поспѣши ко мнѣ, внемли голосу мол-
ленія моего, когда взываю къ Тебѣ.

Да направится молитва моя, какъ єиміамъ, предъ лицо Твое,
воздѣяніе рукъ моихъ, какъ жертва вечерня.

Положи, Господи, охрану устамъ моимъ; и огради двери усть
моихъ; не дай уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для
извиненія дѣлъ грѣховныхъ вмѣстѣ съ людьми, дѣлающими беззак-
оніе, и да не вкушу я отъ сластей ихъ.

Пусть наказываетъ меня праведникъ, это милость; пусть облича-
етъ меня, это лучшій елей, который не повредитъ головѣ моей;
но мольбы мои противъ злодѣйствъ ихъ.

Къ Тебѣ, Господи, Господи, очи мои; на Тебя уповаю, не от-
ринь души моей!

Сохрани меня отъ силковъ, поставленныхъ для меня, отъ тѣ-
неть беззаконниковъ.

Падутъ нечестивые въ сѣти свои, а я перейду. (Псал. 140).

Много тѣснили меня отъ юности моей, да скажетъ Израиль;
много тѣснили меня отъ юности моей, но не одолѣли меня.

На хребтѣ моемъ орали оратан, проводили длинныя борозды
свои.

Но Господь праведенъ; Онъ разсѣкъ узы нечестивыхъ.

Да постыдятся и обратятся назадъ всѣ, ненавидящіе Сіонъ.

Да будутъ, какъ трава на кровляхъ, которая прежде, нежели
будетъ исторгнута, засыхаетъ, второго жнеца не наполнить руки
своей, и вяжущій снопы—горсти своей; и проходящіе мимо не ска-
жутъ: благословеніе Господне на вѣсѣ; благославляемъ вѣсѣ именемъ
Господнимъ! (Псал. 128).

Если бы не Господь былъ съ нами, да скажетъ Израиль.—Если
бы не Господь былъ съ нами, когда возстали на насъ люди, то
живыхъ они поглотили бы насъ, когда возгорѣлась ярость ихъ

на насъ; воды потопили бы насъ; потокъ прошелъ бы надъ душою
нашою; прошли бы надъ душою нашою воды бурныя.

Благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ
ихъ!

Душа наша избавилась, какъ птица, изъ сѣти ловящихъ; сѣть
расторгнута, и мы избавились.

Помощь наша отъ имени Господа, сотворшаго небо и землю.
(Псал. 128).

Когда возвращалъ Господь плѣнъ Сіона, мы были какъ бы ви-
дящіе во снѣ.

Тогда уста наши были полны веселія, и языки наши—пѣнія;
тогда между народами говорили: великое сотворилъ Господь надъ
ними!

Великое сотворилъ Господь надъ нами: мы радовались.

Возврати, Господи, плѣнниковъ нашихъ, какъ потоки на полу-
день.

Съявшіе со слезами, будуть пожинать съ радостію.

Съ плачемъ несущій сѣмена, возвратится съ радостію, неся
снопы свои. (Псал. 125).

Надѣющійся на Господа, какъ гора Сіонъ, не подвигнется, пре-
бываетъ во вѣкъ.

Горы окресть Иерусалима, а Господь окресть народа Своего от-
ныѣ и во вѣкъ.

Ибо не оставитъ Господь жезла нечестивыхъ надъ жребіемъ
праведныхъ, дабы праведные не простерли руки своихъ къ беззак-
онію.

Благотвори Господи, добрымъ и правымъ въ сердцахъ своихъ.

А соврашающихъ на кривые пути свои да оставитъ Господь
ходить съ дѣлающими беззаконіе. Миръ на Израія! (Псал. 124).

Если Господь не созиждеть дома, напрасно трудятся строющіе
его; если Господь не охраняетъ города, напрасно бодрствуетъ стражъ.

Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, ядите хлѣбъ
печали, тогда какъ возлюбленному Своему Онъ даетъ сонъ.

Вотъ наслѣдіе отъ Господа: дѣти; награда отъ Него — плодъ
чрева.

Что стрѣлы въ руки сильнаго, то сыновья молодые.

Блаженъ человѣкъ, который наполнилъ ими колчанъ свой! Не
останутся они въ стыдѣ, когда будутъ говорить съ врагами въ воро-
тахъ. (Псал. 126).

Блаженъ всякий боящійся Господа, ходящій путями Его.

Ты будешь ъсть отъ трудовъ рука твоихъ; блаженъ ты, и благо тебѣ!

Жена твоя, какъ плодовитая лоза, въ домѣ твоемъ; сыновья твои, какъ масличная вѣтви, вокругъ трапезы твоей.

Такъ благословится человѣкъ, боящійся Господа!

Благословить тебя Господь съ Сиона, и увидишь благоденствіе Иерусалима во всѣ дни жизни твоей.

Увидишь сыновей у сыновей твоихъ. Миръ на Израиля! (Псал. 127).

Благословенъ Господь, твердыня моя, научающей руки мои бить и персты мои браны, милость моя и огражденіе мое, прибѣжище мое и избавитель мой, щитъ мой,—и я на Него уповаю; Онъ подчиняетъ мнѣ народъ мой.

Господи! что есть человѣкъ, что ты знаешь о немъ, и сынъ человѣческій, что Ты обращаешь на него вниманіе?

Человѣкъ подобенъ дуновенію; дни его, какъ уклоняющаяся тѣнь.

Господи! Приклони небеса Твои, и сойди; коснись горъ, и вздымятся.

Елесни молнію, и разсѣй ихъ; пусти стрѣлы Твои, и разстрой ихъ.

Простри съ высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня отъ водъ многихъ, отъ руки сыновъ иноплеменныхъ, которыхъ уста говорятъ суетное, и которыхъ десница — десница лжи.

Боже! новую пѣснь воспою тебѣ, на десятиструнной псалтири воспою тебѣ, дарующему спасеніе царямъ и избавляющему Давида, раба Своего, отъ лютаго меча.

Избавь меня и спаси меня отъ руки сыновъ иноплеменныхъ, которыхъ уста говорятъ суетное, и которыхъ десница — десница лжи.

Да будутъ сыновья наши, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости; дочери наши, какъ искусно изваянныя столпы въ чертогахъ.

Да будутъ житницы наши полны, обильны всякимъ хлѣбомъ; да плодятся овцы наши тысячами и тѣмами на пажитяхъ нашихъ; да будутъ волы наши тучны; да не будетъ ни расхищенія, ни пропажи, ни волней на улицахъ нашихъ.

Блаженъ народъ, у котораго это есть. Блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ, (Псал. 143).

Не надѣйтесь на князей, ни сына человѣческаго, въ которомъ не ѿтъ спасенія.

Выходитъ духъ его, и онъ возвращается въ землю свою; въ тотъ день изчезаютъ всѣ помышленія его.

Блаженъ, кому помощникъ Богъ Яковлевъ, у кого надежда на Господа Бога его, сотворившаго небо и землю, море и все что въ нихъ, вѣчно хранящаго вѣрность, творящаго судъ обиженнымъ, дающаго хлѣбъ алчущимъ.

Господь разрѣшаетъ узниковъ; Господь отверзаетъ очи слѣпыхъ, Господь возставляетъ согбенныхъ; Господь любить праведныхъ.

Господь хранить пришельцевъ, поддерживаетъ сироту и вдову; а путь нечестивыхъ изврашаетъ.

Господь будетъ царствовать во вѣки, Богъ твой, Сионъ, въ родѣ и родѣ. Аллилуя! (Псал. 145).

Аллилуя, Аллилуя, Аллилуя!

Слава Тебѣ Боже!

Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Обращение къ дѣтямъ	I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О томъ, что проповѣдуетъ намъ вселенная.

I. Вселенная — книга, перстомъ Божіимъ начертанная	1
II. Какъ представляется нашимъ чувствамъ небо и небесный свѣтила, псаломъ 18	1
III. Что открыли люди своими учеными изслѣдованіями о землѣ, небѣ и небесныхъ свѣтилахъ	5
IV. Чему поучаетъ насъ это; псаломъ 135	10
V. Земля, ея наружный составъ и что внутри земли; псал. 144 .	18
VI. Вода, Іова гл. 38 и псал. 148	19
VII. Зима и лѣто, псалмы 1 и 94	27
VIII. Царство прозиляемыхъ, псал. 138.	34
IX. Рыбы	38
X. Птицы, псал. 83	39
XI. Звѣри и скоты	45
XII. Насѣкомыя	50
XIII. Змѣй, жаба, паукъ	54
XIV. Псалмы 28 и 103, и ода: Богъ	55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О томъ, что намъ говорить здравый смыслъ, возвѣщаютъ св. пророки и свидѣтельствуютъ опытъ и исторія древнаго міра.

I. Тѣлесное устройство человѣка	60
II. Душа человѣка, пс. 8 и 150.	63
III. Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми	67

IV. Падение человека	Стр. 73
V. Родь человеческий до явления Спасителя	75
VI. Патриархи	79
VII. Знамения и чудеса, явленные посланниками Божими. Псал. 134 и 135	—
VIII. Заповеди Божии и законодательство Моисея	81
IX. Пророчества и прообразование о Мессии	85
X. Время предъ явлениемъ Мессии	88

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О томъ, чему учить Христосъ.

I. Рождество Христово	90
II. Преблагословенная Мария и праведный Иосифъ. Псал. 90	91
III. О томъ же и пс. 44	94
IV. Жизнь И. Христа до крещенія и крещеніе	95
V. Постъ и искушение	97
VI. Иоаннъ Креститель и Предтеча и начало проповѣди И. Христа	100
VII. Проповѣдь И. Христа: — а) о покаяніи	101
VIII. — б) о смиреніи и сокрушеніи о грѣхахъ и о милосердіи Божіемъ	102
IX. — в) о безуміи тѣхъ, которые откладываютъ покаяніе и наѣются на свое богатство	104
X. — г) о томъ, что и въ концѣ жизни покаявшіеся получатъ отъ премилосердаго Отца одинаковую награду съ благоременно покаявшимися	105
XI. — д) о милосердіи	106
XII. — е) о кротости, миролюбіи, чистотѣ сердца, правдолюбіи и упованіи на Бога	107
XIII. — ж) о царствіи Божіемъ	108
XIV. — з) о любви	110
XV. — и) о поклоненіи Богу духомъ	111
XVI. — и) о молитвѣ, о неосужденіи другихъ и общемъ правилѣ жизни въ обществѣ людей	112
XVII. — к) о слушаніи слова Божія	113
XVIII. Благодѣянія И. Христа народу и ненависть къ Нему старѣшинъ	114
XIX. Чудеса И. Христа	116
XX. Невѣріе книжниковъ, исповѣданіе Апостоловъ. Господь являетъ Себя пастыремъ добрымъ, хлѣбомъ животнымъ и свѣтомъ міра	120
XXI. Преображеніе Господа	123
XXII. Путешествіе И. Христа въ Иерусалимъ	124
XXIII. Притча о минахъ	130
XXIV. Воскрешеніе Лазаря	132
XXV. Рѣшеніе Синадріона убить И. Христа	134
XXVI. Вечера въ домѣ Симона прокаженного	135

XXVII. Торжественный входъ въ Иерусалимъ	Стр. 136
XXVIII. Проклятие смоковницы	140
XXIX. Господь очищаетъ храмъ отъ торжниковъ	141
XXX. Посланные отъ синадріона спрашиваютъ: какою властію Онъ это дѣлаетъ?	143
XXXI. Фарисеи и Саддукеи искушаютъ И. Христа	149
XXXII. И. Христость обличаетъ лицемѣровъ	152
XXXIII. Господь смотрѣтъ не на лица и щѣпноть даровъ, а на сердца приносящихъ дары	154
XXXIV. Глашъ стъ неба при храмѣ	155
XXXV. Бесѣда Господа съ учениками на Елеонской горѣ	157
XXXVI. Продолженіе той же бесѣды	160
XXXVII. Тоже	161
XXXVIII. Тоже	163
XXXIX. Совѣщаніе старѣшинъ іудейскихъ убить И. Христа и предательство Іуды	164
XL. Предатель Іуды Искаріотскій	—
XLI. Умовеніе Господомъ ногъ апостоламъ	166
XLII. Тайная вечеря	170
XLIII. Прощаціальная бесѣда Господа съ апостолами	171
XLIV. Предсказаніе И. Христа объ отреченіи Петра	173
XLV. Гевсіманскій подвигъ И. Христа	174
XLVI. Самопреданіе Господа	178
XLVII. И. Христость у первовсвященника Ани	180
XLVIII. Отреченіе Петра и его покаяніе	181
XLIX. Первый смертный приговоръ Синадріона	—
L. Поноженіе И. Христа отъ слугъ и стражей	182
LI. Второй смертный приговоръ Синадріона	183
LII. Раскаяніе и самоубійство Іуды	184
LIII. И. Христость на судѣ Пилата	—
LIV. И. Христость на судѣ Ирода	188
LV. И. Христость осуждается Пилатомъ на бичеваніе	190
LVI. Бичеваніе и поруганіе И. Христа воинами	192
LVII. Пилатъ осуждаетъ И. Христа на смерть	193
LVIII. Крестный путь	197
LIX. Распятіе И. Христа	198
LX. Надпись на крестѣ И. Христа	200
LXI. Раздѣлъ одеждъ, насыпки надъ распятымъ Господомъ и поклонная молитва распятаго разбойника	201
LXII. Помраченіе солнца и усыновленіе Иоанна Богоматери	202
LXIII. Смерть И. Христа	203
LXIV. Знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка	205
LXV. Погребеніе И. Христа	207
LXVI. Время дѣйствовать Богу	208
LXVII. Воскресеніе Господа и явленіе Его мироснощамъ	210
LXVIII. Явленіе Его апостоламъ и вознесеніе на небо	212
LXIX. Домостроительство нашего спасенія	215
LXX. Увѣщаніе апостола Павла изъ посланія къ Римлянамъ	226

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ТОМЪ, ЧТО ВОЗВЪЩАЮТЪ НАМЪ СУДЬБЫ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ И НАРОДОВЪ.

I. Сопшествіе Св. Духа на апостоловъ	280
II. Явленіе И. Христа Савлу	281
III. Невѣрующіе! это вѣамъ въ лицѣ Савла явилсѧ Христосъ	284
IV. Но они и теперь къ свидѣтельству Савла относятся таѢ же, какъ относились при его жизни	286
V. Проповѣдь апостоловъ и устройство ими церквей	288
VI. О томъ же	291
VII. О томъ же	—
VIII. О томъ же	242
IX. О томъ же	—
X. Посланіе апостола Іакова	243
XI. Посланіе ап. Петра	244
XII. Посланіе ап. Іоанна	246
XIII. Посланіе ап. Іуды	248
XIV. Посланіе ап. Павла къ Коринтіанамъ	249
XV. Посланіе его къ Евреямъ	250
XVI. Гоненіе христіанъ отъ іудеевъ и язычниковъ	255
XVII. Послѣднее гоненіе при императорахъ Діоклітіанѣ и Галерії .	257
XVIII. Св. мученики: діаконъ Стефанъ и апостолы	259
XIX. Игнатій Богоносецъ	260
XX. Епископъ Поликарпъ	261
XXI. Потамія	262
XXII. Діаконъ Лаврентій	263
XXIII. Волхвы, философы и еретики	264
XXIV. Побѣда Церкви надъ язычествомъ	265
XXV. Судьбы Іудеевъ и Іерусалима	266
XXVI. Продолженіе того же	268
XXVII. Усиліе Іуліана возстановить храмъ Іерусалимскій	269
XXVIII. Ересь Ария	—
XXIX. Первый Вселенскій Соборъ	271
XXX. Гоненіе Константія	272
XXXI. Гоненіе Іуліана	273
XXXII. Гоненіе Валента	—
XXXIII. Новыи ереси	274
XXXIV. Церковь явилась столпомъ и утвержденіемъ истины	275
XXXV. Что сдѣлало Церковь непреоборимою	277
XXXVI. Пустынножители	279
XXXVII. Василій Великій	282
XXXVIII. Объ еретикахъ	288
XXXIX. Варварскіе народы разрушаютъ Западную Римскую имперію и присоединяются къ Церкви	289
XL. Магометъ	290
XLI. Образование магометанскихъ государствъ: сперва Арабскаго— Сарацінскаго, а потомъ Турецкаго	292

XLII. Властолюбіе Римскихъ Папъ	294
XLIII. Римскій расколъ	297
XLIV. Тѣснота истинной Церкви Христовой и ея твердость	298
XLV. Образованность западныхъ народовъ	300
XLVI. Мартынъ Лютеръ	303
XLVII. Лютеранская церковь не есть церковь Христова-Соборная- Апостольская	304
XLVIII. Ереси и лже-мудрованія, возникшія послѣ Лютера на западѣ .	307
XLIX. Вражда лжемімленной мудрости противъ Христа	309
L. Другія нравственныя язвы запада	311
LI. Тлетворнія ученія запада проникаютъ въ наше отечество и устремляются на Церковь Христову	—
LII. Оплотъ противъ невѣрія	313
LIII. Сѣти враговъ Христа для уловленія вѣрующихъ	316
LIV. О троичности Божества	317
LV. Богъ — Творецъ міра	320
LVI. Тайны мірозданія	322
LVII. Прапорители въ раю	323
LVIII. Искущеніе и паденіе працодателей	326
LIX. Мы на самомъ опытѣ можемъ видѣть, какъ потерявшій вѣру въ Бога человѣкъ дѣлается ското- или змѣеобразнымъ жи- вотнымъ	327
LX. Четверо-Евангеліе какъ неприступныя стѣны ограждаютъ церковь .	331
LXI. Любовь проявляется въ жертвахъ	333
LXII. Откровеніе и чудеса не противурѣчать понятію о правдѣ Бо- жіей	334
LXIII. Промыслъ Божій въ судьбахъ Русскаго народа	335
LXIV. Славяне! вотъ въ чемъ ваша слава!	337
LXV. Понимаемъ ли мы: какимъ сокровищемъ обладаемъ?	339
Заключеніе	346

Псалмы покаянныя: 68, 24, 50, 87, 85, 69, 70, 129 и 122.

Псалмы покаянныя: 68, 24, 50, 87, 85, 69, 70, 129 и 122.

Псалмы хвалебныя: 114, 119, 120, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 105, 106,

110, 111, 112, 117.

Бесѣда вѣрующаго съ Богомъ: пс. 118.

Пѣсни восхожденія: пс. 140, 123, 128, 125, 124, 126, 127, 145.